

Ваше благородие

Глава 1

В году одна тысяча девятьсот шестидесятом от рождества Христова семидесяти восьми лет от роду преставился раб Божий, постоянный и почётный член Государственного совета, его высокоблагородие, полковник армейской пехоты в отставке, флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества и мой многолетний начальник и наставник Туманов Олег Васильевич. Человек незаурядного ума и энциклопедических знаний он был в гуще всех событий и генерировал многие идеи научно-технического развития России и выбора ею политического пути. И что интересное, если спросить любого человека, кто такой полковник Туманов, тот удивлённо пожмёт плечами и скажет, да мало ли сколько сейчас полковников. Как в Корее, куда ни кинь палку, обязательно попадёшь то в одного, а то и в двух полковников сразу.

Что-то писать о своём начальнике я не собирался. Кто я такой? Терентьев Христофор Иванович. Обыкновенный канцелярский служащий. Дослужился до старшего писаря, носил погоны с тремя белыми лычками и думал, чем я буду заниматься, когда закончится срок моей срочной службы. Нет, так не по-канцелярски: срок срочной службы. Лучше: когда закончится срочная служба. Почерк у меня был хороший, писал без ошибок, был расторопным, норов свой не казал, чтобы начальство не сердить, а корешкам своим спуску не давал, чтобы не заклевали. И тут появился он. Молодой штабс-капитан из далёкого сибирского города, где он поручиком командовал ротой в губернском казачьем кадетском училище. А с ним пришли и легенды, что он за два дня дослужился от вольноопределяющегося до прапорщика. Что он терял память, а потом всё вспомнил, и что он лично известен императорской фамилии, и что он не зря переведён из провинции в столицу. Вот тут я и подумал, что за этого человека нужно держаться двумя руками. Всё, что от меня требовалось, это быстро выполнять все поручения и держать язык за зубами. Что я и делал. Перед самой войной я был полковым писарем, это как бы фельдфебель у строевых, затем подпрапорщиком, после войны стал зауряд-прапорщиком, так как был назначен начальником канцелярии на офицерской должности у полковника Туманова, а в отставку вышел уже поручиком с военным пенсионом и правом ношения мундира.

Пришла ко мне вдова усопшего Марфа Никаноровна Туманова-Веселова и передала записки моего бывшего начальника с просьбой разобраться в них и написать при возможности мемуарную книгу так, чтобы люди, знавшие полковника Туманова, вспомнили его, не забывали и рассказывали своим детям об этом замечательном человеке.

- Очень он вас уважал, Христофор Иванович, - сказала Марфа Никаноровна, - да и вы для нас давно стали своим человеком. Есть у меня ещё одна мысль, боюсь её кому-то высказать кроме вас, но только вы не подумайте чего-то плохого и если посчитаете её сумасшедшей, то так и скажите.

Марфа Никаноровна была старше моего начальника, но женщины у нас в стране живут намного дольше мужчин, и женщина она умная, образованная, дипломированный врач, людям органы пересаживает, мёртвых оживляет, но видно, что боится тех мыслей, какие её одолевают. Мне тоже не с руки у неё их выпытывать. Пусть сама решится.

- Сдаётся мне, Христофор Иванович, - сказала она, - что нет в гробу супруга моего. Все видели, как его хоронили, но вот чувствую я, что нет его в домовине.

- Да где же он может быть? – изумился я. – Не Господь же Бог призвал его к себе в царствие небесное. Душа-то его давно уже там, а тело брренное в раю совсем не нужно.

- Откуда вы это знаете, Христофор Иванович? – засомневалась Марфа Никаноровна. – Я уже давно попам нашим не верю. Если бы не они, мы давно бы уже вперёд шагали семимильными шагами и могли выяснить действительное наличие преисподней и царствия небесного.

- Окститесь, Марфа Никаноровна, - остановил я женщину, - это уже похоже на богохульство, а вот на каком основании мы можем проводить эксгумацию супруга вашего покойного, я даже в голову взять не могу.

- А вы почитайте записки супруга моего, тогда и у вас могут закрасться мысли о том, что нужно обязательно удостовериться в том, на месте ли его тело, - сказала Марфа Никаноровна. - Он писал их в году одна тысяча девятьсот пятьдесят девятом, как будто знал, что уже нужно подводить итоги. Я там к каждой части свои пояснения сделала и знаю, что он человек не нашего времени и мог вернуться к себе, в своё время. Вы, человек в разных канцелярских премудростях искушённый, возможно, что-то и придумаете, а кроме как к вам, мне и обратиться с такой просьбой не к кому. Никто же не поверит. Хорошо, если только пальцем у виска покрутят.

Я взял рукопись и заверил женщину, что мы что-нибудь придумаем. В душе я верил ей, потому что начальник мой был человеком особенным. Взять хотя бы тот случай, когда по его просьбе тульские умельцы смастерили патронную ленту для его револьвера. Он сам нарисовал чертёж и разработал проволоочное скрепление патронных звеньев. Зато потом на офицерских соревнованиях он поразил всех, двадцать раз выстрелив без перезарядки. И он же своё изобретение забросил, как неперспективное. Вдаль человек глядел, а из игрушек всяких потом получают очень даже дельные вещи.

Надо сказать, что мне тоже нужно свои записки о моей работе посмотреть. Когда меня назначили в качестве секретаря к штабс-капитану Туманову, то вызвали меня в секретариат Главного штаба, а там в небольшой комнатке меня ожидал начальник жандармского управления по Главному штабу полковник Петровас Сергей Васильевич. Пригласил присесть, налил стакан чая с сушками и давай ворковать, что я чуть ли не самый лучший унтер-офицер, которому доверили важную задачу по охране и сохранению секретов, известных моему новому начальнику и что я должен помочь жандармскому управлению в вопросах безопасности и борьбы с врагами, которые собираются украсть наши секреты.

Что тут сказать полковнику? Не будет же старший унтер-офицер, старший писарь говорить, что типа, я не стукач и стучать на своего начальника не собираюсь. Тут моя карьера и была бы спета, уехал бы рядовым куда-нибудь в Туруханский край охранять штабеля дров.

- Так точно, - говорю полковнику, вскочив со стула.

- Да ты сиди, братец, - ласково так говорит он, - настояться ещё успеешь. Тут только заковыка такая: мы не можем подойти к его благородию господину Туманову и сказать, что у вас не все в порядке. Нам нужно какое-то основание, а вот этим основанием будет твой сигнал.

- Понял, - сказал я, - а этот сигнал как свистком или маханием руки подавать?

- Экий какой ты бестолковый, братец, - терпеливо сказал полковник, - сигнал - это записка, написанная тобой, в которой ты подробненько всё и опишешь. А я тебе списочек вопросов дам, которые нас интересуют.

- Да как же так? – возмутился я. – Я все напишу, а канцелярские все прочитают и пойдёт обо мне слава, что я на своего начальника доношу. Нет, я так не согласен. Вы вопрос задавайте, я вам все расскажу, а писать ничего не буду. Любой мою бумагу возьмёт и скажет, вот он какой старший писарь Терентьев Христофор Иванович.

Я давно понял, к чему клонит полковник и просто издевался над ним, изображая из себя наивного простака.

- Да ты не бойся, братец, - уговаривал меня полковник, - никто твою фамилию и имя не узнает, так как ты напишешь другую фамилию.

- Какую другую? – деланно изумился я.

- Какую себе придумаешь, - сказал полковник. – Вот тебе бумага, бери ручку и пиши. Подписка. Я такой-то и такой даю настоящую подписку

жандармскому управлению Главного штаба в том, что буду добросовестно сотрудничать в охране государственных и военных секретов. В целях конспирации все свои донесения буду подписывать псевдонимом... А вот сейчас выбирай себе фамилию, - сказал полковник Петровас.

- Любую? – переспросил я.

- Любую, - подтвердил полковник.

- Халтурин, - сказал я.

- Нет, давай другую, - сказал Петровас.

- Чего так? – не понял я.

- Не надо выбирать фамилии террористов, - сказал он.

- Ну, тогда Колумб, - сказал я.

- А это ещё что за хрень? – начал свирепеть полковник.

- Ну, я Христофор, а фамилию значит придумал Колумб, тот, который Америку открыл, - сказал я.

- Ну, вот что, грамотей, пиши фамилию Разин, раз тебя всё на разбойников да на иностранцев тянет, - сказал жандарм.

Я написал и расписался. Полковник расписочку так аккуратно промокнул мягкой бумагой и в папочку положил.

- Запомни, с этого дня ты Разин и не вздумай никому говорить, а то за разглашение государственных секретов ответственность имеется вплоть до каторжных работ.

В течение последующих трёх месяцев я трижды встречался с полковником Петровасом и докладывал ему, кто приходил к штабс-капитану Туманову и какие чертежи приносили ему на рассмотрение. Эка невидаль, в канцелярии всё это занесено в журналы учёта документов, а список посетителей ведётся в книге учёта. Возьми эти журналы и делай выписки, если так тебе это нужно.

- Это всё хорошо, - говорил мне полковник, - но мне нужно знать, какие они речи ведут, как ругают правительство и государя нашего императора с его супругой. Вот что самое главное.

- Понял, - сказал я, - значит военную тайну мы будем пускать побоку?

- Как это побоку? – встрепенулся полковник. – Давай, выкладывай, что там есть по военной тайне.

- Так что, Ваше высокоблагородие, - доложил я, - почти все изобретатели оружия и техники не держат язык за зубами и везде хвалятся своими разработками, о чём пишут даже в газетах. А враг не дремлет, - и я многозначительно поднял вверх указательный палец. - Фамилий я не знаю, но слышал, что один изобретатель танка пытается пробиться к Его императорскому Величеству, а танк-то совершенно не годный. Вот бы его врагу и подсунуть. Пусть они возятся с этими железяками.

- Молодец, Терентьев, - похвалил меня полковник, - давай, бди, наше дело правое и мы победим.

- Рад стараться, Ваше высокоблагородие, - отрапортовал я, повернулся и вышел из потайной комнатки в секретариате Главного штаба.

Если бы ещё полковник знал, что обо всём я докладывал с санкции Его благородия штабс-капитана Туманова. Анализируя действия своего непосредственного начальника, я безусловно прихожу к выводу о том, что он был не меньшим специалистом в работе, которой заведовал жандармский полковник Петровас. Но об этом я расскажу попозже, по мере ознакомления с бумагами усопшего и расшифровки моих давних записей.

Ещё я размышлял, как будут выглядеть пометки Марфы Никаноровны и мои записи в памятных записках Его благородия, и пришёл к выводу, что они нужны для того, чтобы показать, что он был не один, что вокруг были близкие ему люди и они видели всё происходящее немного с другого ракурса, чем наш друг. С другой стороны, я в этом вопросе не первый. Всем памятен нашумевший роман Ричарда Олдингтона «Смерть героя», где повествование главного героя переплетается с описаниями автора и уже непонятно, кто из них есть кто. Я думаю, что наш читатель тоже разберётся в этих вопросах и, если понравится, будет читать мои записи и пометки Марфы Никаноровны. Если они ему не понравятся, то он может их пропустить и ничего не потеряет в дальнейшем прочтении записок Его благородия.

Глава 2

Я проснулся на рассвете. Вокруг было что-то чужое, то есть, я не дома.

- Как я мог так напиться, что ничего не помню? - пронеслось в моей голове. – Хотя, почему же я не помню? Я всё помню. Я шёл по улице 10 лет Октября в направлении центра в районе старых домов в самом радужном настроении. Мне двадцать пять лет. Было лето. Я был в отпуске и ходил на

свидание с хорошей девушкой. Был до синевы выбрит и слегка пьян. Пьян был не от спиртного, а от хорошего настроения. Внезапно передо мной возникла тёмная фигура.

- Мужик, огонька не найдётся? – спросил он хриплым голосом.

Я достал коробок и сам зажёг спичку. Вспышка селитры была тем самым последним, что я помнил.

Голова была тяжёлой, а руки шевелились. Я поднял левую руку, чтобы посмотреть на часы, но на руке не было часов.

- Похоже, что я нарвался на гопников, - снова пронеслись мысли в моей голове. Именно пронеслись, потому что я не мог сам мыслить.

Когда человек мыслит, он как бы проговаривает всё то, о чём думает. А сейчас у меня в голове проносятся мысли, но я ничего не говорю. Я пытался вызвать ещё какие-то мысли, но они не приходили, и я незаметно для себя уснул.

- Больной, просыпайтесь! – кто-то властно потряхивал моё плечо, а голос был женский, не девичий, а именно женский, женщины, которая уже узнала, что такое власть над мужчиной.

Я приоткрыл глаза и зажмурился от яркого света семилинейной керосиновой лампы, висевшей на высоте примерно двух с половиной метров от пола. В окне на улице была темнота.

- Чего они по ночам людей будят? – пронеслась мысль в моей голове.

- Больной, просыпайтесь, сейчас вас будет осматривать доктор, - сказала женщина.

Я открыл глаза и увидел доктора в белом халате. Доктор был какой-то странный, седоватый, с бородкой клинышком, в пенсне и медицинский халат на нём был какой-то старомодный с воротником-стойкой и, по-видимому, с завязками на спине. И что самое интересное, в левом верхнем кармане халата с красным крестом торчала деревянная слуховая трубка. Ну прямо как в кино про старые время. Конечно, - подумал я, - это не слуховая трубка, а деревянный стетоскоп, изобретённый в 1816 году французским доктором Рене Лаеннеком. Раньше, по методу Гиппократы, врач прикладывал ухо к груди больного человека, чтобы выслушать тоны и биение сердца, но Лаеннек всегда испытывал чувство неудобства, когда ему приходилось прикладывать ухо к груди обнажённой женщины, практически касаясь их губами. И это было бы ничего, но в то время гигиена женщин желала быть лучшей, а у некоторых из

них по телу бегали обыкновенные вши. Но откуда я всё это знаю, если я никогда не увлекался историей медицины?

- Здравствуйте, голубчик, - проговорил доктор, ощупывая мою голову. – Как мы сейчас чувствуем? - И, не дожидаясь ответа, попросил медсестру поднять мою рубашку. Затем он взял слуховую трубку-стетоскоп и стал прослушивать область груди, где находится сердце. – Дышите, не дышите, задержите дыхание. Так, очень хорошо, очень хорошо. Ну что же, голубчик, здоровье в порядке. Мускулатура у вас развитая. Никак занимаетесь по системе господина Мюллера? Ссадина на голове заживёт в течение нескольких дней, но вы нас здорово напугали, не приходя в сознание в течение трёх дней. Мы уже думали, что не сможем с вами побеседовать. Да, как вас звать-величать? И что это за странная одежда на вас? Вы понимаете, что я говорю? Может, вы иностранец? Шпрехен зи дойч?

Доктор ещё что-то говорил, а я действительно не мог вспомнить, кто я такой и как меня зовут. Вот так вот прямо и не помню. Силился вспомнить и мозг мой не проговаривал ни моё имя, кто я, кто мои родители, где я жил. Какая-то пустота в голове. Единственное, что мне влетело в голову – это старый постулат моего взводного командира в пограничном училище, то есть курсового офицера. Запомни, салага, - сказал он мне, висящему на турнике, - сильному спорт не нужен, слабого он погубит. И я начал усиленно поднимать патронный ящик весом шестнадцать килограмм, чтобы из бывшего школьника-сосиски быстрее превратиться в накачанного курсанта-молодца.

Надо сказать, что меня удивила форма обращения «голубчик». Так, обычно, начальники в императорской России обращались к своим подчинённым или к тем, кто стоит в иерархии ниже его, чтобы подчеркнуть свой демократизм и расположение к подчинённому.

- Я ничего не знаю, - сказал я, - точнее, ничего не помню.

- Я так и думал, - воскликнул доктор как Архимед, у которого из ванны вылилась вода, - это амнезия от удара по голове. – Он вскочил и забежал вокруг койки. – Это амнезия! – и он снова поднял вверх палец, как один очень известный персонаж в кино. Я прикрыл глаза и увидел доктора в другой ситуации, а его картавый голосок утвердил меня в том, что он как две капли воды похож на Владимира Ильича Ленина, который вышел к собравшимся в актовом зале Смольного и произнёс историческую фразу:

- Пролетарская революция, о которой постоянно говорили большевики, свершилась!

- Уррааа! – мысленно прокричал я про себя. – Мой мыслительный процесс включился и начал проговаривать мои мысли. Я уже что-то помню! И меня зовут, меня зовут... Никак меня не зовут. Что я помню кроме Ленина?

Ничего. Как была настоящая фамилия Ленина? Не помню. А ведь Ленина я вспомнил по ассоциации и если я буду читать книги, то по ассоциациям восстановлю свою память и вернусь к прежней жизни. И потом, в какую глухомань меня занесло из города-миллионника, если здесь нет электричества в медицинском учреждении. У нас на северах даже в райцентрах есть свои театры, а для выработки электричества почти везде есть дизель-генераторные станции. И, в первую очередь, у медиков. Мало ли какая операция срочно потребуется.

- Какое сегодня число? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Января второго дня одна тысяча девятьсот седьмого года от Рождества Христова, восемь с половиной часов до полудня, - сказал доктор, - а что?

- Как я сюда попал, и кто вы? – спросил я, ожидая услышать ещё что-то более страшное, чем то, что я нахожусь в новом одна тысяча девятьсот седьмом году второго января и неизвестно где.

- Когда ты писал эту книгу, - рассказывала мне Марфа Никаноровна, - я старалась тебе не мешать и не выпрашивать, что это ты так увлечённо пишешь. Если что нужно, то сам скажешь, а женское любопытство наоборот вызовет скрытность, да и просто помешает свободному изложению происходящих событий. Так что, я дождусь своего времени, когда ты предложишь прочитать свою книгу и даже прокомментировать все написанное.

Кто это знает, чего не хватает в книге? Я не писательница (письменница), а медицинский работник, врач (лікарка) и мне легче сказать, чего не хватает в оборудовании медицинского учреждения, но не в книге. Но я постараюсь справиться. Иногда у меня будут проскальзывать украинизмы, но это естественно, так как мои деды и прадеды были переселенцами из западных районов Малороссии.

Суженого моего принесли в тулупе мужики, которые нашли его лежащим на улице. Русский народ добросердный, может и на улицу выгнать, а может и погибающего спасти.

Посмотрели мы с Иннокентием Петровичем, а он и вовсе не живой. Замёрз. Весь синий, скрючился. Мужики развели руками и ушли. И за то им спасибо.

Я достала из кармана дамское круглое зеркальце и приложила его к носу. И вдруг на зеркале обнаружилась маленькая испарина. Живой! Тут и Иннокентий Петрович через трубку стал его слушать.

- Срочно раздеваем его и будем растирать спиртом, - приказал он.

Я стала его раздевать, а у него руки не разгибаются. Я сняла галстук, расстегнула рубашку и стала натирать грудь спиртом. Иннокентий Петрович взял столовую ложку разжал ему губы и влил в рот немного спирта. И тут я почувствовала дыхание. Я сбегала к вешалке и принесла мои шерстяные рукавички, которыми стала растирать тело, чтобы не повредить кожу. Моя бабушка всегда растирала шерстью мои руки, когда я сильно мёрзла. Ещё она заставляла гладить свои волосы, чтобы замёрзшие руки быстрее согрелись.

Потихоньку мы сняли с него рубашку, полуботинки, носки, брюки и он остался в таких коротеньких трусиках, которые он потом называл плавками и в которых потом плавал в реке.

Напоить бы его горячим чаем, да он всё время находился в бессознательном состоянии.

В общине сестёр милосердия при Российском Обществе Красного Креста нам рассказывали, что в стародавние времена пораненного или замёрзшего воина сначала вели в баню, а потом в постель к нему клали ладную девку, которая своим телом согревала его и тем самым лечила. И человек, жизнь которого висела на волоске, быстро выздоравливал и его состояние определялось по силе эрекции. Я бы тоже легла с ним и вылечила своим телом, если бы вокруг никого не было. На дворе двадцатый век, мы люди современные и меня бы никто не понял, а только осудил. Поэтому мы его завернули в тёплые одеяла и оставили в кабинете Иннокентия Петровича, не перенося в общую палату. Я осталась дежурить с ним, чтобы помочь в случае чего.

Глава 3

- Попали вы сюда, как и все с такими травмами. На руках и попечительством людей богобоязненных и милосердных, которые принесли вас сюда. Я – земский доктор Иванников Иннокентий Петрович, коллежский секретарь. Это - сестра милосердия Веселова Марфа Никаноровна, - сказал доктор. - А сейчас вы расскажите нам, кто вы и что вы делали в лёгкой одежде на сибирском морозе.

- Мне двадцать пять лет, я в отпуске, ходил на свидание к знакомой девушке. Когда возвращался домой, то ко мне подошёл человек и попросил прикурить. Остальное я ничего не помню, - начал рассказывать я.

- А почему на вас была какая-то лёгкая и странная одежда и полуботинки на очень тонкой подошве? – поинтересовался доктор.

- Никакая не странная одежда, а обыкновенная, в которой ходят практически все, - сказал я и увидел на лицах доктора и сестры выражение

некоторого удивления. Это насторожило меня. Если я буду говорить обо всём, что я вспомню, то меня загребут в сумасшедший дом по причине постоянного горячечного бреда, и чем больше я буду доказывать, что я не верблюд, тем сильнее у врачей будет желание подвергнуть меня современным методам лечения шизофрении, которые мало отличаются от пыток инквизиции в средние века. Тогда умственно больных лечили ледяными ваннами и ударами электрического тока. Надо же, я начал вспоминать историю, а это совершенно неплохо. — Ну, не все, конечно, - и я засмеялся. — Просто у меня есть приятель, который разрабатывает перспективные модели одежды, и кое-что у него получается несколько странным, но я у него в качестве манекена и испытателя этой одежды. И знаете, скажу вам по секрету, достаточно удобная одежда, и пригодна как для светских раутов, так и для повседневного ношения. Вот и получилась у меня прогулка в новой одежде. А что, пальто и шапки на мне не было? — задал я вопрос, отклоняющий от дальнейшего обсуждения скользкой темы моей одежды.

- Нет, пальто и шапки на вас не было, - сказал доктор.

- Жаль, - задумчиво сказал я, - а какая была хорошая шапка-москвичка из цигейки и пальто из бобрика с бархатным воротником. И перчаток при мне не было? — задал я последний уклоняющий от темы вопрос.

- И перчаток не было, - подтвердил доктор. — А где вы живете, как вас записать в истории болезни и кому сообщить о вашем нахождении?

- Не помню, - сказал я.

- Ну да, - сказал доктор, - скоро к вам придёт представитель полиции и запишет ваши данные, чтобы сделать запрос по поиску ваших родственников и знакомых.

- Полиция, - снова я начал мыслить, - неужели сейчас действительно девятьсот седьмой год, потому что в моё время полиции не было, а была милиция? Полицию уничтожили в тысяча девятьсот семнадцатом году. Вместе с жандармами. Бабы толпами с ухватами и кочергами ходили убивать городских. Зря они это делали, но и городские своими действиями до этого заработали на свой хребет. Потом Гитлер начал рассаживать везде полицеев, и они сполна получили по своим заслугам перед населением после освобождения. В нашей стране полицеев никогда не бывало, слишком уж ярко их расписала коммунистическая пропаганда. Мы ещё с детского садика знали, что полицейский или полицай - это записная сволочь, на которой клейма ставить некуда. Полицеев в странах капитализма избивают дубинками своих граждан, защищают мафию и капиталистов.

За окном уже заметно посерело, и я на глазок определил, что времени около девяти часов утра. Рано встают люди, а тут приоткрылась дверь и молодой человек просунул в комнату светловолосую голову и спросил:

- К вам можно, Иннокентий Петрович?

- Заходите, заходите Николай Иванович, - приветливо сказал доктор, - по вам можно часы проверять. Приходите вовремя как курьерский поезд.

- Ну, вы уж сравните, Иннокентий Петрович, - зарокотал смехом человек в военном мундире с узкими серебряными офицерскими погонами с одним оранжевым просветом и двумя золотыми звёздочками вдоль просвета, пожимая руку доктора. – Как чувствует наш таинственный больной? – задал он общий вопрос.

- Идёт на поправку, дня через два будет на ногах, если только что-то вспомнит, - сказал доктор. – Амнезия-с, это штука серьёзная. Как контузия артиллерийская. К нам привозили увечных воинов с Маньчжурского фронта, у которых память отшибло, но у тех документы при себе были, да и амнезия со временем проходила, когда приезжали родные и восстанавливалась ассоциативная память.

- Ладно, - сказал военный, - начнём процедуру. Сударь, - обратился он ко мне, - я помощник участкового пристава губернский секретарь Иванов-третий. Сейчас мы с вами заполним запросный лист и, возможно, во время его заполнения вы что-то сможете вспомнить, да и Иннокентий Петрович нам поможет в этом деле.

Он открыл папку, достал два листа бумаги и перьевую ручку. Пузырёк с чернилами он достал из кармана. Пузырёк с достаточно широким горлом, заткнутый пробкой, которая использовалась в качестве приспособления для чистки перьев. Чернила фиолетовые, самые распространённые во всех канцеляриях, да и я в детстве писал перьевой ручкой в начальной школе. Особенно нас мучило чистописание. Зато потом почерк был понятный и сравнительно красивый. Трудно в ученье, легко в бою, говорил генерал Суворов. Так, а это откуда? От верблюда. На лозунге было написано: тяжело в ученье, легко в бою. Это был лозунг, написанный белилами на красном полотне справа от экрана в клубе нашего училища. Так я же окончил пограничное училище в Алма-Ате. И когда я получил офицерское звание, мне был неполный двадцать один год. И это было четыре года назад. Но не буду же я об этом говорить, что родился в одна тысяча девятьсот шестидесятом году. В 1977 году поступил в пограничное училище и окончил его через четыре года в 1981 году. Служил на границе в Туркмении, приехал поступать в военную академию и оказался здесь в одна тысяча девятьсот седьмом году среди зимы. Как? Каким образом? Да расскажи я им такое, меня тут же скрутят, наширяют

антидепрессантов и галоперидолов, и оденут смиренную рубашку. Ну что же, амнезия, так амнезия.

Как мне рассказывала жена, я очнулся утром на третьи сутки Она как раз пришла в присутствие, а Иннокентий Петрович дежурил. Я выглядел неплохо, потому что перед этим вечером она меня побрила. Короткая причёска делала мою голову аккуратной, а лицо симпатичным. Он быстро принесла кружку горячего и сладкого чая и заставила выпить её небольшими глотками, чтобы желудок быстрее заработал.

Когда помощник участкового пристава заполнял свои бумаги, ей показалось, что я отвечаю осмысленно и обдумываю каждый вопрос, что-то вспоминая или подбирая благоприятный ответ. Бдительность у медиков проснулась в девятьсот пятом году, когда полиция к нам приходила и рассказывала, как нужно выявлять японских агентов, которые распространились по всему Дальнему Востоку и Сибири.

Глава 4

Иванов третий поставил бутылочку с чернилами на табурет, принесённый Марфой Никаноровной, разложил на коленях папку с вынутыми листами бумаги и задал первый вопрос.

- Ваша фамилия?

- Не помню.

- Имя?

- Не помню.

- Имя вашего отца?

- Не помню.

- В каком году вы родились?

- Не помню.

- В какой губернии, в каком уезде, в каком населённом пункте вы родились?

- Не помню.

- Образование?

- Не знаю, не помню.

- Читать умеете?

- Умею.

- Прочитайте текст, - и он дал мне листок с типографским текстом.

Я начал быстро и бойко читать, несмотря на всякие знаки «ять» и буквы «и» латинского типа с одной или двумя точками сверху, как в украинском языке, где і обозначает «и», а ї с двумя точками обозначает как «йи».

Его Императорским Величеством Государем Императором был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»:

«Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав.

Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей».

- Дельно, - сказал Иванов-третий. — У нас и профессора так бойко вряд ли прочитают. — Математику знаете?

- Знаю.

- Арифметику?

- Почему арифметику? — оскорбился я. У нас в училище высшее образование давали на основе математики, которая на границе была абсолютно не нужна. — Знаю алгебру, геометрию, тригонометрию, математический анализ.

- Что за математический анализ? — удивлённо поднял брови Иванов-третий. Да и Иннокентий Петрович стоял и слушал с открытым ртом.

- Ну, это исследование уравнений и тригонометрических функций, построение графиков, дифференцирование уравнений.

- Вы учились в университете?

- Не помню.

- Какие знаете иностранные языки?

- Немецкий.

- Скажите что-нибудь, - предложил мне помощник участкового пристава.

- Drahtzäune sollen gefährliche Bereiche abdecken und das Vordringen des Feindes behindern.

- А что это такое? - спросил Иванов-третий. – Чувствую что-то военное, а вот точно перевести не могу.

Я перевёл:

- Проволочные заграждения предназначены для прикрытия опасных направлений и затруднения продвижения противника.

- Откуда вы это знаете?

- Не знаю.

- Ещё языки знаете?

- На начальном уровне фарси. Умею писать, читать, немного говорю и перевожу со словарём.

- Ну-ка, скажите что-нибудь на фарси, голубчик, - заинтересовался Иннокентий Петрович.

Я не стал стесняться и сказал:

- Рафиг данэшьяр, горухе забоне фарси баройе дарсе шома хазер аст.

- А это что? – чуть ли не хором спросили все трое.

- Это приветствие учителя перед началом урока. Давайте я вам это запишу на бумаге.

Я взял перо. Руки у меня не дрожали, и я достаточно красиво стал выводить арабские буквы справа налево: эр, алиф, эф, и, гэ, пробел, дэ, эн, ша, и, эр... И так далее.

- Я же говорила, что он из благородного сословия, - воскликнула Марфа Никаноровна. – Вы посмотрите на его руки. Руки нежные, сильные и мозоли

только на подушечках, как у людей, которые занимаются гимнастикой. Или у военных.

- Так, запишем, - сказал Иванов-третий, - похоже и память к вам возвращается. Рост у вас какой?

- Сто семьдесят пять сантиметров.

- Так, это получается два аршина, семь целых и две пятых вершка, - подсчитал полицейский. Намного же проще считать в сантиметрах, чем в вершках, аршинах, пядях, саженьях и локтях.

Затем у меня описали тип лица, причёску, разрез глаз, расстояние между зрачками шестьдесят четыре миллиметра, размер и форму ушей, округлость лица, крепкое телосложение.

В графе образование – предположительно высшее. Сословие – благородное.

Снова спросили про имя и фамилию. Убей Бог – не помню. Вероисповедание – не помню.

- Знаю ли молитвы?

- Вроде бы знаю.

- Прочитайте.

- Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

- Это в столицах так читают, - сказал Иннокентий Петрович, - выходит, что исповедания православного. А по медицине что-нибудь знаете?

- А что, например? - спросил я.

- А вот как простуду быстро вылечить? – спросил доктор.

- Насколько мне известно, - сказал я, - простуду лечить не надо. Замёрзшего человека нужно согреть, напоить горячим чаем с липовым цветом и с малиновым вареньем, и дать ему хорошенько отдохнуть. Если во время сна он вспотеет, то это будет очень хорошо. Лечить нужно последствия простуды, такие как воспаления верхних дыхательных путей, его ещё называют катаром, бронхит и ангину. И вообще, простуду лечат семь дней. Если её не лечить, то за неделю она сама проходит.

Последняя сентенция как-то озадачила доктора, и он задумался над шутейным постулатом.

- Вы случайно не врач? – заинтересованно спросил меня Иннокентий Петрович. - Откуда вы все это знаете? И почему человека нужно поить с малиновым вареньем, а не с мёдом?

- Можно и с мёдом, - согласился я, - но в горячем чае мёд теряет большинство своих лечебных свойств, а в малиновом варенье очень много салицилатов - составной части ацетилсалициловой кислоты или аспирина, который является болеутоляющим, жаропонижающим и противовоспалительным средством.

- Аспирин – это новый препарат, заграничный и у нас его не так много, в основном в порошках, но из столицы привозят и в таблетках, - сказал доктор, - и он ещё малоизученный.

- Мне кажется, что это лекарство очень перспективное и оно будет применяться при лечении многих болезней, - сказал я. – Некоторые врачи используют отвар коры белой ивы, в которой много салицилатов, но при приёме отвара возникают боли в животе и начинается рвота. Аспирин нужно всегда иметь при себе на случай сердечного приступа. Он разжижает кровь и улучшает кровообращение, обеспечивая доступ кислорода к сердечной мышце – миокарду.

- А, может, вы закончили медицинский университет? – с надеждой спросил Иннокентий Петрович, но я отрицательно покивал ему головой.

Глава 5

К десяти часам пополудни мы закончили все формальности и Иванов-третий, собрав все бумаги и спрятав в карман бутылочку-чернильницу, ушёл в своё присутствие.

Оказалось, что моя кровать стояла в просторном кабинете Иннокентия Петровича, который одновременно был и смотровой комнатой, где вёлся ежедневный приём. А я всё думал, что я единственный больной в этой земской больничке.

Марфа Никаноровна принесла китайский столик на ножках и поставила его на кровать прямо передо мной. Это был поздний завтрак человека, который не ел три дня. Кружка с горячим куриным бульоном, белая булка и тёмный чай в фарфоровой кружке.

- Только не кушайте быстро, а тщательно прожёвывайте, чтобы не было болей в кишечнике, - предупредила меня сестра милосердия.

Как я ни старался кушать медленно и прожёвывать пищу, но всё принесённое я съел в мгновение ока, как собака, и запил всё ароматным и сладким чаем.

Еда меня разморила, и я заснул.

Мне снились военные сны. Я даже обрадовался этому, потому что во сне я могу узнать, как меня зовут, откуда и кто я. Безвестность - это очень плохое состояние. Но все курсанты и командиры обращались друг к другу только по воинским званиям, точно так же обращались ко мне. И тут я увидел командира нашего дивизиона по кличке «швабер». Боевой сержант-артиллерист, дошедший со своей пушчёнкой до Берлина, ставший офицером после войны и дослужившийся до полковника уже в наше время. Однажды, когда мы ждали высокую комиссию, он схватил швабру дневального и вымыл то место, которое ему показалось недостаточно вымытым. С тех пор кличка «швабер» к нему прилепилась намертво. Впрочем, офицер должен уметь делать всё и даже показать солдату, как нужно мыть пол, а после этого снимать с солдата семь шкур за плохо вымытое помещение. Курсантская форма почти такая же, как и солдатская, разве что пуговицы блестящие и сапоги хромовые, да ткань на мундире повыше качеством, но четыре года солдатской жизни делали офицера знатоком воинской жизни и его требовательность поддерживала боеспособность армии.

И вот смотрю я, идёт ко мне командир дивизиона. Встал я небрежно, чтобы получить замечание за отсутствие строевого вида, а он как рявкнет мне:

- Товарищ, курсант! Вы как стоите перед полковником!

И фамилию мою не назвал.

Подходил я к своим друзьям, которые занимались на спортивной площадке, и никто не называл меня по имени или по фамилии. Сговорились, что ли? Да и я не помнил их фамилий и имён, даже фамилии «швабера» не помнил, а должен был.

Проснулся я часов около пяти после полудня, как раз за окном сереть стало. Зимний день короток, а спать после обеда нужно не долго, час-полтора, чтобы не потерять послеобеденную работоспособность. Но вставать надо всегда ранее пяти часов, потому что это время начала заката солнца и после этого времени наступает состояние похмелья ото сна. А у меня был осознанный сон, а не состояние в состоянии полного беспамятства. Главное, что я начал мыслить.

Спиной ко мне сидел Иннокентий Петрович и что-то писал. На столе около него стояла керосиновая лампа.

- Чего электричество в больницу не проведёте, Иннокентий Петрович? – спросил я его.

Доктор от неожиданности вздрогнул и повернулся ко мне.

- Вы понимаете, - сказал он с видом специалиста, - электричество не продаётся бидонами, как керосин для ламп. Его в лампу не зальёшь и спичкой или лучиной не зажжёшь. Сначала нужно построить электростанцию водяного типа на реке или парового типа со сжиганием дров либо каменного угля, чтобы привести в действие паровую машину, которая будет раскручивать динамо, вырабатывающее электрический ток. А как доставить этот ток до больницы? Для этого нужно через каждые пятьдесят саженей поставить деревянные столбы, на столбы навесить на фарфоровых изоляторах медные провода, в больнице провести проводку с электрическими лампочками господина Сименса и только тогда в больнице будет электрическое освещение. А знаете, сколько это стоит? Баснословные деньги.

- А мне кажется, что в электричестве наше будущее, - сказал я. – Все дома будут освещены. Поезда будут ходить на электрической тяге. По городам будут ходить электрические конки и электрические машины, перевозящие людей из одного места в другое...

- Ну, вы и фантазёр, батенька, - засмеялся доктор. - Хотя, лет через сто, возможно, такое и будет. Только, как сказал один поэт:

- Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе.

- Это сказал поэт Николай Некрасов по поводу строительства Транссибирской магистрали, - сказал я.

- Э-э, батенька, да вы нигилист, - сказал Иннокентий Петрович. – Это стихотворение малоизвестно, а вот как оно стало известно вам, потерявшему начисто память, это очень даже странно.

- Ничего странного, - сказал я, - травмы в области головы и головного мозга пробуждают те способности человека, о которых он не мечтал и которые не были открыты ему при рождении. Так что, даже я не удивлюсь, если буду открывать в себе все более новые качества. Сейчас меня интересуют более прозаические вопросы. И первый, самый главный – как мне быть дальше? По себе чувствую, что уже сегодня готов идти куда угодно. А вот куда? Где жить? Во что одеваться? Где взять на это средства? Чем заниматься? Как подтвердить то, что я умею делать? Как влиться в общество? Видите, миллион вопросов и

ни одного ответа. У меня здесь нет ни одного знакомого человека, и я не знаю ничего. Новорождённому младенцу намного лучше, чем мне. А что если полиция не найдёт моих родственников или знакомых? У меня даже документов нет, и я не знаю, кто я такой.

В это время в кабинет вошла Марфа Никаноровна с подносом, на котором был накрыт чай на полдник.

- Вы извините, Иннокентий Петрович, - сказала она, - я нечаянно услышала концовку вашего разговора и хочу сказать, что я живу одна в небольшом доме и могла бы предложить нашему больному снимать комнату в моем доме. С оплатой после того, как он найдёт для себя занятие со средствами для проживания.

- Очень хорошее предложение, Марфа Никаноровна, - сказал доктор, - а я со своей стороны буду помогать в административных вопросах и по мере возможности окажу материальную поддержку.

Я был так растроган, что даже не мог сказать чего-то. Просто приложил левую руку к сердцу и склонил голову в знак признательности.

Моя благодарность была понята и принята, и мы чувствовали себя сообщниками в одном деле.

- Кстати, Иннокентий Петрович, - сказал я, - аспирин эффективен для лечения мигрени, но при болезнях желудка может вызывать воспаление и кровотечение. Аспирин разжижает кровь и помогает при атеросклерозе и тромбозе. Помогает и при подагре. Исследования ещё ведутся, но как говорится, доктора знают всё, чтобы не навредить больному.

- Откуда вы всё это знаете? – спросил доктор.

- Не знаю, - сказал я.

Лучше прикрываться отсутствием памяти, чем давать пророчества на будущее.

Перед выпиской я обошёл земскую больницу, удивился её простоте и содержанию в чистом состоянии. Больные в основном из простого народа, а в приёмном отделении всегда толпа больных, идущих с утра и до позднего вечера, и я представляю ту нагрузку, которая была у земских врачей. Часто бывает, что вовремя оказанная небольшая медицинская помощь предотвращает очень сложные заболевания в будущем.

Как говорила мне потом Марфа Никаноровна, она кормила меня и напряжённо думала, что сегодня-завтра меня выпишут и куда я пойду? Без

памяти, без одежды, без дома, без документов, без денег. За эти несколько дней она так привыкла ко мне, что уже называла меня своим и где она сможет найти такого другого человека, которого как будто знает целую вечность и может потерять навсегда, если не сделает что-то решительное. Почему она так решила? Она видела, как я спокойно обращаюсь с медицинскими терминами, названиями лекарств и методикой лечения. А когда Иннокентий Петрович с видом знатока рассказывал мне, как производится электрификация, то видела мою снисходительную улыбку как человека, который прекрасно понимает в электричестве и может прочитать лекцию по этому вопросу. Поэтому она и предложила свою помощь в устройстве меня на жительство у себя дома и была благодарна Иннокентию Петровичу за его участие. Она прекрасно понимала, что скажут соседи по поводу нахождения в моём доме постороннего мужчины. Но, как говорится, на чужой роток не накинешь платок, что тут ни говори, всё это будет щепками в разгорающийся костёр. Она надеялась, что я вспомню всё забытое, расправлю крылья, стану прекрасным лебедем, который умчит меня её своё царство-государство, где она будет царевной и помощницей во всём.

Глава 6

Интересно и складно пишет полковник Туманов, и сразу становится понятно, почему он так быстро продвинулся в науках и по военной службе. Он ничего мне не говорил, как он служил в Туркмении, но мне кажется, что простому офицеру не с руки заниматься изучением сопредельного языка без возможности общения с носителем его и постоянного совершенствования.

Примерно месяца через три после того, как мне пришлось написать расписку о секретном сотрудничестве с полковником Петровасом, штабс-капитан Туманов в конце присутственного времени достал из своего стола гранёный стакан, засургученную бутылку хлебного вина и порезанные на тарелочку хлеб и колбасу. Аккуратно сбив сургуч с горлышка и откупорив бутылку, он налил вино в стакан, подвинул его мне и сказал:

- Ну, давай, Христофор Иванович, пей до дна за своё будущее.

- Так нельзя же в присутствии водку пить, Ваше благородие, - запротестовал я, - меня же под арест отправят и лычки снимут.

- Не бойсь, - сказал Олег Васильевич, - я твой начальник и разрешаю тебе выпить.

Чувствую, что дело тут неладное. Мягко капитан стелет, да жёстко придётся спать. Не зря он про будущее заговорил. Вероятно, сократит меня и возьмёт другого, более расторопного и надёжного. Лучше сразу повиниться, как говорят, повинную голову меч не сечёт.

- Ваше благородие, - говорю ему, - я уже три месяца хожу на секретный доклад к жандармскому полковнику Петровасу, докладываю ему о сохранении военной и государственной тайны, а от меня всё требуют рассказывать, кто и как ругает Его императорское величество и всё его семейство. Вот, теперь делайте со мной что хотите, - и я махом выпил весь стакан горькой, закусив кусочком колбаски. Пропадать так с музыкой.

- Садись, - коротко сказал Олег Васильевич. – Я давно по твоему поведению понял, что на тебя взвалили груз, который тебе тяжело и неприятно нести. Второе, ты никогда не бегал в канцелярию, всё нужное курьер приносил сам, а тут три раза и примерно в один и тот же день по числу и по названию, и приходил оттуда без бумаг и раскрасневшийся как от вранья. Погоди, тебе ещё вознаграждение будут давать в тридцать сребреников и расписку писать за то, что получил их.

- Да я никогда..., - вскочил я со стула.

- Сиди, - приказал мне Олег Васильевич. – Нужно всё сущее использовать в своих целях. Любую, направленную на тебя силу, нужно перехватить и использовать её как дополнение к своим усилиям. Усекаешь, к чему я это говорю?

- Никак нет, Ваше благородие, - отвечаю я, хотя было у меня внутреннее понимание того, что если на тебя напали с ножом, то нож этот нужно выхватить и им же поразить нападавшего. Или, как я читал в газете, объявился тут мастер японской борьбы джиу-джитсу, который за три рубля в месяц обещал научить справляться с любым противником, используя силу противника. – Слышал я, что я в японской борьбе принято использовать силу противника для победы над ним.

- Bravo, Христофор Иванович, - воскликнул Его благородие. – В самую точку попал. Кто у нас самые сильные в государстве, кроме царя? Жандармы? Они проникли не только во все ячейки общества нашего, но и в армию, хотя армейские офицеры считают зазорным подавать руку жандармам, но это их мало волнует. Страна наша особая. В своё время, генерал Ермолов Алексей Петрович просил императора Александра Первого произвести его в немцы за военные отличия. У нас ничего нет своего, всё иностранное. Винтовки системы американского полковника Хайрема Бердана и австрийского оружейника Сильвестра Крнка, револьвер, разработанный бельгийскими промышленниками братьями Эмилем и Леоном Наганами, пулемёт, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Максимом. Пистолеты Браунинга и Борхардта Люгера. Единственная винтовка, разработанная капитаном Мосиным, принята на вооружение под наименованием «трёхлинейная винтовка образца 1891 года» без указания имени разработчика и всё потому, что она выиграла в соревновании с именитыми иностранными

разработчиками оружия. И это касается не только оружия. Все изобретения приходят к нам из-за границы, а мы что, так хуже тех людей, которые работают за границей? Нет, мы нисколько не хуже. Мы хорошо всё копируем и производим те же наганы и пулемёты «максим» у себя. Поверь мне, ходи-китайцы, как только сменят имперский строй на республиканский, начнут копировать всё и вся, и станут самыми развитыми чуть ли не на всём земном шаре. И нечего глаза делать круглыми. Уже давно доказано, что земля круглая, а не плоская, и что она не стоит на трёх слонах, и те не стоят на трёх китах посреди моря-океана, а летает вокруг солнца в необъятном космосе. А возьми тех же японцев, которым мы проиграли войну? Это были самураи с мечами и ножами. А стали скупать по всему миру изобретения и привлекать умных людей, и стало отсталое государство мировой державой. И если её вовремя не остановить, то она подомнёт под себя всю Юго-Восточную Азию и накостыляет американцам и всей Антанте, которая захватила себе колонии там. Наша с тобой задача – обеспечить внедрение у нас в России технических разработок наших отечественных изобретателей и на этой основе обеспечить промышленное развитие нашей страны, которая будет не только кормить весь мир, но и снабжать его горючим для машин и самолётов, и продавать всё то, что раньше они сбавивали нам. И в этом нам будет помогать полковник Петровас и вся жандармская система России. Я тебе буду говорить, что тебе нужно докладывать, а он пусть работает на нас. Понял?

- Так точно, Ваше благородие, - сказал я, а сам подумал, что ума у моего начальника большая палата и его нужно держаться как можно крепче. Только вот откуда он может знать, что китайцы с японцами будут самыми развитыми государствами?

- Давай, Христофор Иванович, закуси как следует и приberi тут, а я пойду домой, - сказал Его благородие и ушёл из присутствия.

Я сидел и думал о том, что нужно записать в специальную тетрадку то, о чём мы сейчас говорили. И записать нужно так, чтобы никто, кроме меня, это прочесть не смог. Завтра спрошу у Его благородия, что он знает о способах шифрования записей. Если сейчас ничего не записать, то через день можно ничего и не вспомнить и всё, о чём говорилось, канет в лету, а туда кануло столько информации, что если её достать оттуда, то сколько миллионов книг встанет на полки всех библиотек мира. И надо спросить Его благородие, почему китайцев называют ходями?

Глава 7

Домик у Марфы Никаноровны был небольшой, из трёх комнат, кухни, русской печи и удобствами во дворе. Дом родительский, но родители не так давно умерли. Семья относилась к мещанскому сословию. Отец работал

приказчиком в крупной торговой фирме и смог оплатить обучение дочери в гимназии. Затем Марфа Никаноровна обучалась в общине сестёр милосердия при Российском Обществе Красного Креста и получила квалификацию хирургической медсестры. Учёба и работа не способствовали созданию своей семьи, а потом родители стали престарелыми. Потом возраст стал таким, что замуж было выходить поздно, и она получила народное название старой девы. Старой деве было лет тридцать пять, но времена того времени были суровыми и перспектив на семейную жизнь было откровенно мало.

От больницы до места жительства моей хозяйки нас за двадцать минут домчал извозчик.

Я надел свой костюм, в котором меня нашли. Пиджак, рубашка, галстук, брюки, носки, полуботинки, все было модным в наше время и выглядело немного странным в одна тысяча девятьсот седьмом году, но я сразу почувствовал себя человеком. Карманы были пусты. Ни бумажника, ни удостоверения личности офицера. Оно даже хорошо, что так. Как бы я объяснил, что являюсь старшим лейтенантом войск Комитета Государственной Безопасности СССР. А до этого Комитета при Совете Министров СССР. Что такое СССР? Что такое КГБ? И прочее. Лучше уж так. Если попаду обратно в своё время, то там сумею доказать, кто я такой. В моём личном деле, которое хранится в кадровых аппаратах в трёх экземплярах есть моя фотография, удостоверенная начальником кадрового органа.

У извозчика в кошеве был овчинный тулуп, в который меня завернули, чтобы я не замёрз. Погода стояла солнечная, снег приятно хрустел и лошади бежали ходко, выдыхая пар, который превращался в морозную бахрому на лошадиных головах.

В доме было тепло. Русская печь является прекрасным обогревательным аппаратом. На русской печи можно спать, греться, сушить одежду, готовить пищу, томить её в тепле, выпекать хлеб и другие кондитерские изделия. В печи сделаны углубления, чтобы сушить носки, варежки. Есть специальные трубы, закрываемые никелированными или медными заглушками на цепочках, чтобы тёплый воздух обогревал каждую комнату, так как русская печь стояла в центре дома и являлась общим нагревательным элементом. Это я так, по-современному, описываю прелести русской печи.

Города в 1907 году состояли в основном из деревянных индивидуальных домов и каждое утро начиналось с того, что тысячи печей выпускали дым из своих труб. Если дым стелился над домами – значит погода будет тёплая. Если дымы идут вертикально вверх – то нужно одеваться потеплее, потому что грядёт хороший морозец.

Мне была отведена небольшая комната с окном во двор. В комнате стояла простая кровать, заправленная кружевным покрывалом и сверху были две

больших подушки с вышивкой. В углу комод с кружевной салфеткой, на котором стояло небольшое зеркало, украшенное нарисованными краской в двух противоположных углах красными цветами на китайский манер. Зеркало было старое и было видно, как по краям потрескалась амальгама. Но посмотреть в зеркало было можно.

Около окна стоял столик, покрытый маленькой скатертью, и простой стул, созданный руками местного мастера.

- Располагайтесь, - сказала Марфа Никаноровна и показала мне, что есть в комод. А там было только постельное белье.

- Марфа Никаноровна, - сказал я, - давайте мы определимся по моему нахождению здесь. В отношении квартирной платы не беспокойтесь, я выплачу всё, как только начну зарабатывать. Это главное. Второе. Как видите, у меня вообще ничего нет, ни зубной щётки, ни зубной пасты, ни куска мыла, ни бритвенного станка и мыльного крема, ни расчёски. Кстати, кто меня брил, пока я находился в отключке? Третье. Как мне одеться по-современному, чтобы можно было пройти по организациям в поисках работы и подтвердить мою личность? Четвёртое. Как будет организовано моё питание? И пятое. Какие обязанности по дому должен выполнять я? Я же не буду сидеть дома, сложив руки или почитывая какую-нибудь книгу.

Перечень вопросов не поставил хозяйку в тупик.

- Квартплата квартплатой. Я надеюсь на вашу честность. Мыло находится у домохозяйки и там же висит полотенце. Баню мы топим по субботам и в этот же день меняем белье. Столоваться будете здесь. Я дома только завтракаю и ужинаю, а обедаю в больнице. С одеждой что-нибудь придумаем. Купим по вашим размерам, чтобы вы не отличались от других людей. А в отношении обязанностей по дому я даже не знаю, что и нужно ответить. Вы мужчина. Если умеете что-то делать, то в кладовой есть отцовские инструменты. А брила вас я отцовской бритвой, - и она показала мне бритвенные принадлежности, лежащие в левом выдвижном ящике комода. Клинковая опасная бритва, помазок, медная чашечка для мыльной пены, пакет с мыльным порошком. — Бритва очень острая, открытая. Если хотите, то купим для вас новую, только её придётся долго править, чтобы она открылась. Сейчас появились станки американского промышленника Жиллета. Говорят, что очень удобные.

Молодец женщина. Конкретные вопросы. Конкретные ответы. Опасной бритвой я не брился ни разу, но попробуем.

Не знаю, по меркам 1907 года мужчина, может быть, не помогал женщине накрывать на стол, то есть не помогал по женскому хозяйству, но я с удовольствием нарезал хлеб, расставлял на столе чашки, ложки и помогал внести чугунок с вкусно пахнущими щами. Моя помощь, как мне показалось,

стесняла Марфу Никаноровну. Из погреба достали кусок хорошо просоленного сала, а я наточил кухонный нож (разве умеют женщины точить ножи?) и нарезал сало тонкими пластинками.

Из буфета с посудой хозяйка достала две гранёные рюмки на ножках и графинчик с ярко-рубиновой жидкостью. Похоже, настойка либо клюквенная, либо рябиновая.

- За выздоровление, - сказала Марфа Никаноровна и протянула рюмку в мою сторону. Хрустального звона не было, но это оказалась водка на клюкве, крепкая и без химического привкуса. Продуктус натуралес.

Как давно я не ел домашней пищи. Сало с мясными прожилками так и таяло во рту. Щи были наваристые и хорошо протомлённые в печи. На второе была запечённая картошка со сметаной. Вторая рюмочка водки залакировала удовольствие от первой. Затем был чай с вареньем из крыжовника. А вот сейчас, после обеда, хорошо бы закурить сигарету и поблаженствовать.

- Если хотите закурить, то я сейчас принесу, - сказала хозяйка и вышла в свою комнату.

Через пару минут она вернулась, принеся фарфоровую пепельницу, коробку папирос «Дюшес» и спички.

- Я тоже с вами покурю, - сказала женщина, протягивая мне пачку.

Я открыл коробку, предложил папиросу даме, взял себе и прикуривал свою папиросу после дамы.

- А я думал, что вы староверка, кержачка, - сказал я и мы оба засмеялись.

Марфа Никаноровна боялась, что мне не понравится простой крестьянско-мещанский домик и я буду воротить нос от нового жилья. Баре всегда живут не так, как простой народ. Но я сразу почувствовал себя как дома, и она отбросила все опасения, показав мне комнату, место умывания, бритвенные принадлежности. Так же естественно я стал помогать ей накрывать на стол и за столом вёл себя скромно, как хозяин, который ещё не вступил в свои права и выказывал полное уважение своей хозяйке. Скажите, какой женщине это не понравится? Наконец-то с появлением мужчины в её доме появились остро отточенные ножи, которые режут всё, к чему ими прикоснёшься. А с каким юмором я отнёсся к тому, что она курит? Многие медицинские работники курят, особенно, когда им приходится работать в прозекторской.

Глава 8

После обеда был объявлен «адмиральский час», который закончился в сумерки. Копившееся напряжение спало и стало легко жить, ощущать себя человеком этого времени, отбросив в сторону заботы того, будущего времени. Всегда надо жить в том времени, какое сейчас на дворе. И в любое время нужно жить сегодняшним днём.

Когда я встал, были уже сумерки и на столе стояла керосиновая лампа, а Марфа Никаноровна сидела за столом с гитарой с красным бантом на грифе и перебирала гитарные струны, тихонько напевая:

*Жалобно стонет ветер осенний,
Листья кружатся поблёкшие.
Сердце наполнилось тяжким сомнением,
Помнится счастье ушедшее.*

*Помнятся летние ночи весёлые,
Нежные речи приветные.
Очи лазурные, рученьки белые,
Ласки любви бесконечные.*

Увидев меня, хозяйка резко прервала музыку и отложила гитару:

- Сейчас чай будем пить.

Я взял гитару хозяйки и прошёлся по струнам сверху вниз. Она прекрасно звучала и была настроена человеком, явно обладавшим музыкальным слухом. В училище я брал уроки игры на гитаре у моего товарища, который прекрасно владел этим инструментом. За четыре года я довёл уровень владения гитарой до уровня господина Высоцкого, бывшего популярным народным певцом моего времени.

- Я уже слышал этот романс на слова господина Пугачёва в исполнении Вари Паниной, - сказал я, - попробую продолжить его и если где-то буду фальшивить, то вы подпойте мне.

Я прокашлялся и постарался подстроиться под ту мелодию, которую играла Марфа Никаноровна, а затем негромко запел:

*Всё, что бывало, любил беззаветно я,
Всё, во что верилось мне,*

*Все эти ласки и речи приветные
Были лишь грёзы одне.*

*Грёзы, так что же к чему пробуждения
Осень и холод, и тьма;
Ужель исчезла пора увлечения,
Счастье, любовь без ума.*

*Но ужель исчезли навеки дни счастья
И осуждён я судьбой
Жить без любви и без слова участия
Жить с моей старой тоской!*

Мы пели на два голоса и у нас очень здорово получилось. После окончания романса я поаплодировал музыкальным способностям хозяйки.

- Если я не найду работу, то мы сможем вместе с вами выступать с романсами, - сказал я, - и, уверен, общество ответит нам своей благодарностью.

- Фантазёр вы, - засмеялась хозяйка, - давайте чай пить.

После чаепития оставалось примерно два часа личного времени до отхода ко сну. В России тогда ложились очень рано, кроме аристократов, ездивших туда-сюда с визитами и богемной части населения, просыпавшихся сразу после полудня. Остальные вставали очень рано и шли по своим рабочим местам.

Телевизора не было, радио не было, компьютеров и интернета тоже не было. Хотя, в моё время интернета и компьютеров в СССР тоже не было в помине. В мире были, а в СССР не было. Были громоздкие электронно-вычислительные машины, площадью с огромную пятикомнатную квартиру, которые работали на перфокартах и машины чуть поменьше, работавшие на перфолентах. Главными там были сотрудники-перфораторы, которые металлическим перфоратором пробивали дырочки в перфокартах и перфолентах. Мир, как всегда, скакнул вперёд нас лет на тридцать, а мы все кричали, что это мы самые первые, потому что не с чем было сравнивать, так как никто не мог выехать за границу, на страже которой стойко стояли советские пограничники, для которых «Границы СССР священны и неприкосновенны».

Надо сказать, что с малой толикой моего вмешательства Россия стала пионером в компьютерной технике, видеосвязи, телевидении, авиации, космонавтике и всё это было сделано трудами и знаниями наших соотечественников, сломавших заповедь о том, что нет Пророков в своём Отечестве.

Марфа Никаноровна, убрав со стола, сидела у лампы и что-то вязала крючком, то ли новую салфетку, то ли кружевные манжеты, то ли воротник для платья сестры милосердия.

Я взял гитару и тихо перебирал струны, наслаждаясь их звучанием и ясно видимой вибрацией в зависимости от силы нажатия. И вдруг мне на память пришла шуточная песня о новобранце на войне.

- Я тут вспомнил одну шуточную песню про медиков и войну, - сказал я, - и её нужно воспринимать с юмором.

И я запел студенческий шлягер на военную тематику:

*Летят по небу самолёты-бомбовозы,
Хотят засыпать нас землёй,
А я, молоденький солдатик,
Лет семнадцать-двадцать-тридцать
Лежу с оторванной ногой.*

- А что такое самолёты-бомбовозы?

- Это просто так, для складности придумано, - сказал я. Это хорошо, что меня остановили, дальнейший текст песенки был не самым понятным и приятным для медицинских работников.

Надо поменьше рассказывать людям о том, чего ещё нет у них. Страна православная, в переводе с латинского – ортодоксальная, попы там занимают важное значение и являются государственными служащими идеологического направления. Правящий Синод вообще контролирует деятельность армии, флота, министерств просвещения и юстиции. Есть даже ведомство православного вероисповедания, осуществляющие дискриминацию представителей других конфессий. Я всегда интересовался вопросами истории и имею отдалённое представление о нравах и порядках дореволюционной России.

- Вы знаете, - сказала Марфа Никаноровна, - мне кажется, что вы человек военный. Военные мотивы постоянно проскальзывают в вашей речи, а офицерская выправка так и прёт из вас. Вы только не обижайтесь на это. Вам нужно будет поступить на военную службу, и вы сразу найдёте себя, возможно, что и вспомните всё, что забыли.

- Да уж, - сказал я, - был такой мудрец Козьма Прутков, так он по поводу военной службы говорил так:

- Если хочешь быть красивым, поступи в гусары. Не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу. Так что, это палка о двух концах. Человек военный связан присягой, уставами, традициями, распорядком дня, судьбами подчинённых людей. Тут нужно крепко подумать.

- Вам мундир будет к лицу, - сказала хозяйка и стала убирать вязание в корзинку.

Кукушка в часах прокуковала десять раз.

Закончился первый день на свободе.

Я не сразу уснул, потому что обдумывал, как мне дальше жить и чем заниматься. Как это у Маяковского? Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу не задумываясь – делай её с товарища Дзержинского. Я уже делал свою жизнь с Дзержинского. Наше пограничное училище носило имя выдающегося чекиста товарища Феликса Эдмундовича Дзержинского. Но не пойду же я к имперским властям и не скажу, что я офицер Комитета Государственной Безопасности и давайте, принимайте меня на воинскую службу поручиком. Нужно доказать, что я военный. И нужно доказать, что я не пролетарского происхождения, иначе путь в военную иерархию будет закрыт. И следующее. Нужно иметь разумную наглость и не скромничать в паблик рилейшенз (PR) своей персоны.

Отец мне рассказывал, что у них на войне были два лейтенанта. Один, как говорится – слуга Царю и отец солдатам. Уважительный, требовательный, солдат обучал на совесть. А второй балабон, но выступал на всех собраниях, как только завидит начальство, так сразу начинает песочить своих солдат. Так вот этот балабон и пошёл по службе, прыгая через ступеньки. Скольких он солдат положил, одному Богу известно, но к концу войны стал генералом. Так что, и ты, сынок, в тени не сиди. Показывай, что ты многое умеешь, только упаси Бог показать, что ты умнее своих начальников.

Марфа Никаноровна рассказывала, что когда я взял в руки гитару и стал петь романс, то я покорила её окончательно. Вот, девушки и женщины, сознайтесь и скажите честно, у кого есть такой муж? Я не хвастаюсь. Но если счастье пришло в твой дом, то к нему нужно относиться бережно и ни в коем случае не гнать его от себя.

Глава 9

Проснулся я достаточно рано. Привык спать по восемь часов, вот внутренний будильник и разбудил.

Был седьмой час. Зажёг лампу, стоящую на столе. Оделся, негоже в трусах бегать перед женщиной, сдающей тебе квартиру.

Марфа Никаноровна уже встала и растапливала русскую печь.

- Хлеб я не пеку, покупаю в булочной, а вот для обогрева печка хороша, - разъяснила она мне. – Когда дрова прогорят, кочергой нужно поворошить уголья, чтобы они стали мелкими и дожидаться, чтобы над ними погасли синенькие огоньки. Это угарный газ, могущий привести к смерти человека. После того, как угольки перестанут светиться, нужно закрыть выюшку в трубе над печкой. Понятно?

- Так точно, - сказал я и попытался щёлкнуть каблуками несуществующих сапог.

Мы оба засмеялись

- Я, кажется, придумала, как вас одеть, - сказала хозяйка, - посоветуюсь с Иннокентием Петровичем. Думаю, что вам это понравится.

Завтракали свежим молоком с черным хлебом. Молочница приходила ровно в шесть часов. Обедать буду один.

После завтрака Марфа Никаноровна сняла мои мерки при помощи портновского сантиметра, в том числе и размер ноги.

- Сорок второй размер, - сказал я.

- Да, как раз длина стопы двадцать восемь сантиметров, - сказала Марфа Никаноровна.

- Откуда вы знаете, что двадцать восемь сантиметров это сорок второй размер? - удивился я.

- Это очень просто, - сказала Марфа Никаноровна. – Французы придумали, а мы поддержали предложение размер обувной колодки измерять в штихах. Один штих равен двум третям сантиметра. Двадцать восемь сантиметров делим на две трети. Это двадцать восемь умножаем на три и делим на два. В результате получается сорок два. Это и есть размер обуви.

- Здорово, - изумился я. – Вы просто специалист во всех вопросах.

- Да какой там специалист, - сказала Марфа Никаноровна, - просто знаю немного обо всём. Вы не помните, что ваш Козьма Прутков сказал о специалистах?

- Помню, - засмеялся я, - специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя. А я знаю, что эрудированный человек знает всё о немногом и понемногу обо всём.

- Какая-то мудрёная формулировка про эрудитов, - сказала Марфа Никаноровна, - я пошла в присутствие, а вы тут осваивайтесь.

Я остался один. Чем заниматься дома, когда ты один и нет никаких средств массовой коммуникации? Никто тебе не позвонит, никто не обгадит тебя в соцсетях, которые появились в этом мире только в 1950 году, потому что весь научный и технический потенциал вместо мировой войны был направлен на развитие средств коммуникации, никто не сообщит о событиях, которые только что произошли в мире. В моем 1985 году тоже не было соцсетей, но, худо-бедно, было радио и телевидение, да ещё у меня была работа и к девяти часам я тоже должен был идти в присутствие с ненормированным рабочим днём, который волей начальственных лизоблюдов превращался в рабочий день без нормы. А тут ещё перед моим исчезновением центральный комитет коммунистической партии принял постановление о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Представляю, во что выльется эта борьба. Как бы кровушкой не захлебнулись от этой борьбы.

Ладно, начнём день, а потом что-нибудь придумаем. Утро начинается с рассвета и утро офицера начинается с бритья.

Я взял тёплую воду, полотенце и пошёл в комнату бриться. В чашечке приготовил пену, намазал помазком лицо, это элементарно, а потом взял клинковую бритву, которая долго была в использовании и её лезвие от заточки напоминало дугу. Меня как-то брили опасной бритвой, но та бритва была современной и в неё вставлялись половинки лезвий безопасной бритвы. В каком-то кино я видел, что опасную бритву заправляют на кожаном ремне, благо такой был в комплекте, который остался от отца Марфы Никаноровны.

Подправив на ремне опасную бритву, я приступил к процессу бритья. Натянув кожу на левой щеке, я начал сбивать выросшую за полтора суток щетину. Бритва скрипела, но сбивала волосы бороды. Потихоньку я начал принаравливаясь, но в трёх местах легонько порезался. Проведя рукой по лицу, я установил, что осталось немало огрехов, как у косаря, который спустя рукава косил выделенную ему делянку. Ладно, для первого раза сойдёт.

Поискав перевязочные материалы, я нашёл газету «Губернские ведомости» за прошедший год. Оторвав три полоски бумаги, я приложил их к местам порезов. Толстая пористая бумага прилипла и остановила кровотечение. Старый приём. Мой отец тоже брился опасной бритвой «Золинген», которую он привёз из заграничной экскурсии в Германию в 1945 году, и когда были порезы после бритья, то он их заклеивал либо папиросной, либо газетной бумагой. Век живи, век учись.

Я закурил тонкую папиросу и рассмотрел коробку с папиросами. Похоже, что это дамские папиросы. На цветной коробке написано: папиросы «ДюшесЪ», 20 штук, цена 6 копеек. Табачная фабрика Колобова и Петрова, С. Петербург. По углам восемь золотых медалей. В центре медальон с грудастой девушкой в платье с глубоким декольте и золотыми волосами, которая держит в руках маленький поднос с грушами. Но папиросы хороши, достаточно ароматны и не дерут горло, как самосад.

Подымливая папиросой, я взялся за газету. Последние числа 1906 года. Реклама, сообщения о получении чинов, награждении орденами, объявления о свадьбах и похоронах, получении новых колониальных товаров. На третьем листе статья корреспондента Демьяна Кривощёкова «Что было и что нас ждёт в будущем».

Статья была изложением событий, которые произошли в мире и попыткой предсказать, что будет в этом, нынешнем 1907 году.

Год выдался насыщенным. Революционное движение пошло на спад.

В январе полиция разгромила Красноярскую, Гурийскую, Владивостокскую, Читинскую, Марковскую республики, разогнала Совет рабочих депутатов Баку.

В подмосковной Коломне прошло первое собрание членов Клуба любителей шахматной игры. Флигель-адъютант Джунковский утвердил Устав клуба.

В феврале в Англии спущен на воду первый дредноут.

В мае Всеобщая конфедерация труда Франции провела всеобщую забастовку промышленных рабочих с требованием установления восьмичасового рабочего дня.

В России состоялось первое заседание Первой Государственной думы Российской империи. Через месяц Дума была распущена, и большинство депутатов подписали Выборгское воззвание, призывающее к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению), то есть: не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

В июле финский сейм принял Конституцию.

В ноябре вышел Указ о выходе крестьян из общины. Сейчас крестьяне могут свободно заселять пустующие территории империи.

Завершилась первая Сихотэ-Алиньская экспедиция штабс-капитана В.К. Арсеньева.

В декабре иранский шах подписал разработанную меджлисом конституцию.

В будущем 1907 году в России все будет хорошо.

Парень, однозначно, пропагандист, но он хорошо, хотя и кратко изложил основные события, происходившие в революционной России в 1906 году.

Глава 10

Дневное солнце осветило дом, он сразу как-то засиял и стал уютным местом прибежища для человека, который неизвестно как попал сюда и не знает, кто он такой.

Хотя, если признаться, он уже знает, кто он такой, просто не помнит имени, отчества и места жительства. Даже если бы он это помнил, то как бы это ему помогло? Его отец родился в 1922 году, а мать родилась в 1924 году. Дед родился в 1904 году и в 1907 году ему было всего три года. Кто мог подтвердить личность человека, который родится через пятьдесят три года? Никто.

По-моему, ничего искать и вспоминать не нужно. Нужно формировать личность с сегодняшнего дня. Нужно как-то заявить о себе. Но как? Думай, Вася, думай. А почему думать должен Вася, если меня зовут Олег? А Вася – это имя моего отца. Олег Васильевич. Достаточно редкое имя в России после того, «как ныне сбирался вещей Олег отмстить неразумным хазарам».

Что ты хорошо умел делать? Бренькал на гитаре вместе со своим учителем в дивизионном эстрадном оркестре. Хорошо стрелял, имел разряд по стрельбе. Получил хорошую кавалерийскую подготовку. Всем смешно, что в погранвойсках есть кавалерийские подразделения. А как по-другому охранять границу, где не то, что техника, где и человек проходит с трудом. Умею фехтовать и рубить шашкой. Умею командовать взводом, ротой. Нужда заставит, смогу командовать и батальоном, а то и полком.

Следовательно, нужно подтвердить наличие военного и высшего образования, поступить на военную службу и делать карьеру. Или поступить на гражданскую службу, начиная с коллежского регистратора.

Попросим Иннокентия Петровича достать наставление по винтовке образца 1891 года, то есть винтовке капитана Мосина и пулемёта Максим. Стрелял из обоих видов оружия, но в устройство не вникал. Потом нужно проштудировать уставы. А затем пойти сдавать экзамены экстерном.

Ещё нужно не забывать, что в курсантские и офицерские времена баловался стишками гусарского типа. Может, это сегодня и пригодится?

В буфете в большой комнате я нашёл перьевую ручку, чернильницу-проливайку с крышкой на деревянном письменном приборе и несколько листов бумаги примерно формата А4. Несколько листов были гербовыми, на просвет просвечивался государственный орёл, и пара листов были простыми.

Проверив ручку, я положил бумагу на газету, чтобы просвечивающие газетные строки служили трафаретом для письма, и стал писать военно-лирические стихи, которые я помнил:

*На бал спешу, как на свидание,
Пойдём мы с Вами в менюэте,
И знает офицерское собрание
О нашем чувственном секрете.*

*Судьба нас сводит ежедневно,
То мы гуляем в старом парке,
В манерах с Вами мы примерны,
Но мне от Ваших взглядов жарко.*

*Сегодня я пойду в атаку,
Скажу, что очень в Вас влюблён,
Есть реверс и живу в достатке,
И звёздочка украсит мой погон.*

*И Ваш отец, советник статский,
Сам был когда-то капитаном,
Возможно, скажет он по-братски,
Что наша жизнь прекрасна в главном:*

*Любить и дорожить любовью
К жене, детишкам и стране-России,
Их защищать и даже кровью,
Чтобы они на свете жили.*

*Приду я завтра к Вам с визитом,
Мундир надену с орденами,
И Вам колечко с аметистом,
Чтобы удача была с нами.*

*Пусть завтра это будет завтра,
Сегодня мы летаем в танце,*

*Мы, как артисты из театра,
И лица наши все в румянце.*

Олег Туманов

Получилось, вроде бы, неплохо. Сразу на чистовике. Единственное, не хватает ятей и прочей титы и фиты. Буду писать именно так. Кто-то же должен быть оригинальным и выступать за реформу русского языка, упрощая его для большего количества людей, желающих стать грамотными. И фамилия получилась романтическая.

Обедать не хотелось. В загнетке печи стоял чугунок со вчерашними щами. Кстати, печь я проверил, разворошил уголья и вовремя закрыл вьюшку, поэтому в доме было тепло и комфортно. Вообще, в деревянном доме живётся и дышится легче.

В погребе я нашёл мешок картофеля и небольшой бочонок солёных огурцов. На кухоньке видел бутылку с прованским маслом. Хорошая жареная картошка получится на ужин.

Насчёт прованского масла я немного загнул. В бутылке было обыкновенное подсолнечное масло, это в старинных книгах все обязательно пользовались прованским маслом. Не забывайте, что это название оливкового масла, которое привозилось из французской провинции Прованс. А вы посмотрите и сравните цены подсолнечного и оливкового масла, в 1907 году эта разница тоже была немаленькой.

В подпечке отыскался таганок, лучина в дровяном сарае, а нажарить картошки плёвое дело. Кстати, вы хоть знаете, что такое таганок и как им пользуются?

Таганок – это металлическое кольцо с тремя или четырьмя прикованными ножками. На кольцо ставится кастрюля, сковорода, казан, чугунок, а под ними из щепочек разводятся костерок. И всё это делается в поде русской печи. Готовится быстро и без всякой химии.

Кстати, для городских. Под - это горизонтальная поверхность в печи, на которую кладётся топливо. Когда печка горит, то таганком не пользуются. Разводить таганок в поду – это хорошая мера пожарной безопасности, а так, обычно, таганок ставится на железный предпечек, который находится в зоне печной вытяжки.

Картошку я пожарил как раз к приходу из присутствия Марфы Никаноровны.

- Вы умеете готовить? – удивлённо спросила моя хозяйка.

- Любой мужчина должен уметь готовить, на то он и охотник, - с гордостью ответил я.

Посмотрим, как у них там с мясом, и я её угощу настоящим шашлыком или пожарю на тагане настоящие стейки.

После ужина я рассказал, как можно заработать на своём интеллекте. Стихотворение моей хозяйке понравилось.

Завтра Марфа Никаноровна отнесёт моё стихотворение в редакцию газеты «Губернские ведомости» и посмотрим, что из этого получится. Лирика всегда была в цене.

Я сообщил своей хозяйке, что моё имя Олег, по батюшке Васильевич и прозвище Туманов. Она поинтересовалась, как получилось, что мои родители дали мне столь редкое в России великокняжеское имя Олег. Я сказал, что это имя как имя, не хуже других и скоро в России будет столько Олегов, что все Иваны и Василии завидовать этому будут.

Глава 11

Я всё-таки не забыл и спросил своего начальника, почему китайцев называли ходями.

- Ходя – это искажённое китайское слово хуоцзя (huojia), то есть разбойник, - начал как всегда подробно объяснять Его благородие. - Название произошло во время китайских набегов на российские поселения и крепости на колонизованных территориях вдоль рек Аргунь, Амур и Уссури.

- Действительно, разбойники, - согласился я. – Но мы им отобьём охотку нападать на исконные русские территории.

- В отношении исконности надо ещё подумать, - сказал капитан. - Не так давно Его превосходительство генерал-лейтенант Болховитинов Леонид Митрофанович написал большую статью под названием «Колонизация Дальнего Востока». Так что, об исконности этих территорий можно говорить с натяжкой. Так и турки могут сказать, что их Стамбул и бывший Константинополь - это исконно турецкая земля, из которой пошёл весь род турецкий. Не было там турок отродясь. Просто пришли кочевники, завоевали христианские земли и насадили силой ислам. Что бы вот ты, Христофор Иванович, сделал, если бы кто-то пришёл в твою деревню, выгнал вас всех и

сказал, что это его родовое гнездо, и что его предки проживали тут бессчётное количество лет?

Я замялся над этим вопросом. Чё вот мы, мужики, можем сделать против супостата, который сильнее нас. А ничего и не можем сделать, в пояс поклонимся, повинимся, типа, владей нами, батюшка, казни и милуй по своему усмотрению, а мы тебе рабами вечными будем и будем благодарить за ежепятничную порку и вразумление на будущее. Примерно это вот и сказал Его благородию.

- Я так и знал, - сказал господин капитан, - народ, который всю осязаемую историю провёл в рабском состоянии, не может сам решать свою судьбу. Где-то я читал, что когда в Америке освободили африканских рабов и сняли с них ошейники, то многие приходили к хозяину и просили оставить им ошейники, так как без ошейников они не могут спать. Так и русский народ. Это не китайцы, которых много, но они никогда не забудут того, кто их освободил или прогнал с земель, на которых они хозяйничали сотни и тысячи лет. Поэтому они и нападали на русских поселенцев-колонизаторов. Совсем как в Северной Америке, которую колонизировали европейские переселенцы и которые уничтожили местное население – индейцев, корнями своими и обличем напоминавших наши северные народы, дававшие отпор русским землепроходцам, то бишь завоевателям наподобие Ермака Тимофеевича с ватагою поделльников. Ты вот почитай сочинения господина Фенимора Купера, который очень интересно описывал историю завоевания Америки. Возможно, что и в нашей стране найдётся такой же Купер. Читал я писателя Сёмушкина, книга у него «Алитет уходит в горы». Как там чукчей цивилизовали и как они этому сопротивлялись. Хотя нет, подожди, это я чего-то напутал. Индейцы меня с мысли сбили. Так вот, китайцы ещё отомстят нам за то, что мы отняли у них Дальний Восток. Они планировали его полностью заселить и воспользоваться всеми тамошними богатствами, а мы им дорогу и перекрыли, а у них самих неполадки в государстве ихнем были, вот они и не смогли нам противостоять как следует. Китайский мудрец Лао-цзы сказал:

- Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки, и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывёт труп твоего врага.

По этой причине мы никак не можем поворачиваться к Китаю спиной и никогда он не будет нашим другом и партнёром.

Его благородие после этих слов стал задумчиво покачиваться на стуле и о чём-то думать. Наконец, он сказал:

- Слушай сюда, Христофор Иванович, ширина и длина твоих лычек будет зависеть от длины твоего языка. Я на тебе пробую новые идеи и как только увижу понятие в твоих глазах, то считаю, что я понятно довёл мысль. Мои указания записывай в тетрадь, чтобы не забыть, а о том, о чём мы говорим,

забывай сразу. Хотя, можешь и записать для книги воспоминаний обо мне, но только шифром. Я тебя научу, как это делать.

Я действительно собирался и дальше служить на военной службе. Должность писаря не пыльная, даёт доход, государственное обеспечение и возможность выслужиться, если не в офицеры, то в классные чиновники и, хотя погоны будут не военные, но титуловать будут Вашим благородием. А для этого начальника своего нужно уважать и становиться незаменимым для него сотрудником.

- А я умею шифры делать, - доложил я. – В нашей церковно-приходской школе преподобный отец переписывался с учительшей из сельской школы. Мы записки носили туда и сюда, а там одни цифры. Мы подглядели как батюшка записки пишет и заметили, что он пишет при помощи молитвенника. Спичкой в левой руке отсчитывает количество букв от края страницы и количество строк сверху. И получалось четыре цифры. Мы переписывали записки и при помощи молитвенника по странице батюшки расшифровывали эти послания. Долго это шифровать. Короткую записку зашифровать можно, а вот длинный тест займёт очень много времени.

- Ничего, - сказал Его благородие, - я научу тебя более эффективному способу шифрования по методу господина Конан Дойля.

Глава 12

На следующий день я не брился, чтобы у меня зажили порезы, а Марфа Никаноровна обещала меня брить, так как ей это приходится частенько делать с больными, не имеющими сил бриться самим.

День прошёл нормально, хотя и в некотором ожидании результата похода Марфы Никаноровны в редакцию газеты.

Хозяйка нашла ещё бумаги для моих литературных изысканий. И вот что у меня получилось:

*В гусарах трудно быть корнетом,
Не все зависит от красы,
Улыбки дамочек с лорнетом
И не растут пока усы.*

*И нет войны для честной славы,
Но льётся реками вино,
Качались храмы златоглавы*

И дамы в красных кимоно.

*А по утрам езда в манеже,
Вольтижировка, рубка лоз,
Никто не скажет, что ты нежен,
Но сколько льётся ночью слез*

*У дев, обиженных вниманием,
У них потом наступит время,
И пусть посмотрят утром ранним
На сапожок, входящий в стремя.*

*Пройдут года и капитаном
Войду с визитом я в ваш дом,
Напомнит кивер мой с султаном
Об офицере молодом.*

Вечер оказался наполнен неожиданными событиями. Марфа Никаноровна пришла вместе с Иннокентием Петровичем, с которым я тепло поздоровался, и он был рад меня видеть.

Марфа Никаноровна торжественно подняла ассигнацию в пять рублей и объявила, что моё стихотворение принято и оно будет опубликовано завтра, а это гонорар в пять рублей. И они ждут новых стихотворений от Олега Туманова.

Это было неплохо. Творческих замыслов у меня много и мне нужно зарабатывать деньги

Ужинали мы втроем и во время ужина я рассказал о своём желании поступить на военную службу вольноопределяющимся для подготовки к сдаче экзаменов по курсу университета и кавалерийского военного училища. Кроме того, служба вольноопределяющимся поможет усвоить мне особенности службы рядовых. Если у Иннокентия Петровича есть знакомые военные, то они мне могут дать консультацию по устройству затвора винтовки и пулемёту Максим, либо я сам разберусь с ними по наставлениям по эксплуатации.

Иннокентий Петрович приветствовал это предложение и высказал сомнение в том, смогу ли я сдать такое количество экзаменов. На это у всех его знакомых уходило не менее двух лет.

- Ничего, Иннокентий Петрович, - сказал я, - сначала нужно ввязаться в драку, а там будет видно.

Марфа Никаноровна предложила одеть меня в модный и универсальный костюм водителя автомобиля: хромовые сапоги, галифе цвета хаки, английский китель, рубашку с галстуком и кожаную фуражку с клапанами. Это поможет и в решении вопроса поступления на военную службу.

На том и порешили.

Дни пошли за днём. Занятия по математике, физике, химии в рамках тех программ, которые были в 1907 году. Изучение наставлений по службе и по вооружению, которые можно было свободно купить в магазине. Какой секрет могла иметь винтовка, выпущенная в количестве свыше четырёх миллионов единиц, да и пулемёта, состоящего на вооружении десятков государств?

Одежду из магазина доставили приказчики. Они же сняли мерки и подогнали всё по фигуре. Сейчас я выглядел как щёголь, приехавший из Англии и мог выходить на улицу в тёплом пальто с черным меховым воротником.

Полиция ничем не могла обрадовать. Человек с моими приметам не значился нигде. К описанию приложили мою фотографическую карточку и дело отправили в архив, вдруг когда-то и кто-то найдётся.

По ходатайству полиции и с разрешения местного митрополита был проведён обряд православного крещения с записью в метрической книге, что такого-то числа крестился раб Божий Туманов Олег Васильевич, урождённый здесь же сентября шестого дня в одна тысяча восемьсот восемьдесят втором году.

На основании этой метрики мне был выписан паспорт, то есть выдана паспортная книжка, в которой было указано о моей принадлежности к почётным гражданам, то есть потомкам людей, имевших личное дворянство. Это было очень здорово и не обошлось без знакомств с сильными мира сего, которые уже знали меня по газете, и молодые женщины требовали публикаций стихов Олега Туманова, в связи с чем мои гонорары увеличились.

По схемам я достаточно легко разобрался с винтовкой капитана Мосина. Интересующиеся могут легко найти информацию о винтовке. Как раз с изучения простых механизмов начинается научная деятельность и становление инженеров-механиков и изобретателей.

Система призыва в российскую армию того времени была очень интересной.

Призывной возраст двадцать лет. Одна треть призывников призывалась на действительную военную службу посредством жребия. Остальные зачислялись в ополчение и проходили подготовку на кратковременных сборах.

Призыв один раз в год в зависимости от сроков уборки урожая, в сентябре или октябре-ноябре.

Срок службы три года в пехоте и артиллерии и четыре года в других родах войск. Во флоте срочная служба пять лет. Лица еврейской национальности не допускаются во флот. И только лишь из проявления государственного антисемитизма.

Призыву на воинскую службу не подлежали жители отдалённых мест, таких как Камчатка, Сахалин, некоторые районы Якутской области, Енисейской губернии, Томской, Тобольской губерний, Финляндии, инородцы Сибири, Астраханской, Архангельской губерний, Степного края, Закаспийской области и население Туркестана.

Вместо воинской повинности вносят денежный налог инородцы Кавказского края и Ставропольской губернии, как-то: курды, абхазцы, калмыки, ногайцы и другие. Финляндия отчисляет от своей казны 12 миллионов марок ежегодно.

Не подлежат призыву: единственный сын в семье; единственный способный к труду сын при недееспособном отце или матери-вдове; единственный брат при круглых сиротах до шестнадцати лет; единственный внук при недееспособных бабке и деде без взрослых сыновей; внебрачный сын при матери на его попечении; одинокий вдовец с детьми.

Добровольно с семнадцати лет принимаются на службу вольноопределяющимися лица с высшим и средним образованием. Срок службы два года.

Мой первый экзаменационный тур был проведён в Первой городской гимназии. Комиссию возглавлял попечитель учебного округа действительный статский советник, статский генерал в ранге, равном генерал-майору.

Кстати, чтобы не забыть.

Если вдруг этого статского, то есть штатского генерал-майора призовут в армию, то он будет иметь тот чин, который он имел в армии. Если был унтер-офицером, то и останется унтер-офицером, независимо от того, что в статской службе он был генералом. А вот если военный генерал-майор выйдет в статскую службу, то он сразу будет действительным статским советником и никак не коллежским регистратором. Так что военная служба в России всегда почиталась выше статской.

В экзамены были включены: сочинение на свободную тему, контрольная по математике (арифметической пример, алгебраическое уравнение,

доказательство теоремы по геометрии), собеседование по физике, химии, иностранному языку и Закону Божьему.

Сочинение писал не более тридцати минут. Описал, почему я избираю военную стезю и что я хотел получить от военной службы. Математику решал сразу на доске. Затем было увлекательное и достаточно утомительное собеседование с преподавателями по их направлениям.

Экзамен продолжался без малого три часа. Некоторые преподаватели выходили покурить, а я был один и за меня некому было покурить.

Подведение итогов было назначено на послеобеденное время.

Все хорошо оценили содержание сочинения, но начали охать и ахать по поводу отсутствия ятей и латинских i.

- Разве поймут этот язык образованные люди? – воскликнул директор гимназии, надворный советник.

- Ваше высокоблагородие, - сказал я, чем доставил удовольствие директору поминанием его титулования, - просвещённые умы России составляют проекты упрощения письменной части русского языка, равно как и китайские коллеги их работают над упрощением китайского языка, чтобы как можно больше людей были грамотными и способствовали распространению их языка по всему миру. Мне кажется, что Россия намного опередит Китай и сделает русский язык наиболее употребимым как на просторах нашей империи, так и за пределами её.

- Как же вы будете жить без греческого языка? – вопрошал преподаватель древних языков.

- Я думаю, - отвечал я, - что когда Греция войдёт в состав Российской империи, то грекам придётся учить русский язык, а такие специалисты греческого языка, как вы, будут работать наместниками в греческих провинциях и нести свет цивилизации в их заблудшие души.

Я рисковал с этим ответом, но он получился очень удачным в свете намерений российской власти завоевать черноморские проливы и распространить своё влияние на бывшую Византию, в которую входили и греческие города-государства. Поэтому и за знание греческого языка, вернее за его полное незнание, мне был поставлен «уд».

Ответ очень понравился батюшке, и он попросил прочитать наизусть Отче наш, что и было сделано со всей тщательностью и почтением.

После получасового совещания мне было объявлено об успешной сдаче экзамена экстерном за полный курс гимназии с похвальным листом по результатам экзаменов.

Урррааа!

- А сейчас, уважаемый Олег Васильевич, приглашаем вас на маленький фуршет по поводу встречи с известным поэтом, наши дамы уже всё приготовили, - пригласил попечитель учебного округа.

Фуршет был хорош, а у меня появился ещё один документ, легализующий моё нахождение в том времени, в которое я попал.

В конце фуршета я прочитал моё давнее стихотворение, чем привёл всех в восторг. Это стихотворение ещё не публиковалось в губернских ведомостях и в списках быстро разошлось по всему городу.

*Мне природа была вместо няни,
На базарах я пел куплеты,
Говорят, что из горькой пьяни
Вырастают у нас поэты.*

*Да, я пью, и с друзьями, и в меру,
Да, я дрался в кабацком дыму,
Но я дрался за русскую веру
И за что-то ещё, не пойму.*

*Только утром в глухое похмелье
Просыпался с подругой другой,
Кто же сыпал в вино моё зелье,
Почему я в постели нагой?*

*Знаю, музу прислали в награду,
Видно, страсти им мало в стихах,
Дайте кислого мне винограда,
Я покаюсь в грядущих грехах.*

*А пока разбужу свою деву,
Словно меч её чёрная бровь,
Ублажу я свою королеву,
Разгоню загустевшую кровь.*

И последний тост провозгласил батюшка:

- За веру!

И я добавил:

- Царя и Отечество.

И тут поднялись все как один и запели:

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!*

Последующие дни были заполнены трудами по восстановлению знаний. Иннокентий Петрович приглашал знакомых репетиторов, я штудировал военные наставления, уставы и всё то, что касается военной службы. Это для меня как родное и ближе всего. По два-три раза в неделю я пишу стихотворения, которые охотно принимает для публикации газета «Губернские ведомости» и даже выплачивает гонорар, который является моей заработной платой. Я серьёзно готовился к экзаменам за курс гимназии, а это очень трудно, и видел уважительное отношение к этому моей хозяйки.

Я безмерно волновался, когда предстал перед авторитетной комиссией в Первой городской гимназии для сдачи экзамена за полный курс обучения. Всё-таки я был не недоросль, а вполне зрелый мужчина, которому нужно подтвердить свою личность и имевшиеся знания. Оценка отлично с похвальным листом. Вернулся домой под шафе, но в нормальном состоянии.

Глава 13

Моя литературная работа в газете приносила свои плоды в виде гонораров и печатания откликов читателей, что подогревало интерес к моей персоне и я начал получать приглашения на спектакли, заседания литературных кружков. А от стихотворения «Маргарита» даже Марфа Никаноровна стала смотреть на меня как-то с ревностью. И когда Марфа Никаноровна меня брила, я иногда ловил себя на мысли, что женщину с опасной бритвой в руках около твоей шеи дразнить нельзя.

*Жила на свете сеньорита,
С губами алыми, как роза,
Её все звали Маргарита.
Всегда нежнее абрикоса,*

*На щёчках солнца поцелуй,
В глазах играющий чертёнок
Под звуки нежной «аллилуйи»,
Но все равно ещё ребёнок,*

*Когда в толпе её увидел.
С дуэньей шла она к обедне,
И шли за нею, словно в свите,
Три дона, лишние на сцене.*

*И мой клинок, быстрее мысли,
Сверкнул, как молния в грозу,
И величавость сразу смыли
Удары шпага и боль в глазу:*

*Кусочек стали в глаз попал.
Я дрался яро, безрассудно,
Но был убит я наповал,
И помню как-то очень смутно,*

*Что кто-то лоб мой целовал,
Слезами щеки орошая,
Достав из ножен мой кинжал.
Вот Маргарита дорогая*

*Со мною под руку идёт,
У нас в раю любовь большая,
Нам песню славы хор поёт,
И нас ласкает ветер мая.*

Наступило лето. Вместе с Марфой Никаноровной мы вскопали и засадили огород. Я занимался подготовкой к экзаменам за курс университета, писал контрольные работы по заданиям, полученным в губернском университете.

Кстати, в этот же период я поспособствовал внедрение одного технического новшества в огородничество Степного края и других губерний. Готовясь к вскапываю огорода, я вспомнил о том, как умельцы из моего времени делали приспособления для рыхления почвы. Практически, это были

вилы, к которым на шарнирах крепилась металлическая решётка. Огородник втыкал вилы в землю и поворачивал вилы, поднимая и рыхля землю в пределах решётки. Кузнец жил через три дома от нас, и я заказал ему этот агрегат, уплатив пять рублей за работу. Вилы мне принесли через три дня. Мы вместе опробовали их и остались довольны. А вскоре это изделие появилось во всех скобяных магазинах и лавках, а кузнец здорово наварился на этом, запатентовав изобретение и став монополистом по их производству. Где-то через полгода он зашёл к нам в гости, одетый как преуспевающий буржуа с толстой золотой часовой цепью на брюхе, поблагодарил за идею и положил «катеньку» на стол.

- Если, Ваше благородие, - сказал он, - придумаете ещё что-то механическое, то завсегда буду ждать вас у себя.

Наш город Энск был не сильно большим, но он стоял на перекрёстке дорог между Европой, Азией и Средней Азией и наука в нём процветала, готовя квалифицированных чиновников для туземных администраций и учреждений в соседних губерниях. Кроме того, в городе находилось управление Западносибирской железной дороги, а это большое количество инженерных и технических кадров. В городе было и своё военное казачье кадетское училище, позднее переведённое в разряд кадетских корпусов.

Наши отношения с Марфой Никаноровной были дружескими. Досужие языки болтали чётко те что о хозяйке и её квартиранте, да я и сам понимал двусмысленность этой ситуации, так как занимался мужской частью домашнего хозяйства, а Марфа Никаноровна женской. Ну чем не семья, живущая скромно и добропорядочно? А то, что невенчаны, так это дело современное.

Марфа Никаноровна была очень даже недурна собой во всех отношениях, одевалась со вкусом, носила модную причёску, но возраст...

В наши времена тридцать пять лет для женщины особо ничего не значили. В этот период она делает карьеру, а потом создаёт семью. Правда, не у всех это получается.

В субботу вечером мне пришлось поговорить с Марфой Никаноровной по вопросу моего проживания у неё и что моё нахождение в доме с одинокой женщиной может её скомпрометировать, поэтому я буду вынужден искать другое жильё, хотя уже освоился в этом доме и было бы жалко покидать это жилище, ставшее для меня убежищем в очень трудные времена.

Марфа Никаноровна внимательно выслушала мои рассуждения, сразу заплакала, встала и ушла в свою комнату.

Я сидел и не знал, что мне делать. Идти и успокаивать женщину, или не идти никуда и стать чёрствым сухарём, доведшим женщину до слез. Так и так получается как-то нехорошо.

Я сидел в своей комнате, Марфа Никаноровна – в своей комнате.

- Может, так оно будет лучше, - думал я, - сейчас все проревутся, снимут напряжение, а завтра на свежую голову подумают, что так оно лучше. Как это там у Лермонтова? Была без радостей любовь, разлука будет без печали. Но наш случай никак не похож на лермонтовский. Мы уже привыкли заботиться друг о друге и наши отношения давно переросли рамки простой дружбы, хотя это ни в чём не выражалось.

Ближе к полуночи я умылся, почистил зубы и лёг спать.

Не спалось и вдруг я почувствовал, что около дверей в мою комнату кто-то стоит. Догадаться было нетрудно, потому что кроме нас двоих в доме не было никого.

Затем послышался лёгкий стук в дверь и дверь начала открываться. В проёме двери стояла женщина в белой длинной рубаше и с распущенными волосами. Закрыв дверь, она неслышно проскользнула ко мне и легла в мою постель.

Мы не говорили ничего. Всё было сказано давно и без слов. Наш первый поцелуй был таким длинным, что мы чуть было не задохнулись от недостатка воздуха.

Марфа Никаноровна была неопытной в этих делах и мне пришлось учить её всему, что я знал сам, и сделать так, чтобы первая ночь нашей любви не стала причиной появления ещё одного человека в нашей компании.

Если я собирался поступить на военную службу, то мне нельзя быть женатым, чтобы стать офицером, а офицеру нельзя жениться до тех пор, пока он не заработает себе реверс, то есть определённую сумму денег, которая позволит ему содержать семью в тех условиях, которые приличествуют офицеру армии его императорского Величества.

Утром я встал пораньше и приготовил кофе, который мы недавно купили в лавке колониальных товаров.

С маленьким подносом я вошёл в свою комнату и увидел, что Марфа Никаноровна уже проснулась, лежит в постели с гитарой в руках и напевает романс господина Зубова:

*Не уходи, побудь со мною,
Мне так отрадно и светло,
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.*

*Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.
Побудь со мной,
Побудь со мной!*

*Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.
Побудь со мной,
Побудь со мной!*

*Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди.
Восторг любви нас ждёт с тобою,
Не уходи, не уходи!
Восторг любви нас ждёт с тобою,
Не уходи, не уходи.
Побудь со мной,
Побудь со мной!*

Я присел рядом и стал подпевать, потому что этот романс я уже слышал и хорошо знал его слова.

Марфа Никаноровна признавалась, что поэт Олег Туманов стал известным человеком в губернском обществе и у него появились такие знакомства, что в любой момент он может расправить свои крылья и улететь куда-то в неведомое далеко один. И она не стала ждать. Если мужчина не решается сделать первый шаг, то этот первый шаг должна сделать женщина. И она его сделала. Прыгнула с головой в неведомый для неё омут.

Глава 14

Контрольные работы для сдачи экзаменов по университетскому курсу были похожи на диссертации и кроме письменного изложения материала я ещё должен был его защитить, то есть рассказать его комиссии и ответить на вопросы.

Я сам не мог поверить в то, что я способен на это, но система обучения в советском военном училище давала твёрдые знания по всем изучаемым предметам.

Главное, что ежедневно нам выделялось по два часа на самоподготовку к следующим занятиям. Хочешь не хочешь, а два часа сидишь в классе и повторяешь материал.

Второе. Квалификация преподавателей. Чёткое изложение материала, его конспектирование и дополнительная подготовка по учебникам.

Наш преподаватель по математике был человеком либеральным и не ставил нам двоек. Если не подготовился, то в журнал ставилась точка. Набиралось пять точек и вас приглашали на дополнительные занятия, где вам предоставлялась возможность решить пятьсот примеров по математике. Можно пользоваться любыми учебниками, справочником. Главное – решить примеры. Это почище всякой самоподготовки. Пожалуй, это самый лучший метод изучения математики. Мы в уме решали дифференциалы и слёту брали третьи и четвертые производные, а потом начинали находить прелесть в математике и залезали в такие дебри, что милому преподавателю с трудом удавалось вытащить нас оттуда. Зато на госэкзамене по математике мы все примеры щелкали как орешки.

Кое-кто будет выражать сомнения в том, что пограничный офицер войск КГБ с квалификацией общевойсковой командир с высшим общим образованием может прекрасно знать высшую математику, не будучи, например, артиллеристом или инженером, потому что эта высшая математика на границе ему нахрен не нужна, и он будет прав. Мы сами не понимали, зачем нам эта сверхвысшая математика, математический анализ, дифференциалы и логарифмы, программирование, которые мы долбили в течение четырёх лет и сдавали государственный выпускной экзамен по высшей математике, который у нас принимали профессора кафедры математика Казахского государственного университета. Просто на основе высшей математики нам давали высшее общее образование. И сразу после выпуска из училища с ромбиком бирюзового цвета с гербом СССР и красной звёздочкой под ним мы благополучно забыли эту математику и никогда не вспоминали о ней, но мне пришлось вспоминать всё изученное, благо времени со дня выпуска в офицеры прошло не так уж и много.

Я не буду называть темы контрольных работ, но потрудиться пришлось усердно. Затем нужно писать стихи для заработка и научные трактаты для будущего. Я даже удивлялся себе. Откуда у меня столько сил и способностей, чтобы выдержать такую нагрузку. Вероятно, помогала близость с Марфой Никаноровной. Я знал, что в одиночку выживать в этом мире невозможно. Можно, но это будет очень трудно.

*Устал от жизни беспробудной,
Всё те же сцены, тот же сон,
И режиссёр ужасно нудный,
И рвёт пластинку граммофон.*

*А ночь нарочно не приходит,
Манит закатом и луной,
И мчатся в море пароходы,
И капитан идёт за мной.*

*А как скучна ночная вахта,
И имя ей - собачий час,
Далёкий слышен звон набата
И ходят беды возле нас.*

*Течёт песком немое время,
И пуст бокал молодой любви,
А на седле ржавеет стремя
И сахар лести ядовит.*

*Возможно, я не в этой книге,
Ошибся полкой и был пьян,
Я дома на пиратском бриге,
И прошлое сплошной бурьян.*

Такие стихи очень нравятся девушкам и томным юношам, мечтающим о путешествиях, пампасах и приключениях господина Фенимора Купера. Мне говорили, что в моих стихах что-то декадентское, упадническое, но вместе с тем тревожащее душу и зовущее вперёд к новым приключениям. По этой причине число подписчиков газеты «Губернские ведомости» увеличилось, а театральные критики даже стали разбирать мои стихотворения и подвергать их критике, что несомненно способствовало росту моей популярности. А вот это стихотворение понравилось даже городскому голове, и он одобрительно высказался о моих литературных способностях.

*Энск был столицей старинной Сибири,
Главный начальник над краем Степным,
Пышный собор осенял штаб-квартиру
И фонари тусклым светом ночным.*

*Пары влюблённых сидели в салонах
И танцевали в губернских балах,*

*Степи сгибались в восточных поклонах,
Рядом с ереями муллы в чалмах.*

*Завтра в театре спектакль по Шекспиру,
Гамлет, принц Датский, убийства и месть,
Плакали дамы, актёрскому миру
Стол был накрыт и оказана честь:*

*С ними вкушал городской голова,
С орденом Анны и в вице-мундире,
После о том говорила молва,
Что для актёров построят квартиры.*

*Что же не скажешь красивым актёркам,
С неба луну и все звёзды в букет,
Красная рыба к белым скатёркам,
И волшебство – театральный буфет.*

*Утром доклад, что запущена конка,
Как на чугунке – по рельсам вагон,
И колокольчик звякает звонко,
Через весь город всем людям прогон.*

В десятых числах августа месяца я сдал контрольные работы в административную часть университета вместе с прошением о принятии экзаменов по курсу университета экстерном, копиями метрики и ведомости сдачи экзаменов экстерном за полный курс гимназии с похвальным листом.

Через неделю пришёл ответ, что экзамен назначен на первую декаду сентября месяца шестого числа.

Шестое сентября это же мой день рождения. Знаменательно для знаменательного события. Ну, это не в смысле, что я человек очень значительный, просто сдача экзаменов по университетскому курсу событие значительное для меня. Как у Гамлета: быть или не быть, вот в чём вопрос!

Кстати. Я не сторонник празднования этих всех дней рождений. Каждый родившийся малыш с первого дня и с первого шага упорно движется в направлении кладбища. Иного пути нет. И каждый год собираются люди, чтобы с бокалом в руке произнести панихидные речи о том, какой ты был хороший, какой ты был внимательный к людям, как тебя любили окружающие, дарят тебе всякую ненужную всячину и кричат с восторгом, что ты ещё на один

год ближе к тому месту, которое называется погост и ждёт тебя деревянный ящик и холмик сырой земли.

Вместо дня рождения нужно собирать друзей по самым разным событиям или причинам. Или просто так, потому что соскучился по ним.

Вот и мы с Марфой Никаноровной готовимся к выезду на воскресный пикник с рыбалкой и с друзьями, где я обещал сварить настоящую рыбацкую уху.

Выезд - это очень громко сказано. Просто от дома нужно пройти примерно пятьсот метров до маленькой речушки, по имени которой назван губернский город. Если ещё пройти пятьсот метров вниз по течению реки, то речка впадает в большую реку, где двести с лишним лет высадился царский посланец подполковник Бухгольц с командой для основания крепости.

Компания у нас небольшая. Иннокентий Петрович с супругой и детьми, помощник участкового пристава Иванов-третий, Марфа Никаноровна и я. Шесть человек. Нужно наловить рыбы, почистить её и сварить уху.

Я уже и место подобрал на реке. На спуске выкопал ямку, чтобы там получилась импровизированная печка для котелка, и наломал сухих веток для костра.

Глава 15

Воскресный выход получился на славу. В мастерской отца Марфы Никаноровны я смастерил лёгкую тележку из ореховых брусков и небольших колёсиков от детских колясок на резиновом ходу.

Использовать ореховые бруски для такого дела, конечно, расточительно, но я же не краснодеревщик и не собирался заниматься изготовлением мебели в будущем, а эти бруски требовали минимальной обработки рубанком, чтобы они стали изящными и круглыми.

К тележке я прикрепил высокую брезентовую сумку, которую мы по случаю купили на блошином рынке недалеко от Казачьего собора.

В сумку мы положили котелок, лук, чеснок, специи, бутылку засургученной водки, бутылочку вина для дам, ложки, вилки, тарелки, кружки, другие продукты, обязательный плед, летний зонтик, чтобы Марфа Никаноровна не обгорела на солнце, и всё это легко перевозилось на тележке, не обременяя нас тяжестью всего приготовленного.

К месту встречи мы прибыли практически вовремя. Моя тележка привела всех в восторг, а мужчины начали отпускать шуточки по поводу того, что я смогу хорошо зарабатывать на перевозке товаров, закупаемых любителями на неделю впрок.

Каждый попробовал взять мою тележку и отметил, что это намного удобнее, чем тащить корзину с припасами в руках.

Место для пикника было выбрано удачно и там не было большого наплыва отдыхающих, хотя вокруг уже разместились несколько семейных компаний.

Я быстро собрал свою бамбуковую удочку, купленную в магазине для охотников и пошёл удить рыбу. Надо сказать, что в те времена не было такой лески, какая есть сейчас. Синтетические лески появились за границей только в 1935 году, а я купил прочную плетёную леску из белого конского волоса. Относительно прочную. Там были лески из конского волоса машинного кручения, но они были менее прочные. Были лески из кручёного шёлка, но их хватало на одну-две рыбалки. Зато крючки были неплохие.

Удочку я настроил на донный вариант ловли, когда свинцовый груз удерживает леску на одном месте, а поводок с наживкой болтается на течении и привлекает рыбу.

Надо прямо сказать, что раньше рыбы было больше и она была крупнее. Это мы поймали всю рыбу в реках и потравили её всякими гербицидами и отходами промышленных предприятий. Раньше и промышленности было меньше, и химии всякой почти не было, разве что бытовые отходы из туалетов выливались куда-то, я не уточнял куда, но мимо рек они не проходили и не в черте города, это не всеобщая канализация.

Ко мне подошли, дымя папиросами, Иннокентий Петрович и Иванов-третий.

- Так-так, - сказали они, - осваиваем дедовские методы добывания пропитания из сибирских рек?

И тут у меня удочку дёрнуло. Подсечка и я ловко вытащил крупного чебака, граммов на двести. У моих компаньонов даже глаза заблестели.

Обновив наживку, я снова забросил удочку, и поклёвка не заставила себя ждать. Я почувствовал, что леска начала уплывать, как будто кто-то поднял её со дна и течение подхватило. Такими проделками отличаются лещи и караси. Сделав подсечку, я с трудом вытащил большого леща. Тут и количество зрителей за моей спиной удвоилось.

За последующие десять минут под аплодисменты я поймал небольшую щучку и крупного чебака. Всё, хватит, рыбалку нужно прекращать, да и не забывать рыбалку позднее, как необходимый приварок для нашего с Марфой Никаноровной стола.

Прямо на берегу я почистил рыбу, выбросив отходы в реку на прокорм хищных рыб.

Нарезанную рыбу на тарелке отнесли к нашему столу, а я с котелком воды пошёл к импровизированной печке и разжёл приготовленный костерок.

Рыба готова для приготовления. Вода на огне. Быстро почистил лук, почистил картофель, отправил Иннокентия Петровича мыть его. Иванов-третий сообщил, что вода закипает. Отлично. Взял рыбу и специи и пошёл к котелку. Посолил воду, бросил специи и как только закипела вода опустил туда рыбу. И ещё напомним. Обязательно удаляйте жабры рыб. Это как фильтры, через которые фильтруется речная вода.

Рыба будет вариться минут пятнадцать. Как только побелеют глаза, будем выкладывать рыбу на большую тарелку. Картофель и морковь я нарезал мелко, чтобы быстрее сварилась. Не верьте никому, что нужно резать картофель крупно. Это только для лентяев.

Во время варки я как заправский повар сновал туда и сюда, проверяя, как всё накрыто на столе. А на столе кроме ухи было вполне достаточно всякой снеди.

Сняв готовую уху с огня, я взял одну горящую головёшку и пошёл с ними к столу. На виду у всех я потушил головёшку в ухе, а затем влил в уху граммов пятьдесят водки.

Уха была оценена на пять баллов. Мы выпили по рюмочке водки и поели ухи. Я тоже ел её с огромным удовольствием, как будто сто лет не ел.

Кстати, вы думаете, что я тушил головёшку в ухе и лил туда водку для аромата? Ничуть не бывало. Это делается для того, чтобы уничтожить запах речной тины от воды и от рыбы.

Также никто не знал, чем отличается уха от рыбного супа. Всё очень просто. Если на столе есть водка, то из рыбы получается уха, если водки нет, то это рыбный суп.

Иннокентий Петрович спросил меня, не помню ли я, где так ловко научился чистить рыбу, картофель, овощи и где научился рыбалке?

Говорить правду я не стал и врать тоже, поэтому и сказал, что не помню, но это умение не является лишним для жизни человека.

После ухи я сообщил, что экзамен по университетскому курсу назначен на шестое сентября и что мне сейчас будет нужна удача и поддержка моих друзей.

Иннокентий Петрович как постоянный оптимист сказал, что он нисколько не сомневается в успешности сдачи мною экзаменов, но вот куда далее меня поведёт стезя с университетским значком на груди?

Я сказал, что думаю попробовать себя на военном поприще, так как военная служба это самая уважаемая и почётная служба, хотя и сопряжённая со многими опасностями, но разве мы даже здесь защищены от этих опасностей?

Я сидел с разделочным ножом Иванова-третьего в руках, которым только что нарезал ветчину. Внезапно моё внимание привлёк молодой человек, довольно высокого роста и чахоточного вида с рукой в правом кармане брюк, который напрямую шёл к нам с явно недобрыми намерениями.

Иванов-третий курил в сторонке, чтобы дым не попадал на дам и на детей, и стоял вполоборота к нам и вполоборота к неизвестному человеку. Он как бы участвовал в общем разговоре и мельком видел идущего к нам человека. Шагах в семи молодой человек остановился, выхватил из кармана револьвер и закричал, целясь в Иванова-третьего:

- Именем российской социал-демократической рабочей партии...

И тут я метнул в молодого человека нож, зная его центр тяжести и примерно рассчитав, сколько оборотов сделает нож перед попаданием в цель.

Нож как-то легко вонзился в грудь террориста, и он упал, не успев сделать выстрела. Иванов-третий и я метнулись к злоумышленнику. Я прижал ногой к земле руку с револьвером, а Иванов-третий достал из кармана миниатюрные японские бронзовые наручники, которые надеваются на большие пальцы, и надел их на преступника.

Иннокентий Петрович осмотрел раненного и определил, что, в принципе, рана опасная, но если не трогать нож, то можно успеть доехать до больницы и оказать ему медицинскую помощь.

Наш полицейский друг вышел на городскую улицу и поймал извозчика, на котором приехал к нам минут через десять.

Мы погрузили раненного на извозчика, Иванов, Иннокентий Петрович и Марфа Никаноровна поехали вместе, а я остался с женщинами и детьми.

Все были в шоке. Я налил женщинам вина и налил себе водки. Я умел стрелять, знал навыки рукопашного боя с винтовкой, рубки шашкой, но мне ни разу не приходилось применять военные навыки в отношении живых людей. Всё получилось быстро и механически, и только сейчас ко мне стало приходить осознание того, что я мог убить живого человека.

Посидев ещё немного, мы сполоснули в реке использованную посуду, собрали вещи и погрузили всё на мою тележку, освободив всем руки. Выйдя на городскую улицу, я нанял извозчика и развёз по домам женскую половину компании.

Со слов Марфы Никаноровны, я оказался мастером на все руки. Она слышала, что в военных училищах будущих офицеров учат какому-то ремеслу, чтобы офицер не был беспомощным ребёнком в трудной ситуации.

Ручная тележка, сделанная им из тонких деревянных брусков орехового дерева, стала просто незаменимой помощницей в выходах на рынок и в выездах на пикники, не отягощая руки разным имуществом и продуктами.

Кроме столярного мастерства, я оказался удачливым и умелым рыбаком. А во время последнего пикника метнул нож в террориста, покушавшегося на полицейского чиновника Иванова-третьего. Хорошо, что рядом была она с Иннокентием Петровичем и успели спасти преступника для последующего допроса и наказания.

Глава 16

Марфа Никаноровна вернулась домой к вечеру.

- Революционер будет жить, - сказала она. – Нож достали, ещё немного и не было бы необходимости доставать его операционным путём. Ты раньше умел метать ножи?

Я пожал плечами, вспоминая, как мы тренировались в метании штык-ножей от автомата. Они не были приспособлены для метания и иногда ломались, но это была наша инициатива и мы нашли книги, которые разъясняли технику метания ножей. Любое умение всегда когда-нибудь пригодится. Я вспомнил старую пепельницу, которая стояла на комод у моей тётки. Пепельница была дореволюционная и на ней с ятями был нарисован ребус, который читался так: «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет, а само в рот протянет». Так и военное ремесло особо-то и не отличается от другого ремесла. Не брось я нож, то оперировали бы Иванова-третьего, и не факт, что он бы выжил после стрельбы в него из револьвера с близкого расстояния.

- Мне приходилось ассистировать в операциях, - сказала Марфа Никаноровна, - но это всё люди чужие мне, пострадавшие неизвестно где, то есть прямо не имеющие ко мне отношения, но здесь я была не только медицинская сестра, но как непосредственный участник боя, в котором пострадал человек, нёсший нам зло.

- Успокойся, - сказал я, - на нашем веку будет не одна война и к этому нужно привыкать. А это был не бой. Просто так, стычка. Мы сейчас допьём вино с ветчиной, а потом я заварю чай с пустырником, и ты завтра ничего не будешь помнить.

На следующий день пришёл Иванов-третий с благодарностью за чудесное спасение от террориста и сказал, что на завтра меня приглашает к себе полицмейстер полковник Грудинин Павел Иванович.

- Ты не задумывался над тем, почему именно на тебя было направлено покушение? – спросил я. – Без обиды, но ты не настолько важное должностное лицо, как например, полицмейстер или участковый пристав. Почему именно тебя хотели застрелить именем РСДРП?

- Я просто не даю спуска этим социалистам, - гордо сказал Иванов-третий. – Меня каждая социалистическая собака знает, мою методику проведения обысков они будут помнить всю жизнь.

- То есть, ты бьёшь людей с социалистическими взглядами направо и налево и из принципа ломаешь людям жизнь и имущество? – спросил я.

- Ну, не из принципа, а из мести, потому что они хотят, чтобы какой-нибудь ремесленник был равен мне, - возмущался Иванов-третий. – А они, понимаешь ли, хотят разрушить весь мир насилия до основания, а затем построить мир, где всем станет тот, кто был ничем. Как это можно допускать?

- А ты не пробовал из песни убрать слово «насилия»? – спросил я. – Мне кажется, что оно здесь самое главное. А ещё там есть весь мир голодных рабов. Ты не думал, что если убрать насилие, голодных и рабов, то никакой мир разрушать не надо? Тогда нужно строить хорошую и красивую жизнь для всех людей.

- Как-то не задумывался над этим, - признался мой полицейский приятель. – Я человек подневольный, что прикажут, то и делаю.

- И ты останешься во всём виноватым, потому что это ты делаешь, - сказал я, - а те, кто отдавал тебе приказы скажут, что это твоя инициатива, а они не приказывали тебе это делать. Ты же не приложишь к материалам суда, если таковой состоится, вернее, если тебе дадут дожить до него, их слова или

бумажку с приказом избивать задержанных и ломать у них домашнюю утварь. Есть у тебя такая бумажка?

- Что-то ты как социалист говоришь? - подозрительно спросил Иванов-третий. Сразу видно, что полицейские бывшими не бывают и что полицейский - это навсегда, как проказа. – Может и ты книжечки подпольные почитываешь?

- Тебе бы тоже не помешало книжечки подпольные почитать, - сказал я, - и называются они просто «История». Там подробно описывают революции в Англии и Франции, гражданскую войну в американских Соединённых штатах. Я уже не говорю о физике с третьим законом господина Исаака Ньютона.

- А Ньютон-то здесь при чём? - удивился третий Иванов.

- А третий закон Ньютона в физике гласит, что сила действия равна силе противодействия. Чем сильнее ты бьёшь задержанных, тем сильнее это аукнется на тебе и на твоих близких. Не забывай и о них. И помни, чем сильнее ты бьёшь лбом в дубовую дверь, тем сильнее у тебя болит голова. Я не Кассандра, но сдаётся мне, что всё, что было в 1905-1906 годах это только цветочки, так, разминка перед большими событиями. Ладно, во сколько мне прийти к полицмейстеру? И учти, если хочешь донести на меня, то делай это сразу и не медли ни секунды, потому что каждая минута промедления пойдёт не в зачёт тебе в Третьем отделении Канцелярии Его Императорского величества.

- Да ты что, Олег Васильевич? – захохотал полицейский. – Да я, да на тебя, да ты мне жизнь спас, да ещё при моих детях... Складно ты говоришь, подумать мне надо. Много ты вопросов назадал, а ответы мне самому придётся искать.

На следующий день в девять часов пополудни я был в приёмной у полицмейстера. У него как раз шло совещание участковых и станových приставов губернского центра. Дежурный офицер, взглянув на часы, пригласил меня пройти в кабинет полицмейстера.

Полицмейстер встретил меня у дверей, взял под руку и представил собравшимся полицейским офицерам:

- Вот он наш герой. Обезвредил известного террориста, спас жизнь офицера полиции и проявил при этом незаурядную храбрость. Прошу высказаться, господа, как нам поощрить героя, который известен своим литературным даром и является достаточно известным лицом в нашем городе.

С мест посыпались предложения: выписать мне похвальный лист, наградить серебряными часами, дать денежную премию, наградить георгиевской медалью за храбрость за спасение офицера.

- Спасибо, господа, - сказала полицмейстер, - я тоже считаю, что за спасение офицера и проявленную храбрость господина Туманова нужно наградить медалью «За храбрость» на георгиевской ленте, о чем будет составлена реляция на высочайшее имя. А вы, господин Туманов, не хотели бы служить в полиции?

- Благодарю вас за лестное предложение, господин полковник, - ответил я, - но я готовлю себя к военной службе. Всю жизнь мечтал об этом.

- Похвальное желание, молодой человек, - сказал полицмейстер, бывший гвардейским полковником и постоянно носившим гвардейский мундир, - мы ещё встретимся на вручении вам медали генерал-губернатором Степного края.

Я чётко сделал поворот кругом и так щёлкнул каблуками, что этому могли бы позавидовать и вояки со стажем. Четыре года в училище учились делать повороты со щёлканьем каблуков.

Лишняя известность мне не мешает, особенно при сдаче университетского курса.

И что-то мне сильно везёт в последнее время. То ли судьба заглаживает свою оплошность, забросив меня сюда, то ли я иду по правильной дорожке, особо не кривя душой, то ли действительно есть Бог и он мне послал ангела-хранителя, направляющего меня по стезе к великому.

- Перестань наполеониться, - сказал я сам себе. — Просто ты в безвыходной ситуации и тебе нужно выжить в чуждом для тебя мире. Даже в близком для тебя мире тебе тоже нужно было выживать и колебаться вместе с генеральным курсом коммунистической партии, чтобы не быть растоптанным красным колесом. Партбилет-то твой тью-тью вместе с удостоверением личности. Похоже, что они остались там, а ты здесь. Ворам эти документы ни к чему, они их выкинут в урну. Дворники их найдут и сдадут в милицию. Милиция донесёт в комитет госбезопасности, комитет будет считать тебя шпионом и объявит в розыск. Потом, лет через пять при отсутствии информации занесут в список без вести пропавших. Так что, надеяться не на кого, нужно прокладывать путь самому, опираясь на тех людей, которые встречаются по пути.

Марфа Никаноровна сказала, что она, наконец, окончательно убедилась в том, что я действительно военный человек и уже сталкивался с врагами, и меня не будет мучить совесть за причинённое зло человеку, являющемуся врагом. Но она ещё поняла, что я противник насилия и сторонник решения проблем путём переговоров и достижения консенсуса по спорным вопросам. Возможно, что я внутренний нигилист или социалист, симпатизирующий революционным элементам, призывающим к уничтожению самодержавия

Глава 17

Чем дальше я углубляюсь в жизнеописание Его благородия, тем сильнее у меня чувство того, что человек уже прожил одну жизнь и сейчас проживает вторую, внося в неё коррективы в соответствии с существующим положением. В любой жизни нужно выживать, а в нашей жизни общество делится на жертвы и злодеев, и нужно сделать так, чтобы пасть злодея сомкнулась не на твоей шее. Всё как в тюрьме: умри ты сегодня, а я умру завтра. Чтобы выжить, люди объединяются в шайки, банды, сообщества, коллективы и общества. И внутри этих образований ранее упомянутые законы действуют так же, как и вне их.

Сверяясь с моими зашифрованными записями, Его благородие прочитал мне целую лекцию по шифрованию текстов.

Основной способ – использование решётки Кардано. Рисуется квадрат из четырёх строчек и четырёх столбцов. Получается шестнадцать квадратиков, четыре на четыре. Второй, пятый, седьмой и шестнадцатый квадратик вырезаются. Получившуюся решётку накладывают на бумагу и в свободные клетки вставляют буквы слов. При заполнении клеток решётку поворачивают вправо или влево на девяносто градусов и продолжают писать текст в свободных клетках. Так поворачивают четыре раза и все шестнадцать клеток оказываются заполнены буквами, которые поодиночке не обозначают ничего. Но если мы на эти буквы накладываем решётку, то бессистемные буквы превращаются в осмысленные слова. Такие шестнадцатibuквенные блоки могут размещаться один за другим или в определённом писавшим порядке.

- Не сиди истуканом, - сказал Его благородие, - возьми рабочую тетрадь и делай пометки, а эти цифры запомни, как Отче наш, чтобы читать своё записанное без всяких табличек: три, шесть, десять, шестнадцать, двадцать, двадцать два, двадцать пять, двадцать восемь, тридцать, тридцать четыре, сорок, сорок три, сорок пять, сорок девять, пятьдесят пять, пятьдесят восемь, шестьдесят. Это для решётки Кардано размером восемь на восемь клеток. И запомни, что то, что будешь записывать, может обернуться большими неприятностями в первую очередь для тебя. Поэтому, думай, что будешь писать, а, возможно, что ты ещё будешь моим биографом и в серии жизнь замечательных людей выпустишь книгу обо мне. И сегодня же зайди в лавочку и купи себе широкий галун полкового писаря. Или этот галун уже давно у тебя закуплен? Я подал представление о присвоении тебе чина фельдфебеля, ну, а раз ты нестроевой, то будешь полковыми писарем. А там, глядишь, и в подпрапорщики выйдешь или по статской линии пойдёшь. Но на статскую службу я тебя не отпущу и начну с тобой заниматься для сдачи экзамена на подпрапорщика. Но это ещё не скоро. Всему своё время.

Надо же как глубоко глядит, как будто знает, что у кого впереди будет. А зря я тогда не попросил его научить меня метать ножи. Да кто тогда знал, что он это умеет.

Мои записки, конечно, не такие подробные, как записи Его благородия, но постараюсь что-то добавить к изложенному. Вон, Марфа Никаноровна свои мнения тоже дописала, как бы со стороны посмотрела на то, что происходило.

Прочитывая записи Его благородия, я начал вспоминать то, что мне казалось тогда второстепенным или странным и не имело никакого значения.

- Потом ты будешь сам составлять свои решётки Кардано по ширине страницы, - говорил господин капитан. - Это очень просто. У тебя будет с десяток решёток, а потом люди поймут, что эти решётки являются прототипом перфокарты, то есть карточки, которая будет хранить огромный объём информации для её обработки на электронно-вычислительной машине.

Сейчас, когда ЭВМ стали повседневной обыденностью для учёных, можно сказать, что Его благородие что-то знал о будущем или просто предвидел его.

Время, когда я стал служить у Его благородия, было тревожное. Совсем недавно были подавлены революционные выступления в Москве. По всей России полыхнуло пламя недовольства после японской войны. Народ озлобился, а солдаты, ехавшие с Маньчжурского фронта, вообще дезорганизовали Транссибирскую железнодорожную магистраль. Потом поехали бывшие военнопленные моряки с крейсера «Варяг». Морды откормленные, пьяные, наглые, они так бы воевали за честь России, как они хулиганничали в поездах. Я был тогда молодым солдатиком, но многое слышал от старослужащих и от тех, кому довелось услышать жужжание пуль японских арисак. Про «Варяг» вообще много странного говорили. Будто не было никакого песенного боя, а так, перестрелка, после чего крейсер затопили прямо в корейском порту, поэтому почти весь экипаж живой и остался. После того, как нашу эскадру разгромили под Цусимой, нужны были герои, вот и взяли героев с «Варяга». Говорят, что взяли какую-то немецкую песню, перевели её, вот и стали моряки в пьяном угаре со слезами на глазах распевать: «товарищ, я вахту не в силах стоять, сказал кочегар кочегару, котлы в моей топке совсем не горят, в котлах не сдержать больше пару».

Народ наш особенный. Как по сусалам получит, так на начальство начинает вызвериваться, а не на врага. Да жизнь-то у народа была такая, что хоть волком вой, хоть в сырую землю ложись. То печенег с половцами, то монголы с татарами нас грабили, то потом в рабство к помещикам угодили. Когда Наполеон пришёл, то всё думали, что он от рабства-то и освободит. Ан нет, такой же рабовладелец оказался. А когда армия наша пришла во Францию, так солдатики толпами начали разбегаться в разные стороны, вот армию

поскорее и вывели из-за границы. Говорят, тысяч пятьдесят в бега подались, французами стали. Моего прадеда старший брат тоже во Франции дезертировал, а вот брат с ним не пошёл. Сейчас где-нибудь в винограднике своём сидит и вино попивает.

Глава 18

Августа 29 дня ко мне прибыл жандарм и передал записку от начальника жандармского управления подполковника Скульдицкого Владимира Ивановича посетить его тридцатого числа в десять часов пополудни.

Я расписался в записке, и жандарм отбыл восвояси.

Компромата на меня никакого нет. Про геройский поступок прописано в газете «Губернские ведомости». Сейчас и я стал мишенью для социалистов. Надо же, с десяти шагов проткнул ножом исполнителя социал-демократических приговоров. Террорист выжил и находится пол следствием. Мог настучать Иванов-третий. Ну и что? Никакой крамолы не было, просто призыв к сдержанности в отношениях с людьми. Ладно, пойдём, узнаем, что и как.

После жандарма прибыл курьер из канцелярии генерал-губернатора с письменным уведомлением о необходимости сентября первого числа прибытия в канцелярию в кабинет номер один в четыре часа после полудня, одежда – вицмундир с орденами и шпагой. Расписался. Вицмундира и шпаги нет, чинов и орденов тоже нет. Надену строгий костюм, благо недавно купили вместе с Марфой Никаноровной, белую рубашку и галстук чёрный, повязанный виндзорским узлом. Или одену? Правильнее будет – надену. Есть такое старое грамматическое правило: одеть Надежду и надеть одежду.

К начальнику жандармского управления я прибыл вовремя. Не люблю опаздывать. Опоздания могут быть вызваны только обстоятельствами непреодолимой силы. В остальных случаях уважающий себя человек должен делать всё точно по расписанию. Если уважаешь сам себя, то будешь уважать и других.

Подполковник Скульдицкий, шатен среднего роста и среднего возраста, в жандармском мундире, погонах с голубыми просветами и шпорами на сапогах, как признак принадлежности к кавалерии, встретил меня радушно. Распорядился принести чай и усадил за приставной столик к огромному письменному столу, за которым висел в полный рост портрет самодержца Российского Николая Второго.

Заметив мою улыбку, подполковник спросил:

- Что вас развеселило? У меня что-то не в порядке с мундиром?

- Что вы, Ваше высокоблагородие, - сказал я, - мундир безукоризнен, просто вспомнился поручик Лермонтов Михаил Юрьевич.

- Ну, естественно, - засмеялся подполковник, - «и вы мундиры голубые, и вы послушный им народ». И мы вообще злодеи под синими мундирами. Перестаньте титуловать меня благородиями, называйте просто по чину или по имени-отчеству Владимир Иванович. А что вы скажете о социал-демократах?

- Вы выпустили джинна из бутылки и сейчас думаете, как его упрятать обратно, - сказал я, - но эта задача невыполнимая. Действовать нужно было тогда, когда господа Маркс и Энгельс писали «Манифест коммунистической партии». Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма и что пролетариату нечего терять кроме своих цепей. Тот же господин Маркс в своей работе «Капитал» расписал, что нужно делать, чтобы избежать социальных потрясений, но его проигнорировали как городского сумасшедшего и в ответ получили социал-демократию. Выход Манифеста совпал с революцией во Франции. Французам пришлось воспользоваться советами господина Маркса, и они создали более или менее стабильное общество, у которого есть пути для совершенствования. Россия пошла по своему пути, получила воскресенье 1905 года, баррикады на Пресне и социал-демократию. А всё могло быть по-другому. Сейчас господин Столыпин старается пойти по пути Маркса в сельском хозяйстве, но у него вряд ли получится что-то дельное, так как много препятствий на его пути. Как-то вот так, господин подполковник.

Скульдицкий сидел молча, что-то обдумывая, потом сказал:

- Что вы чай не пьёте, любезный. Специально для вас финики из Ирана. Сахарные, говорят для сердца очень полезно. Древние их очень любили. Они были их основным питанием вместе с лепёшками, смоквами или фигами, поэтому пророки были мудрыми, не то, что мы. А откуда вы всё знаете про социал-демократов?

- Человек существо любопытное, - сказал я, - многие люди живут, засунув голову в песок, люди, решающие, не видят дальше своего носа, богатые боятся поделиться, а в результате теряют всё, бросив низы расхлёбывать то, что они заварили.

И что же нужно делать? - спросил Владимир Иванович.

- Ничего, - просто сказал я. — Тогда дольше продлится период существования самодержавия. Если что-то делать, то увеличится число социал-демократов, которых поддержат националисты, и час «X» придёт намного быстрее. А это развал России, гражданская война и все сопутствующие с ними болячки. И всё потому, что социал-демократы обещают построить общество

равенства и счастья для всех, а за мечту не страшно и погибнуть. Напомню господина Маркса - пролетариату нечего терять кроме своих цепей. А что народу может предложить самодержавие? Только то, что есть уже на протяжении почти что трёхсот лет. И чем сильнее давить людей, тем больше будет социал-демократов даже из числа тех, кто раньше никогда не думал об этом, но оказался кровно обиженным властью. Я, кажется, наговорил лет на десять каторги? Ваш стенографист успел записать всё? Могу повторить на бис.

- Опасный вы человек, Олег Васильевич, - сказал Скульдицкий. – Нам такие понимающие люди в жандармерии нужны как воздух, но с нас требуют количество арестованных заговорщиков, бунтарей и террористов. И требуют во всё возрастающей прогрессии. И что прикажете делать? Приходится хватать непричастных или сочувствующих.

- Повышение уровня жизни и грамотности людей сведёт на нет всю пропаганду социал-демократов, - сказал я, - зажиточные крестьяне будут вылавливать их с вожжами и оглоблями, и о революции можно будет забыть если не навсегда, то на долгие годы, подкручивая маховики общества. Я отказался от службы в полиции, откажусь и от вашего предложения, как Колобок, чтобы не навлечь на вас неприятности от начальства за нового сотрудника с вольтерьянскими взглядами. Пойду в военную службу, если жандармское управление не перекроет дорогу.

- Управление дорогу не перекроет, - сказал Скульдицкий, - хотя удивляют ваши энциклопедические знания и осведомлённость о том, о чём в губерниях мало знают и мало этим интересуются. Только не говорите ни с кем о том, о чём говорили мы. Нам можно и нужно знать всю подноготную противника, с кем мы боремся. А вам лучше держать это при себе. Кстати, сколько нам отпущено, что ваше подсознание говорит?

- Думаю, что лет десять есть, - сказал я, - но велика вероятность войны за передел мира и за Черноморские проливы со святой землёй.

- Всего доброго, - сказал на прощание начальник жандармского управления, - будут проблемы, обращайтесь, а первого сентября я буду на вручении вам медали.

Глава 19

Первого сентября я, одетый по моде того времени, в строгом костюме шествовал в резиденцию генерал-губернатора, которая находилась через дорогу от кафедрального храма на крови.

Было первое сентября, но нигде не было видно нарядно одетых первоклашек с букетами цветов и не было никакого праздника, названного Днём знаний. Обыкновенный рабочий день, и учёба это такая же работа, как и все, а на работу никто не ходит как на праздник.

От дома до резиденции генерал-губернатора примерно два километра. По нашей улице извозчики сами не ездят, надо выходить на проспекты.

Люди того времени не гнушались пройти пешком к месту присутствия и обратно. Брать извозчика дороговато, а другого транспорта нет и в помине. Конку вот запустили, но она едет по центральной улице до вокзала, а межквартальные дороги такие, что не приведи Господь. Летом пыльно и грязно. После дождя грязюка непролазная. Хорошо, если где-то тротуары дощатые проложены, а дороги постоянно телегами разбитые.

Я был настолько сосредоточен, что встретившаяся возле храма на крови старушка осенила меня крестным знамением. Я приветливо кивнул ей и пошёл дальше.

Так, с думами о насущном я и добрался до резиденции генерал-губернатора, расположенной почти в самом начале торговых рядов на Любинском проспекте.

Большое серое здание с колоннами и огромным дверями пугало каждого проходящего мимо здания человека, как будто вот эти огромные двери сами распахнутся и проглотят осмелившегося появиться здесь человека. Но в двери входили и выходили чиновники, офицеры, респектабельные господа, люди в киргизских халатах и у всех было какое-то дело, без решения которого жизнь могла просто-напросто остановиться.

В большом вестибюле справа был огромный гардероб с огромным и бородатым швейцаром в ливрее, несмотря на то, что на улице было тепло и морозов в ближайшее время не ожидалось.

Прямо перед входом на две лестницы стоял стол дежурного офицера в чине поручика с золотыми аксельбантами.

Я подошёл и представился. Офицер посмотрел в журнал, сделал пометку и сказал, что меня ждут в кабинете номер один на втором этаже, и он рукой показал на одну из лестниц.

В приёмной генерал-губернатора был ещё один адъютант в чине штабс-капитана. Как-никак, а генерал-губернатор - это как высший военный и гражданский начальник над несколькими губерниями, входившими в генерал-губернаторство. Эдакий президент, но подчиняющийся императору.

Ровно в четыре меня пригласили в кабинет. Там уже были полицмейстер и начальник жандармского управления. Вероятно, докладывали о состоянии дел на вверенных участках.

В то время степным генерал-губернатором под номером четыре был генерал от инфантерии Надаров, участник русско-турецкой и русско-японской войны. Имел целый букет должностей. Степной генерал-губернатор, командующий войсками Энского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска.

- Так вот он какой герой, - сказал генерал, осматривая меня со стороны. – Вот такие и били японцев, и если бы не некоторые обстоятельства, то японскому микадо сильно бы не поздоровилось. Подойдите поближе.

Я сделал несколько шагов вперёд и громко щёлкнул каблуками. Школа, однако.

Генерал взял со стола серебряную медаль на георгиевской ленточке с бантом и приколот мне на грудь.

- Поздравляю с высокой наградой! – сказал он и встал по стойке смирно. Полицейский и жандарм последовали его примеру.

- Служу Царю и Отечеству! – так же громко ответил я.

- Орёл, - сказал генерал-губернатор. – Мне сообщили, что вы желаете пойти служить по военному ведомству.

- Так точно, Ваше высокопревосходительство, - подтвердил я. Если представилась возможность, то нужно произвести впечатление.

- Кем же вы хотите стать? – спросил генерал.

- Естественно, офицером, - сказал я.

- Чтобы стать офицером, нужно долго учиться. Уметь командовать взводом, ротой, уметь читать карту, ориентироваться на местности, хорошо стрелять из всех видов оружия, рубить шашкой, служить в конном строю.

- Я всё это умею, - сказал я.

- Умеете? – удивился генерал Надаров. Не менее удивлёнными выглядели и два полковника из полиции и жандармерии. – Подойдите сюда, - и он пригласил меня к столу.

На столе лежала карта Степного края в составе Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Большая карта. Генерал

достал из стола лист другой карты масштаба 1:50000, то есть в одном сантиметре на карте укладывалось пятьсот метров на местности.

- Вот карта, - сказал генерал. – Вы командир казачьей сотни и находитесь вот здесь. – Он поставил точку красным карандашом. – Вам нужно прибыть вот сюда, - он поставил вторую точку на карте. – Время на прибытие четыре часа. Покажите маршрут и составьте график движения сотни.

Генерал явно хотел ткнуть меня носом как выскочку, которому внезапно повезло.

Местность по карте холмистая лесостепь. С обходом лесных массивов длина маршрута составляет двадцать километров. Для измерения я использовал карандаш и измерительную линейку в нижней части листа карты. Неплохо бы иметь курвиметр (это не прибор для измерения курв, а такая машинка с колёсиком и циферблатом, как у часов. Когда колёсико вращается, то вместе с ним вращается циферблат, показывая количество отмеренных миллиметров и вёрст на местности), но при отсутствии простой бумаги пишут на гербовой.

Поставив на карте пять точек, я соединил их линией и сообщил о готовности доложить график.

- Докладывайте, - разрешил генерал.

- Докладываю, - начал я. Тут нужно не рассусоливать, а говорить чётко и по существу. – Маршрут проложен по границам лесных массивов, проходимых в конном строю. Длина маршрута двадцать километров. В голове колонны конный разъезд на удалении зрительной видимости. Аллюр – рысь. Тридцать минут движения, десять минут привал. Выход в точку назначения через четыре часа. Доклад закончен.

- Поразительно, - сказал генерал. У полицейских полковников были не менее удивлённые лица. Вроде бы они знали обо мне всё и это докладывали генералу, но оказалось, что они вообще ничего обо мне знали. – Откуда вы всё это знаете?

- Не знаю, Ваше высокопревосходительство, - ответил я.

- Был найден с полной потерей памяти, - доложил начальник жандармского управления, - сейчас, вероятно, память возвращается. Экстерном сдал экзамены за полный курс гимназии. Шестого числа сентября сдаёт экзамены за полный университетский курс.

- Так-так, - задумчиво сказал генерал Надаров, - статские тут будут крутиться и сразу предлагать ему чин десятого класса по Табели о рангах, коллежского секретаря, а это почитай, как армейский поручик. А мы поступим

так. Я дам команду записать его вольноопределяющимся в учебную команду в здешнем кадетском корпусе у генерал-лейтенанта Медведева Александра Ардалионовича. Я ему отпишу. Дадим возможность всё вспомнить и произведём в офицеры. Это всё равно лучше, чем штафиркой с бумажками бегать.

Глава 20

Я возвращался домой, сверкая новенькой медалью на выходном костюме. В те времена награды ценились и часто можно было встретить чиновника или офицера с орденами и медалями на груди. В послереволюционной России это ещё сохранялось до пятидесятых годов, а потом ношение наград стало уж каким-то неприличным. Военные носили разноцветные планочки, а гражданские и планочек не носили.

Перейдя с проспекта на улицу деревянных домов, я заметил, что за мной идут два молодых человека, которых я видел недалеко от резиденции генерал-губернатора. Почему они бросились мне в глаза? Потому что они ничего не делали, а что-то выжидали. Не ждали, а именно выжидали. У выжидающего есть внутренняя дрожь перед броском.

- Похоже, что социал-демократы не оставляют меня своим вниманием, - подумал я, а идущий навстречу третий мужичок с внутренней дрожью, утвердил меня в моих предположениях. — Соцдеки всегда шли на союз с социально близкими, то есть с криминалом и люмпен-пролетариатом. Похоже, что придётся доказывать, что медаль мне сегодня вручали не зря.

Я ускорил шаг навстречу идущему мне соцдеку, чем привёл его в некоторое замешательство, выразившееся в том, что он стал вытаскивать из кармана оружие, но револьвер зацепился курком за карман и никак не хотел вылезать наружу. Подбежав вплотную к террористу, я сбил его с ног и вытащил его револьвер. Два подельника, лежавшего на земле соцдека бросились ко мне, но я был уже вооружён.

Револьвер Нагана солдатского образца, который нужно было взводить перед каждым выстрелом. Я сделал предупредительный выстрел вверх, но это не остановило нападавших. Тогда я выстрелил самому здоровому в грудь, а второму прострелил ногу. Он лежал неподалёку от меня и громко завывал. Сбитый мною с ног революционер пытался вырваться и что-то кричал.

Наконец раздались свистки и ко мне со всех ног бежал городской с погончиками старшего унтер-офицера и гомбочками среднего разряда, а с другой стороны бежали два вооружённых палками дворника с бляхами на

груди. По должности они были помощниками околоточных надзирателей и отвечали за соблюдение порядка на обслуживаемой ими территории.

Городовой ловко связал удерживаемого мною революционера, а я перевязал раненного в ногу налётчика. Третьему помощь уже была не нужна. Все трое были вооружены револьверами и могли совершить вооружённое нападение без всяких театральных эффектов: подойти вплотную и выстрелить. Револьвер гильзы не выбрасывает и вряд ли кто-то бы нашёл убийцу. Это уже потом начнётся эпоха киллеров, профессионалов и любителей, работающих убийцами за деньги.

Похоже, что в городе действует хорошо вооружённая боевая дружина революционеров. Вот вам и снижение революционной активности после событий 1905 года.

Кровавое воскресенье показало, что с властью невозможно договориться и что «добьёмся мы освобождения своею собственной рукой». Идея построения общества счастья сильнее других идей и молодёжь готова идти на жертвы, чтобы их дети жили в таком обществе.

Все знают, что город Солнца – это утопия, красивая сказка, которая разбивается при соприкосновении с реальной жизнью. Это как с женщиной. Она красивая, воздушная, умная, ангел и всё такое прочее. Пусть не женщина. Пусть это будет мужчина. Он такой весь сильный, накачанный, умный, велеречивый, гениальный и всё такое прочее. Но у того и у другого есть естественные потребности, связанные с завершением цикла пищеварения. А разве о них кто-то думает? Никто.

Я, возможно, циник, но то, что есть, это никуда не выкинешь. Пожалуй, более точно по этому поводу выразились давным-давно наши братья-малороссы:

- Та хто там ссыть як корова?

- Та я мамо.

- Ну, писяй, писяй, донюшка.

Наконец к месту стрельбы прибыли околоточный надзиратель, считай, как полицейский подпрапорщик, участковый пристав, коллежский секретарь, мой старый знакомый помощник пристава губернский секретарь полиции Иванов-третий.

- Олег Васильевич, - сказал он, раскрывая руки для объятий, - да вы же как магнит притягиваете этих революционеров. Вы для них как мёдом намазанный.

Знал бы Иванов-третий, что у меня был год кандидатского стажа и я четыре года как полноправный член Коммунистической партии Советского союза, вышедшей из союза за освобождение рабочего класса, свергнувшей царизм, победившей в гражданской войне, уничтожившей во время массовых репрессий миллионы граждан России и во время Великой войны, забросавшей трупами и залившей кровью всю Европу. Он не знает, что руководство коммунистической партии обещало к 1980 году построить общество Счастья, коммунизм, и что это всё пошло прахом, потому что людям надоело верить в мечты старцев и им захотелось реальной жизни, не хуже, чем во всём мире. Вот этот магнит и притягивал ко мне всех социал-демократов.

- Поздравляю вас с медалью, - продолжал Иванов-третий. – Господа, разрешите вам представить моего спасителя и героя сегодняшнего дня. Туманов Олег Васильевич, почётный гражданин, поэт, учёный и будущий офицер нашей славной армии. Сегодня получил георгиевскую медаль за храбрость. Пожелаем ему получить вторую медаль за сегодняшний подвиг.

Все полицейские чины так же представились и пожали мне руку, поздравив с наградой. Околоточный надзиратель руководил отправкой задержанных, а офицеры и я на извозчике поехали в полицейское управление.

Марфа Никаноровна начала волноваться от того, что я привлекаю к себе агрессивных людей, представляющих опасность. Если не расправиться с мстителями, то эта месть превратится в испанскую вендетту и будет продолжаться веками.

Глава 21

В полицейском управлении меня допросили как потерпевшего. Пришедший полицмейстер посетовал, что я не хочу стать полицейским офицером, так как у меня бесспорно талант к полицейской работе.

Я понимал, что полицейская работа нужная и почётная. Но это в обществе, где честь, справедливость и законность в почёте. А когда в обществе честь, совесть и законы направлены против народа, то и полиция становится антинародной и полностью враждебной народу, а это самый главный признак глубокого гниения власти и предвестник революции, первой жертвой которой станет именно полиция, терроризирующая народ. Начальство стразу открестится от неё.

- Это всё они, - будут кричать они, - это они не любят народ.

А полицейские, зверствующие с безоружным народом, не понимают, что именно они будут отвечать за исполнение преступных приказов. И все полицейские, которые ходят вокруг в полицейском участке, это уже приговорённые то ли к смерти, то ли к каторге ГУЛАГА приближающейся революцией. Они пока не знают, что будет через десять лет, а я знаю, и знаю, что все эти протоколы и медали отрезают мне путь в число строителей нового общества. Даже моё офицерское будущее будет являться основанием для расстрела. Вместе с офицерами и полицейскими первые революционеры будут расстреляны и похоронены в массовых могилах на расстрельных полигонах.

Часам к семи после полудня, предварительно почистив костюм в полицейском участке, я добрался домой. Марфа Никаноровна и Иннокентий Петрович с тревогой ожидали меня.

Марфа Никаноровна очень умная женщина и не бросилась ко мне на шею, соблюдая внешние приличия, хотя все и так догадывались о наших близких отношениях.

- Мы уже наслышаны, - сказал Иннокентий Петрович. – Убитого и раненного доставили к нам. С раненым ничего страшного, будет бегать, а второго наповал. Он даже испугаться не успел. Ничего не чувствуете?

- А что чувствовать? - спросил я. – Всё произошло быстро и на расстоянии. Да и мне кажется, что морально я уже давно был готов к этому. А почему, не знаю.

Чего тут не знать, если все военные училища с первого дня готовят людей к тому, чтобы они могли убивать врагов, защищая своё Отечество и я учил своих солдат убивать врагов. И тот, кто научит своих солдат убивать, тот будет успешным командиром и полководцем, который сумеет сдержать любого врага и одержать победу в любом сражении.

Вы не замечали, почему в одних боях фашисты триумфально шествовали, а в других боях застревали и не могли сдвинуться ни на шаг?

А всё потому, что в первом случае солдаты стреляли не во врага, то есть в человека, а в белый свет как в копеечку. И враг знал, что в него не стреляют и бесстрашно рвался вперёд.

Во втором случае враг видел, что в него стреляют прицельно, что вокруг падают убитыми его товарищи, и он быстро падал на землю, окапывался при помощи своей лопатки, чтобы остаться в живых. Бывали случаи, когда отделение снайперов останавливало атаку полка или батальона превосходящего противника. И так во всех войнах. Третьего не бывает. Либо ты воин, либо ты не воин.

- Ладно, - сказал я, - как говорят у нас: нечего тянуть резину, по рублю и к магазину. Это так, шутка, водка уже стоит в погребке. Режем ветчину, огурчики, помидорчики и я ещё купил кусочек свежей осетрины, сейчас мы её поджарим и у нас получится отличный стол, чтобы обмыть георгиевскую медаль.

По части рыбы я специалист. Осетрину быстро помыл, нарезал тонкими пластинками и в раскалённое масло на сковородке, благо Марфа Никаноровна уже развела таганок. Тонкие кусочки рыбы жарятся очень быстро, чуть только рыба поменяет цвет. Осетрина из перламутровой должна превратиться в белую, и её нужно сразу снимать.

Гранёные стеклянные рюмки на ножках были ёмкостью сто граммов. Я налил полные рюмки, опустил в свою медаль и сказал: - ну, чтобы не последняя, - и залпом выпил водку. Закусил солёным огурцом и сел.

Иннокентий Петрович чуть подумал и повторил мой залп. Марфа Никаноровна чуть пригубила. И правильно. Женщина должна быть только слегка пьяной. Как это в одной современной песне поётся? Не пей вина, Гертруда, пьянство не красит дам...

После водки всё, что было на столе, пошло влёт. В водке главное – это горечь, которая будит аппетит и активизирует вкусовые рецепторы.

Доктора мы проводили до проспекта, где он нанял извозчика и поехал домой. Мы с Марфой Никаноровной потихоньку пошли домой.

- Что-то я волнуюсь, - сказала Марфа Никаноровна. – Какой-то сумасшедший год и он начался с твоим прибытием. До этого всё шло так себе, а здесь всё помчалось как на ледяных катушках.

- Это хорошо или плохо? – спросил я.

- Не знаю, - сказала Марфа Никаноровна. – Возможно, что это хорошо, но я боюсь, что ты, с какой скоростью прибыл сюда, с такой скоростью и унесёшься в неведомую даль и я тебя больше не увижу. Через несколько дней ты станешь с университетским образованием, потом станешь офицером, выслужишь себе личное дворянство и для чего тебе будет нужна женщина-простолюдинка, да ещё не десять лет старше тебя?

- Не накручивай себя. Наша встреча была predeterminedена свыше, и неужели мы будем противиться высшей воле? Как мы плыли в одной лодке, так и поплывём дальше.

- И в каком качестве поплыву я? – засмеялась Марфа Никаноровна. – Гребцом или кормщиком?

- Сейчас трудно сказать, но время всё расставит по своим местам, - сказал я.

- А что ты скажешь на то, если я пойду в университет изучать медицину? – спросила Марфа Никаноровна. – С моим образованием это будет трёхгодичный курс.

- Я только за. Скоро я буду на военной службе и не буду мешать тебе в учёбе. И денег нам хватит на всё.

Мы как раз подошли к дому и уже в доме дали волю своим чувствам.

Примерно в полночь я растопил таганок и поставил на него чайник для позднего чая.

Лёжа в постели и попивая чай с конфетами, я сказал:

- Пора уже купить керосинку и не плестись за телегой научного и технического прогресса, каждый раз разжигая первобытный костёр для приготовления пищи.

Марфа сказала, что её беспокоит мысль, что когда я стану офицером, то брошу её, найдя себе более образованную и равную по годам или моложе женщину. Она прямо задала этот вопрос и получила прямой и откровенный ответ.

Глава 22

Его благородие всегда говорил, что клин клином вышибают. Простуженное горло лечат мороженым. При общей простуде нужно встать холодными ногами в ледяную воду на одну минуту и ни секундой больше. Затем растереть ноги, надеть шерстяные носки и выпить стакан горячего чая с малиной. Ночью вся простуда выйдет с потом. Водочное похмелье лечат водкой, но именно лечат, а не уходят в длительный запой. С ворами должен бороться вор. С бандитами – бандит. С волками жить – по волчьи выть. Самая лучшая собака получается из волка. Ни один волк не подходит к дому, где есть волкособака. А унты из волчьей шкуры защищают человека лучше всяких костров, винчестеров и ремингтонов крупных калибров.

Марфа Никаноровна мне рассказывала, что, когда Его благородие готовился к экзаменам за курс гимназии и университета, он в доме приручил крысу. Мыши и крысы вообще бич всякого домохозяйства, особенно частного, где в ларях хранятся съестные запасы на длительное время. Это не нынешние времена. Захотел блинов, пошёл в магазин, купил кулёк муки, пакет сметаны и

пакет молока. Вот тебе и блины. Пусть магазин занимается хранением больших партий продуктов. А в частном доме идёт постоянная борьба с грызунами и птичками, которые ищут любую щель, чтобы проникнуть к съестным припасам. Для чего хозяйка просеивает муку через сито? Нынешние специалисты говорят, что это делается для обогащения муки кислородом. Каким кислородом, уважаемые господа? Бабы-то наши отродясь ни про какие кислороды и водороды слыхом не слыхивали. Муку просеивают для того, чтобы убрать всякие примеси и комочки, в которых могут оказаться чёрные катышки от мышей. Кошка с этими задачами не справляется. Она выходит на охоту ночью, добыча её не превышает той нормы, которая нужна для питания. Это не волк или шакал, которые будут резать стадо до тех пор, пока не получат заряд картечи в бок от подоспевшего пастуха. Кошка – животное умная, она ловит столько, сколько нужно для пропитания и ещё меньше, потому что хозяйка кормит её молоком и другими деликатесами. Значит, нужен другой сторож из той же породы воришек.

- Крыса эта постоянно промышляла в доме, пока я была в присутствии, - рассказывала мне Марфа Никаноровна. – Создавалось ощущение, что это она руководила бандой грызунов, которые уничтожали всё, что можно было разгрызть. Заводила я кошек, но они через пару дней сбегали от меня, чувствуя опасность для себя. А тут появился в доме мужчина и всё встало на свои места. Прихожу я из присутствия, а Его благородие сидит за столом, что-то пишет, а рядом с ним сидит крыса и пьёт молочко из маленького блюдечка, на которое я ставила свечи. Я хотела закричать, но Олег Васильевич приложил палец к губам, чтобы я не испугала домашних, а сам погладил крысу маленьким пёрышком от крыла, которым я сгребаю пепел в предпечке. У меня есть ещё одно крыло, которым я смазываю булочки перед тем, как поставить на выпечку в печку. Интересно сказано: выпечка в печке. Крыса перестала пить молоко, легла на спину и стала чуть ли не мурчать от удовольствия.

- Вот, познакомься, - сказал Олег Васильевич, - это наш новый друг. Его зовут Анастас, Стасик. Будет работать у нас за хавку в качестве сторожевой собаки внутри дома.

- А что такое хавка? – спросила я.

- Так, ещё один современный жаргонизм, - подумал Олег Васильевич и сказал, - хавка – это еда. Происходит от глагола хавать – есть. Это молодёжный сленг, молодёжь всегда старается чем-то выделиться и говорить так, как ей нравится.

Стасик нам абсолютно не надоедал, занимаясь своими домашними делами, но мы ему постоянно оставляли еду в его тарелочке, то молоко, то шкурки от сала, то сало, то обрезки колбасы, что сами едим, то и ему достаётся. И, представьте себе, мыши вообще исчезли из нашего дома, и птички тоже

перестали прилетать. Потом мы взяли с собой Стасика в Петербург. Олег Васильевич отнёс его к себе в присутствие и там он пропал.

Мне ли не знать это! Его благородие принёс Стасика в наше присутствие и наш кабинет сразу освободился от грызунов, которых полным-полно в любой канцелярии, особенно в архивах. Стасик уже был старый и цвет его шерсти был не серый, а совершенно седой. Я интересовался тем, сколько живут крысы и мне сказали, что они, обычно, живут полтора-два года, а Стасику было лет пять, не меньше, как сказал Его благородие. Так что, Стасик вычистил нашу канцелярию и ушёл помирать в укромное место. Мир его праху.

Глава 23

Как это бывает всегда, день экзамена или другого важного события надвигается неотвратимо, и как бы человек его ни оттягивал, наступление его неотвратимо. И этот день наступил шестого сентября 1907 года в пятницу в год Красной Огненной Овцы.

Утром Марфа Никаноровна ушла в присутствие и перекрестила меня, пожелав ни пуха и ни пера. Мой ответ – к чёрту – очень хорошо контрастировал с крестным знаменем.

На экзамен я прибыл с медалью, а среди членов экзаменационной комиссии увидел и давнего знакомого подполковника Скульдицкого.

Председательствовал директор департамента просвещения края действительный статский советник, фамилию которого я забыл, и она почему-то не вспоминается.

- Мы рассмотрели представленные вами работы, - сказал он, - и находим их удовлетворительными. Поэтому мы проведём устный опрос и решим вопрос о результате прохождения испытания по университетскому курсу.

То, что началось потом, было подобно кошмару. Вопросы перемежались от математики до литературы, от техники до политики.

Самыми лёгкими были специальные вопросы, типа: проанализируйте такую-то функцию и сообщите, в каких четвертях она имеет положительное значение или сколько производных можно взять из такой-то функции. Расскажите про холодильные установки. Расскажите о генераторах по выработке электрического тока и принципах передачи электроэнергии на расстояния. Какие перспективные виды связи будут изобретены в двадцатом веке. Как вы оцениваете творчество Джозефа Редьярда Киплинга, который, кстати, в 1907 году получил Нобелевскую премию по литературе «За

наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». И ещё множество других вопросов. Некоторые вопросы такие, что по ним нужно писать диссертации.

Мне было легче отвечать на поставленные вопросы, потому что я уже был знаком с результатами научно-технического прогресса и мог достаточно связно доложить устройство того или механизма или устройства. Возможно, я даже что-то и предвосхитил, но вряд ли это осталось замеченным специалистами, потому что подробной записи дискуссии не велось.

Моя попытка продолжалась четыре часа без перерыва. Почему я говорю попытка. Когда я служил на границе в Туркмении, то половину личного состава у нас составляли украинцы, и, хочешь не хочешь, но украинский язык прилипал и к нам. Так вот, по-украински допрос – допытание. Вопрос – питание. А по-русски – много вопросов – это попытка. Шутка.

Подполковник Скульдицкий не был в составе экзаменационной комиссии и в перерыве подошёл ко мне:

- Признаюсь, что я восхищён вашими знаниями и умением держаться перед высокой комиссией, которая решает ваше будущее. Я никак не пойму, или у вас отменно развита фантазия, или вы что-то знаете о том, что ждёт нас впереди.

- Владимир Иванович, есть такая наука футурология, которая производит экстраполяцию уже существующих технологических, экономических или социальных тенденций. Возьмите самую модную новинку – телефон. Ещё десять лет назад это казалось фантастикой, а сейчас телефонные аппараты являются непременными атрибутами учреждений власти и состоятельных граждан. Но пройдёт пять-семь лет, и мы увидим телефонные аппараты в армии для связи командиров со своими частями и подразделениями. Потом телефоны будут всё миниатюрнее и миниатюрнее, а с развитием радиосвязи у каждого человека будут маленькие радиотелефоны, с которым они не будут расставаться и будут звонить то домой, то друзьям, то заказывать билеты в театр. Даже коровы будут носить ошейники с телефонными аппаратами и слушать голос хозяев, чтобы давать больше качественного молока. Не смейтесь. Учёные проведут изыскания и установят, что под музыку Бетховена коровы будут давать больше молока. Или возьмите прачек, которые стирают наше бельё. В Англии уже сделали ручные агрегаты, состоящие из бака с водой и с мылом. В бак погружается бельё, а находящийся в баке активатор при помощи ручки вращает бельё и обеспечивает наиболее качественную стирку белья. Постыранное бельё пропускается через два резиновых валика, которые выжимают бельё. А если в этот агрегат поставить электрический мотор, то машина сама будет стирать бельё, а прачка в это время будет читать газету.

- Да, вы действительно великий фантазёр, - вытирал глаза от слёз смеха подполковник, - но у меня даже нет слов, чтобы возразить вам в чём-то. Есть у меня на примете один человек, который о будущем знает намного больше вас. Я вас обязательно с ним познакомлю. А вы, когда придёте на военную службу, то посмотрите, как можно модернизировать наше оружие.

- Обязательно посмотрю, - пообещал я и тут нас пригласили в актовый зал.

В почтительной тишине председатель комиссии зачитал приговор, что я успешно сдал экзамены за курс Томского императорского университета и мне присваивается квалификация кандидата физико-математических наук, что настоящим дипломом с подписями членов государственной комиссии и государственной печатью удостоверяется.

Аплодисменты. А я был счастлив. Поздравления. Небольшой фуршет, устроенный департаментом просвещения в честь собравшихся и, естественно, кандидата.

Членами комиссии были такие же скультики и интересовались вопросами футурологии в различных областях. И я, как Иван Александрович Хлестаков, фантазировал налево и направо.

- А что вы думаете о катренах господина Нострадамуса? – спросил меня председатель комиссии. – Насколько они прорицательны и соответствуют действительности?

- Я приношу глубочайшие извинения перед присутствующими здесь нострадамооведами, если такие есть среди нас, - сказал я, - но в его катренах нет ничего такого, что указывало бы на точность его намёков. Всё, о чём он пишет, относится к концу двадцатого и началу двадцать первого века и мы, увы, не сможем проверить их достоверность, возможно, что нашим потомкам доведётся узнать истину, и ещё неизвестно, будет ли эта истина истиной. Прорицателем может стать любой выпускник классического университета, имеющий познания в изучаемых областях. Например, медики, коими силён Томский императорский университет, могут быть, первыми будут пришивать оторванные руки и ноги, пересаживать сердца и другие человеческие органы. Физики создадут ракету, наподобие тех, которые применяли генерал Засядько и полковник Внуков в турецкой кампании 1828 года при осаде Браилова и Варны, и полетят на ней на Луну или на Нептун, чего не мог даже представить себе господин Нострадамус. Я верю в науку и наука способна на такое, что даже не укладывается в сознании сегодня самых просвещённых людей.

Мои слова снова были встречены аплодисментами.

- Куда направите свои стопы, надев академический знак? – спросил меня председатель комиссии.

- Думаю посвятить себя военной службе, - сказал я.

- Как?! – воскликнул действительный статский советник. – Да если бы я это знал заранее, я бы никогда не позволил вам сдавать экзамен за университетский курс.

- Почему? – удивился я.

- Вы что, не знаете поговорку: учись студент, не доучишься – офицером станешь, - сказал до глубины души расстроенный директор департамента просвещения.

- А как же поручики Михаил Лермонтов, Лев Толстой и Александр Куприн? – парировал я. – А подпоручик Достоевский? А генерал-композитор Цезарь Кюи? А мичман клипера «Алмаз» Николай Римский-Корсаков? А прапорщик Модест Мусоргский? А полевые кухни подполковника Турчановича, известные на весь мир? А первый русский фотограф подпоручик Греков? Я мог бы продолжать и дальше, но я хочу сказать, что образованный человек на любом поприще может умножить славу России и не посрамить звание русского интеллигента.

И снова аплодисменты. Чего-то я разошёлся.

Глава 24

Дома меня ждали Марфа Никаноровна, Иннокентий Петрович и Иванов-третий, который сверкал новенькой третьей звёздочкой коллежского секретаря.

Мне преподнесли заблаговременно заказанный у ювелира серебряный знак об окончании императорского университета: белый ромб с синим крестом, увенчанный золотым имперским орлом.

- Мы верили, что защита пройдёт на «ура», - сказала Марфа Никаноровна. – С днём рождения тебя!

День с поздравлениями закончился быстро, как и осень в Сибири, наступающая очень быстро.

- Я боюсь, что тебя пошлют служить в какую-нибудь Тмутаракань, - говорила Марфа Никаноровна, лёжа на моём плече. – Как я смогу поехать за тобой туда?

- Давай не будем торопиться, - сказал я, - я ещё не начал служить, а ты уже собираешься куда-то переезжать. Да и с твоей учёбой надо решать. Учиться нужно обязательно, а мы друг от друга никуда не денемся.

10 сентября во вторник я пошёл в военное присутствие, это что-то вроде военного комиссариата, подавать прошение о поступлении на военную службу.

Меня, вероятно, уже ждали, так как воинский начальник заглянул куда-то в записи, принял от меня прошение и отправил к старшему писарю для заполнения необходимых документов.

Старший писарь в чине старшего унтер-офицера нестроевой службы (от строевого отличался тем, что унтер-офицерский галун был нашит не по верхней части воротника, а по нижней), дал бумагу для написания прошения, образец прошения и бланк анкеты.

Анкету и прошение я заполнил быстро. Написал, что хочу служить вольноопределяющимся. В анкете было много пунктов про вероисповедание, про образование, семейное положение, награды и прочее. Для человека, который на своём веку заполнял десятки анкет, это дело быстрое.

Старший писарь проверил заполненные мною документы, положил их в отдельную папочку, витиеватым почерком надписал мои ФИО, то есть фамилию, имя, отчество и выдал мне направление на медицинскую комиссию.

С медицинской комиссией с помощью Иннокентия Петровича проблем не было. По всем показаниям жив, здоров и годен к воинской службе.

Справку отнёс в воинское присутствие и отдал знакомому уже старшему писарю. Он приобщил справку к моему делу и сказал, что о времени и месте моего призыва меня проинформируют.

В четверг почтальон принёс мне повестку о прибытии в понедельник в военное присутствие.

В понедельник пошли вместе с Марфой Никаноровной. Мне вручили наряд на обмундирование и отправили на вещевые склады, находящиеся неподалёку от кадетского корпуса. После обмундирования мне надлежало прибыть к начальнику кадрового отделения корпуса.

Рассказывать, что и как происходило на вещевом складе не буду. Мой университетский знак и георгиевская медаль делали сговорчивыми кладовщиков, находившихся на статской службе, а уверенное обращение с формой и командирские повадки ставили в тупик заслуженных тыловигов.

А когда я ловко пришил подворотничок к гимнастёрке, то все стали считать, что я из старых вояк и поэтому мне нашли готовые погоны вольноопределяющегося, обшитые черно-бело-коричневым гарусом.

То, что положено призывнику, называется приданным и помещается в матрацовку, то есть в чехол для матраца: там постельное и нательное белье, котелок, ложка и прочее, и прочее. Я потом это опишу.

На извозчике мы доехали до кадетского корпуса и там я попрощался с Марфой Никаноровной, пообещав в самое ближайшее время дать о себе знать.

Оставив приданное у часового у ворот, я отправился в административное здание корпуса доложить о прибытии.

Зайдя к начальнику кадрового отделения подполковнику Громову, я доложил о прибытии по советской форме с добавлением титулования:

- Ваше высокоблагородие, вольноопределяющийся Туманов для дальнейшего прохождения службы прибыл!

Моя строевая выправка, уверенность, медаль, университетский знак были как бы пропуском в военную жизнь.

Заглянув в записи, подполковник сказал:

- Здравствуйте-здравствуйте, а мы вас ожидали попозже, но это хорошо, что вы прибыли сейчас. Учебный процесс начался, а у нас нехватка подготовленных кадров. Явитесь к старшему унтер-офицеру Каланчову в роте обеспечения учебного процесса, он вас устроит, а мы найдём для вас занятия именно в проведении учебного процесса. Всего доброго, голубчик.

Рота учебного обеспечения в корпусе была неполной и ею временно командовал старший унтер-офицер Каланчов. Выслушав мой доклад, он просто сказал:

- Располагайся, вот свободная кровать, обед уже прошёл, до ужина отдыхай, потом всё решим.

Я присел на кровать и стал перелистывать Учебник рядового пехоты первого года службы, хотя я уже читал подобные книги, когда готовился к поступлению на службу, но сейчас у меня есть персональный экземпляр, куда я должен записать, в каком подразделении служу, кто мои командиры и вообще всё, что положено знать солдату.

Что такое Отечество. Назначение солдата.

1. Самыми святыми для всякого русского словами должны быть Царь и Отечество.

2. Отечеством называется всё наше обширное и великое государство – Россия; будучи самым большим государством в свете, Россия достигла своего могущества, величины, силы и славы – мудростью своих великих Царей и доблестью русского воинства.

3. Солдат есть слуга Царя и Отечества и защитник их от внешних и внутренних врагов, для одоления которых он не должен щадить своей жизни.

4. Внешними врагами называются те государства, с которыми мы ведём войну.

5. Внутренними врагами называются люди, живущие в России и оказывающие неповиновение Царю, законным властям и законам государственным, как-то: бунтовщики, разбойники, заговорщики, грабители и т.п.

Учебник хороший и подробный. Все в нём прописано от «а» до «я», от того, что полагается солдату и до того, как солдат должен отписывать и отправлять письма либо военной почтой, либо городской почтой, или отправлять деньги своим родным, даже форма квитанции есть и указано, как её заполнять.

В этом же учебнике собраны уставы. Что характерно, строевой устав является одновременно и боевым уставом. Так же, как и в нашей армии, солдата никто не учит определению расстояний до цели. В царском учебнике просто рассказано, что видно, что не видно и совсем непонятно, на каком расстоянии это находится.

Я уже сидел и думал, как я буду обучать своих солдат определению расстояний на глаз. Например, отдельный дом виден на расстоянии пяти километров, труба на крыше видна на расстоянии трёх километров, столбы линий связи и стволы деревьев различаются на расстоянии до одного километра, движение рук или ног идущего или бегущего человека различаются на расстоянии до семисот метров, колья проволочных заграждений, переплёты в оконных рамах различаются на расстоянии до пятисот метров, оружие, цвет и части одежды человека – до двухсот пятидесяти метров, черепица на крышах, листья на деревьях – до двухсот метров, пуговицы на одежде – до ста пятидесяти – ста семидесяти метров, черты лица, детали оружия – до ста метров.

В нашей армии расстояния определяют лишь офицеры по формуле «тысяча душ». Пишется она так:

$$Д = В \times 1000 : У$$

Здесь:

Д - определяемое расстояние до цели в метрах.

В - известная высота (длина, ширина) цели в метрах.

У - измеренная угловая величина в тысячных, под каким видна цель (предмет).

Здесь нужно немного знать математику, чтобы решать уравнение с угловыми величинами, которые тоже определяются на глаз или с помощью оптических приборов.

Угловые величины можно измерить с помощью подручных предметов (карандаша, спичечного коробка, линейки, а также пальцев руки и ладонью). Для этого нужно запомнить их значение в тысячных. Угловые величины этих предметов при удалении от глаза наблюдателя на свободно вытянутую вперёд руку (50 см) равны:

карандаша - 0-10

спички (по толщине) - 0-3,5

большого пальца - 0-40

указательного пальца - 0-30

среднего и безымянного пальца - 0-35

мизинца - 0-25

спичечного коробка:

по длине - 0-90

по ширине - 0-60

по высоте - 0-30

Глава 25

Пока я сидел увлечённый решением задач по определению расстояний, с работ на объектах корпуса вернулся первый взвод, которым командовал

взводный старший унтер-офицер Каланчов, временно исполняющий должность командира роты. Меня удивило, что Каланчова не было с ними, но эти сомнения я отбросил, так как он оставался самым старшим унтер-офицером в роте учебного обеспечения и на него свалились обязанности фельдфебеля, который заведовал всей внутренней жизнью роты, а эта внутренняя жизнь была разнообразна. Но почему Каланчов не вышел встретить людей своего взвода, вот это было интересно.

Прибывшие солдаты начали приводить себя в порядок, а один из них, по виду старший, упал на отдельно стоящую кровать и закурил папиросу. Двое младших унтер-офицеров сделали вид, что не замечают этого.

- Ладно, посмотрим, - подумал я и, не обращая ни на кого внимания, продолжил штудировать учебник.

Внезапно ко мне подошёл молоденький солдатик и сказал, что меня зовёт к себе старшой.

- Старший унтер-офицер? – переспросил я.

- Да нет, - махнул рукой солдатик, - старшой, вон лежит в кровати.

- А зачем? – спросил я.

- Как зачем, - у солдатика от испуга расширились глаза, - он же старшой, он тут самый главный.

Понятно. С первого дня столкнулся с казарменным братством-товариществом.

- Ладно, иди и приводи себя в порядок, - командным голосом сказал я и продолжил сидеть.

Солдатика ветром сдуло. Я видел, как он что-то говорил на ухо «старшому».

- Эй ты, - заорал старшой, - иди сюда, блядь!

В казарме стало так тихо, что летящая муха звучала бы как трёхмоторный бомбардировщик.

- Без драки не обойтись, - подумал я и стал присматриваться, что мне нужно сделать, чтобы вырубить старшого и отделать его шестёрком. Я уже присмотрел табурет с расхлябанными ножками, а старинные военные табуреты это не сопливые кухонные табуреточки конца двадцатого века.

Я встал и вразвалку подошёл кровати.

- Чего тебе? – спросил я.

- Сымай сапоги, - приказал «старшой».

- Зачем? – спросил я.

- Я их буду носить, а ты мои опорки наденешь, - загоготал «старшой». Трое не самых здоровых солдат подхихикнули. Вот он голос Маяковского, что единица - это ноль, голос единицы тоньше писка, каждый сильный ему господин и даже слабые, если трое. Вот и получилось, что одна сволочь и трое шестёрок захватили власть в роте и никто не может доложить по команде, чтобы не слыть стукачом. Как в Советской Армии, кто попробует бороться с неуставными отношениями, тот становится всеобщим врагом и неуставные отношения не затихают, а расцветают. Точно такое же и советское правосудие, стоящее на защите криминала, а не законопослушных граждан.

Под взглядами чуть ли не сотни солдат я тихонько снял с правой ноги новенький юфтевый сапог с твёрдым и необмятым задником и новеньким каблуком, сжал в голенище в кулаке и у меня получилось оружие типа палицы, с которой я бросился на «старшого».

Прицел был точен, и я должен был ударить его по центру плохо выбритой морды, но он дёрнулся назад, оперся головой в прутья на спинке кровати и тут ему пришёлся хороший удар сапогом по лбу. Голова «старшого» проскочила между прутьями, хотя, по идее, голова не должна была проходить. У нас в училище так было. Кровати за сто лет практически не изменились. Один наш товарищ страдал зубами и ночью как-то просунул голову между прутьями. А тут и боль прошла, и он так и заснул с головой между прутьями. Мы потом слесаря-сантехника вызывали, чтобы он распилил один прут и вызволили бедолагу.

«Старшой» дёргался на кровати и пытался разогнуть железные прутья, но у него не хватало сил на это.

- Это тебе за блядь, - сказал я и ударил его сапогом в район солнечного сплетения. «Старшой» охнул и затих.

- А ну тащите сюда его «шестёрок», - приказал я.

Солдатская масса преобразилась. Она почувствовала во мне своего командира и защитника. «Шестёрок» притащили быстро и, как я понимаю, пока тащили, выместили на них все свои обиды. Но и солдатики были не дураки, и по морде никого не били.

- Ещё раз замечу, что кто-то нарушает требования Устава внутренней службы, тот почувствует на себе все прелести Дисциплинарного Устава, -

сказал я. – А сейчас приводите себя в порядок и готовьтесь к построению на ужин.

Солдаты разошлись по сторонам, и казарма стала жить жизнью воинского подразделения, а не арестантской команды под руководством паханов.

Я зашёл в отдельную комнату взводного старшего унтер-офицера Каланчова и по его внешнему виду понял, что он всё видел.

- Что теперь будет? – испуганно спросил он.

- Ничего не будет, - сказал я. – Вам, может быть, лучше перейти на нестроевую должность? Если что, то я могу походатайствовать.

- Вы это сможете? – обрадовался Каланчов. – Я был бы вам так благодарен. Вы уж там распорядитесь, а я скажусь больным. Вы ведь поддержите меня?

- Не волнуйтесь, господин старший унтер-офицер, - официально сказал я, - только как это воспримут отделённые командиры в унтер-офицерских чинах?

- Не волнуйтесь, - сказал он, - я им скажу, что вы присланы сюда на должность командира роты и никто слова поперёк не скажет. А меня называйте просто Иван Николаевич. Хорошо?

- Хорошо, - улыбнулся я. – Я кашу заварил, я и буду расхлёбывать. Только суку эту из кровати не вынимайте. С ним ничего не случится, а порядок в подразделении нужно наводить.

- Кашу-то заварил я, - сознался старший унтер-офицер. – Офицеров и фельдфебеля в роте нет. Уехали на японскую и с концами. За нами приглядывает капитан Дёмин, но он преподаватель в корпусе и приходит не часто. Так, подписывает наши заявки и финансовые ведомости. Я думал, что солдат Кочергин будет мне первым помощником, а он оказал некоторые услуги и потом начал меня шантажировать, говорить, что у него связи в жандармерии и мне несдобровать, если я скажу что-то против него. Пойду предупрежу отделённых, - и он вышел из своей комнаты.

В семь часов вечера, то есть по-нашему в девятнадцать часов, я построил роту учебного обеспечения перед казармой и вывел её на плац размяться перед ужином.

Голос у меня неплохой, командный голос появился на втором курсе, поэтому его было слышно во всём кадетском корпусе, который занимал сравнительно небольшую площадь практически в центре города у Никольского собора.

Сначала я прогнал роту вдоль плаца, чтобы посмотреть, что они умеют, а ходили они плоховато. Затем дал команды на повороты в движении. Это уже высшая марка командира, который умеет правильно подавать команды и руководить подразделением со стороны. Команды «нале-во», «кру-гом» подаются под левую ногу, а «напра-во» - под правую ногу. Солдат захватила эта игра, и они стали идти чётче.

Следующая команда:

- Рота, - стук каблуков стал чётче, - запевай, - это проверка командира на управляемость подразделением, и два молодых голоса запели:

*Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело - под шатрами
В поле лагерем стоять.*

*Лагерь - город полотняный,
Морем улицы шумят.
Позолотою румяной
Медны маковки горят.*

*Там, едва заря настанет,
Строй пехотный закипит.
Барабаном в небо грянет
И штыками заблестит.*

*Закипит тогда волною
Богатырская игра.
Строй на строй пойдёт стеною,
И прокатится «У-р-р-р-а...»*

*Слава матушке-России,
Слава русскому Царю,
Слава вере православной,
И солдату-молодцу.*

*Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать.
То ли дело - под шатрами
В поле лагерем стоять.*

Я видел, что все окна спальных помещений и классов кадетов были заполнены лицами, тоже самое было и в административном, вернее, учебном корпусе. Тут никак не уйти от тавтологии с учебным корпусом кадетского корпуса и путаницы с войсковым соединением в виде корпуса.

Перед столовой я остановил роту и скомандовал на вход в помещение справа по одному.

Столы уже были накрыты артельщиками. То есть теми, кто подаёт заявки на приготовление пищи и контролирует закупку и заготовку пищи.

Мне указали моё место во главе первого стола первого взвода. Ужин был хороший

Вопросы питания в царской армии хитрые. Я потом об этом напишу. Правила императорской армии сами по себе перешли в Красную Армию и только в Советской армии они были окончательно уничтожены.

По моей команде был отложен в миску ужин для «старшего» Кочергина. Наказание наказанием, а солдатское питание по раскладке.

Кочергин до поздней ночи сопел на кровати, перевернувшись лицом вниз. Голова не вылезала из прутьев, а разомкнуть прутья не хватало сил. Так его и кормили. Шестёрки исчезли, как будто их никогда и не бывало.

Где-то в полночь Кочергин позвал меня:

- Господин вольноопределяющийся! Господин вольноопределяющийся? Простите меня. Я больше так не буду делать.

- А как мне поверить, что ты станешь нормальным человеком и не будешь мешать службе всех солдат? — спросил я и чувствовал, что вся рота не спит и ждёт развязки этого конфликта.

- Ей-Богу не буду, - сказал Кочергин, - век воли не видать.

Понятно, мужичок из уголовников, а таких в армию не брали без особого на то разрешения, тем более в часть, расположенную в губернском городе и в престижном военно-учебном заведении.

Я обыскал Кочергина и нашёл у него в сапоге финский нож. Унтер-офицеры засвидетельствовали это и отдали финку на хранение старшему унтер-офицеру Каланчову.

По моей команде несколько солдат покрепче раздвинули прутья кровати и освободили пленника.

Утром Кочергина в казарме уже не было. Не было его на подъёме и на завтраке.

Я заставил Каланчова написать докладную записку на имя начальника кадрового отделения об исчезновении рядового Кочергина.

Глава 26

Дедовщина в армии существовала всегда. В Древней Спарте старослужащие спали с молоденькими солдатами. Тоже самое делали и самураи в Японии. И Россия была не исключением. Рабы, попавшие в армию на четверть века, становились как бы свободными и мечтали получить в своё услужение рабов, чтобы выместить на них прежнее рабское состояние. Кто будет этим рабом? Естественно, это будет молоденький солдатик от сохи, вырванный из лап помещика и переданный в лапы офицеров-крепостников и старослужащих, которым запахло выполнять работу по обеспечению деятельности подразделения или части. Армию времён Дмитрия Донского, фельдмаршалов Румянцева, Суворова, Кутузова так прилизали, что всем казалось, что в строю стоят ангелы и им не хватает только белых крыльев, которые аккуратно сложены в ранцах вместе с маршальскими жезлами. Вопрос морально-психологического состояния и дисциплины в армии с екатерининских времён и по наше время не изучал никто и власть сделает все, чтобы отбить руки и охотку таким исследователям, так как это будет снижать качество славных побед хрестоматийных полководцев, являвшихся крупными рабовладельцами. Для начала закрыли архивы, негласно, просто не выдавали на руки необходимые документы, как-то: рапорта, реляции, докладные записки и заключения по расследованиям происшествий. И надо не забывать, что все военные действия – это череда сражений с противником и преступлений против мирного населения.

Это мне рассказывал Его благородие, и я сам чувствовал, что за блеском погон и сиянием лычек скрывалась изнаночная сторона воинской службы, а текст присяги только прикрывает всё, что творится за высокими лозунгами. Как человек может быть свободным, если в церкви провозглашают всех людей рабами божьими? Значит – цари тоже рабы, но только наделённые высшей властью над другими рабами, и так по нисходящей Табели о рангах вниз рабы командуют рабами, заканчивая бесправным солдатиком, которому приходится выносить все унижения от Бога до старослужащего.

Начнём сначала. Старые солдаты и офицеры обращались с рекрутами как с закоренелыми преступниками. Кроме прямого кулачного «внушения», секли плетью, шпицрутенами, отбирали часть жалованья. Генерал артиллерии, личный друг государей генерал-фельдцейхмейстер граф Аракчеев своими руками выдирали усы у гренадёров. Суворовская «Наука побеждать» тоже не

обходилась без шпицрутенгов. Офицеры и «деды» составляли одну преступную группу, измывавшуюся над солдатами, в результате чего в армии процветало дезертирство солдат, которым было невыносимо такое отношение к ним. Екатерина Вторая в конце своего царствования отменила телесные наказания в армии, но её любимый внучок, взошедший на престол после убийства своего отца Александр по номеру первый снова вернул телесные наказания. И когда пришли во Францию кончать Наполеона, то почти пять дивизий растворились среди французов, и если бы армию вовремя не вывели, то от неё остались бы только офицеры, и то не все. После поражения в войне 1854 года телесные наказания временно были отменены, но потом вернулись снова.

Вся наука в стране строилась на розгах, плетях и шпицрутенах. Неоднократно битый стремился выместить своё унижение над небитыми. В офицерских училищах существовала такая же дедовщина, проводившая селекцию офицерского корпуса, оставляя в армии не самых лучших её представителей.

Вся государственная система разделяла людей на господ и чернь, и, если полыхнёт революция, то государство угнетения будут уничтожено напрочь большей частью населения страны, которому было отказано в нормальной жизни и в ком билось сердце крепостного крестьянина, помнившего рабское состояние. И солдаты явятся главной вооружённой силой, которая сметёт Веру, Царя и крепостное Отечество. Отечество должно быть родным, а не враждебным людям.

Глава 27

Моё вечернее появление на плацу произвело фурор не только в кадетском корпусе, но и во всём городе.

Каждому нижнему чину разрешались свидания с родными и знакомыми на пропускном пункте корпуса в свободное время. Естественно, информация обо мне вечером вырвалась за пределы корпуса и подобно цепной реакции разлетелась по городу. Даже утренний выпуск газеты «Губернские вести» вышел с заголовком: «Известный поэт и кандидат физико-математических наук вольноопределяющийся Олег Туманов назначен командиром учебной роты в кадетском училище» и описывалось, с какой радостью солдаты встретили это назначение и как они задорно пели на плацу песню «Взвейтесь соколы орлами».

С утра статские чиновники высокого ранга звонили по телефону директору корпуса генерал-лейтенанту Медведеву и генерал-губернатору

Степного края генералу Надарову с выражением удовлетворения по поводу моего назначения командиром роты.

Изумлению высоких должностных лиц не было предела. Генерал Надаров срочно приехал в корпус, благо ехать в корпус на пролётке было не более четверти часа.

По приезде в корпус генералов стало известно о дезертирстве одного рядового из роты учебного обеспечения. Происшествие на происшествии.

До проведения официального расследования, то есть написания докладных записок всеми участниками происшествия, я был вызван в кабинет директора корпуса на «правёж».

- Милостивый государь, - гремел генерал Надаров, - как могло так получиться, что весь город только и обсуждает новость о том, что вы назначены командиром учебной роты в кадетском корпусе? На каком основании вы командовали ротой перед ужином? Кто вас научил строевым манипуляциям с подразделениями? Откуда у вас офицерская выправка?

- Выше высокопревосходительство! – я даже прищёлкнул каблуками. В солдатских юфтевых сапогах это звучало тихо, но получалось щегольски. – Я не могу ответить ни на один Ваш вопрос, так как не знаю ответа. Роту на ужин я повёл по просьбе старшего унтер-офицера Каланчова, который занемог. Откуда у меня офицерская выправка и умение командовать подразделениями, я не знаю. Мне кажется, что они всегда были у меня. В течение последних суток я никуда не отлучался из казармы и не контактировал ни с кем из моих знакомых в городе. Разрешите высказать просьбу Его Превосходительству генералу-лейтенанту Медведеву.

- Высказывайте, - разрешил мне генерал Надаров.

- Ваше превосходительство, - сказал я, - прошу перевести старшего унтер-офицера Каланчова на нестроевую должность, благо он имеет предрасположение к канцелярской работе.

- Ваше высокопревосходительство, - сказал генерал Медведев генералу Надарову, - ну вот что мне с ним делать?

Генерал Надаров, заложив руки за спину, сердито выхаживал по кабинету.

- Какие дисциплинарные права имеет командир роты? – спросил он меня.

- Командир роты имеет право, - отчеканил я, - воспрещать отлучку из казармы или со двора сроком до одного месяца, назначать не в очередь на

службу и на работы до восьми нарядов, подвергать простому аресту до пяти суток, строгому аресту до пяти суток и усиленному аресту до двух суток.

- Вот, посмотрите на него, Ваше превосходительство, - сказал генерал Надаров генералу Медведеву. – Вот спросите его что-нибудь по военному делу.

- Ваше высокопревосходительство, - сказал генерал Медведев, - мне кажется, что он знает всю теорию. Давайте проверим его в деле. В гимнастическом зале проверим его навыки фехтования саблей и в нашем маленьком тире проверим, как он стреляет из нагана. И всего-то нужно спуститься в цокольный этаж.

- А давайте посмотрим, Александр Ардалионович, - сказала генерал Надаров и пошёл к выходу из кабинета. Адъютант генерала Надарова сделал приглашающий жест и мне.

В спортивном зале к нам подошёл офицер в спортивной одежде. Генерал Медведев приказал принести две шашки и проверить меня на умение вести бой при помощи холодного оружия.

Рубку шашкой мы изучали в училище, а фехтованием на саблях я занимался в кружке фехтования. И, обратите внимание, спортивная сабля - это не боевой клинок шашки.

Мы надели защитные нагрудники и встали друг против друга с шашками в руках. По команде мы отсалютовали и бросились в атаку. В течение трёх минут я поразил капитана.

- Ещё раз, - сказал генерал Медведев.

Второй раз пришлось труднее биться с капитаном. Он понял свою ошибку и пытался атаковать меня размашистыми ударами, которые было трудно отбивать, получая практическую контузию в руку. Наконец я нашёл слабо защищённое место и сделал укол.

Пожав друг другу руки, мы разошлись в стороны. Нелёгкое это дело сабельный бой.

Пошли в тир. Это глухой с одной стороны коридор длиной примерно пятьдесят метров. Освещение дневное через окна под потолком. Заведующий тиром ефрейтор установил стойку с пятью грудными мишенями с кругами.

- У вас револьвер с собой? – спросил генерал Надаров у своего адъютанта.

- Так точно, Ваше высокопревосходительство, - сказал капитан и достал револьвер из портфеля. А что, время мирное, не обязательно везде ходить с огнестрельным оружием, достаточно и холодного.

- Ну те-с, - сказал генерал Надаров, - покажите своё умение.

Я взял револьвер, открыл защёлку и высыпал в ладонь все семь патронов. Взяв курок, я приложил револьвер к уху и стал тихонько нажимать на спуск. Раздался щелчок и курок встал на место. Всё понятно. Спуск сравнительно мягкий. Револьвер офицерский, самовзвод. Самовзводом стрелять на результат труднее, но нужно показать класс.

Я всегда любил стрелять из револьвера, но то был спортивный револьвер ТОЗ-49 Тульского оружейного завода, точность необыкновенная и у меня в кабинете всегда висели мишени с пробоинами. Это так действовало на моих будущих соперников, что я заранее выигрывал соревнования психологически. А здесь боевой револьвер и хрен его знает, как он пристрелян.

Внимательно рассмотрев прицельную прорезь, я с трудом рассмотрел маленький кружок, обозначающий, что револьвер пристрелян под ноль, то есть в центр мишени. Уже лучше.

Зарядив револьвер, я встал в стойку правым боком вперёд, ноги на ширине плеч. Не глядя на мишень, я несколько раз согнул и разогнул в локте руку с наганом. Наган смотрел точно в цель. Значит, стойка у меня правильная.

Тщательно прицелившись, я выпустил семь пуль в цель. Ефрейтор принёс мишень, и я остался доволен результатом. Три десятки и четыре девятки ближе к центру. Шестьдесят шесть очков. Я даже не ожидал от себя такого. Просто попался отличный револьвер.

- Вот, посмотрите на него, - сказал генерал Надаров, и генералы двинулись к выходу. Я шёл за ними.

В приёмной директора корпуса уже дожидался подполковник Скульдицкий из жандармского управления. Жандармы осуществляли оперативное обеспечение воинских частей.

Скульдицкий что-то докладывал генералам, потом из приёмной вызвали меня.

- Расскажите, что произошло вечером в казарме, - приказал мне генерал Надаров. На его столе я увидел финский нож, который мы изъяли у Кочергина.

Понятно, старший унтер-офицер Каланчов доложил всё и с подробностями. Значит, мне тоже не нужно ничего скрывать, разве что про жандармов нужно опустить.

Я рассказал всё подробно, как оно всё происходило, сделав упор на уголовные признаки Кочергина.

- Понятно, - сказал генерал Надаров, отослав меня из кабинета.

Я сидел один в приёмной и думал о том, что с моей кандидатской степенью я получу статский чин губернского секретаря и буду Его благородием в ранге подпоручика с петличками с одним просветом и двумя звёздочками, буду работать в какой-нибудь конторе или заниматься преподаванием истории, физики, математики. И не будет у меня никаких особенных забот целых семь лет, а потом начнётся Великая война и меня призовут в армию рядовым необученным солдатом и «никто не узнает, где могилка твоя».

Глава 28

Генералы совещались долго. Два раза куда-то бегал адъютант генерала Надарова. Потом один из солдат моей роты принёс поднос с пятью стаканами чая. Один стакан чая с печеньем он оставил мне, а четыре стакана занёс в генеральский кабинет.

Перед тем, как зайти в кабинет, солдат шепнул мне:

- Адъютант два раза бегал в мастерскую с заказом на шитьё офицерских погон. Ребята говорят, что это для вас.

Я сидел и пил чай, когда из кабинета выглянул адъютант, посмотрел на меня и снова закрыл дверь.

Минут через пять из кабинета вышел адъютант и пригласил меня в кабинет.

- Нет, вы посмотрите на него, - сказал с возмущением генерал Надаров. — Мы тут решаем, то ли его под суд отдавать, то ли наградить его чем-нибудь, а он сидит в приёмной и чаи распивает, которые для генералов приготовили. А ведь если бы вас солдаты не уважали, они бы вам чай с печеньем не принесли. И они же, наверное, сказали вам, что вас ожидает? Да или нет?

- Так точно, Ваше высокопревосходительство, - выдохнул я.

- Вот вы посмотрите на него, - указал на меня рукой генерал Надаров, - ничего не помнит, а сдал экзамены за полный курс гимназии и полный курс университета. На саблях дерётся как гусар. Из револьвера стреляет как бретёр. Сходу читает топографические карты и рассчитывает марши конных подразделений. Специалист по воинскому строю. Постоянная офицерская выправка. От имени Его Императорского Величества приказываю вольноопределяющегося Туманова переименовать в зауряд-прапорщики, а приказом директора кадетского корпуса генерал-лейтенанта Медведева зауряд-прапорщик Туманов назначен исполняющим обязанности командира роты учебного обеспечения и приват-преподавателем кадетского корпуса. От имени Его императорского Величества за отражение атаки террористов-социал-демократов и захват преступников зауряд-прапорщик Туманов награждается медалью «За храбрость» третьей степени на георгиевской ленте с бантом. Поздравляю вас, - и генерал пожал мне руку. – Смените ему погоны.

Все присутствующие пожали мне руки, а адъютант и подполковник Скульдицкий помогли заменить мне погоны.

Интересно получается. Погоны зауряд-прапорщика до июня 1907 года представляли собой обыкновенный офицерский погон со звёздочкой прапорщика и фельдфебельской лычкой над ней.

До этого в 1906 году для унтер-офицеров сверхсрочной службы было введено звание подпрапорщик. Ранее это звание присваивалось только выпускникам юнкерских и военных училищ до присвоения им офицерских званий.

С июня 1907 года на пятиугольный погон офицерского образца нашивался продольный обер-офицерский галун и в первой трети погона прикреплялась офицерская звёздочка против прибора. То есть на золотом галуне серебряная звёздочка, на серебряном галуне – золотая. Это стало погоном зауряд-прапорщика на офицерской должности - высшим унтер-офицерским званием для военнослужащих сверхсрочной службы.

По казачьим канонам, зауряд-прапорщика у них быть не могло, так как после чина подхорунжего следовал чин хорунжего, то есть корнета кавалерии или подпоручика пехоты с двумя звёздочками на погоне. Таким образом, у зауряд-хорунжего должно быть две звёздочки, а не одна. Практически, казакам помазали салом по мусалам, сказав, что для них есть чин зауряд-хорунжего, но ни одного зауряд-хорунжего так и не было, всем отличившимся присваивался чин зауряд-прапорщика с правом называться зауряд-хорунжим с одной звёздочкой.

Вообще-то, это чин военного времени, когда была нехватка офицеров и в зауряд-прапорщики производились относительно подготовленные унтер-офицеры и фельдфебели. Но я не был ни унтер-офицером, ни фельдфебелем, ни

сверхсрочником. Вольноопределяющийся – это солдат, который готовится к офицерскому званию и его не привлекают на хозяйственные работы. В 1907 году всё ещё ощущалась нехватка офицеров на строевых должностях, так как основная масса офицеров была на таких должностях, которые не предполагали участие в боевых действиях, о чём со смехом рассказывали строевые офицеры действующей армии.

Командующий армией генерал А. Куропаткин вспоминал об этом времени:

«При огромной убыли в офицерах мои требования о командировании офицеров на пополнение армии были часты и настойчивы. Удовлетворение их не всегда было в силах Военного министерства. Приходилось брать офицеров из частей войск, расположенных в Европейской России, на Кавказе и в Туркестане.

При этом должная разборчивость при командировании офицеров не проявлялась. Посылали к нам в армию совершенно непригодных по болезненности алкоголиков или офицеров запаса с порочным прошлым. Часть этих офицеров уже на пути в армию заявляла себя с ненадёжной стороны пьянством, буйством. Доехав до Харбина, такие ненадёжные офицеры застревали там и, наконец водворённые в части по прибытию в них, ничего, кроме вреда, не приносили и были удаляемы.

Наиболее надёжным элементом, конечно, были офицеры срочной службы, особенно поехавшие в армию по своему желанию. Наиболее ненадёжны были офицеры запаса, а из них не те, которые оставили службу добровольно, а те, которые подлежали исключению из службы, но по нашей мягкосердечности попали в запас».

- Хорошо, что вы в солдатском звании были всего одни сутки, - сказал генерал Медведев. – Идите и переодевайтесь в офицерскую форму, благо всё наше под вашей рукой находится.

Я поблагодарил офицеров и вышел. Перед уходом подполковник Скульдицкий попросил дождаться его.

Проводив генерала Надарова, подполковник Скульдицкий предложил прогуляться по территории кадетского корпуса.

- Как вы сейчас себя чувствуете? – спросил он.

- Даже и не знаю, - признался я, - столько много свалилось за последние дни, что просто не в состоянии сразу оценить всё. Как-будто маленького ребёнка засыпали со всех сторон подарками, и он не знает, что ему больше нравится. Но я думаю, что все скоро рассосётся. А Кочергин вас сильно подвёл.

Он социально близкий социал-демократам и ещё проявится там. Поверьте мне. Я эту публику хорошо знаю. Они мстят своим хозяевам. И у меня в социал-демократической среде появится новый и опасный враг, обещавший мне не делать гадости.

Подполковник Скульдицкий мгновенно пыхнул слабозаметным румянцем и сразу потух, сказалась многолетняя выучка и выдержка.

- Меня всё время удивляет ваша осведомлённость во всех вопросах, которые недоступны и малоизвестны большинству населения, - сказал Скульдицкий. - Я хотел бы, чтобы вы иногда давали мне консультации по некоторым вопросам.

- Это вы так вербуете свою агентуру? - спросил я. - Я сейчас в армии, и вы прекрасно знаете отношение офицерского корпуса к корпусу жандармов. Мне тоже придётся проявлять корпоративную солидарность.

И снова подполковник Скульдицкий полыхнул слегка заметным румянцем.

- Что у вас за манера обижать своих собеседников? - сказал обиженно подполковник. - Я к нему по-дружески, а он сразу выстраивает вокруг себя неприступную стену.

- Не обижайтесь, Владимир Иванович, - успокоил я его, - конечно, я помогу. У меня сейчас обратной дороги нет. Соцдеки всё заносят в записные книжки. И архивы ваши рано или поздно попадут в их руки, да и контрразведка у них работает неплохо. Так что, сколько верёвочке не виться, а шила в мешке не утаишь. И в армейскую агентуру подлецов вербовать не надо, предадут первыми.

- Дело не в этом, - сказал Скульдицкий, - нам позарез нужны такие офицеры, как вы, которые понимают ход событий и знают, что нужно делать. Подумайте, если решите, то вам будет обеспечен быстрый служебный рост, и вы займёте достойное положение в нашей иерархии, возглавив перспективное направление борьбы с новой революцией.

- Вы уж не обижайтесь, любезный Владимир Иванович, я искренне ценю ваше участие ко мне, - ответил я, - но я буду белой вороной в вашей среде. Я считаю, что бороться нужно не с революцией. Нужно разрушать революционную базу революционеров - пролетариата и беднейшего крестьянства - причём не путём его физического уничтожения, а повышением их материального и культурного уровня до такого положения, когда у них главными будут личные интересы, а не революционные идеи.

В корпусе жандармов должны быть не держиморды, множащие число потенциальных революционеров, избивающие безоружных людей, отправляющих в армию студентов, изгоняющих их из университетов и садящих в тюрьмы. Этих держиморд можно выгнать из Отдельного корпуса жандармов, но Отдельный корпус жандармов из них выгнать невозможно. Это как зачумлённые. Чума не лечится и жандармский синдром тоже неизлечим. Даже члены семьи обоего пола становятся жандармами в миниатюре.

И это не всё. Власть должна меняться в соответствии с меняющейся обстановкой. Это, простите за сравнение, как беременная женщина, которой нужно рожать, а ей говорят, что если она выпьет пару горьких порошков, то всё у неё пройдёт. Вы думаете царь и правительство это понимают и пойдут на это? Никогда. Легче вышвырнуть из Отдельного корпуса жандармов такого смутьяна, как я, и продолжать делать всё, что делалось до сегодняшнего дня.

Вы думаете, что задавили революционное движение «столыпинскими галстуками»? Ничего подобного. Вы оставите потомству «столыпинский вагон», а они поставят его на колёса и по городам будут ездить столыпинские автомобили, хватая в клетки людей, которые косо смотрят на власть.

Вы ещё забываете, что пролетариату и беднейшему крестьянству нечего терять, кроме своих цепей и в борьбе за мечту их поддержит русская интеллигенция, с которой они потом расправятся и воспитают свою интеллигенцию, которая снова будет стремиться к революции.

К чему становиться белкой, которая тысячелетиями крутит колесо поймавшего её человека? Пусть когда-нибудь белка выскочит из колеса и побежит по своему пути на заветную ёлку или на заветный кедр щёлкать свои любимые орехи. Все демократические преобразования после 1905 года похожи на щепотку орехов, которую кинули белочке в парке.

- Загадками говорите, Олег Васильевич, - сказал жандарм, - внутренне я понимаю, в чём суть сказанного, но вся натура моя, как человека государственного, восстаёт против, а что будет впереди – непонятно. Мы друг друга поняли, только никому не говорите о том, о чём мы говорили, в частности, вашему другу Иванову-третьему. Полиция далеко не видит и доверять ей нельзя. Они даже своим осведомителям платят по тридцать рублей, как будто не помнят, что Иуда Искарот предал учителя своего Иисуса Христа именно за тридцать сребреников. За медаль и за квартиру в столице или в губернском центре они мать и сестру родную дубинами избыют или продадут в рабство. Кстати, где нужно искать Кочергина?

- Я бы обратил внимание на работу Большевицкого центра, который маскируется под редакцию газеты «Пролетарий». Главными там у них симбирский дворянин Владимир Ильич Ульянов, инженер Красин Леонид Борисович, мастер по изготовлению бомб, Богданов (Малиновский) Александр

Александрович, врач и идеолог партии большевиков. Присмотритесь и к их окружению. Рядышком должны крутиться Камо (Симон Аршакович Тер-Петросян), боевик и экспроприатор царских денежных средств, Сталин (Джугашвили Иосиф Виссарионович), боевик и мастер эксов. Это главная группа, которая добывает деньги на существование партии. Если вы раздавите это гнездо, то революционное движение будет обезглавлено. И было бы неплохо, если бы ваши заграничные коллеги обратили внимание на скорое создание российских творческих общин на острове Капри в Италии, их вы узнаете по Максиму Горькому (Алексею Максимовичу Пешкову) и во французском городке Лонжюмо. Сами разберётесь, что и к чему. Просто следите за их окружением и вам все станет ясно.

- Откуда вы всё это знаете, Олег Васильевич? – изумился Скульдицкий.

- Не знаю, Владимир Иванович, - сказал я, - просто в голову пришло. Возможно, что я это знал раньше, а сейчас вот вспомнилось. Только не говорите об этом никому, Ваше высокоблагородие, вам никто не поверит, а с меня, как с потерявшего память, взятки гладки.

Не буду же я ему рассказывать, что нас в училище два года учили Истории Коммунистической партии Советского Союза намного сильнее, чем всяким там военным и другим наукам.

Я мог бы рассказать подполковнику Скульдицкому о Пятом съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), который проходил в Лондоне с тридцатого апреля по девятнадцатое мая 1907 года. На съезде присутствовало триста три делегата с решающим и тридцать девять кандидатов с совещательным голосом от ста пятидесяти тысяч членов партии. От РСДРП было сто семьдесят семь делегатов. Восемьдесят девять большевиков и восемьдесят восемь меньшевиков. Сорок пять польских социал-демократов, двадцать шесть латышских соцдеков и пятьдесят пять бундовцев. Среди большевиков были Ленин, Бубнов, Ворошилов, Дубровинский, Линдов, Лядов, Ногин, Сталин, Цхакая, Шаумян, Ярославский и другие. В съезде участвовал и великий пролетарский писатель А.М. Горький.

Главный вопрос съезда – отношение к буржуазным партиям.

Ну не буду же я рассказывать об этом, не вызвав естественного вопроса: а откуда я всё это знаю? Так что, пусть сами работают по этому направлению.

Глава 29

Выйдя из административного здания, я направился в расположение роты учебного обеспечения, благо время уже клонилося к вечеру и к принятию пищи в составе подразделения.

Как только я вошёл в казарму, дежурный по роте подал команду «Смирно» и, печатая шаг, пошёл ко мне с рапортом:

- Господин зауряд-прапорщик, за время вашего отсутствия происшествий в роте не случилось!

Я подал команду «Вольно» и сделал замечание дежурному, что не за время моего отсутствия, а за время его дежурства. Моё присутствие не избавляет от нарушений дисциплины, за что я по голове гладить не буду.

Дежурный по роте готов был на всё, чтобы я прошёл дальше в казарму, и я не стал его томить. Весь личный состав стоял толпой и ждал меня.

Как только я подошёл к солдатам, меня со всех сторон стали поздравлять, а командир первого отделения первого взвода младший унтер-офицер прямо сказал, что они сразу поняли, что меня прислали командиром в нашу роту.

Вот он источник информации о моём назначении, вчера выпорхнувший за ворота кадетского корпуса. Ладно, просто будем иметь в виду.

Старший унтер-офицер Каланчов пригласил меня в свою комнатуху и показал на офицерскую форму, которую уже получили и принесли мои подчинённые, работающие в службах тыла.

- Вот, господин зауряд-прапорщик, распишетесь здесь в накладной за имущество, а завтра мы отнесём на склад солдатское обмундирование, как ненадёванное, - сказал старший унтер-офицер.

- Я передал генерал-лейтенанту Медведеву вашу просьбу о переводе в нестроевые унтер-офицеры, так что ждите решения, - сказал я.

Каланчов поблагодарил меня и вышел.

Я присел к столу и задумался. Столько событий за одни только сутки. Почему-то вспомнились слова Наполеона о том, что они проиграли потому, что победили на всех фронтах. Но я не Наполеон и не победил на всех фронтах. Мне пришлось упорно работать, чтобы подготовиться к экзаменам пусть даже по пройденному материалу. Я могу предложить любому человеку с высшим образованием сдать экзамены за среднюю школу. Думаете, что он сдаст? Не сдаст. Без подготовки не сдаст. Для этого нужно серьёзно готовиться. Пришлось вспоминать математику и приспособливать её к уровню сегодняшних знаний, чтобы, не дай Бог, не сделать открытие, достойное

Нобелевской премии. Хотя, математикам Нобелевскую премию не присуждают. Есть какой-то аналог такой премии специально для математиков. По-моему, это Филдсовская премия и основана она в 1924 году.

Я снял гимнастёрку, отцепил погоны зауряд-прапорщика и быстро снял остальное обмундирование, вспоминая, как я в первый раз надевал свою офицерскую форму. Ощущение было такое же. Надел всё новое, в том числе и нательное бельё – рубашу и кальсоны, так как уже наступала осень и бельё было положено всем. Надо будет запастись трусами и майками на тёплое время года, так всё-таки удобнее. Брюки полушерстяные с кантами, китель со стоячим воротником, красные погоны Сибирского казачьего войска с продольным обер-офицерским галуном серебристого цвета и золотой звёздочкой, позолоченным металлическим вензелем императора Николая Второго, присвоенным кадетскому корпусу. Офицерская фуражка с офицерской кокардой точно по размеру. Ремень поясной. Кобура офицерская, шнур револьверный офицерский, шашка офицерская с офицерским темляком и портупеей. Мне не полагались только эполеты на парадную форму. Нужно будет купить себе револьвер. Револьвер – это личное оружие офицерского состава, поэтому его полагалось покупать самому. Револьверы были не у всех, некоторые офицеры покупали себе модные «браунинги» и «люгеры».

Надев всё принесённое мне, я прицепил на грудь две георгиевские медали по центру груди и вышел к личному составу.

Солдаты охнули. Я и сам охнул, посмотревшись на стоящее в казарме с незапамятных времён старое зеркало. На меня смотрел молодцеватый офицер с шашкой на левой стороне и с двумя серебряными медалями. Фуражка сдвинута немного на правую сторону, но кокарда была строго по центру лба. Хромовые сапоги щелкали именно по-офицерски.

Ловко повернувшись, я крикнул:

- Дежурный, время?

Дежурный посмотрел на часы и доложил, что без пяти минут семь часов вечера.

Я дал команду взводным унтер-офицерам строить роту для приёма пищи.

С песней рота пошла на ужин. Я проверил, как идёт приём пищи и передал командование старшему унтер-офицеру Каланчову, а сам пошёл к дежурному офицеру по корпусу.

Новым дежурным по корпусу был капитан Дёмин Фёдор Петрович, тот самый, с которым мы сегодня днём скрестили шашки в спортивном зале. Он

был преподавателем физической подготовки и фехтования подписывал финансовые документы роты учебного обеспечения.

Я доложил ему о том, что рота учебного обеспечения находится на приёме пищи, происшествий в роте не случилось и испросил разрешения отбыть на квартиру.

- Быстро вы обмундировались, господин зауряд-прапорщик, - улыбнулся капитан Дёмин. – Как вам удалось за одни сутки завоевать целую роту?

- Даже и не знаю, Ваше высокоблагородие, - сказал я. Капитан хоть и относился к категории обер-офицеров, но титуловался как штаб-офицеры высокоблагородием. Уставы нужно знать и чтить. – Вероятно из-за того, что я прекратил неуставные отношения в роте. Каждый суровый судья уважаем всеми людьми, если он судит по закону и по справедливости. Вот, возможно, всё из-за этого и произошло.

- Давайте в неофициальной обстановке обойдёмся без титулования, - предложил капитан. – Вы лучше мне скажите, где вы научились так фехтовать. Если у вас найдётся время, то не согласитесь ли вы ещё пофехтовать со мной. Хочу быть непревзойдённым специалистом, уж извините меня.

- Я согласен, господин капитан, - сказал я, - уверен, что и вы научите меня тем приёмам, которые отличают настоящего кавалериста от пехоты.

- Желаю приятного отдыха, - сказал капитан и козырнул мне.

Чётко ответив, я с удовольствием прищёлкнул каблуками и вышел на улицу.

День клонился к закату, до дома Марфы Никаноровны было чуть более километра, не торопясь пятнадцать минут. А завтра мне нужно будет прибыть сюда к подъёму, то есть без пятнадцати минут шесть часов утра.

Я степенно пошёл в направлении дома, который снимал для жилья. Я уже знал, что шашку нужно обязательно придерживать рукой, чтобы она не болталась и не попадала между ног, создавая предпосылку к неловкому падению офицера среди штатских. Пограничные офицеры до 1964 года носили шашки и, честно говоря, тяготились этим во второй половине двадцатого века.

Через пятнадцать минут я уже был у заветного дома и стучал в дверь.

- Кто там? – раздался голос Марфы Никаноровны из-за двери.

- Зауряд-прапорщик Туманов разыскивает Веселову Марфу Никаноровну, - сказал я.

Дверь распахнулась, женская рука схватила меня за портупею и втащила внутрь.

Часа через два мы лежали в постели и ждали, когда закипит чайник на керосинке.

- Откуда ты такой взялся, счастливчик? – спросила меня Марфа Никаноровна.

- Не знаю, - сказал я, - вероятно с Луны упал.

- А тут в газете написали, что тебе сразу присвоили чин прапорщика, мы так все удивились, что Иннокентий Петрович вместо воды спирт выпил из мензурки.

- Не прапорщика, зауряд-прапорщика, это как бы временного прапорщика из-за того, что настоящих прапорщиков не оказалось в наличии и других офицеров тоже не было, - разъяснял я. – Зауряд-прапорщики приравняются к обер-офицерам, но без права состоять участниками офицерских учреждений и посещать офицерские и военные собрания. Вот послужу немного заурядом и подготовлюсь для сдачи экзамена за военное училище, чтобы стать настоящим офицером. Экзамены можно сдавать до двадцати восьми лет, так что время у меня есть.

- Зауряд тоже неплохо, - сказала Марфа Никаноровна. – Погоны серебряные, сразу видно человека благородного звания.

- Погоны серебряные, да только денег платят мало, - засмеялся я, - но мы с тобой на два жалования как-нибудь проживём.

Марфа Никаноровна доверчиво прижалась ко мне. Спасительница моя.

- Завтра мне нужно встать в пять часов, чтобы прийти на подъем роты, - сказал я.

- Подожди, - сказала Марфа Никаноровна, - я сейчас установлю будильник.

Будильник был большой и нужной новинкой в то время. Люди, как правило, просыпались по соседским петухам, которые начинали кукарекать на восходе солнца, тогда и просыпались хозяйки разжигать печи и ставить на выпечку хлеб. У Марфы Никаноровны был будильник «Радбе» производства Н.А.У. (Hamburg Amerikanische Uhrenfabrik, Германия), который можно устанавливать на любое время. Установив будильник, Марфа Никаноровна что-то искала в комодке, а потом вернулась в кровать, сжимая что-то в кулаке.

- Я тоже согласна жить на два жалования, - сказала она и поцеловала меня. — У тебя пока нет часов, вот тебе часы моего покойного папаши. Они старинные, но идут очень хорошо, он был бы рад, что ими пользуется близкий мне человек.

Я посмотрел на часы. Это были серебряные часы Павел Буре с эмалированным циферблатом и римскими цифрами. Павел Буре (Paul Buhre) считался русским часовщиком и поставщиком двора Его Императорского Величества (ЕИВ), имеющим большую часовую фабрику в швейцарском городе Ле-Локле. Так что, это были русские часы швейцарского производства, поэтому они и пользовались большой популярностью.

Глава 30

Утром я выпил чай с молоком и отправился на службу. Прибыл за пятнадцать минут до подъёма, посмотрел порядок в помещении. Проверил, как взводные унтер-офицеры поднимают людей и выводят на улицу для утреннего туалета и физической зарядки.

Всё идёт по порядку. Но в роте нужен фельдфебель, который будет смотреть за всем хозяйством и следить за выполнением расписания занятий и производимых работ. Часть солдат роты были как бы дядьками у кадетов и уборщиками помещений. Другая часть готовила материальную базу для занятий, например, мишени, карты, ящики с песком для тактической обстановки и прочее, работала на складах, в мастерских. Но фельдфебель очень нужен. Нужно присмотреться к унтерам и кого-то из взводных старших унтер-офицеров назначить на должность фельдфебеля через кадровое отделение.

К восьми часам рота прибыла с завтрака, курящие перекурили в курилке, а я засел в канцелярии и стал просматривать документацию роты. Ротное хозяйство это не на плацу командовать «направо» и «налево». Я потом распишу, что такое ротное хозяйство и что включает в себя солдатская жизнь по уставам императорской армии.

Моё вникание в суть ротных дел прервал стук в дверь и в канцелярию вошёл посыльный из штаба, который сообщил, что меня просит зайти к нему начальник кадрового отделения.

Всякая просьба старшего начальника является приказом и я, надев фуражку и пристегнув шашку, отправился в административное здание.

- Ваше высокоблагородие..., - начал я докладывать начальнику кадрового отделения подполковнику Шмидту Карлу Ивановичу.

- Полноте голубчик, - сказал он, - обойдёмся без титулования, достаточно обратиться и по чину.

А как же уставы, господин подполковник? – улыбнулся я.

- А вы не помните, что в уставе говорится о том, как нижние чины должны приветствовать начальников, - сказал подполковник, - а мы с вами не нижние чины и про нас ничего не говорится.

- Но зауряд-прапорщики относятся к категории нижних чинов, - продолжил я дискуссию.

- Не скажите, это просто упущение в наших распорядительных документах, вы ещё не офицер, но уже не нижний чин, - сказал начальник кадрового отделения, - а у вас есть желание стать офицером?

- Так точно, господин подполковник, - сказал я, - с этой целью я и поступил добровольно в армию.

- Понимаю, понимаю, - сказал Карл Иванович, - но вы так стремительно ворвались в армию, что перескочили несколько этапов воинской службы. По закону мы в течение месяца со дня прибытия вас на службу должны привести вас к присяге как молодого воина, а вы уже на следующий день стали зауряд-прапорщиком. Я с таким в своей службе не сталкивался, как и все мои знакомые начальники всех рангов. Собирать ваших подчинённых для приведения к присяге как молодого солдата не солидно. Поэтому мы поступим так, вы прочитаете присягу и подпишете её вчерашним числом.

- Давайте я сразу подпишу присягу, - сказал я. – Я уже раньше принимал присягу и повторное принятие присяги для меня неприемлемо. Я не помню, где и когда принимал присягу, но помню, что я был молодым юнкером и стоял перед строем своих товарищей. Текст присяги я знаю, её не нарушал, а эта присяга всего лишь документ для моего личного дела.

Подполковник Шмидт посмотрел на меня и молча кивнул головой.

- А что, если вы снова стукнетесь головой, то и память к вам может вернуться? – спросил он.

- Возможно и так, - улыбнулся я, - у меня сейчас какие-то воспоминания кусками, но головой стукаться не хочется, вдруг вспомнится всё забытое и забудется всё сегодняшнее. Нужно выбирать, что лучше.

Я взял типографский лист, где было напечатано:

«Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорского Величества государства и земель Его врагов телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путём, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальником во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату), надлежит. В чём да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.»

Я вписал свои Фамилию, имя, отчество и внизу расписался, поставив дату 17 сентября 1907 года.

Подполковник Шмидт поставил на подпись круглую печать, подул на неё и положил мою присягу в личное дело. Как-то неприлично принимать присягу повторно, но в истории нашей страны это стало повсеместностью, когда военных специалистов насильно сгоняли в Красную Армию. Те, кто шёл добровольно, тот с полным осознанием принимал вторую присягу. Потом бы принял третью и четвёртую, как принимали присяги в тех республиках, которые откололись от Российской империи. А потом, когда империя снова воссоздалась после Второй великой войны, принимали новую присягу, если не был кроваво запятнан против метрополии.

- Господин подполковник, - обратился я к начальнику кадрового отделения, - не могли бы вы мне присоветовать какого-нибудь дельного

сверхсрочника на должность фельдфебеля в мою роту? Я здесь человек новый, поэтому пока не изучил весь личный состав, чтобы иметь своё мнение о них.

- Я обязательно посмотрю, чем можно помочь вам, - сказал подполковник. – А как вы относитесь к немцам?

Вопрос меня несколько озадачил, но я сказал просто, что отношусь к немцам так же, как и ко всем другим подданным Российской империи, отмечая их трудолюбие, целеустремлённость и верность долгу.

- А почему вы улыбнулись, когда рапортовали мне о прибытии? – спросил меня Карл Иванович. – Я так и понял, что у вас критическое отношение к немцам.

- Что вы, господин подполковник, - запротестовал я. Я уже привык к тому, что представители всех национальностей, проживающие вместе со всеми на территории России в любом слове и в любой интонации выискивают что-то враждебное против себя, чтобы сразу закричать – ага, дискриминация! А в отношении русских можно говорить всё, что угодно, и никто не считает это дискриминацией. – Просто ваша фамилия очень известная и популярная в России, поэтому я и улыбнулся.

- Так-так, - заинтересовался подполковник, - это где прописано про популярность моей фамилии?

Похоже, что я сам загнал себя в поставленную ловушку. Вряд ли у Карла Ивановича развитое чувство юмора и неизвестно, как он воспримет четверостишие из сочинений Козьмы Пруткова про юнкера Шмидта. Осень наступила, рожь не колосится, юнкер Шмидт из пистолета хочет застрелиться.

- Господин подполковник, - взмолился я, - в России столько же Шмидтов, сколько и Кузнецовых, поэтому я мысленно сложил их вместе и предположил, что Кузнецовых-Шмидтов в России больше всех, поэтому и улыбнулся.

- А-а-а, - протянул подполковник Шмидт, - а я думал, что вы сейчас прочтёте из Козьмы Пруткова о юнкере Шмидте.

И мы оба захохотали. Подполковник Шмидт оказался нормальным человеком и образованным офицером.

Я не стал напоминать благородному человеку, что был ещё контр-адмирал Пётр Петрович Шмидт, участник Крымской войны, герой обороны Севастополя, начальник города и порта Бердянск и сын его Пётр Петрович Шмидт, капитан второго ранга в отставке, один из руководителей Севастопольского восстания и мятежа на крейсере «Очаков». События

произошли совсем недавно и, естественно, воспринимаются очень остро. Нужно учесть это и исключить намёки на других людей.

Глава 31

Когда ты занят каким-то делом, то дни начинают лететь, как птички, улетающие в тёплые края перед зимой. Но птички всегда возвращаются с наступлением тепла, а прожитые дни никогда не возвращаются, какими бы ни тёплыми они ни были.

Я продолжал сотрудничать с газетой «Губернские ведомости», так как военным не возбранялось заниматься литературной деятельностью. «Пишущие под псевдонимом (вымышленным именем) обязаны сообщить его начальнику; псевдоним сохраняется в тайне. Подписываться под статьями с указанием своей должности и звания воспрещается».

Так как военному служащему вести торговые дела и управлять промышленными заведениями можно не иначе, как через поверенного, управляющего или приказчика, то все литературные дела и связи с прессой осуществляла Марфа Никаноровна.

Надо отметить, что военнослужащие обязаны:

- не состоять членом никаких обществ, союзов и кружков, образуемых с политической целью. Участие в обществах, образуемых не с политической целью, допускается не иначе, как с разрешения начальства.

- не произносить публично речей и суждений политического содержания, а также не сообщать, без надлежащего разрешения, в газеты, журналы и т.п. сведений из дел, вверенных или известных по служебному положению.

По просьбе редакции и по письмам читателей, особенно читательниц, меня просили больше писать лирические стихотворения с элементами меланхолии, очень модными в то время. И вот первое стихотворение с места моей службы и военным уклоном:

*Как хорошо жить безмятежно,
Сидеть в шезлонге у прибоя,
И чтобы был простор безбрежный,
И если ветер, то без воя.*

*И чтобы все несли цветочки
К ногам наивной сельской дамы,*

*Что с каждым новым лепесточком
Уже рисует в сердце драму*

*Любви француз-гувернанта
К хозяйке милого имения,
И ревность мужа-лейтенанта,
И их дуэль на воскресенье.*

*Как тихо плакали все дамы,
Уткнув носы свои в платочки,
Что их любовник это самый
Поэт печальный и в две строчки*

*Напишет вам в альбом стишок,
Что вы как ангел полуночный,
Что он без вас и жить не мог,
А лейтенант стреляет точно.*

*Француз убит, лежит у ног,
Шепча о том, что песня спета,
И что вчера никак не смог
В романс тебе найти куплета*

*О нашей жизни безмятежной
Под шум ленивого прибоя,
И что вокруг простор безбрежный,
И тихий ветер нам не воет.*

Марфа Никаноровна имеет доверенность от меня и все гонорары выдаются ей, как хозяйке. Хотя никто не заикался о квартирной плате, но это как бы плата за приют. Марфе Никаноровне это я говорить не буду. Она женщина щепетильная и кровно обидится на меня.

И для любителей стихов. Зарубите себе в записной книжке, что слова гувернант не существует. Есть слово гувернёр, а гувернант – это попытка срифмовать гувернёра с лейтенантом.

От стихов мы плавно опускаемся в рутину ежедневных дел.

Каждый командир должен заботиться о своём солдате. Возьмём его питание. Каждый солдат должен получить ежедневно горячую пищу, хлеб и чай с сахаром. Это должно быть обязательным.

Горячую пищу они получают два раза: в обед и на ужин. В постные дни готовится постная пища, а в особых случаях можно и в постный день готовить скоромную пищу.

Пищу можно готовить отдельно на обед и отдельно на ужин. А можно готовить сразу на обед и на ужин. В этом случае ужин будет подаваться на стол разогретым.

Все закупаемые на довольствие продукты должны освидетельствоваться и в случае обнаружения недоброкачественных продуктов они должны заменяться новыми.

В каждом полку составляется раскладка продуктов, чтобы знать, какое количество продуктов потребно для приготовления пищи на наличное число солдат.

Ротный артельщик по раскладке рассчитывает количество продуктов, необходимых для варки и передаёт их кашеварам. Продукты снова осматриваются и закладываются в котёл в присутствии дежурного по роте или по кухне.

Ротный артельщик вписывает в лист количество людей и количество продуктов, которое заложено для приготовления пищи. Всё это дежурным по роте записывается мелом на доске, которая висит на кухне. Затем дежурный по роте расписывается в листе о припасах, заложенных в котёл.

Сваренное мясо вынимается из котла в присутствии дежурного по роте или дежурного по кухне. Мясо режется мелко и снова закладывается в котёл.

И это только цветочки. Настоящие мучения начинаются тогда, когда идёт подсчёт количества продуктов по раскладке. И всё из-за того, что тогда существовали британская, европейская и русская системы мер длины, объёмов, площадей, веса. Я уже не говорю про китайскую систему мер. Смотрите сами.

Для приготовления пищи казной отпускается крупа по тридцать два золотника в армии и по сорок золотников в гвардии на человека в день.

Вы знаете, сколько весит золотник? Вот и я не знал, пока не стал командиром, ответственным за всё. Так вот, золотник равен четырём целым и двум тысячам шестисот пятидесяти семи десятитысячным грамма. Это что-то похоже на квадратный трёхчлен, который достался красному комдиву Василию Ивановичу Чапаеву на экзамене по математике. Да как же я его напишу, - в отчаянии крикнул он, - если я его даже представить не могу. Вот и я старался представить себе золотник и привести его в удобоваримую для восприятия форму. Если округлить эту цифру, то получается четыре целых и три десятых грамма. То есть, на каждого солдата армейского в сутки в тридцати двух

золотниках отпускается сто тридцать семь и шесть десятых грамма это в округлённом виде и на грамм меньше, если брать точную цифру. А по гвардейской раскладке сорок золотников в округлённом виде равны ста семидесяти двум граммам ровно, а в точном виде – сто семьдесят и шесть десятых грамма. И смотрите, что получается, там разница один грамм, здесь два грамма и это только на одного человека. А если это умножить на количество солдат во всей России?

Поехали дальше. Казна отпускает приварочные деньги на покупку трёх четвертей фунта мяса на человека в день, овощей, соли, масла или сала, перца и пшеничной муки на подболтку.

Сколько составляет три четверти фунта мяса? Один фунт составляет в округлённом виде четыреста девять с половиной грамм. Так, для вычисления трёх четвертей фунта мы четыреста девять с половиной грамм умножаем на три и делим на четыре. Получается триста семь граммов мяса. А в Советской Армии в год моего исчезновения норма была сто пятьдесят граммов мяса в сутки.

Хлеба каждый солдат получает по три фунта в день, то есть один килограмм двести двадцать восемь с половиной грамм, а в Советской Армии семьсот пятьдесят граммов, из них четыреста граммов ржано-пшеничного и триста пятьдесят граммов пшеничного.

Для выпечки хлеба отпускается на человека два фунта и двадцать пять с половиной золотников муки, то есть девятьсот двадцать восемь граммов муки. В зависимости от качества муки пекари вычисляют припёк и получается, что на выпечку хлеба используется не вся выданная мука. Остаток поступает в экономию и идёт на приготовление кваса или сыровца.

Сыровец – это хлебный квас, который со времён Киевской Руси был популярным в славянских землях. В деревянной кадке запаривали пресные ржаные сухари и добавляли поджаренные ячмень или рожь. У сыровца кисло-сладковатый привкус, хорошо утоляет жажду, неплохо подходит для окрошки. Обязательно угощу ею Марфу Никаноровну.

Вся оставшаяся от экономии мука сдаётся в казну, а причитающиеся за неё деньги поступают на ретную артельную сумму роты.

У нас в пограничном училище была такая кафедра войскового хозяйства, где мы изучали хозяйство пограничных застав, раскладки продуктов, высчитывали потребное количество, составляли заявки, обеспечивали хранение продуктов на заставских складах, изучали принципы приготовления пищи, вычисляли экономию от довольствия и приобретение из сэкономленных (ретных) сумм телевизоров, гитар, шахмат и прочего инвентаря для досуга личного состава.

Вместо трёх фунтов хлеба солдатам могло выдаваться два фунта сухарей.

Если солдат не доест отпускаемый ему хлеб, то через месяц он может получить деньги за муку, которая идёт на приготовление хлеба.

Для приготовления чая солдатам опускается по ползолотника (два грамма) сухого чая и шесть золотников (двадцать пять граммов) сахара.

В Советской армии чая один и две десятых грамма, но зато семьдесят граммов сахара в день.

Если кто-то не ест из общего котла, то ему выдаются на руки чайные и приварочные деньги, а также мука и крупа. Сахар обязательно должен выдаваться солдату натурой в руки.

Математика и продовольственно-фуражная служба, аж голова кругом идёт. Хорошо, что у меня в роте нет лошадей, а то с лошадьми забот несколько не меньше, чем с личным составом.

Лошадь нужно кормить каждый день сеном и овсом. Каждый день чистить, расчёсывать, проверять копыта, своевременно лечить, делать выводку, соломенными жгутами массировать ноги, чтобы не было застоя крови, проверять и чистить снаряжение, организовывать дежурство на конюшне, уборку отходов и вывозку их в специально отведённое место. И ещё тысяча и одна мелочь, которую необходимо знать и учитывать в службе.

Летом 1908 года на улице встретил старого знакомого коллежского секретаря полиции Иванова-третьего.

- Олег Васильевич, ну, вы просто чудотворец какой-то. Не успели поступить в армию, как стали офицером и командиром роты. Где так быстро делают карьеру? Только у нас, в благословенной России. Не успеем мы и глазом моргнуть, как будем величать Превосходительством, - заливался Иванов-третий.

Я скромно махнул рукой, типа, не вгоняй меня в краску от скромности.

- А хотите посмотреть на революционера особого типа? – предложил мне коллежский секретарь Иванов. – Такого вы ещё не видели.

До полицейского участка ходу было минут десять, и мы пошли вместе, рассказывая друг те новости, которые особого значения не имеют, зато заполняют время общения для поддержания знакомства.

В съезжей избе, это что-то вроде нынешнего обезьянника в отделении милиции, мне показали задержанного монаха.

Чтобы никто меня не укорял в незнании истории, съезжая изба (приказная) - в России 17 века - это канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры и перед походами. Термин «съезжая» применялся в 18-19 веках к городским полицейским органам, а в 20 веке это стало местом содержания задержанных правонарушителей.

- Хлыстовец тобольский, - сказал мне Иванов-третий. - Тобольской консисторией на него заведено дело о распространении лжеучения, подобного хлыстовскому, и образовании общества последователей своего лжеучения. Он возьми, да в бега подайся. Вот, по ориентировке и задержали. Смотри как глазищи-то от похотства горят.

Я смотрел на монаха и не верил глазам. Точь-в-точь, как Распутин Григорий Ефимович. А, может, я и ошибаюсь. Хрен с ним, может и ошибаюсь, но попробовать можно.

- Разреши мне переговорить с ним тет-а-тет, - попросил я друга по совместной борьбе с революцией и терроризмом.

- Поговори, - удивился коллежский секретарь, - тебе, как поэту, это может быть полезным, может стишок какой напишешь.

Я снял шашку, отдал её Иванову и вошёл в клетку. Иванов деликатно вышел в другое помещение.

Глава 32

Присев на лавку, я спросил у монаха:

- Ты знаешь, кто я такой?

Монах посмотрел на меня и сказал с кривой улыбкой:

- Как же тебя не знать, ты Ангел небесный, с неба спустился меня просветить.

- Зря смеёшься, Григорий Ефимов. Я первый из призванных учеников Христа и покровитель Святой России. Ты мне нужен для великого дела. Чуешь меня?

Монах оторопел. Он пытался сверлить меня своим взглядом, но я знал с кем имею дело, и этот взгляд на меня не действовал.

- Что, хотел взять верх над Ангелом? – спросил я монаха. – Ты гордынюшку-то свою смири, а не то я естество твоё снова Господу Богу

передам на хранение и будешь ты выхолощенным мерином, который может только ржать да жрать.

Монах бросился на колени и начал быстро читать «Отче наш», осеняя меня крестным знамением, вероятно, дьявола хотел изгнать.

- Не вздумай плюнуть на меня, - сказал я, - а то я тебя и языка лишу, чтобы ты землю не пачкал и языком своим баб не смущал и их не пачкал.

- Прости меня, отче, - сказал монах и заплакал. – Грешный я. А как с грехом своим совладать, не знаю.

- Слушай меня, - грозно сказал я. – Я тебе дам возможность спасти Россию, тогда все грехи прощу тебе.

- Что я должен делать? – спросил монах.

- Поедешь в столицу ипустишь слух, что можешь лечить болезни крови. У царя наследник смертельно болен, от любого прикосновения внутренние кровотечения. Болезнь называется гемофилией. Царица за сына что-угодно сделает и на Царя она большое внимание имеет. И ты должен знать, что в четырнадцатом году начнётся война с немцами, а в семнадцатом году свершится большевицкая революция, и всю семью царскую большевики изведут под корень, расстреляют в восемнадцатом году. Тебя самого убьют в шестнадцатом году и смерть твоя будет такая лютая, какую ты сам себе заслужил.

- Как же так? – растерянно спросил монах.

- А так Богом предопределено, - сказал я. – Если хочешь спасти себя, спасти семью царскую и спасти всю Россию, ты должен уговорить царицу и через неё Царя, поделиться властью с Государственной думой и принять Конституцию. Чтобы монархия была конституционной. Тогда революции не будет, война закончится победой, а проливы черноморские будут у России и земли святы к ней отойдут. Отступишь в сторону, всё будет так, как я предсказал. И тебя люди предадут проклятию. И вся семья твоя, дочери Матрёна, Варвара и сын Дмитрий будут носить печать твою. Смотри. Ты про взрыв на Подкаменной Тунгуске в июне 1908 года слышал?

Распутин согласно кивнул головой.

- Так вот, это предупреждение было, а никто к предупреждению не прислушался.

Я встал и вышел.

- Ну как? - спросил Иванов-третий, отдавая мне шашку.

- Интересный тип, - засмеялся я, - охальник большой, и, поверь мне, скоро мы о нём услышим в таком масштабе, о котором не мечтал никто. Кстати, не помнишь, как его зовут, а то я чего-то и не спросил его.

- Сейчас посмотрю его запись, - сказал Иванов и взял журнал задержанных. - Так, Распутин, Григорий Ефимов, из крестьян Тобольской губернии, село Покровка Тюменского уезда, января девятого числа одна тысяча восемьсот шестьдесят девятого года рождения.

Выходит, что я попал в десятку. Что из нашего разговора получится, абсолютно не знаю. Но если хочешь что-то сделать, то нужно использовать все возможности, даже те соломинки, которые могут сломать хребет верблюду.

Так, в размышлениях я дошёл до своего присутствия. Чтобы не было разнотолков, присутствие – это место работы. То есть место, где человек присутствует и делает своё дело. И сами понимаете, что в присутствии можно работать, а можно присутствовать и ничего не делать и всё равно будет считаться, что человек находится в присутствии.

Сравнивая военную организацию императорской России и Советской Армии, я прихожу к выводу, что одно вытекает из другого и что правители бы ни делали, что они бы ни выдумывали, но история сама по себе отбрасывает нежизнеспособное и оставляет перспективное. Как в Спарте, где уничтожали детей с какими-то отклонениями, так и армия отбрасывает от себя всё наносное.

Возьмём, например, партийно-политическую работу. Идеологией раньше занимались священники, затем этим стали заниматься комиссары и политработники, потом снова пришли священники, а потом их заменили пресса и интернет, но уже того времени, в котором я нахожусь. И если армию держать в изоляции от общества и общественных течений, то это будет крайне реакционная вооружённая сила, которая будет сносить всё без разбора, не жалея ни своих отцов, ни матерей. Вспомните Кровавое воскресенье девятого января в Петербурге. После этих событий офицеры Лейб-гвардии Семёновского полка стали нерукопожатными за подавление революции в Москве.

Такое бывает тогда, когда классовое и социальное расслоение в обществе настолько огромное, что выравнивание его невозможно без силы и кровопролития. У всех на памяти кровавые революции в Западной Европе и даже постреволюционное устройство не до конца решило все проблемы, а о России и говорить не приходится. Прогрессивная часть общества вытаскивает Россию в число передовых государств, а вся машина самодержавия упорно тянет в болото общинности и соборности. Революционное движение придавили, но оно затаилось в душах и умах склонных к переменам людей. Тигр заснул и стал выжидать время, чтобы проснуться вновь.

Правда, одного тигра я всё-таки затронул. Это корпусной протоиерей Сергей. Не протоиерей армейского корпуса, а кадетского корпуса. Все священнослужители числились по Табели о рангах как чиновники и протоиерей относился к шестому классу, то есть был коллежским советником в рясе или полковником по-военному. И обращаться к нему было нужно как Ваше высокопреподобие или Ваше высокоблагословение.

Я недавно опубликовал в газете своё стихотворение, посвящённое городу Энску, который приютил меня.

*Сибирский священник с кадилом в руке,
Как будто Ермак на великой реке.*

*Сверкают седины на пышных усах,
Он к Богу свои обращает уста:*

*Мы с миром пришли в этот девственный край
И мы здесь устроим невиданный рай.*

*Огромная туча вдруг бросила тень -
Он вместо кадила качает кистень.*

Этот кистень так понравился обывателям, что везде стали появляться карикатуры на священников с кистенём в руках.

А тут на одной из служб в корпусе протоиерей Сергей так усердно кадил кадилом, что даже генерал-лейтенант Медведев сказал ему:

- Что это вы, Ваше высокопреподобие, кадилом машете как кистенём.

Протоиерей Сергей вызвал меня и стал поучать, что моё стихотворчество бросает тень на господ Бога нашего и его слуг на земле - священнослужителей. А не на того он напал.

- Ваше высокопреподобие, - сказал я, - мои стихи славят Бога, а не хулят его и его служителей. Месяца сентября в седьмой день славят Святых преподобномучеников Александра Пересвета и Андрея Осляби Радонежских. Они что, с ворогом дрались при помощи свечек или просвирок? Нет, они дрались при помощи копий, кистеней и мечей. И то, что кадило похоже на кистень, говорит о том, что Господь наш намекает, что если тебя ударили по правой щеке, то в ответ обидчик может получить кистенём по окаянной голове.

Ошалевший Сергей, который сам получил от меня отповедь, только махнул рукой, но, как мне кажется, злобу затаил.

Согласно учению православной церкви, верующий может обрести спасение только в церкви через послушание и церковные таинства: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, священство, брак и елеосвящение (соборование). Крещение и миропомазание принимают один раз в жизни после рождения, как и соборование один раз перед смертью, то причащение и покаяние должны исполняться регулярно в течение всей жизни.

Покаяние состоит из четырёх ступеней: сознания своих грехов, сокрушения о них, решимости бороться с ними и исповеди - признания духовному отцу в своих прегрешениях. Всё как на партийном собрании по критике и самокритике. После этого священник решает, простить грехи от имени Бога или наложить наказание (епитимию) за серьёзные прегрешения. Очистившиеся от грехов причащаются святых тайн - вина и хлеба, воплощающих кровь и тело Христа.

Всему православному духовенству Российской империи предписывалось тщательно следить за исполнением прихожанами долга исповеди и причастия. С нарушителями проводились пастырские беседы, «над кем же таковыя увещания не будут иметь желаемого действия, особенно, если заметят, что сие происходит от охлаждения к православию, о таковых неупустительно доносили бы по команде, для принятия мер к удержанию их в православии».

Родители обязывались приводить детей с семилетнего возраста к причастию и исповеди, а если они манкировали своей обязанностью, то им проводилось внушение по недопустимости такого поведения.

По Уставу духовных консисторий, священники приходских церквей вели исповедные росписи в двух экземплярах, один из которых оставался в церкви, а второй ежегодно к первому октября подавался на ревизию благочинному. Тот передавал данные подведомственных церквей в консисторию, где составлялась единая для епархии «перечневая ведомость» ежегодного отчёта архиерея в Синод. То есть вёлся всегосударственный учёт посещаемости партийных собраний, пардон — церквей российскими верующими православного исповедания. Чуть что, прогульщика на правёж по церковной и административной линии.

Исповедь и причащение рекомендовалось посещать четыре раза в год. Государственные учреждения периодически подавали священникам списки работающих у них лиц, а священники отмечали бытие-небытие на исповеди. Я завёл себе зачётную книжку, где отмечались мои исповеди в прегрешениях. Застраховался на всякий случай, партийный опыт пригодился.

Я оканчивал училище КГБ СССР, и религия там была в полном запрете. Все были воинствующими атеистами, и мне здесь приходилось подстраиваться под существующий порядок и усердно крестить лоб вместе со всеми, чтобы нерадивым отношением к религии не смущать неокрепшие умы российского воинства.

Как говорил мой бессменный секретарь Терентьев, то, что Его благородие никогда не был верующим, не догадывались и самые близкие ему люди. Даже у меня сомнений не было, хотя я на протяжении многих лет находился в постоянной близости от него и выполнял самые деликатные поручения, заслужив доверие своего начальника. И у священнослужителей тоже не было нареканий. Я видел его зачётную книжечку по делам церкви. Было бы лучше, если бы в этих вопросах были какие-то огрехи, как и у всех других. Когда слишком чисто, то должно закрадываться подозрение, что здесь что-то не чисто. Это у меня стало вырабатываться оперативное мышление или мышление контрразведчика, как говорил полковник жандармерии Петровас. Тут сразу приходят мысли о жене Цезаря, но мы отбросим их в сторону, в остальном Его благородие был таким же, как и все. Даже матерился столь виртуозно, что никто не мог сказать, что он воспитывался в пансионе для благородных девиц, а не в нормальном военном училище.

И вот, после прочтения этой главы открывается великая тайна, почему Его благородие был на короткой ноге с самим Распутиным Григорием Ефимовичем, а через него и с премьер-министром Его высокопревосходительством Столыпиным Петром Аркадьевичем.

С Распутиным Олег Васильевич действовал как опытный фармазонщик, но фармазонщик, вооружённый правдивой информацией, в которую трудно не поверить и даже то, как он представился Ангелом, которому известна судьба старца, говорит о том, что Его благородие азартный игрок, и игрок рисковый. Но во всей своей жизни Олег Васильевич не проявлял никакого азарта в играх, как-то: скачки, рулетка, карты, шашки, шахматы, домино. Хотя, нет, в домино-то он как раз играл и играл со всем азартом. Я это видел один раз и больше не видел никогда. В шахматах его бесила пауза, предоставляемая сопернику на обдумывание хода. Мне казалось, что он бы переставлял фигуры мгновенно, а потом схватил доску и ещё огрел противника, но выдержка и воспитание брали верх над естественными инстинктами дикого человека. Но зато он хорошо играл в бильярд, в английскую игру, называемую «снукер», а там нужно быть истинным джентльменом английского пошиба.

Отходя от революционных мыслей, я снова окунаюсь в ротные дела.

По приказу директора корпуса, который я же и готовил, провёл проверку огневой выучки личного состава роты на полигоне корпуса. Каждый день рота выставляла караул на объектах корпуса и должна быть хорошо подготовлена

для защиты охраняемых объектов. В конце сентября я провёл стрельбы с полуротой, не прекращая участия солдат в учебном процессе корпуса.

Стрельба первого взвода по мишеням показала неудовлетворительный результат. Неужели сказалось долгое отсутствие офицеров в роте? Возможно, что и так.

Я взял винтовку взводного унтер-офицера и из положения стоя произвёл три выстрела по ростовой мишени.

Показчик показал, что есть одна пробоина в нижней части мишени. Здорово. Я вообще-то всегда считался хорошим стрелком, а здесь даже солдаты стали посмеиваться исподтишка.

Единственный вывод – винтовка не приведена к нормальному бою.

Взял вторую винтовку, результат тот же. Нужно же что-то делать, чтобы не потерять авторитет.

Взял фанерку размером сторон не более полуметра и нарисовал на ней хорошо видимый чёрный крест. Мишень установили на расстояние сто метров. Приготовил место для стрельбы, расстелив брезентовую подстилку, чтобы не пачкать новенький мундир. Нужно надевать полевую форму на полевые занятия и не сверкать серебром погон. Для упора взял два холщовых мешка с песком. Полурота внимательно следила за моими приготовлениями.

Проверил крепление штыка на винтовке. Пристрелка обязательно производится с примкнутым штыком. Тщательно прицелился в центр креста. Первый выстрел – султанчик пыли слева от мишени. Взял правее – мишень дёрнулась. Взял ещё правее – снова мишень дёрнулась.

При рассмотрении оказалось, что отклонение от средней точки попадания составляет примерно тридцать сантиметров влево. Как с такой винтовкой стрелять по противнику? Никак. Я, во всяком случае, знаю точку прицеливания, чтобы винтовка стреляла в цель.

Снова прицелился с учётом выявленного отклонения из положения стоя в ту же ростовую мишень, по которой стрелял в первый раз. Произвёл три выстрела. Три попадания в центр с кучностью размером с серебряный рубль. Вот тут-то рты у солдат вытянулись от удивления.

- Надо же, - вероятно подумали все, - а командир-то наш вообще. Ему пальца в рот не клади.

Вместо стрельбы пришлось заняться упражнениями по штыковому бою по хворостяным силуэтам на подставке, зато обратно в расположение корпуса пробежались бегом. Давно не бегали, запыхались, животы поотрастили.

На следующий день я подал в строевое управление, оно же ведало и учебным процессом, рапорт, в котором изложил необходимость приведения к нормальному бою оружия роты учебного обеспечения, несущей караульную службу и предназначенной для защиты кадетского корпуса, и просил откомандировать со мной старшего мастера по артиллерийско-техническому вооружению коллежского регистратора Перевозчикова Семёна Фёдоровича. На мой рапорт была наложена положительная резолюция заместителя директора корпуса по строевой и учебной части. К рапорту прилагался план приведения пристрелки оружия.

Пристрелка у нас заняла два месяца, почти до самого Рождества, которое Россия отмечала одновременно со всем христианским миром.

Пристрелку мы производили вдвоём в присутствии владельцев оружия, чтобы и они видели, как стреляет их оружие.

Сначала три выстрела в пристрелочную мишень. Затем определение средней точки попадания. Внесение изменений в прицельное приспособление, в основном в мушку. У Семёна Фёдоровича была специальная струбцинка с делениями, которая надевалась на ствол винтовки по центру мушки. Крутящимся винтом можно было сдвигать мушку влево или вправо, в зависимости от того, куда она была сбита. Если пули уходили влево, то и мушка сдвигалась влево, если вправо – то и мушка вправо. Затем контрольная стрельба. После контрольной стрельбы, если был достигнут хороший результат, на мушке ставилась насечка, закрепляющая её положение на стволе и выбивалась цифра от ноля до пятёрки, показывающая, под какую линию нужно целиться. Если стоит ноль, то это винтовка центрального боя. Если пятёрка, то нужно целиться под обрез грудной мишени.

Семён Фёдорович недавно стал «вашим благородием», до этого он много лет работал мастером по оружию и носил примерно такие же погоны, как у меня, только без звёздочки.

- А что, Ваше благородие, - предложил он мне, - стрельнём, кто точнее?

- Отчего бы не стрельнуть, Ваше благородие, - согласился я.

Выбрали винтовки из пристрелянных нами, проверили их на исправность, на крепление штыков, проверили упоры для стрельбы, я для верности закоптил спичкой мушку и прицельную планку и приступили к стрельбе. Четыре патрона в магазине, пятый в патроннике. Присутствующий с нами взводный старший унтер-офицер дал команду «Пли!».

Результаты у нас получились практически одинаковые. У меня – пятьдесят очков, последняя пуля задела линию десятки. У Семёна Фёдоровича – сорок девять очков, просто пятая пуля не задела линию десятки, и тогда бы было одинаковое количество выбитых очков.

- Да, вы мастак из винтовки стрелять, а то господа офицеры всё револьверами балуются, - сказал старший мастер, - а ведь когда война придёт, и офицеры винтовки в руки возьмут. Да и солдата тоже надо учить стрелять. А я рад знакомству с вами, если будут какие проблемы, прошу ко мне просто-запросто.

На том мы и подружились.

В один из приходов в его мастерскую я показал маленький чертёжик, где мушка была круглая с резьбовой нижней частью, позволяющей при помощи вилковой отвёртки регулировать её по высоте, а при помощи струбчинки сдвигать вправо или влево. А на саму мушку надевался круглый намушник, чтобы защищать мушку от механического воздействия.

Чертёжик этот, вероятно, никому не пригодился, но в тридцатые годы мастера сделали на винтовку такой же намушник и защёлку на штык.

С лёгкой руки Семёна Фёдоровича ли, с длинного языка ли кого-то из моих солдат и унтеров, но по городу поползли слухи, что новый зауряд-прапорщик в кадетском корпусе бывший волонтёр и командир отряда снайперов в войне за независимость двух бурских республик, Трансвааля и Оранжевой, и что на его счету сотни убитых английских солдат и офицеров, и что за его голову англичане назначили награду в сто тысяч фунтов. Отдельно сообщалось, что Жан Грандье, которого все знали, как «Капитан Сорвиголова» из романа Луи Буссенара, мой лучший друг.

Эту версию слухов подхватила и газета «Губернские вести», добавив в мой портрет ореол романтичности и приключений.

Марфа Никаноровна первой потребовала у меня отчёта о моих «африканских приключениях».

Затем меня пригласили в кадровое отделение, и добрейший подполковник Шмидт попросил объяснить, почему в моих документах нет данных о моем участии в войне против Британской империи. Я ему рассказал, что во время англо-бурской войны я был ужасно молод, мне было семнадцать лет и я никак не мог там быть. Мы вместе посмеялись над слухами, но тут пришёл адъютант директора корпуса и пригласил меня к генералу.

Быстро поднявшись на второй этаж административного корпуса, я оставил пашку в приёмной и вошёл в кабинет директора кадетского корпуса и взял под козырёк:

- Ваше превосходительство, зауряд-прапорщик Туманов по вашему приказанию прибыл!

Я заметил, что в кабинете ещё находился начальник жандармского управления подполковник Отдельного корпуса жандармов Скульдицкий.

- Что-то случилось, - подумал я и не ошибся.

Глава 33

- Я так и знал, что наживу с вами неприятностей, - начал громить меня генерал-лейтенант Медведев, - то вы поэт как лорд Байрон, то начали готовить из своей роты снайперов и сами оказались снайпером, за которого английским правительством назначена крупная награда. Какие ещё подарки хранятся в вашем заглазнике? Что я отвечу генерал-губернатору, что я отвечу Его Императорскому Величеству за то, что пригрозил на своей груди злейшего врага нашего союзника – Британской империи? А у вас, господин подполковник, есть что добавить?

- Полностью согласен с Вами, Ваше превосходительство, - согласился с генералом подполковник Скульдицкий.

- Я слушаю Вас, - сказал генерал и стал ходить передо мной, как разъярённый лев в своей клетке.

- Ваше превосходительство, - чётко доложил я, - когда началась англо-бурская война, мне было всего семнадцать лет, а когда она закончилась, мне было только двадцать лет. Я даже теоретически не мог находиться в Африке, потому что такие события не пропадают из памяти даже при травмах.

Генерал остановился и хмуро посмотрел на подполковника Скульдицкого:

- А вы, господин подполковник, даже не удосужились посчитать цифры и прийти к ясно видимому выводу? Ладно я старик, можно было бы позабавить старика историей, а вы так поспешно со мной согласились. Нет уж, если ты человека поддерживаешь, то поддерживать его нужно всегда. Что будем делать, господин зауряд-прапорщик? – спросил он меня.

- Ваше превосходительство, - сказал я, - предлагаю ничего не делать. Слухи сами утихнут. Любое действие будет воспринято как охапка хвороста в тлеющий костёр. Умные люди сами всё поймут, а дуракам ничего не докажешь. Зато авторитет нашего корпуса будет на высоте.

- Дельно, - согласился генерал-лейтенант, - а вам, господин зауряд-прапорщик нужно тщательно готовиться к экзаменам, чтобы летом будущего года мы с радостью вручили вам эполеты подпоручика армии Его Величества. А сейчас, господин подполковник, слушаю вас о деле зауряд-прапорщика, с которым вы пришли ко мне. Или оно сильно секретное?

- Что вы, Ваше превосходительство, - сказал представитель Отдельного корпуса жандармов, - дело даже очень приятное. По консультации зауряд-прапорщика Туманова, мы провели операцию по прекращению деятельности большевицкого Центра и газеты «Пролетарий». Были арестованы руководители и два опасных террориста-грабителя по кличкам Коба и Камо. Высочайшим указом группа наших сотрудников была награждена орденами, в том числе и Ваш покорный слуга орденом Святого Равноапостольного князя Владимира четвертой степени, а Ваш зауряд-офицер Туманов награждён знаком отличия Святой Анны за поимку особо важных государственных преступников и открытие важных сведений, относящихся до правительства. Прошу вручить награду зауряд-прапорщику Туманову и денежную награду в сто рублей.

Генерал взял из поднесённой коробочки медаль позолоченного серебра с красным мальтийским крестом и короной сверху на ленте ордена Святой Анны и прикрепил мне на грудь.

- Поздравляю, господин зауряд-прапорщик, - сказал он, - а почему вы не заберёте его и не присвоите ему сразу чин корнета? — обратился он к подполковнику Скульдицкому.

- Предлагали, Ваше превосходительство, - сказал подполковник, - отказывается, говорит, что хочет стать армейским офицером.

- Похвально, господин зауряд-прапорщик, - сказал генерал-лейтенант Медведев, - идите, голубчик, исполняйте свои обязанности. Наслышан о ваших стрелковых успехах и о пристрелке всех винтовок вашей роты. По весне у нас пройдут несколько соревнований по стрельбе, конным гонкам и гимнастике. Надеюсь увидеть вас в числе победителей.

- Рад стараться, Ваше превосходительство, - я повернулся и вышел из кабинета.

Надев шашку, я стал дожидаться подполковника Скульдицкого, чтобы уточнить, как прошла жандармская операция.

Наконец, подполковник Скульдицкий вышел из кабинета директора корпуса.

- Однако, у меня с вами получилась небольшая конфузия, - со смехом сказал он, - наши волонтеры воевали в Африке с англичанами, и я поверил в сплетню, которую кто-то ловко запустил в город и в газету. Было бы вам чуть побольше лет, то я бы совершенно не сомневался, что вы действительно друг капитана Сорвиголова. Я пришёл к директору с наградой для вас, а он мне рассказал эту историю. Я её уже слышал, но подумал, что если уж такой уважаемый генерал говорит о ней, как о факте неоспоримом, то вряд ли есть необходимость спорить с ним. Мои поздравления с медалью, вручаемой за заслуги в мирное время. По вашей наводке мы провели замечательную операцию. Арестовали Ульянова, Кобу и Камо. Скоро будет суд над ними. Столыпинских галстуков они избежат, но надолго будут изолированы от общества.

- России революция не нужна, но если власть не будет сама себя реформировать, - сказал я, - то реформу проведут восставшие пролетарии под руководством дворян и интеллигенции. И реформа будет проводиться по правилу:

*Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.*

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

И обратите внимание на припев, что «это есть наш последний и решительный бой». Это всё является программой действий на ближайшие годы, и как только государство ослабнет, вот тут они и появятся. Чего мне объяснять вам это, вы сами назубок знаете текст Интернационала.

- Всё-таки, зря вы не идёте к нам, - сказал подполковник Скульдицкий, - это бы и было начало реформы правительства.

- Господин подполковник, - ответил я, - вот когда Царь перестанет разгонять Государственную Думу и если власть его будет ограничена законами, то тогда можно вернуться к вашему предложению. А до этого всё это бесполезно. Чем больше отрубать голов у гидры революции, тем больше будет

вырастать голов. Если гидру не подкармливать беднейшими слоями и обиженными правительством интеллигентами, то гидра сама исчезнет или станет настолько маленькой, что на неё никто не будет обращать внимания.

- Тихо вы, - оглянулся по сторонам жандарм. - Вы про ограничения Самодержавия не вздумайте где-то сказать. Сами погибнете и невинных людей за собой потянете. Помните, я обещал вам показать одного человечка, который в будущее заглядывает намного дальше, чем вы?

- Помню, - сказал я, подозревая что-то нехорошее, что можно ждать от жандарма даже после вручения награды от него.

- Тогда пойдёмте, - предложил подполковник, - не люблю откладывать срочные дела в долгий ящик.

Выезд подполковника стоял на стоянке у здания генерал-губернатора. Ни дать, ни взять, а персональная машина мощностью одна лошадиная сила.

Ехать оказалось недалеко. Это была больница на окраине, которая с лёгкой руки Антона Павловича Чехова получила общее название на всей территории Российской империи как «палата номер шесть». Дурдом, одним словом.

Подполковника Скульдицкого встретили там как родного человека. Вопреки законам природы и физики, одинаковое здесь притягивается, а противоположное отталкивается. Место Ньютона здесь свободное и кто раньше сформулирует законы общественной жизни, тот быстрее получит всемирную славу. Старина Фрейд до этого не додумался. У него всем миром управляет эрекция и течка, а вот первооснова ускользнула от его внимания.

- Покажите нам Крысякова, - сказал подполковник главному врачу.

Нас подвели к двери и приоткрыли маленькую дверцу, за которой скрывался глазок, диаметром примерно в десять сантиметров.

В палате стояла одна койка, привинченная к полу и бесновался человек, выкрикивающий хриловатым голосом непонятные для людей первой декады двадцатого столетия фразы:

- Вы не имеете права. Я гражданин Союза Советских Социалистических Республик. Меня знает сам товарищ Горбачёв. Я буду жаловаться в Организацию Объединённых Наций. Мы вас всех танками подавим. Смерть фашистским оккупантам. Наше дело правое. Мы победим. Победа будет за нами. Мы можем повторить. Долой международный сионизм. Да здравствует товарищ Ленин. Да здравствует Интернационал!

- Типичный случай агрессивной шизофрении, - сказал врач. – Маниакальное состояние. Попал к нам третьего числа января 1907 года. Назвался Крысяковым Вадимом Петровичем, одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения. Уроженец Энска. Проживает на улице Десять лет Октября. Образование восемь классов. Умеет читать. Заговаривается об автомашинах, самолётах, катерах на подводных крыльях. Легко впадает в агрессию. Опасный тип. Проскальзывают социалистические лозунги.

- Получается, что я здесь не один, - подумал я. – Голос определённо знакомый. Можно не шевелить пальцем, и он останется здесь навечно. Чем больше будет упорствовать в том, что он знает, тем сильнее будет диагноз. Тут, кто первым успел надеть белый халат, тот и главный. Если его освободить, то одним налётчиком будет больше. А если удастся его перевоспитать? Как бы не так, - возразил я сам себе. – Ты что не помнишь результаты перевоспитания уголовников после революции? Эти социально близкие заполнили партийные органы и органы безопасности, устроив массовый террор. Но мы-то им не дадим так развернуться. Поэтому придётся помогать.

- Разрешите мне поговорить с ним один на один, - сказал я. – Тип очень интересный. Возможно, что из него можно выудить что-то стоящее.

Моя последняя фраза так заинтересовала подполковника Скульдицкого, что он тут же дал команду открыть камеру-палату и взял мою пашку на хранение во время беседы.

- Олег Васильевич, - сказал он, - мы постоянно на стрёме. Чуть что – поможем.

Вход в палату военного и не в белом халате озадачил Крысякова. Он сразу сжался и стал ожидать, если не мордобоя, то какой-то пакости от властей. Обычный уголовник, который уже сиживал в тюрьмах и знает повадки тюремных властей.

Я внимательно присмотрелся и мне показалось, что я его знаю.

Ну-ка, - скомандовал я, - скажи: мужик, огонька не найдётся?

Крысяков сжался в предчувствии нехорошего.

- Тебе что, всё время повторять надо? – низким тоном сказал я.

- Мужик, огонька не найдётся? – сказал Крысяков.

Он! Точно он! Сука! Как он то попал сюда? Ага, он обхватил своими руками мои руки с зажжённой спичкой. И мы оба попали сюда. Только я в

отключке, а он живой и здоровёхонький. Меня люди спасли, а его эти же люди и повязали.

- Хочешь жить, сука? – зловеще спросил я.

Крысяков согласно мотнул головой.

- С сегодняшнего дня перестань кричать всякую ерунду, - сказал я. – Ты знаешь, какой сейчас год?

Крысяков отрицательно мотнул головой.

- Заруби себе на носу, - сказал я. – Сейчас вторая половина одна тысяча девятьсот восьмого года. Ты только через пятьдесят лет родишься. Учти, девятьсот восьмого года и тебя с твоим интернационалом и товарищем Лениным скоро постоянно в смиренной рубашке держать будут. Ты этого хочешь?

Крысяков отрицательно мотнул головой.

- С этого дня, с этой минуты ты ничего не помнишь и ничего не знаешь, - сказал я. – Начинаешь учиться всему по новой. Как маленький ребёнок. Я за тобой пригляжу. И учти. Продолжительность твоей жизни будет зависеть от длины твоего языка. Я и сейчас могу тебя пристрелить, скажу, что ты изготовился на меня нападать. Помнишь, как говорил товарищ Сталин? Нет человека и нет проблемы. И запомни ещё раз. Ты меня не знаешь. А ты и так меня не знаешь. Будешь доказывать обратное, тебя начнут лечить обливанием ледяной водой и электрическим ваннами. Это у них сейчас самое модное лечение. Не доводи дело до греха.

Я встал и вышел.

- Ну как? – в один голос спросили главный врач и подполковник Скульдицкий.

- Нормально, - сказал я, - похоже, что его что-то испугало, вот и начал выкрикивать что-то бессвязное. А, может, мухоморной настойки хлебнул. Шаманы её частенько применяют. Напьются и рассказывают, что им привиделось, как они с богами общаются. А, может, мундир на него завораживающе подействовал. Возможно, что слушал и социал-демократов. Но было бы интересно ещё понаблюдать за ним.

В окошечко было видно, что Крысяков спокойно сидел на кровати и даже не пытался качать свои права, понимая, что никаких прав у него нет и они появятся только тогда, когда он докажет, что к нему возвращаются разум и человеческие черты.

Мы вышли из больницы.

- Это очень интересно, как вы успокоили буйнопомешанного, - сказал подполковник. – Вас куда подвезти?

- Спасибо, - сказал я, - зайду к моим спасителям, благо больница, куда я попал, совсем недалеко. Воспользуюсь случаем, чтобы высказать слова благодарности.

Скульдицкий кивнул головой, и я ушёл.

В больнице я похвастался новенькой медалью и поспешил в корпус. Через час строевая подготовка на плацу. Собираюсь представить миру новую песню. Новая песня она здесь, а у нас она была написана в 1942 году поэтом Виктором Гусевым, а музыку написал композитор Соловьёв, сами понимаете, Седой. Я её долго вспоминал, возможно, что-то и переделал. Мы её две недели потихоньку разучивали в казарме. «Взвейтесь соколы орлами» это уже старинная песня, нужно что-то новенькое. Добавим огонька к городской сплетне.

Рота была почти вся на месте, за исключением караула. Все одеты тепло. Погода рождественская, лёгкий морозец, от песни никто не простынет.

Окна административного корпуса и окна учебных классов наполовину тоже выходят на плац.

Подаю команду:

- Рота, с места с песней, шагом марш!

И пошло, да ещё на голоса.

*Вдоль квартала, вдоль квартала взвод шагал,
Вася Крючкин подходяще запевал.
А навстречу шла Маруся не спеша,
Ну раскрасавица-душа.*

*Увидала Васю Крючкина она,
Улыбнулась, точно полная луна.
А Василий понимает, что к чему, -
Маруся нравится ему.*

*Позабыла тут Маруся про дела,
Повернула и за нами вдруг пошла.
А наш Вася - он знаток сердечных ран, -*

Он разливался, как баян.

*Тут возникла эта самая любовь,
Что волнует и тревожит нашу кровь.
Видим, Вася от волненья побелел
И снова песенку запел.*

*Так мы пели, может, два иль три часа,
Захрипели, потеряли голоса,
Но не сдаёмся: в нас самих играет кровь,
Мы стеною за любовь.*

*Видит взводный, что плохи наши дела.
Эх, Маруся, до чего нас довела!
Крикнул взводный: «Эту песню прекратить!»
Ну, значит, так тому и быть.*

Песня понравилась всем. В пятницу, когда рота шла на помывку в городскую баню, эту песню исполнили в городе, а в воскресном номере газеты «Губернские ведомости» был опубликован текст песни с указанием на моё авторство. Неудобно, но как мне кажется, что при небольшой коррекции прошлого будущее может стать не таким, каким оно стало. Возможно, что не будет той войны и не окажется, что поэт Виктор Гусев будет ярким сторонником массовых репрессий в СССР, а эта песня всё равно будет звучать на просторах нашей родины.

Глава 34

На Рождество мы собирались у Иванова-третьего в городской квартире. Я со своей ротой был на службе в Никольском соборе, а после этого поспешил домой, чтобы забрать Марфу Никаноровну и пойти в гости.

На праздник я приготовил салат оливье. Салат был модным в то время в столицах и потихоньку расползлся по провинции. Я готовил по нашему рецепту, с колбасой и вместо майонеза была сметана с добавлением китайского соевого соуса. Колбаса была из мяса, а не из продукта категории «В». Консервированного горошка тоже не было по причине отсутствия такого в продаже. Вместо него мы добавляли каперсы. Каперсы – это нераспустившиеся бутоны кустов с названием каперсник, которые привозят из южной Европы.

Застолье прошло весело. То есть пришли, разделись, мужчины покурили в прихожей, обменявшись мнениями о церковной службе, кто и кого видел.

Женщины накрывали на стол, ребяташки сновали под ногами. Как обычно. Затем сели за стол. Господь Бог не обидел нас и стол был не беден. Сели, выпили, закусили. Выпили, закусили под Рождество, за дам, за счастье в доме.

По причине того, что не было ни радио, ни телевизора, то мы развлекали себя сами. Сначала дети подготовили сценку на рождественскую тематику и получили за это аплодисменты и подарки, затем с номерами под гитару выступили Марфа Никаноровна и гостеприимный хозяин, затем принялись за меня и потребовали прочитать что-то такое, что ещё не публиковалось, чтобы присутствующие были первыми слушателями этого стихотворения.

Делать нечего, я встал и выдал из моего раннего:

*Я умру от пронзительных глаз,
Что встречают меня каждый раз,
Стоит мне лишь куда-то пойти,
Неотлучно они на пути.*

*Посетил я друзей-докторов,
Всё в порядке, я жив и здоров,
Но шепнул окулист, - в роговице
Вижу древней религии жрицу.*

*Эти жрицы красивы, как небо,
Эти жрицы податливей хлеба,
Эти жрицы страстны, как вулкан,
Сладким мёдом обмазан капкан.*

*Мне по нраву такое моление,
Дикой крови живое волнение,
И ловушка - большой достархан,
Оплетут по рукам и ногам?*

*Будь что будет, готов ко всему,
Пусть заманят меня на кошму,
Чтоб горячей любовью убить,
Расплетя до конца жизни нить.*

- Браво, - кричали слушатели под аплодисменты, - несомненно это навеяно Кипплингом и его индийскими похождениями.

Да пусть это навеяно Кипплингом, хотя это больше навеяно нашей Средней Азией, но раз людям нравится, то почему бы это не написать и не прочитать.

Стихотворение это было напечатано в газете «Губернские ведомости» как раз перед Новым 1908 годом.

- Кстати, - спросил меня коллежский секретарь полиции Иванов-третий, - а что вы нашли в этом монахе?

- Хотел определить, - сказал я, - не является ли этот монах оставившим службу богатым кавалергардом, любовь которого отвергла бедная девушка, чтобы написать роман по этому поводу. Но, увы, я ошибся, этот монах оказался обыкновенным грешником и слово божие вызвало в нём раскаяние о делах его, и он обещал встать на путь истинный, чтобы искупить грехи свои. А потом, у графа Толстого уже есть что-то подобное, зачем повторять. А монашек тот, если исправится, большим деятелем станет

- Фантазёр вы, Олег Васильевич, - сказал Иннокентий Петрович, - но фантазёром жить легче, чем прагматиком, который воспринимает жизнь такой, какая она есть.

Как всегда, трезвые мужики говорят о женщинах, а выпившие мужики о политике.

Главной фигурой обсуждения во всех компаниях был Председатель Совета министров и министр внутренних дел Российской империи Столыпин Пётр Аркадьевич, бывший Гродненский и Саратовский губернатор, который подавил революционное движение в России.

Иванов-третий напомнил о покушении на Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Взрывом убило несколько десятков людей, которые ждали приёма в особняке Столыпина. Пострадали и двое детей Столыпина - Наталья и Аркадий. А террористы были одеты в офицерскую форму, поэтому и пробрались через охрану в особняк. Разоблачили их потому, что у одного террориста фуражка не соответствовала мундиру. В те времена в армии было столько цветов, что нужно быть гением, чтобы всё упомянуть.

Все сошлись на том, что Столыпин дельный мужик. Взять хотя бы поддерживаемый им указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Давно нужно было разрушить коллективное землевладение сельского общества и создать класс крестьян, как полноправных собственников земли. Каждый домохозяин, владеющий землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в

личную собственность, причитающуюся ему часть из означенной земли. Это уже шаг вперёд.

Все сидящие за столом одобрили намерение Столыпина переселить в Сибирь не менее пяти миллионов крестьян, чтобы ввести в оборот огромные пустующие площади пригодной для сельского хозяйства земли.

- То, что делает Столыпин, - сказал я, - выбивает почву из-под ног всех замышляющих в России революцию и поэтому Столыпин становится злейшим врагом всех партий, выступающих за революцию. Какой зажиточный крестьянин поддерживает революционное движение? Никакой. Этим занимаются господа, например, Шаляпин и Горький.

Раз мы дошли до революции, то мы достигли определённого градуса застолья, когда нужно идти домой.

Мы с Марфой Никаноровной попрощались с хозяевами и пошли домой, благо идти было недалеко.

По совету Иванова, я стал постоянно носить с собой револьвер, хотя офицерам не возбранялось носить с собой оружие постоянно, так как это оружие личное и за его состояние и наличие офицер отвечает лично.

Дорога домой была тихой и спокойной. Освещение на улицах было слабое, особенно в стороне от проспектов, но шашка носилась постоянно и её отсутствие воспринималось как отсутствие одной из частей тела.

Новый год мы отмечали вдвоём с Марфой Никаноровной и нам было тихо, весело и спокойно.

Начинался новый 1908 год и большую часть года я провёл здесь, вдали от своего дома, вернее от моей холостяцкой квартиры, которая, вероятно, уже не моя, а я занесён в список то ли дезертиров, то ли без вести пропавших.

Первого января мы с Марфой Никаноровной прогулялись в то место, где меня нашли. Я внимательно всматривался в дома, заборы и не видел ничего такого, что могло быть особенным или частью какой-то машины, перемещающей человека по времени.

Возможно, что время - это как граммофонная пластинка, имеющая начало и конец, хотя начало это конец чего-то, как и конец чего-то является началом другого чего-то.

Не будем выдумывать чего-то и залезать в дебри того, что нам не совсем понятно и не будет понятно никогда. Если что-то есть, то оно обязательно проявит себя.

Новый год я начал с небольшого скандала. Как год начнёшь, так он и пройдёт.

Во второй декаде января газета «Губернские ведомости» вышла с заголовком:

Пушкин и Лермонтов. А если все наоборот?

Версия первая.

*Погиб поэт, невольник чести
Пал оклеветанный молвой
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой.*

Версия вторая.

Вдоль шеренги людей идёт молодой человек. Кому-то кулаком в живот ткнёт, кому-то на ногу наступит, кому-то плюнет в лицо. Все подобострастно улыбаются и не делают даже попытки приструнить распоясавшегося молодца.

- Кто это? - спрашивает удивлённый приезжий.

- Гордость земли русской - поэт N, - отвечают ему.

- Чего же вы его не урезоните? - спрашивает приезжий.

- Да как же его урезонить? - сокрушаются граждане. - Дай ему по морде, скажут, что славу России бил по морде. Позора не оберёшься. Вот стоим и терпим, пока сам не окочурится, зато мы потом похвастаемся, что близко были знакомы со славой России.

Тема Пушкина и Лермонтова переживёт не только нас, но и многих других, кто придёт нам на смену. И каждый будет высказывать своё мнение, и это мнение не будет истиной в последней инстанции.

Я хотел бы на эту тему взглянуть с другой позиции.

Как бы там ни было, но в двух случаях была дуэль. Дуэль проводилась по всем правилам. Уклонение от дуэли под любым предлогом равносильно потере

чести благородным человеком, ибо все стрелявшиеся относились к благородному сословию того времени, независимо от степени личного благородства. И личное благородство вопрос тоже очень спорный, если говорить обо всех без исключения участниках дуэли.

Исход дуэли одинаков во всех случаях. Либо обоюдное примирение сторон, либо гибель или ранение одного из участников. Иногда гибли или получали раны оба дуэлянта. Так кто из них является убийцей или, кто из них является жертвой?

Дуэль Пушкин - Дантес. Эмоции в сторону. Не будем выяснять, кто из них двоих был ангел, а кто дьявол. Пушкин вызвал Дантеса. Дантес ранил Пушкина и стал изгоем в обществе. А если бы Пушкин ранил Дантеса и остался жив сам? Тогда как? Тогда ликовала бы вся Россия, а весь род Дантесов умилялся от того, что их предок погиб от руки САМОГО Пушкина.

Почему так? Почему одному позволено всё, а другому не позволено ничего? Кто же их них «наперсники разврата»? Пушкин или Дантес? И все сразу и стройным хором:

- Конечно, Дантес!

Как же, убил Пушкина, а не подошёл к Пушкину, не встал перед ним на колени, не рванул рубаху на груди и не крикнул:

- Стреляй в меня, гордость земли русской! Стреляй в меня, дай счастье умереть от руки твоей!

Нет, он, подлец, так не крикнул, он выстрелил, когда подошла его очередь. И попал, благо, будучи офицером, тренировался в стрельбе, чтобы соответствовать предназначению воина. Заранее, значит, готовился убить Пушкина.

Возможно, если бы Дантес не ранил Пушкина на дуэли и тот не погиб от сепсиса, то Пушкин мог бы остаться в числе тех тысяч поэтов, которые царственным указом не были назначены в классики и не рекомендованы к изучению в школах.

Прошло бы немного времени и общество благополучно забыло Пушкина и нашло себе другой объект для обожания или ненависти.

Дантес был выслан из России. Уехал во Францию, был мэром большого города, сенатором и командором ордена Почётного Легиона. И самой Франции до сих пор наплевать, с кем дрался на дуэли пожизненный сенатор Дантес.

Говорят, что родственники Дантеса жалуются на то, что тень «убийства Пушкина» висит над ними. А если бы Дантес уклонился от дуэли, какая тень висела бы над ними? Готовы они быть потомками труса и бесчестного человека?

И всему виной заброшенная версия о заговоре с целью убийства Пушкина. Правда, никто так и не доказал, чем же был опасен Пушкин.

Такая же версия была и в отношении поэта Лермонтова.

Поручик Лермонтов дрался на дуэли со своим сослуживцем майором Николаем Мартыновым. Причём Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль. Просто так на дуэли не вызывают. Беспричинный вызов на дуэль явление не менее позорное, чем уклонение от дуэли.

Дуэль проводилась по правилам. На дуэли убит поэт Лермонтов. Россия в трауре. А если бы был убит поэт Мартынов, то вся Россия неделю бы беспробудно праздновала и плясала на могиле Мартынова?

Да, Мартынов был тоже поэт. А раз он не был Лермонтовым, то его стихи «бесспорно уступали» стихам Лермонтова, хотя я бы так не сказал. Смотрите сами:

*Глухая исповедь, причастье,
Потом отходную прочли:
И вот оно, земное счастье ...
Осталось много ль? Горсть земли
Я отвернулся, было больно
На эту драму мне смотреть;
И я спросил себя невольно:
Ужель и мне так умереть...*

Два поэта. Одному позволено все, другому не позволено ничего.

По-человечески говоря, слава России во всем должна быть славой России.

Возможно, если бы Лермонтов не был убит на дуэли, то и он бы канул в безвестность, как и тысячи других поэтов, не менее талантливых, чем Лермонтов.

Кстати, Мартынов был счастлив в жизни, у них с супругой родилось одиннадцать детей. Он жил в Подмосковье в именье, а затем в Москве.

Отпечаток дуэли с сослуживцем был при нем всю жизнь. Как у любого нормального человека.

Общество ни в чём не переубедить. Оно убедило себя в том, что дуэли Пушкина и Лермонтова были убийством и, пользуясь своим правом, поместило это в школьные учебники, воспитывая будущие поколения в этом «знании». А зачем?

Глава 35

Моя статья в газете «Губернские ведомости» подняла шум. Вернее – вой. Выли все. Особенно – департамент просвещения. За ним губернское офицерское собрание. Об офицерах ничего плохого не сказано, но получается, что именно офицеры убили «гордость России». Надо вызвать кого-то на дуэль? Но кого? Департамент просвещения напрягся. Читатели тоже были в некотором затруднении, как всё понять и как всё воспринимать. В России принято делать так, как скажет власть. В моё время народ верил всему, что скажет телевизор. Раньше – что скажет товарищи Брежнев, Хрущёв, Сталин или товарищ Ленин, ещё раньше, что скажет император или наместник над той местностью, где возник вопрос. Все ждали, что скажет генерал-губернатор Степного края генерал Надаров.

Стало уже привычным: сначала меня вызывают к генералу Медведеву, потом мы вместе едем к генералу Надарову, и нас сопровождает подполковник Скульдицкий как начальник губернского жандармского управления.

Сначала меня отчитал генерал Медведев.

- Что же вам, голубчик, спокойно не живётся, - увещевал он меня, - рота у вас порядке, взводные унтер-офицеры у вас опытные, фельдфебеля вот к вам назначили, сверхсрочнослужащего, вот и готовьтесь к экзамену на офицерский чин, и бросьте вы эту литературу, все беды идут от ума, а офицеру нужно знать уставы, вот там всё умное и прописано.

- Так точно, - говорю я. – Всё время посвящаю уставам

Примерно так же говорит генерал Надаров:

- Нет, вы посмотрите на него! Прапорщик, щёголь, командир роты в кадетском корпусе, мне докладывали, что многие кадеты, глядя на вас, тоже хотят быть зауряд-прапорщиками и носить такие же погоны, как у вас. И что вы вытворяете в свободное время? Ко мне приходят уважаемые люди и просят быть судьёй в том коварном деле, которое вы замутили в прессе. И протоиерей Сергей тоже приходил ко мне с осуждением ваших взглядов. А вы не думаете,

что эту статью перепечатают где-нибудь в Москве или Петербурге? А вдруг об этом пронюхают иностранные журналисты? Вот что вы прикажете мне сказать директору департамента просвещения, который более всего начинает шуметь, что офицеры должны чувствовать ответственность за смерть гордости русской литературы. Что вы бы сказали этим журналистам, чтобы они заткнулись и не щёлкали своими перьями по любому поводу?

- Ваше высокопревосходительство, - сказал я, - осмелюсь предложить вам такой ответ. Дуэльный кодекс в обоих дуэлях нарушен не был. Нельзя стреляться генералам военным и статским. Нигде в правилах не прописано, что писатели и поэты не могут вызывать на дуэль и что вызовы писателей и поэтов не должны приниматься. Если бы вызов господина Пушкина не был принят, это было бы позорным пятном на его персоне. Дуэль между офицерами является делом офицерским и может обсуждаться только в офицерском суде чести. Всё.

- Вроде бы неплохо, - сказал генерал Надаров. – А вы что скажете, господин подполковник? – обратился он к Скульдицкому.

- Мне кажется, Ваше высокопревосходительство, - сказал жандарм, - что подобный ответ не предполагает продолжение дискуссии штатскими лицами.

- Вот и я так же думаю, - сказал генерал. – Перепишите всё, что сказали, набело, я подпишу, - это уже было сказано мне. Я взял бумагу и стал писать. – Весело вы живете, Ваше превосходительство, - это уже к генералу Медведеву, - мне бы его годы, - и он указал на меня, - я бы такого натворил!

Когда мы выходили из кабинета генерал-губернатора, в приёмной уже ожидали журналисты губернских газет.

Они бросились к нам и на вопрос – как? – я обречённо махнул рукой.

Назавтра была напечатана статья о том, что автор скандальной публикации был на ковре у генерал-губернатора, а генерал-губернатор сказал то-то и то-то. И на этом дебаты утихомирились.

Зато следующая статья отвлекала внимание начисто. Сообщалось, что 20 января было открыто движение на всём протяжении железной дороги от Тифлиса до Джульфы на российско-персидской границе. Общая протяжённость пути с ответвлениями до Карса и Эривани составила 601 версту. Хорошая рокадная дорога для переброски войск на турецком и персидском фронтах в случае войны в Закавказье, и Карс в то время был российским.

Мне в роту назначили фельдфебеля-сверхсрочника Дмитрия Ивановича Сухотина. Он снял с меня массу забот, особенно в делах хозяйственных. Я ему не мешал, но периодически оглядывал хозяйство и казарму роты для того, чтобы выписать фельдфебелю свои наблюдения. То есть сделать

профилактический втык, чтобы бдительности не терял. Если всё пустить на самотёк, то движение замедлится и люди перестанут мух ловить, а когда они чувствуют за собой пригляд, то это их мобилизует на поддержание надлежащего порядка. Взводные унтера тоже с уважением относились к Сухотину, потому что он как старшина и даже выше взводных унтер-офицеров.

Конечно в роте не помешало бы иметь парочку офицеров, но тогда я был бы не командиром, а просто младшим офицером роты. Думаю, мы с фельдфебелем прекрасно справляемся.

На днях фельдфебель мне сообщил, что на конюшне приобрели лошадь специально для меня. У офицера, пусть я не офицер, но у командира подразделения должна быть своя лошадь, особенно в кадетском училище, которое считалось казачьим. Завтра пойду знакомиться.

Кстати, а кто был до меня командиром роты учебного обеспечения? Почему так оказалось, что рота осталась без офицеров? В кадровом отделении подполковник Шмидт рассказал, что до меня ротой командовал поручик Мелентьев, добившийся перевода в действующую армию на Маньчжурский фронт. Там он и погиб геройски. Потом в связи с большими потерями было сокращено количество офицеров в тыловых подразделениях, потом всё больше и тут появился я с особым стечением обстоятельств и насыщенной, но короткой биографией. Офицеры могут прибыть в конце лета после окончания военных училищ, но вы все равно в преимущественном положении, так как экзамены за курс военного училища будут проходить в начале июня.

- Нет ли фотографии поручика Мелентьева? - спросил я у подполковника Шмидта. – Хочу сделать галерею командиров роты, которые ею командовали, чтобы солдаты знали и помнили служивших здесь офицеров.

- Неплохая мысль, - похвалил меня подполковник. – Я обязательно посмотрю, кто командовал ротой раньше и подготовлю для вас данные.

На следующий день я пошёл в конюшню. Мне показали лошадь-пятилетку по кличке Зорька. Лошадь обьезжена, но с норовом.

Я подошёл к станку с фанерной табличкой Зорька, вытянул в сторону правую руку и твёрдо сказал: Принять!

Зорька послушно сдвинулась вправо и освободила мне проход в узком станке. Я подошёл к голове, достал из кармана шинели кусок чёрного хлеба, обильно посыпанный крупной солью и протянул его лошади.

Зорька мотнула головой, потом посмотрела на меня и аккуратно плюшевыми губами забрала хлеб с моей ладони. Первый контакт есть.

Я ласково погладил и похлопал её по шее, проверил гриву и чёлку, осмотрел хвост. Затем осмотрел копыта. Лошадь послушно поднимала копыта на ногу, которую я похлопывал рукой. Стрелки не побиты, копыта ровные, подкованы зимними подковами. Проведя рукой по крупу против роста волос, я посмотрел качество чистки. Не особо о ней заботились. Буду чистить сам, чтобы лошадь быстрее привыкла, потом уже будет этими делами заниматься ординарец. Практически я произвёл ежедневный осмотр лошади, точно так же, как водитель производит осмотр автомашины перед выездом на трассу.

На торцевой стене денника на деревянных вешалах висели сёдла. Нашёл Зорькино.

Дежурный солдат поспешил ко мне:

- Господин зауряд-прапорщик, давайте я оседлаю.

- Спасибо, голубчик, - сказал я, - первую седловку должен производить хозяин.

Я осмотрел седло. Достаточно новое, подпруги, стременные ремни целые, крепкие, пряжки чистые, стремена с красными пятнышками. А это уже ржавчина. Показал дежурному, что нужно будет почистить тряпочкой с толчёным кирпичом. Винтовку нельзя чистить с толчёным кирпичом и другими абразивными материалами, а вот стремена можно. Потник у седла почти новый и мягкий. Это хорошо. Зорьке спину не натрёт.

Я видел, как за мной наблюдал дежурный по конюшне и его помощники, все солдаты из моей роты.

Взяв седло, я пошёл к станку. Увидев меня, Зорька посторонилась, и я зашёл в станок. Разгладив шерсть, я положил седло на спину, ещё раз проверил, чтобы волосы были ровно приглажены с обеих сторон.

Наклонившись вниз, я взял свисающие с правой стороны подпруги и заправил их в пряжки. Зорька внимательно наблюдала за мной (лошади во время движения всегда видят всадника) и сразу надула брюхо, мешая мне затянуть подпруги как положено. Я даже не стал соревноваться с ней в силе. Так и оставил незатянутыми подпруги.

Затем наступила очередь регулировки стремян. Длина стремян должна быть равна длине руки от плечевого сустава до кончика пальцев. Отрегулировав длину ремня, я поднял сами стремена вверх по ремню, чтобы они не стукали лошадь и не пугали её. Увидев, что Зорька потеряла бдительность, пока я возился со стременами, я быстро схватил незатянутые ремни и подтянул подпруги. Поздно, детка, надуваться, подпруги крепко держат седло, и я не уеду на нём под живот.

Последний штрих – надевание оголовья. Это оголовье многие люди называют уздечкой. Статские так её и называют, кавалеристы называют оголовьем. Я наполовину снял чомбур (верёвка, с помощью которой привязывают лошадь, когда она в недоуздке), то есть оставил его на шее и снял с носа. Зорька не сопротивлялась надеванию оголовья и взяла в рот трензель. Оголовье бывает мундштучное и трензельное. Мундштучное – это сильное оголовье для спортсменов или для выездки лошади.

- Ну что, - сказал я лошади, - пойдём прогуляемся на улицу.

С лошастью обязательно надо разговаривать, чтобы она привыкала к голосу хозяина и различала его среди других голосов, тогда лошадь всегда будет рядом с вами, если вы будете относиться к ней по-человечески.

Я вывел Зорьку из станка, и мы пошли с ней к выходу. Стоящие в станках лошади начали всхрапывать, кто-то заржал, всем захотелось выйти на улицу и побегать, чтобы размять ноги.

Выйдя на улицу, я опустил стремяна, ещё раз проверил натяжение подпруг, взял повод в одну руку и в ней же зажал гриву, вставил ногу в стремя и резким движением вспрыгнул в седло, правой ногой подхватив второе стремя. Нога в стремях не должна погружаться глубоко, в случае чего она должна легко покинуть стремя, а не застревать в нём и не волочить всадника вслед за понёшейся лошадью.

Зорька сделала полукруг, пока я садился в седло и понеслась по манежу. Чувствует, что повод ещё не в моей руке и мною можно управлять. Но я быстро взял повод в одну руку, пропустил его между указательным и безымянным пальцем и требовательно потянул его на себя, сжав бока лошади каблуками сапог. Лошадь почувствовала хозяина и остановилась. Легким касанием сапога я пустил её вперёд сначала шагом, потом рысью, потом в галоп. Зорька шла ровно, сворачивая меня к невысокому препятствию с одним бревном.

Ладно, не хотел я сегодня заниматься прыжками, но раз лошадь желает, почему не доставить ей удовольствие. Направив Зорьку на препятствие, я немного ослабил повод и дал посыл каблуками вперёд. Перед самым препятствием я чуть-чуть приподнялся в стремях и полетел вместе с лошадью, приземлившись под правую ногу лошади. Когда всадник сидит как куль картошки, не помогая лошади, он может травмировать лошадь, плюхаясь в седло как попало.

Для первого раза и достаточно. Я расседлал лошадь, отдал седло дневальному и соломенным жгутом растёр ноги Зорьки. Ей это явно понравилось. Застоя крови не будет.

Затем я отвёл лошадь в станок и при помощи скребка очистил от снега копыта.

Похлопав лошадь по шее, я вышел из конюшни и пошёл в свою казарму.

- Хорошая лошадь, - сказал я фельдфебелю Сухотину. – Наряд службу несёт исправно. Будете проверять, посмотрите, чтобы на стремянах не было ржавчины.

Как-то незаметно подошло время, когда мне пришлось побыть приват-преподавателем в кадетском корпусе без отрыва от моих основных обязанностей. Приват-преподаватель - это как бы частный преподаватель, не входящий в штат учебного заведения. Заболел старший преподаватель географии коллежский асессор Ляйтман. Мне было поручено занять время беседой об обеспечении учебного процесса. Навык преподавания у меня был достаточно солидный и я мог среди ночи преподавать любой предмет в течение часа. Я старался придумать интересную тему для беседы, но все пошло не так, как я планировал.

После начала урока один из кадетов задал вопрос:

- Господин зауряд-прапорщик, мы слышали, что вы уже учились в военном училище. Что бы вы могли посоветовать нам, чтобы побыстрее стать настоящими офицерами.

Детский вопрос планетарного масштаба. Хорошо, что ещё не спросили, сколько раз нужно спасать мир, чтобы всё время светило солнце. Немного подумав, я решил рассказать им, как мы овладевали оружием в пограничном училище. Естественно, что о пограничниках я не сказал ни слова.

- Вы знаете, что такое рогатка? – спросил я.

Большинство сказал, что это что-то с рогами. Кто-то сказал, что это маленькая рогатина, то есть копьё, с которым ходят охотиться на медведя.

- Нет, - сказал я, - рогатка – это вид метательного оружия, которое может иметь любой человек и которое может помочь ему в любое время.

Я взял кусок мела и нарисовал на доске простую рогатку, пращу и рогатку да Винчи с системой блоков и пружин.

- Считается, что рогатку изобрёл великий учёный Леонардо да Винчи, - начал рассказывать я. – Это было очень сложное сооружение, которое не получило широкого распространения. Практически у него получился небольшой требушет для забрасывания снарядов в осаждаемую крепость. Более простая праща была широко распространена и использовалась в военном деле и

в охоте на дикого зверя. Вспомните легенду о Давиде и Голиафе. Небольшой пастух Давид камнем из пращи убил великана Голиафа. Свинцовые и железные пули при помощи пращи летели на расстояние от ста пятидесяти до трёхсот метров, сохраняя убойную силу. Мы бы до сегодняшнего дня пользовались этими пращами, но в 1839 году американский учёный Чарльз Гудьир открыл процесс вулканизации каучука и превращения его в эластичную и прочную резину, которая заменила пращу. Процесс был назван в честь Вулкана, древнеримского бога огня. Метательные снаряды из рогатки вылетали со скоростью от шестидесяти до ста двадцати метров в секунду и летели на расстояние от пятидесяти до трёхсот метров. Когда я был юнкером в военном училище, мы регулярно ходили в караул и так получилось, что одно из должностных лиц ночью пряталось в кустах у поста и записывало в кондуит всё, что ему казалось нарушениями часовыми порядка охраны поста. Потом часового примерно наказывали за нарушение устава гарнизонной и караульной службы. Тогда мы сделали общую рогатку и спрятали её в ведре на противопожарном щите охраняемого поста. Как только наступала ночь, часовой начинал обстреливать камешками все прилегающие кусты. И, представьте себе, прекратились записи в кондуит, а одно должностное лицо долго ходило с синяками.

Конечно, это была молодость и юнкерско-кадетская солидарность в передаче опыта, который единолично очень трудно получить. Результатом стало полное вооружение рогатками кадет нашего корпуса, устраивавших даже соревнования по стрельбе из рогаток, а потом в корпус из Виленского пехотного училища появился поручик Голенищев с повязкой на голове и сделал официальное заявление о вызове на дуэль прапорщика Туманова, нанёсшего ему оскорбление, которое можно смыть только кровью. Точную причину вызова поручик не сообщал, но я уже догадался, в чём дело.

Разбирательство по этому делу пошло обычным порядком. С утра меня вызвали к директору корпуса, а оттуда вместе с генералом мы поехали к генерал-губернатору Степного края генералу Надарову. И всё потому, что источник информации в моей роте уже запустил «молнию», что у меня длинные руки и я дотянулся до города Вильно, где смертельно оскорбил поручика Голенищева, внучатого племянника фельдмаршала и светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Не исключено, что в деле замешана роковая женщина, предпочедшая зауряд-прапорщика Туманова поручику Голенищеву. Досужие газетные репортёры опубликовали эту новость на первой полосе губернских ведомостей и весь город был в разговорах о роковой любви и предстоящей драме кровавой дуэли, в которой поручику отводилась роль невинной жертвы, погибшей от руки известного снайпера и искусителя женских сердец. Кто-то припомнил рассказ капитана Дёмина о том, что я мастер сабельного боя. Естественно, все стали сокрушаться о бедном поручике и его родственниках, которым придёт траурное известие. Я, конечно, был Мефистофелем, которому не привыкать к таким делам.

Вы даже не представляете, как Марфа Никаноровна посмотрела на меня. Запомните, женская ревность – самое страшное оружие, которое существовало во все времена. Я её успокоил и сказал, что не мог же я одновременно быть с ней и где-то ещё в Вильно.

Генерал Надаров начал беседу ставшими уже привычными для меня словами:

- Нет, вы посмотрите на него, без году неделя как надел почти офицерские погоны и нате вам, из Вильно в далёкую Сибирь прибыл оскорблённый офицер, чтобы вызвать вас на дуэль? Как это прикажете понимать? А вы что скажете, - обратился он к жандармскому подполковнику Скульдицкому. – Как он мог дотянуться до города Вильно? Вот он ваш обидчик, - генерал показал меня поручику Голенищеву, - давайте, сделайте свой вызов при мне, но я вас предупреждаю, что зауряд-прапорщик Туманов в стрельбе и фехтовании имеет незаурядные результаты и я не хочу нести ответственность перед Его Императорским Величеством, что при моём попустительстве в его армии станет на одного офицера меньше.

- Ваше высокопревосходительство, - сказал подполковник Скульдицкий, - зауряд-прапорщик Туманов в течение длительного времени никуда не отлучался из города и никак не мог оказаться в городе Вильно, чтобы оскорбить господина поручика.

- Но он же не офицер, - начал возмущаться поручик, - и я не могу вызывать на дуэль нижнего чина.

- Нижнего чина, но на офицерской должности и командира роты учебного обеспечения в кадетском корпусе, - встал на мою защиту директор корпуса генерал-лейтенант Медведев. – А сейчас подробно изложите причину того, что вы поехали в такую даль, чтобы вызвать на дуэль неизвестно кого.

- Ваше превосходительство, - стал рассказывать поручик Голенищев, - юнкера нашего училища, прослышав о почине Сибирского кадетского корпуса, вооружились новомодными резиновыми рогатками и, находясь на посту, обстреливали камешками все прилегающие к объекту кусты и затемнённые места, ранив меня камнем. А если бы мне попали в глаз? В процессе личного дознания я выяснил, что инициатором и виновником изготовления рогаток стал прапорщик Туманов из Энска, поэтому я взял отпуск и приехал сюда, чтобы отомстить обидчику.

- Так-так, - сказал генерал Надаров, - если вы настаиваете на дуэли, то я сейчас же своими правами присвою ему чин прапорщика и удовлетворю Ваше желание.

- Благодарю Вас, Ваше высокопревосходительство, - сказал поручик Голенищев, - время прошло, запал стих, и я переоценил создавшуюся ситуацию. Приношу извинения и прошу считать инцидент исчерпанным.

А вы что думаете? – спросил меня генерал Надаров. – Как будем выходить из этой ситуации?

- Предлагаю, - по-офицерски доложил я, - первое, мы с господином поручиком как два командира роты идём в ресторан и отметим наше знакомство, так как до этого не имели чести знать друг друга, а какой-то аферист в Вильно использовал мои данные, чтобы оскорбить господина поручика. Пока мы пойдём в ресторан, репортёры губернских газет заполонят весь ресторан. Завтра об этом инциденте никто не будет вспоминать.

- Эх, мне бы ваши годы, - сказал генерал Надаров, - только в мои годы резины не было, а то у нас в корпусе был такой вице-фельдфебель, которому бы я с удовольствием засадил камнем между глаз. До свидания, господа офицеры.

Всё-таки не очень-то хорошо постоянно находиться в центре внимания, потому что тебя начинают примерять к любой ситуации и выдумывать по вашему адресу чёрт те что.

Глава 36

Дома Марфа Никаноровна принялась к шинели и спросила, чем это от меня пахнет.

Я рассказал ей о лошади, ей это понравилось, но мне лучше побрызгать на шинель одеколон, чтобы отбить запах. Возможно, что мы пойдём куда-то в люди, и от нас пахнет как от конюшни.

Я вспомнил нашу конную подготовку в училище и стишок, который я там сочинил:

*Мы после конной подготовки
Шинели брызгали духами,
Ведь дамы наши не винтовки
И мы для них благоухали.*

А с другой стороны, если к запаху привыкаться, то этот запах вообще не ощущается.

Не смейтесь, господа. Когда я прибыл сюда, мне казалось, что здесь всё, как в наших кино о старинной жизни: дамы с лорнетами, кавалергарды в ослепительно белых кителях с золотыми погонами, учёные в сюртуках и лаковых ботинках, камергеры в расшитых золотом мундирах, фаэтоны, ландо, пролётки, конкуры, скачки...

Первое впечатление, которое у меня осталось — это стойкий запах конского навоза и лошадиной мочи.

А что вы хотели? В современном обществе на улице запах выхлопных газов от автомобилей является основным. Остальные запахи в виде приложения, которые даже не проносятся. У стоящих автомобилей с работающим двигателем из выхлопной трубы каплет конденсат и выходит угарный газ. В промышленном городе добавляется запах гари из труб электростанций и выбросы от производства промышленных предприятий. Где-как, но нужно прибавлять и запахи отходов жизнедеятельности человеческого организма.

В дореволюционном обществе немного не так. Отбрасываем электростанции, промышленные предприятия и автомобили. Вместо автомобилей лошади. Лошади в пассажирских экипажах, в транспортных телегах, у всадников.

Лошадь не пьёт бензин или дизельное топливо и не ест каменный уголь. Она кушает сено, овёс, пьёт воду (причём чистую воду и из чистого ведра, не доведённая до крайности лошадь никогда не будет пить из грязного ведра). Поэтому везде, где есть остановки для лошадей, валяется рассыпанное сено или рассыпанный овёс.

Туалетов для лошадей не предусмотрено, и она не обращается к седокам с просьбой подождать, типа, мне до ветра сгонять надо. Всё это делается в движении и на виду у граждан обоего пола и различного возраста. А если лошадь съела что-то пучащее, то она обдаёт газами как извозчика, так и пассажиров.

Конские яблоки повсюду, целые, раздавленные, прицепившиеся к колёсам, повсюду воробьи, которые лакомятся не до конца переваренными злаками, прыгая между колёсами. А тут у лошади переполнился мочевой пузырь и жидкость начинает разбрызгиваться прямо на ходу, а если тягло мужского пола, то во время мочеиспускания все могут лицезреть и величину полового члена жеребца. Всё это было естественным, и никто не падал в обморок.

И пара слов о белых кителях кавалергардов и моряков. Вся эта форма придумана для балов и дефилирования в безвоздушном пространстве в течение часа, чтобы произвести впечатление на дам и на врага.

Вся эта белая униформа пачкается слёту, стоит человеку куда-то пройти, например, в туалет типа сортир, других и не было, разве что во дворцах вельмож было чуть по-другому.

Кавалерист в белом кителе недолго оставался белым, проходя через каскад препятствий или кушая, например, помидор или выпивая бокал красного вина или в походе по нужде по малой надобности.

На самом деле весь киношный блеск оказывается не таким блестящим, пожелтевшим, потёртым с самосвязанными кружевами и не так блестящими офицерскими погонами, помятыми под шинелями и потёртыми портупьями, потускневшим шитьём мундиров камергеров и сенаторов. Реальная жизнь всегда более проще, чем на рекламе. Ну является исключением и то, что к подошве штиблет какого-нибудь статского советника прилипнет половина или четвертушка конского яблока. А если почитать литературные анекдоты девятнадцатого века, то Серебряный век России будет не столько серебряным, как это кажется издали.

Правда, пища в это время более здоровая. На огородах никаких гербицидов, обыкновенные минеральные удобрения естественного происхождения, от которых количество нитратов несколько ниже, чем в развитом промышленном обществе.

Молоко натуральное, не пастеризованное и не из сухого молока, является переносчиком клещевого энцефалита, гепатита А, глистных инвазий, бруцеллёза (поражение многих систем жизнеобеспечения, нарушение функций сосудистой, пищеварительной, мочеполовой систем и системы воспроизводства), дизентерии, ящура (поражение слизистых покровов кожи), туберкулёза и псевдотуберкулёза (с лихорадкой, интоксикациями, поражениями тонкого кишечника и печени). Конечно, можно и не заразиться этими болезнями, но это всё как русская рулетка, когда в барабане оставляется один патрон и все крутят барабан произвольное количество раз и приставляют его к виску.

Пастеризация была изобретена почти полвека назад, но не все кипятят молоко, и не все любят кипячёное молоко. Хотя, многие хозяйки томят молоко в русской печи и у них получается топлёное молоко с вкусной поджаристой пенкой. И такое молоко много полезнее и безопаснее сырого молока.

С Марфой Никаноровной мы встречались ежедневно и времени на разговоры у нас было очень мало, потому что она училась на курсах, а я ускоренно готовился к экзаменам за курс военного училища. Главное – вызубрить Уставы. Все экзаменаторы задают вопросы из того раздела устава, который они хорошо знают, а спроси их из другого раздела и поплыл ваш экзаменатор, а вот экзаменуемый должен знать всё.

Как это говорят уже несколько столетий? Живи по уставу – завоеешь честь и славу. О, воин, службою живущий, читай устав на сон грядущий, и утром, ото сна восстав, читай усиленно устав. Устав учить – ум точить. Вот я и точил.

Марфа Никаноровна сидит за столом и свои костяшки учит, и я рядом сижу, читаю и повторяю уставы, особенно то, чего в наших уставах не прописано. Например, вещевое довольствие.

К вещевому довольствию относятся: постельная принадлежность, годовые вещи, мундирная одежда и снаряжение.

Постельной принадлежности в военное время не полагается; в мирное же время, по выслуге сроков, она поступает в полную собственность нижних чинов.

Каждый молодой солдат по прибытии в часть получает: 1 одеяло, 1 тюфячную наволочку, 1 нижнюю подушечную наволочку, 3 верхних подушечных наволочки и 3 простыни, а затем ежегодно, со второго года службы, по 1 верхней подушечной наволочке и по 1 простыне.

Тюфяк и подушку полагается набивать соломой, и от казны отпускается по полтора пуда соломы (двадцать четыре килограмма) на каждого нижнего чина в год.

Годовыми вещами в военное время молодые солдаты, независимо от времени призыва их на службу, снабжаются: двумя рубашками, двумя парами исподних брюк, тремя парами портянок, двумя носовыми платками, одним утиральником и одною парю сапог. Затем они выдаются по мере действительной надобности и составляют собственность казны и сроков службы им не устанавливаются.

В мирное время годовые вещи, по выслуге сроков, поступают в полную собственность нижних чинов.

Молодым солдатам 1-го марта выдаются: 3 рубашки, 3 исподних брюк, 3 носовых платка, 2 утиральника, 3 пары портянок, 2 пары готовых вычерненных сапог с пришитыми к ним подмётками.

Старослужащим 1-го марта выдаются: 3 рубашки, 3 исподних брюк, 3 носовых платка, 2 утиральника, 3 пары портянок, 1 пара готовых вычерненных сапог с пришитыми к ним подмётками, 1 пара передов в нечернённом виде, 1 пара подошв и 1 пара подмёток.

Мундирная одежда, отпускаемая для обмундирования срочных, составляет собственность казны и выдаётся на носку распоряжением командира

полка. Наблюдение за ноской и сбережением одежды возлагается на ближайших начальников.

Мундирные вещи составляют: походная рубаха, шаровары, шинель, фуражка, папах, гимнастическая рубашка с погонами, рукавицы, набрюшник; в гвардии кроме того – мундир и суконная рубаха.

Предметы снаряжения и амуниционные вещи выдаются на неопределённый срок, по истечении которого они заменяются новыми, и эти вещи также не поступают в собственность солдата, а остаются собственностью полка.

Амуниционные вещи составляют: поясные ремни, патронные сумки, патронташи, ружейные ремни, вещевые мешки или ранцы, сухарные мешки, штыковые ножи и прочее.

На всех предметах одежды ставятся клейма. Кроме того, на всех казённых и собственных носимых вещах, а также на сундуках выставляются личные номера и номер роты.

Ежемесячно к первому числу каждого месяца нижнему чину выдаётся полфунта мыла. Выдача его отмечается в записной книжке.

Всё, на сегодня хватит. Встал, налил два стакана молока, отрезал два куса ржаного чёрного хлеба и принёс Марфе Никаноровне. На сегодня занятия закончены. Пьём молоко и в постель. Завтра нужно проверить вещмешки личного состава.

Глава 37

Утро начинается с рассвета. Я приходил в корпус пораньше и шёл на конюшню, как бы в автопарк, по-современному.

- Принять, - говорил Зорьке. Она сторонилась, захожу в станок, кусок хлеба с солью под нос, плюшевые губы аккуратно берут кусок хлеба и аппетитно жуют. В руках металлический скребок и щётка круглая с ремешком для руки. Мах рукой со щёткой против роста волос, а затем в обратном движении волосы приглаживаются, щётка очищается о скребницу. И так нужно прочистить всю спину, шею, ноги. Все делается автоматически. По окончании чистки лошадь нужно протереть слегка влажной тряпкой, чтобы собрать всю поднятую перхоть. Лошади это нравится. Похлопал по шее Зорьку и пошёл в роту.

Чистить лошадь нужно три раза в день, но утренняя чистка самая главная. Две остальные чистки проводят дневальные.

Фельдфебель доложил, что в роте порядок, отсутствующих и больных нет. Предупредил, что сегодня буду проводить проверку содержимого всех вещмешков.

Зашёл в корпус к начальникам классов, строевым офицерам, спросил, есть ли какие претензии к личному составу, работающему по наведению порядка, истопникам.

Спустился в спортзал к капитану Дёмину Фёдору Петровичу. У нас с ним сегодня соревнование по стрельбе. Мои люди уже приготовили мишени и сидели, дожидались нашего прибытия.

Капитан недавно закончил занятия с кадетами и отдыхал в своей комнатухе. Увидев меня, он предложил посоревноваться в поднятии двухпудовой гири, которую он мастерски поднимал и подкидывал. Договорились, что как-нибудь потом, а перед стрельбой не нужно поднимать тяжести. Мой девиз: сильному спорт не нужен, слабого он погубит. Сам же я по десять минут дома держал в руке тяжёлый утюг, нагреваемый углями. Этаким самовар, но только для глажения белья.

- Ты чего это делаешь? – спросила меня Марфа Никаноровна, увидев с утюгом в руке.

- Снайпером хочу стать, - сказал я. – Завоюю приз и стану лучшим стрелком, а для этого тренироваться нужно.

С капитаном Дёминым мы стреляли регулярно. Задача – набрать как можно больше очков. Кто точнее, тот и победил. Капитан был хороший стрелок, да и я стрелял тоже неплохо. То он победит, то я.

Четыре года нас учили стрелять из пистолета Макарова. Пистолет хороший, но если бы ему чуть уменьшить калибр под патрон системы Маузера или переделать под патрон Парабеллум, то ему бы цены не было, но Макаров умер, а возиться с пистолетом никто не захотел, потому что он не перестал бы быть пистолетом Макарова, и разработчик не получил бы никакой известности.

Сегодняшняя стрельба зачётная. Генерал Медведев приказал проверить навыки офицеров в стрельбе из личного оружия и подать ему результаты. Я не относился к категории офицеров, но был на офицерской должности, поэтому всегда был в конце списка, хотя на совещания офицеров не приглашался. Такие уж были порядки. Какой-нибудь молоденький прапорщик, который заведовал буфетом в Офицерском собрании, был офицером, а командир роты офицером не был. Буфетом вполне мог заведовать фельдфебель или, на худой конец, подпрапорщик. Офицеры должны быть с личным составом, а на таких общественных должностях достаточно и подпрапорщика.

Мы с капитаном встали у барьера, зарядили револьверы пятью патронами. Договорились, что стреляем не на скорость, а на результат.

Демин стоял и тщательно выцеливал цель. Я выстрелил первым, и Дёмин немного дёрнулся. У меня десятка по центру, у него девятка рядом с линией десятки. Второй выстрел дуплетом. По десятке. Третий выстрел дуплетом. По десятке. Четвёртый выстрел. У него десятка, у меня девятка, рядом с линией десятки. По тридцать девять очков. Последний выстрел дуплетом. По десятке. Ничья, по сорок девять очков. Пожали друг другу руки.

Через день приказ по корпусу. Капитану Дёмину и мне объявлялась благодарность за отличное владение личным оружием. Вроде бы что-то неосязаемое, а приятно.

В ружейной пирамиде в роте под номером первым стояла и моя винтовка, которую я получил с личного разрешения генерала Медведева. Каждый день я тренировался казарме прицеливанию и мягкому спуску курка. Это делается очень просто. В углу казармы у печки повешен небольшой листок с нарисованной мишенью. Мишень высотой сантиметров пять, что примерно равно удалению мишени метров на триста.

Я ложился с винтовкой на подстилку, минут пятнадцать-двадцать прицеливался по мишени и плавно спускал курок. Выработывал автоматизм. На экзаменах обязательно будет стрельба из винтовки. В этот же период будут проводиться разные соревнования среди офицеров.

Офицеры корпуса внимательно наблюдали за моими занятиями, называя их чудачествами и некоторые словоохотливые из них считали своим долгом рассказать о них командиру корпуса.

А с одним моим «чудачеством» произошла целая история. Нормальному человеку достаточно пару раз собрать и разобрать затвор винтовки, чтобы понять, что и к чему и потом начинать разбирать его с закрытыми глазами.

Я вызвал в канцелярию фельдфебеля, взводных и отделённых унтер-офицеров.

- Смотрите сюда, - сказал я, - вот это затвор моей винтовки. Он состоит из стебля затвора с рукояткой, боевой личинки, выбрасывателя, курка, ударника, боевой пружины и соединительной планки. Дмитрий Иванович, завяжите мне глаза.

Фельдфебель завязал мне глаза заранее приготовленной чёрной тканью.

- Смотрите дальше, - продолжил я, - разбираю затвор: оттягиваю курок назад и ставлю его на предохранитель, отделяю от стебля затвора боевую

личинку с соединительной планкой, отделяю от боевой личинки соединительную планку, свинчиваю курок с ударника, вынимаю ударник с боевой пружиной, снимаю боевую пружину с ударника. Разборка затвора произведена. Собираем затвор: надеваю боевую пружину на ударник, вкладываю ударник с боевой пружиной в канал стебля затвора, сжимаю боевую пружину, навинчиваю курок на ударник, надеваю боевую личинку, ввожу ударник в канал трубки соединительной планки. Затвор собран. Дмитрий Иванович, снимайте повязку. Проверяем качество сборки. Всё нормально. Для правильной сборки нужно чувствовать, чтобы прорезь на ударнике стояла против чёрточек на пуговке курка. Никому в одиночку затвор не разбирать, чтобы не потерять части и не поломать основную деталь винтовки.

История о сборке и разборке затвора с закрытыми глазами быстро вылетела за пределы корпуса, попала в газету и офицеры всех частей стали соревноваться, кто сможет вслепую собрать затвор быстрее всех. Как это всегда бывает, самодеятельность приводила к тому, что начали теряться пружинки, неправильная сборка и применение силы для установки частей затвора приводила к травмам рук, к расстройству нервов и прочему. Меня вызвали в строевое отделение и предложили перестать заниматься разборкой затвора вслепую.

- Господин зауряд-прапорщик, - сказал мне заместитель директора корпуса по строевой и учебной части, - похвально, что командиры подразделений досконально знают устройство основного оружия, но в Уставах не предусмотрена разборка винтовки вслепую. Там написано, чтобы при чистке оружия нижними чинами обязательно рядом с ними должен находиться унтер-офицер.

- Слушаюсь, Ваше высокоблагородие, - сказал я полковнику и вышел.

Как и обещал, к вечеру занялся проверкой содержимого вещмешков. Не подумайте, что это такая сыскная работа по выявлению в вещах солдата запрещённых предметов. Ничуть не бывало. В вещмешках находится то, что солдат берёт с собой по сигналу «тревога». Схватил винтовку, лопатку, вещмешок и на построение на улицу. Затем шагом марш и на позиции. И все инспекторские проверки начинаются именно с проверки мешков. Ходят генералы, смотрят, что есть и делают пометки: есть, нет, есть, нет...

А у солдата в вещмешке и с вещмешком должно быть: шинель, записная книжка (это типа солдатской книжки, где записано, в каком батальоне, в какой роте, в каком взводе и в каком отделении служит солдат, кто командиры, какое имущество выдано, выдавалось ли мыло и прочее), палаточное полотенце, полотенце утиральное, мешок с мелочью, отвёртка, протирка, шомпольное кольцо, тряпочка, пакля, деревянная палочка для чистки винтовки, жестянка с вазелиновым полусалом, чарка, верёвка палаточная, полустойка для палатки,

щётка, две рубахи одна на другой, исподние брюки (кальсоны), две пары портянок, башлык, наушники, рукавицы с варежками, котелок, водоносная баклага, чехол сапожный, сапоги. Для проверяющих этот список звучит как партитура симфонии. Они прямо поют, когда записали много недостатков, типа, не зря они хлеб едят и получают полковничье или генеральское жалование.

Когда я был курсантом, у нас точно также проверяли содержимое вещмешков, а потом уже в офицерском звании проверяли содержимое тревожных чемоданчиков офицеров.

Вспоминается байка с того времени. В танковой части проводится проверка. Офицер из высокого штаба записывает, что лопата на танке с ржавчиной, лезвие с зазубринами, ручка треснула, краска облупилась...

Командир взвода берет эту лопату, выбрасывает её через забор и говорит:

- Пишите – нет лопаты.

Лирика, я что-то давненько стихами не занимался, а на восьмое марта нужно сделать подарок Марфе Никаноровне.

*Подарит монетка случайное счастье
И радости нашей забрызжет фонтан,
А, может, на улице просто ненастье
И капельки грязи прилипли к ногам.*

*А, может, монетка имеет две решки,
И выбора в жизни твоей уже нет,
И годы твои, как в пакете орешки,
Осталось с десятков непрожитых лет.*

*А, может, пуститься дорогою тяжелой,
Попробовать все, что ещё не видал,
Карман оттопырен коньячною фляжкой
И другом мне станет неспящий вокзал.*

*Не буду считать я в пути километры,
На север ли ехать, на юг, на восток,
На станции встретят бродячие ветры
И каждому нужен из фляжки глоток.*

*В краю незнакомом, далёком, холодном
С тоскою я вспомню домашний уют,
Когда-то я был молодым ветрогоном,*

Пора и домой, где любимые ждут.

Стихотворение было опубликовано в конце февраля и сразу вызвало волну обсуждения. Кто-то хвалил, кто-то ругал, многие дамы жаловались, что мужья стали приобретать себе коньячные фляжки и косить глазами в сторону вокзала, чтобы поездить и испытать всё, что ещё не испытали. Офис полицмейстера предупредил, что появились мошенники, которые предлагают сыграть в решку, а у монеты две решки. Изготовители коньяков стали разливать напиток в маленькие плоские бутылки, которые уместятся в заднем кармане брюк. Вот и здесь нужно думать, как слово твоё в печатном виде отзовётся.

На масленицу к нам пришёл сосед из мастеровых и пригласил на кулачные бои, стенка на стенку.

- Не побрезгуйте, Ваше благородие, нашим обществом, - сказал он, - люди приличные собираются, а потом ведь драка сплавливает людей, да и нам интересно посмотреть, что вы из себя представляете.

Кулачные бои описаны повсеместно. Поэт Лермонтов написал поэму о том, как царский опричник Кирибеевич обесчестил жену честного купца Калашникова и как купец в кулачном бою так приласкал Кирибеевича, что тот дух испустил. А купца того за то, что честь свою и жены отстоял и уменьшил количество сволочей на белом свете, казнили смертью лютой и с того дня всё правосудие в стране нашей стало кривосудием и никак его выправить не могут.

Я посмотрел на Марфу Никаноровну и поднятием бровей спросил: ну как, соглашаться или нет?

Марфа Никаноровна, чисто по-русски, сначала пожала плечами – кто его знает, а потом согласно моргнула. В переводе это звучит так: да нет, пожалуй, не надо, хотя можно и согласиться.

Я ответил согласием и вместе с соседом пошёл к месту боя на реке, где мы варили уху. Естественно, не в военной форме.

Мы пришли вовремя, разделись по пояс и встали в шеренгу с нашей стороны реки.

Организаторы дали команду и тут понеслось. Сначала я осторожничал и старался никого не повредить, но после того, как получил чувствительный удар по уху, начал работать кулаками более прицельно, стараясь попасть в физиономию супротивника. С каждой минутой бойцов становилось все меньше, потому что того, у кого пошла кровь из носа, выводили из шеренги и

оказывали помощь. Я, как мне кажется, пару носов кому-то расквасил, и сам получил хороший удар, который меня чуть с ног не свалил. Вытерев нос, я увидел кровь и тут меня вытащили из ватаги. Бились до первой крови и особой жестокости никто не проявлял. С жестокими вообще не водились.

Наконец организаторы разняли последнюю четвёрку. Наша сторона реки победила. Все раненные умылись снегом и стояли с красными рожками, а вокруг валялся окрашенный кровью снег. Тут же выпили по шкалику, попрощались до следующей масленицы, и я прямо на ходу сочинил небольшое стихотворение.

*По утрам в России тихо,
Вниз глядит смурной народ,
Это значит, дремлет лихо,
Или в поле где бредёт.*

*Вот несётся это лихо,
На всю улицу гармонь,
Отойди-ка, сторожика,
Выходи, мой конь-огонь.*

*Разукрашена повозка,
Залихватский громкий свист,
Ты не бойся, черноока,
Тресни в душу, гармонист.*

*Расступайтесь шире люди,
Воли требует душа,
Боже мой, какие груди,
До чего ж ты хороша!*

*И пошло у нас веселье,
И стоит стена к стене,
Красной льётся акварелью
Кровь по ранней седине.*

*Отливай плохую юшку,
Дури хватит без вина,
Пропадём и за понюшку,
Жизнь сегодня нам дана.*

*Обнимаю девушку красную,
Так целует горячо,*

*Под главу её прекрасную
Подставляю я плечо.*

*Утром встанем где-то в сене,
Что же чувствует душа?
В этой жизни многоженец,
До чего ж ты хороша!*

Утром в понедельник в газете «Губернские ведомости» было написано о нашей кулачной забаве на реке и указано, что особой лихостью отличился поэт и прапорщик Туманов. Мне никто ничего не сказал, но я чувствовал на себе восхищённые взгляды своих солдат, кадет и многих офицеров.

Ещё через день в газете было опубликовано это стихотворение, за которое Марфа Никаноровна довольно сильно меня ревновала, постоянно спрашивая, что это за краля у меня завелась.

Глава 38

Март начался ярким солнцем и хорошей морозной погодой. Для Сибири это не в новинку, а мне солнышко показало, что до экзаменов осталось не более трёх месяцев.

Я носился на Зорьке по манежу, преодолевал препятствия, рубил лозу, стараясь не обрубить лошади уши. Бывает такое у всадников.

С капитаном Дёминым занимались фехтованием. От него я приобрёл навыки некоторых ударов, которые могут пригодиться в предстоящей войне. Я лично знал, что война будет, да и армия существует для того, чтобы военным путём защитить государство и завоевать для него новые земли. Иначе, армия была бы не нужна и её распустили по домам, а наши шашки висели в музее как старинное колюще-рубящее оружие, применяемое в немирных целях.

В оружейной мастерской мой старый знакомец коллежский регистратор Перевозчиков Семён Фёдорович обучал меня устройству пулемёта Максима и приёмам стрельбы из него. В корпусе был всего один пулемёт, его показывали кадетам, но стрельбы из него не производились. Кадеты по выпуску поступали в военные училища, где пулемёты изучали более подробно и проводили практические стрельбы из него.

Я посоветовал Семёну Фёдоровичу подать предложение сделать широкой горловину для залива воды в козух, чтобы удобнее наливать воду, а в зимний период в такую горловину можно натолкать снег, который расплавится и превратится в воду.

- Вам бы оружейником стать, - сказал мне старый артиллерийский мастер, - у вас несомненно талант к изобретательству и ко всему новому.

Да уж, я бы столько наговорил по этим вопросам, да только кто будет всё это реализовывать. Новое всегда проталкивается с трудом. Чем гениальнее мысль, тем менее она понятна неподготовленному к новизне человеку.

Только потом я узнал, что подполковник Скульдицкий по результатам разговора со мной перед экзаменами за курс университета составил докладную записку об идее, предложенной таким-то и таким, использовать телефоны для организации связи в звене дивизия – полк – батальон – рота, путём соединения телефонных аппаратов специальными проводами. И потом я узнал, что записку не положили под сукно, а дали ей ход и получилось, что с началом Великой войны наша армия имела телефонную связь, также, как и германская армия. А потом связь в армии разлетелась как зараза, всё более совершенствуя телефонные аппараты и укрепляя провода, включая в состав жил стальные нити.

Изучение уставов продолжалось постоянно. В строевом уставе расписывались действия солдат в современном тогда рассыпном строю. В этом строю 4-6 человек составляют звено, 2-4 звена входят в состав отделения, 2-4 отделения составляют взвод, 2-4 взвода составляют роту.

Каждому солдату полагалось знать знаки управления строем без команд.

Знак внимание – поднятая рука вверх.

Начать движение шагом – махнуть рукой в направлении движения.

Двинуть часть бегом – махнуть несколько раз рукой в нужном направлении.

Остановить часть – быстро опустить поднятую руку.

Рассыпаться в цепь – вытянуть в стороны обе руки в направлении фронта.

Собрать часть – кружить поднятой вверх рукой.

Положить часть – махнуть несколько раз рукой вниз.

Затем солдату нужно было знать наизусть оптическую сигнализацию при помощи телеграфной азбуки.

Для передачи точки – поднять на два счета белый флаг или фонарь, для передачи тире – на шесть счётов поднять либо фонарь, либо два флага – белый и цветной.

Между точками и тире выдерживать два счёта, между буквами – шесть счётов, между словами – десять счётов.

Вы представляете себе, что должен был запомнить и знать простой солдат армии Российской империи? Простой солдат, не читающий газет и имеющий в основе своей церковно-приходское или сельское образование. Ладно просто сигналы флажками и руками, а потом и свистками. А как быть с азбукой Морзе? А вот в Уставе прямо прописано, что должен знать солдат для передачи и приёма сигналов.

Отзыв (понял, вижу) – тире (фонарь или флаг на 6 счётов).

Ошибка (не понял) – несколько точек (точка на 2 счёта, пробел на 2 счёта, точка на 2 счёта и так далее).

Пехота – четыре тире (6 счётов, 2 счёта, 6 счётов, 2 счёта, 6 счётов, 2 счёта, 6 счётов).

Кавалерия – тире, точка, тире.

Артиллерия – точка, тире.

Пулемёты – тире, точка, тире.

Цепь – тире, точка, тире, точка.

Резерв – точка, тире, точка.

Дозор (разъезд) – тире, точка, точка.

Вперёд (наступать) – точка, тире, тире.

Назад (отступать) – тире, точка.

Вправо – точка, тире, тире, точка.

Влево – точка, тире, точка, точка.

Стой – точка, точка, точка.

Противник – тире, точка, тире, тире.

Наши снаряды дают перелёт – точка, тире, точка, тире, тире.

Наши снаряды дают недолёт – точка, тире, тире, точка.

Наши снаряды уклоняются вправо – точка, тире, точка, тире, тире, точка.

Наши снаряды уклоняются влево – точка, тире, точка, тире, точка, точка.

Наши снаряды попадают хорошо – точка, тире, точка, тире.

Мне тоже пришлось зубрить эти сигналы, благо других способов передачи информации пока не было.

В конце апреля часть моей роты по железной дороге была отправлена в летние лагеря для приведения в порядок жилых помещений и полигонного оборудования для приёма кадетов.

В районе лагерей были и летние дачи некоторых офицеров, генералов и служилых людей различных ведомств. В посёлке было немало и местных жителей, присматривающих за дачами зимой, а в летний период, поставляющих дачникам молочные продукты, овощи и хлеб.

К лагерному сбору относится и старинный анекдот о событии, произошедшем именно в том кадетском корпусе, в котором учился рассказчик.

К начальнику лагерного сбора пришла старушка с жалобой на то, что солдатики вскрыли её погреб и съели всю сметану.

- Так, может, это не солдаты были, а кадеты? – спросил старый полковник.

- Что ты, батюшка, - замахала руками старушка, - какие кадеты, следы-то человеческие.

Периодически я на своей Зорьке выезжал посмотреть ход ремонтных работ, потому что здесь будут проходить мои экзамены, соревнования офицеров по военным видам спорта, которые превращаются в полковые праздники и массовые гуляния элиты и местного бомонда.

Для лошади это хорошая тренировка и для меня способ не забывать способы конного перемещения на большие расстояния. Это только в кино показывают, как человек скачет галопом целый день и к вечеру изнемогает сам и конь его тоже устал.

Нормальный способ передвижения на лошади – переменным аллюром. То есть пять-десять минут рысью, пять-десять минут шагом. При этом рысью лошадь проходит один километр за пять минут, а шагом тот же километр проходит за десять минут. Постоянно применяемые аллюры иногда называют репризами. Если мы берём репризы по десять минут, то путём их сокращения до пяти минут, мы можем пускать лошадь в полевой галоп на пять минут. Постоянная смена реприз не даёт лошади уставать и держит её в постоянной готовности к движению.

Кавалерийская подготовка преподаётся везде, даже в пехотных и артиллерийских училищах, потому что офицеры обязаны уметь обращаться с лошадью как с командирским средством передвижения, начиная с ротного звена, а у артиллеристов всё вооружение на конной тяге. А кто за всё отвечает и за всем следит? Правильно. Офицер. А мне это сам бог велел.

Корпус раньше был казачьим военным училищем, и генерал-губернатор Степного края был наказным атаманом Сибирского казачьего войска (СКВ), так что казаков в городе и губернии было предостаточно, но так как они относились к войскам иррегулярным, количество их в городе было небольшим за счёт штаба СКВ.

К майским праздникам, извините, это я по старинке, в то время в мае никаких праздников не было, разве что первого мая отмечался день основания кадетского корпуса в 1913 году, шестого мая был день рождения Его Императорского Величества (ЕИВ) Николая Александровича, а на девятое мая приходился День святителя Николая чудотворца. Двадцать первого была Троица, а двадцать пятого день рождения императрицы Александры Фёдоровны. Оба майские и на роду им предписано маяться. Дай им Бог долгих лет жизни. Выходит, что я погорячился, сказав, что в мае никаких праздников нет. Так вот, к майским праздникам лагерь уже должен быть готов к приёму воспитанников. Всё будет зависеть от погоды.

Глава 39

В лагерь выехали двадцатого числа мая перед самой Троицей и Духовым днём.

На Троицу были приглашены гости и организованы офицерские конные соревнования по преодолению препятствий и стрельбе.

Для гостей была отремонтирована веранда у манежа, а за манежем как раз было стрельбище. То есть зрители как в театре могли посмотреть лихость защитников Отечества и справа, и слева.

Сначала была стрельба. Из револьверов и винтовок.

В стрельбе из револьверов нам с капитаном Дёминым не было равных. Мы выбили по сорок девять очков из пятидесяти.

В стрельбе из винтовки я первенствовал. Сказались моя постоянные тренировки в казарме. Когда часто тренируешься, то наступает время автоматизма и взятие ровной мушки не составляет никакого труда вместе с

плавным нажатием на спусковой крючок. Пятьдесят очков из пятидесяти. Тут я капитана Дёмина обогнал на три очка.

Затем я представлял гостям новое оружие – пулемёт Максима. Вместе с коллежским регистратором Перевозчиковым мы установили его на повозку типа брички и закрепили металлическим болтами. Получилась самая настоящая тачанка. На расстоянии триста метров установили с десятков ростовых мишеней, изображавших противника. Один из моих солдат был возницей. Он лихо провёз меня перед верандой, а затем развернулся в сторону от мишеней, обеспечив мне направление для стрельбы. Я уже несколько раз стрелял из пулемёта и внёс коррективы в прицельные приспособления, то есть привёл оружие к нормальному бою. Мы стояли с левой стороны манежа, чтобы все могли видеть результаты стрельбы.

Сама стрельба была зрелищной. Было видно, как вздуваются фонтанчики земли в районе мишеней, треск стоял громкий, но при скорости в шестьсот выстрелов в минуту двухсотпятидесяти патронная лента закончилась очень скоро.

Солдаты, скрывавшиеся в окопчике в районе мишеней, выглянули из окопа и увидели на флагштоке красный флаг окончания стрельбы. Они взяли мишени и бегом притащили к командирской трибуне. Гостям тоже показали, что в каждой мишени было по несколько пробоин. Вообще, пулемёт Максим – это как винтовка, которая стреляет очень быстро и очень далеко.

На трибуне вместе с гостями сидели Марфа Никаноровна и Иннокентий Петрович с семьёй. Все энергично нам аплодировали.

Марфа Никаноровна приехала в компании с Иннокентием Петровичем, так как я не мог официально пригласить и представить её в качестве своей жены. Во-первых, мы не женаты, а во-вторых, я не мог жениться, так как в военные училища принимают неженатых мужчин до двадцати восьми лет и с соответствующим образованием. Если я женюсь до получения офицерского звания, то я автоматически лишаюсь права стать офицером. Вот так. Поэтому приходится маскироваться.

После небольшого перерыва начались конные соревнования. Нужно преодолеть десять препятствий и срубить три лозы. Меня допустили до соревнований лишь потому, что я являлся командиром роты и был как бы хозяином всего этого хозяйства. Кроме того, генерал Надаров очень хотел видеть меня в списке соревнующихся.

Всего было пятнадцать участников от капитана и ниже. Почти все они были кавалеристами, и я по сравнению с ними выглядел так, мальчиком среди взрослых, хотя я был не сильно моложе их и в стрельбе показал себя с наилучшей стороны.

Преодоление препятствий требует согласованных действий лошади и всадника. Суть заключается в следующем. В нормальном положении всадник находится по центру тяжести лошади. И всаднику хорошо и лошади незатруднительно. Когда лошадь поднимается вверх, то всадник наклоняется вперёд к шее лошади, чтобы снова быть по центру тяжести, а не опрокидывать лошадь назад. Если лошадь спускается с горы, то всадник должен отклоняться назад к крупу, чтобы сохранять центр тяжести, а не усиливать нагрузку на передние ноги лошади, чтобы они не подогнулись и лошадь упала. Вместе с всадником, естественно.

При прыжке лошадь приподнимается, как бы карабкается в гору, затем она летит горизонтально и затем как бы спускается с горы, приземляясь на землю. Всадник должен это чувствовать и в начальной фазе прыжка наклоняться вперёд, затем выпрямляться вертикально и потом отклоняться назад, чтобы снять нагрузку с передних ног лошади в завершающей фазе прыжка. Мы с Зорькой сработались на славу. Все препятствия были взяты легко и чисто, а вот на рубке третья лоза не упала, а осталась висеть, перерубленная на три четверти. Тем не менее, мне было присуждено третье место. Для меня это был отличный результат, ведь все остальные офицеры прошли полный курс кавалерийских училищ, а в кавалерии учат так, что, извините меня за выражение, у кавалериста жопа становится как подошва, а яйца – как башмак. А уж рубаки они заправские, хотя и у них бывают срывы.

На соревнованиях присутствовал генерал-губернатор Степного края генерал Надаров, поэтому чемпионам были вручены серебряные часы с дарственной надписью и государственным орлом на откидывающейся крышке. Часы именные, на крышке моих часов гравёр написал: «Зауряд-прапорщику Туманову О.В. за снайперскую стрельбу из винтовки». Призёрам были вручены различные подарки. За третье место посеребрённые подстаканники с надписью. Занявшим второе место вручили серебряные портсигары. Пустяк, а приятно.

Кстати, я всегда удивлялся, глядя на старые фотографии, зачем это солдаты и унтера выставляют напоказ часовую цепочку, выпуская её из нагрудного кармана. Оказалось, всё очень просто. Начальством было разрешено показывать цепочку призовых часов как ленточку (ribbon) ордена или медали. В германской же армии отличному стрелку, наезднику и другому специалисту вручался аксельбант с почётным знаком. Это было более наглядно и эстетично.

По окончании церемонии всех пригласили на фуршет под натянутым пологом. Для офицеров водка, женщинам вино. Закуска хорошая, как в моё время говорили, фермерская.

Гости навеселе пошли на железнодорожную станцию к вечернему поезду, а офицеры верхом поехали в город. Я поехал с группой офицеров.

- Господин зауряд-прапорщик, - обратился ко мне усатый казачий есаул, - действительно ли говорят, что вы ничего не помните из прошлой жизни?

- Ничего, - подтвердил я.

- А как же так получилось, что вы умеете читать топографические карты и рассчитывать конные переходы? – допытывался у меня казак, а все остальные офицеры внимательно прислушивались. – Как вы за один день из рядового превратились в зауряд-прапорщика? Как вы научились так стрелять из винтовки и револьвера? В армии находитесь без году неделя, а уже три боевые медали на груди. Уж не шпион ли вы, заброшенный откуда-то из-за границы?

- Знать бы из-за какой границы я заброшен? – улыбнулся я. – Мне бы кто-нибудь подсказал, может я бы тогда и вспомнил. А откуда вы всё это знаете? – спросил я.

- Да как не знать, - сказал есаул, - о вас только и разговоры, о стихах ваших, о подвигах разных.

- Боюсь, что не смогу удовлетворить ваше любопытство, господа офицеры, - сказал я. – Мне кажется, что всему этому я уже учился, поэтому стрельбы, командование ротой, преодоление препятствий для меня такое же естественное дело, как и то, что я еду и курю. Правда, как мне кажется, что курил я не папиросы, а сигареты с фильтром, и они были послабее нынешних папирос.

- Как это сигареты с фильтром? - спросил подполковник из штаба генерал-губернатора.

- Сигарета – это длинная папироса с маленьким мундштучком, - начал рассказывать я, - а в мундштучок вставлен специальный фильтр, который задерживает вредные вещества, образующиеся при сгорании табака.

- Какие ещё такие вещества? – заинтересовались ехавшие в группе офицеры.

- Например, - сказал я, - угарный газ, никотин, мышьяк и метанол. Все они вредны для организма, а никотин – это наркотик, который вызывает привыкание к курению.

- Тьфу, - сплюнул один из офицеров и бросил недокуренную папиросу. – А сами-то почему вы курите, если вредно? – спросил он с усмешкой.

- Привык, знаете ли, и бросить никак не могу, - сказал я, и все засмеялись.

Глава 40

Дата экзамена пришла долгожданная и неожиданная. Практику я сдал в лагерях, остались теоретические занятия. Для приёма теоретических экзаменов была создана специальная комиссия из офицеров штаба генерал-губернатора и преподавателей кадетского корпуса. Тогда назначение офицера на преподавательскую должность было повышением, а не местом для призрения офицеров, не годных для службы в строю.

Основной экзамен – на знание уставов. Тут я показал неплохие знания, благо уставы переходили из эпохи в эпоху и претерпевали небольшие изменения.

Экзамен больше напоминал беседу по различным вопросам. В вопросах тактики разговор пошёл об обороне подразделения, и я начал рассказывать о переходе к обороне в условиях неудачного встречного боя, об окапывании солдат в окопы для стрельбы лёжа, затем углубления одиночного окопа и соединения с соседними одиночными окопами и создания взводного опорного пункта. На доске нарисовал карточку огня стрелкового отделения и карточку огня взвода, чем явно заинтересовал моих экзаменаторов, сказав, что это моя разработка. Какая же это моя разработка, когда эту карточку любой наш командир взвода нарисует во сне. Однако, должен же я что-то полезное принести моей родине даже задолго до моего рождения.

В разговоре по огневой подготовке я дал высокую оценку боевым качествам винтовки образца 1891 года (конструктор капитан Мосин), но сказал, что будущее за автоматическим оружием, использующим отвод пороховых газов для приведения в действие автоматики винтовки и что лет через двадцать весь личный состав будет вооружён автоматическим оружием.

- Каждый солдат будет вооружён индивидуальным пулемётом? – засмеялся один полковник.

- Не пулемётом, а автоматом, - сказал я и нарисовал на доске схему автомата Калашникова и патрон для него. – Автомат по длине в два раза меньше винтовки, намного легче по весу и ёмкость магазина составляет тридцать патронов. Дальность стрельбы восемьсот метров, а наиболее действительный огонь на дальность до шестисот метров.

Я видел, как экзаменаторы перерисовывали эту схему в свои рабочие тетради и обменивались мнениями между собой.

- Вы все видели автоматический пистолет Пауля Маузера, разработанный в 1895 году, - продолжал я. - В пистолете использована автоматика отдачи свободного затвора при коротком ходе ствола. Такой же короткий ход ствола использован и в пулемёте Максима. Патрон системы Маузера подходит для

того, что сделать пистолет-пулемёт, который будет эффективным оружием ближнего боя и прогресс не остановить никому. Пистолет Маузера также показывает, что будущее личного оружия офицеров за пистолетами с ёмкостью магазина до двадцати патронов, которые будут настоящим офицерским оружием защиты и нападения.

Мои экзаменаторы с улыбкой покачивали головами и рисовали у себя рисунки, которые я рисовал на доске. Я не могу исключить того, что эти рисунки первыми попали за границу и предприимчивый Запад воспользовался этими идеями для перевооружения своих армий. Они вообще в отношении прогресса более восприимчивые, так как прогресс приносит им дополнительную прибыль. Как бы то ни было, но каждая новая идея подталкивает прогресс, возможно, что и я тоже являюсь одним из этих толкателей.

- А что вы скажете о православном характере нашей армии? – спросил меня давний «друг» протоиерей Сергей.

- Ничего плохого сказать не могу, - сказал я. – Считаю, что религиозное воспитание является составной частью воинского воспитания и служит повышению боевого духа и самоотверженности солдат в защите Веры, Царя и Отечества.

А как в отношении кавалерии? – задал вопрос казачий полковник.

Вопрос с подвохом.

- Кавалерия – это наша гордость, но она и гордость наших союзников и противников, - начал говорить я, размышляя, как бы не обидеть кавалеристов. – Всадник, который мчится галопом на своей лошади, чувствует, что он летит, поднятый в воздух божьим крыльями. – Я заметил, что казачьего полковника даже слеза прошибла, которую он смахнул украдкой. – Ближе лошади у нас нет существа, разве что собака, но на собаке в атаку не пойдёшь. А когда навстречу друг другу несутся две лавы, то тут и вспоминаешь, что ты защитник Веры, Царя и Отечества, у тебя прибавляется сил и твоя шашка, как молния, начинает разить врагов. Но в 1885 году немецкий изобретатель Готлиб Даймлер, а в 1886 году немец Карл Бенц сконструировали и запатентовали самодвижущиеся повозки на бензиновом двигателе. В 1900 году немецкий инженер Вильгельм Майбах построил гоночный автомобиль «Мерседес», который развивал скорость семидесяти пять километров в час. Лошадь рысью за час преодолеет двенадцать километров, а машина за этот же час проедет в шесть раз больше. А если на машину поставить пулемёт, то она разгонит кавалерийскую лаву и от неё не ускакать ни на какой лошади, а стальную броню не разрубить никакой шашкой. Наше будущее связано с моторами и будущая война будет война моторов. Но и это не всё. В 1903 году американские братья Райт изобрели летающий аппарат, на котором они в 1905 году совершили полет на расстояние

почти сорок километров. К будущей войне люди, вооружённые пулемётами, будут летать по воздуху и это будет очень грозным оружием. Наш Государь тоже озабочен развитием лётного дела в мире и пятнадцатого января сего года позволил основать Императорский Всероссийский аэроклуб.

Председательствующий на экзамене генерал-лейтенант Медведев поставил точку в нашей беседе.

- Я думаю, что фантастики достаточно, - сказал он. — Люди никогда по воздуху летать не будут, но вы очень занятно рассказываете, и я бы рекомендовал вам подумать о преподавательской работе в военном учебном заведении. Считаю, что экзамен прошёл хорошо, прошу всех членов комиссии представить на утверждение оценочные листы на совещании в четырнадцать часов. Вы свободны, господин зауряд-прапорщик, о результатах экзамена мы сообщим вам позднее.

Я вышел из аудитории в несколько подвешенном состоянии.

- Если мне присвоят первый разряд, - размышлял я, - то могут сразу дать подпоручика. По второму разряду – обойдутся прапорщиком. Если присвоят третий разряд – то это выпуск в подпрапорщики с ожиданием в один год офицерской вакансии и присвоения звания после повторного испытательного экзамена. Но уж ниже второго разряда не будет.

Через час меня вызвали на заседание экзаменационной комиссии, и генерал-лейтенант Медведев торжественно зачитал, что по единогласному решению комиссии экзамен мною выдержан с оценкой отлично и я считаюсь окончившим полный курс военного училища по первому разряду. Поздравляю вас. Протокол будет направлен в военное министерство для подготовки указа ЕИВ о присвоении офицерского звания.

Я чётко козырнул, сделал классический поворот кругом, щёлкнул каблуками и, печатая шаг, вышел из аудитории. За дверями я сжал в кулак согнутую руку и про себя закричал: уррааа!!! Примерно так же, как я сдал последний госэкзамен в училище и мне было присвоено звание лейтенанта.

Выйдя из корпуса, я пошагал домой, чтобы обрадовать хозяйку успешной сдачей экзамена. Встречавшиеся военные козыряли мне, я козырял им и вдруг слышу сзади крик, срывающийся на фальцет:

- Подпрапорщик, ко мне! Бегом!

Посмотрел вокруг, подпрапорщиков поблизости нет. Возможно, что обращение ко мне. Поворачиваюсь. Молоденький хорунжий. Лет двадцати. От горшка два вершка. Ростика максимум метр шестьдесят вместе с кепкой. Подошёл к нему, козырнул, а он начал распинаться, почему я не встал во

фрунт, чтобы приветствовать его, проходящего мимо меня, что он меня отправит на гауптвахту и сам лично сорвёт с меня неположенные элементы офицерского мундира. Краем глаза заметил, что недалеко стоят три девицы и подхихикивают, другие обыватели стали останавливаться, чтобы посмотреть, кто там из блестящих павлинов верх возьмёт.

Я так аккуратно сказал хорунжему, что я не подпрапорщик, а зауряд-прапорщик, находящийся на офицерской должности и что я являюсь командиром роты в кадетском корпусе, а посему я не подчиняюсь ему и, если у него есть вопросы, он может их выяснить у директора кадетского корпуса. Получалось всё как в стихотворении Твардовского о Ленине и печнике.

*- Эй ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! -
Да с плеча на всю округу
И поехал, и понёс.*

*Разошёлся.
А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
- Хорошо ругаться можешь! -
Только это и сказал.*

*Постоял ещё немного,
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.*

*Но печник - душа живая, -
Знай меня, не лыком шит! -
Припугнуть ещё желая:
- Как фамилия? - кричит.*

*Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
- Ленин, - просто отвечает.
- Ленин! - Тут и сел старик.*

Мои спокойные слова только разозлили хорунжего, и он просто начал беситься. В советские времена я бы ему просто махнул с левой и все вопросы были бы решены, но в императорской армии наносить оскорбление офицеру было непозволительно. Поэтому я взял кулаком за его ухо и повёл в сторону корпуса, благо он был недалеко. Завернув за угол металлической ограды, я дал хорошего пинка хорунжему и ушёл в корпус.

Такой день был хороший и нашёлся идиот, который всё испохабил.

На следующий день меня вызвали к директору корпуса.

- Что это, голубчик, - сказал генерал, - жалобы на вас сыплются со всех сторон. Вот, казаки на вас жалуются, хорунжего, заведующего буфетом в Офицерском собрании, оскорбили, - и он показал на сидевших за столом полковника и хорунжего с опухшим ухом.

- Да кто же его оскорблял? – удивился я. – Это он всех оскорблял и способствовал падению авторитета офицера российской императорской армии. Я его просто проводил до ограды кадетского корпуса, чтобы уйти от любопытных зевак, и затем сам ушёл в корпус.

- А кто меня за ухо драл и ещё пинка под зад отвесил? – заныл хорунжий. Это он, конечно, зря сделал.

- Ваше превосходительство, - сказал я, - я ему не отец, чтобы за уши драть и не старший товарищ, чтобы пинка под зад давать, но поведение его благородия господина хорунжего совершенно не соответствовали нормам взаимоотношений между военнослужащими. Если бы я его оскорбил, то у него на боку была пашка, с помощью которой он мог защитить свою поруганную честь. Если у него есть такое желание, то я могу предоставить ему такую возможность.

Генерал с полковником переглянулись и выслали меня и хорунжего из кабинета. Хорунжий глядел на меня таким волком, что готов был съесть меня вместе с сапогами.

Минут через десять полковник вышел из кабинета, козырнул мне, я образцово вскочил и щёлкнул каблуками. Когда они надевали шапки, я видел, как полковник показал увесистый кулак хорунжему. У них порядки простые.

После их ухода я зашёл в кабинет директора корпуса.

- Вы в рубашке родились, - сказал мне директор. – Если бы не газета, то я и не знаю, что бы мне пришлось делать. Ваши эпoletы могли быть под вопросом. – Он показал мне на газету на столе.

Вездесущий корреспондент в красках расписал, как молоденький хорунжий налетел на известного поэта и офицера кадетского корпуса Туманова. Надоев выслушивать оскорбления, Туманов взял хорунжего за ухо и поставил его в угол около ограды кадетского корпуса.

Как я потом узнал, хорунжий из полка не ушёл, но ему пришлось покинуть губернский центр и уехать служить в отдалённый улус Степного края. Возможно, что строевая служба в глуши сделает из него нормального человека.

Глава 41

Сдачу экзамена мы отмечали в ресторации «Иртыш». Мы это я с Марфой Никаноровной, Иннокентий Петрович и Иванов-третий с супругами.

На столе уха из стерляди, копчёная осетрина, бифштексы из говядины с жареными грибами, грузди солёные, шиповный отвар и на десерт кофе с пирожными. Мужчинам коньяк, дамам вино. Дамы разрешили мужчинам курить, и мы задымили после первого тоста за успешную сдачу экзамена.

- Кстати, - заметил Иннокентий Петрович, – через месяц Марфа Никаноровна сдаёт экзамен на получение квалификации младшего врача, так что экзамены идут один за другим. Давайте выпьем за успехи Марфы Никаноровны.

Мы с удовольствием выпили и закусили.

- Вы не собираетесь менять квартиру? – спросил меня Иванов-третий.

Все повернулись ко мне, потому что вопрос был не праздный. После получения офицерского звания для меня включался целый ряд ограничений. Будучи зауряд-прапорщиком, то есть старшим из сверхсрочных подпрапорщиков, мне не возбранялось снимать квартиру в районе проживания небогатых людей, а в офицерском состоянии в условиях большого города офицер должен иметь достойное жилье, пусть и скромное, но в престижном месте и в престижном здании, либо иметь свой частный дом.

Офицеру предоставлялось право иметь одну лошадь с экипажем, не облагаемые городским налогом. А лошадей сверх того - на общих основаниях с горожанами.

Офицеры не имели права принимать участие в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а также в акционерных и частных кредитных учреждениях (банках). Даже если они были уволены в запас или отставку с правом ношения военного мундира. Запрещалось участвовать в чествованиях, носящих общественный характер и брать в долг деньги у нижних чинов.

Офицер мог вступить только в пристойный брак, причём вопрос пристойности брака рассматривался командиром полка. Но во всех случаях

считались непристойными браки с проститутками, актрисами, еврейками, женщинами скандальной известности, разведёнными и эмансипированными женщинами, а также занимающимися литературной и журналистской деятельностью. И офицер мог вступать в брак при наличии реверса, то есть суммы, позволяющей ему достойно содержать свою семью.

Вопрос о нас с Марфой Никаноровной был задан вовремя, и он совершенно не праздный. Я посмотрел на Марфу Никаноровну и сказал, что пока не думал над этим вопросом, но всё равно найду его решение.

Вечером мы обсуждали этот вопрос Марфой Никаноровной. Мы оба понимали, что условности общества не позволят нам продолжать жить так, как мы жили до этого дня. Мы переходили из сословия в сословие. Я переходил в категорию офицеров, а она переходила в категорию медицинских работников, причисляемых по Табели о рангах к четырнадцатому или двенадцатому классу, то есть либо к коллежским регистраторам или губернским секретарям, и, будь она мужчиной, то именовалась бы Вашим благородием и носила мундир с одной или двумя звёздочками на одном просвете. И препятствием является отсутствие у меня реверса, то есть имущества, принадлежащего лично мне или моей невесте. Это имущество должно приносить годовой доход не менее двухсот пятидесяти - трёхсот рублей. Или же у меня должен быть банковский вклад в размере пяти тысяч рублей и должно быть указано, что я имею право снимать со счета не более трёхсот рублей в год. Правило реверса распространялось только на офицеров, но не касалось армейских чиновников и военных врачей.

Всё это я рассказал Марфе Никаноровне. Я получал как прапорщик по должности семьсот двадцать рублей в год. Шестьсот рублей оклад, добавочные сто двадцать. В месяц выходило по шестьдесят рублей. В должности и вообще в армии я нахожусь менее года. Где взять деньги, чтобы мы могли пожениться? Собственно говоря, я ей обязан всем. А кроме того, она такая женщина, в которую невозможно не влюбиться, так что нужно думать над тем, где взять реверс.

Марфа Никаноровна сказала, что отец ей завещал хранимые на чёрный день деньги и их должно хватить, чтобы создать банковский реверс.

- Ну да, - возразил я, - ты даёшь мне деньги, я кладу их в банк, а что я о себе подумаю, как о мужчине, не способном содержать семью, ты подумала? Начнём не так. Сначала я открою себе банковский счёт, а потом будет ясно, что и как. Я и так не плачу тебе за квартиру, хотя официально проживаю у тебя квартирантом.

- Давай не будем о деньгах, - сказала Марфа Никаноровна, - деньги всегда вбивают клинья в отношения людей, и я не хочу, чтобы деньги нас разлучили. Ты же приносишь деньги и отдаёшь их мне. Какие тут могут быть счёты?

Она права. Я сначала всё выясню, а потом приступим к действиям.

Год этот выдался предельно насыщенным. В пятницу тринадцатого числа я шёл в корпус из казачьего собора и обнаружил за собой слежку в виде господина, одетого как шофёра у британского лорда. Шофёрская выправка привлекла моё внимание. Офицерская выправка вряд ли бы бросилась в глаза, а вот чопорная неестественность так и резала глаз.

- Неужели проделки господина Скульдицкого, чтобы не мытьём, так катанием перетянуть меня в Отдельный корпус жандармов после сдачи мною экзаменов за курс военного училища, - подумал я и успокоился. Когда всё понятно, то можно не беспокоиться и не делать глупостей в виде ухода от слежки или хулиганства в отношении филёра.

Странности начались неподалёку от контрольно-пропускного пункта кадетского корпуса. Я увидел практически копию того же человека, который следовал за мною по пятам на расстоянии трёх-четырёх метров. Этот шёл прямо на меня. А на краю тротуара стояла девица с белым гипюровым зонтиком и что-то крысиное было в чертах её лица. Именно это меня поразило больше всего.

Когда я поравнялся с ней, она бросила мне под ноги белый платок, обшитый кружевами. Реакции мне не занимать и платок ещё не долетел до земли, как был подхвачен мною, резко согнувшись пополам. Схватив правой рукой платок, а левой рукой падающую с головы фуражку, я услышал над собой стрельбу и резко отпрыгнул в сторону.

Два «шофёра» с револьверами в руках валялись на тротуаре и корчились от боли. Я выбил ногой револьвер у одного из них и с шашкой наголо бросился к другому. Тот сам отбросил револьвер от себя.

Оглянувшись по сторонам, я не увидел девушки с крысиными чертами лица. Её как ветром сдуло. Зато ко мне бежали солдаты моей роты с контрольного-пропускного пункта и два городских, высвистывая только им понятную трель тревоги. Похоже, что девушка и спасла меня. Она была в составе группы террористов и вела контрнаблюдение за обстановкой. Брошенный платок являлся сигналом, что всё в порядке и можно приступать к делу. Если бы не этот платок, то книга закончилась бы этой строчкой. Хотя, почему именно этой строчкой? Она вообще могла бы не начаться.

По факту случившегося было проведено узкое совещание у генерал-губернатора Степного края.

- Похоже, что это привет за Анненскую медаль, - сказал генерал Надаров.
— А всем господам офицерам желательно постоянно иметь при себе личное

оружие для скрытого и открытого ношения. Пусть знают, что мы всегда дадим им достойный отпор.

День шёл за днём и настало время экзамена у Марфы Никаноровны. Она хирургическая сестра с образованием и опытом, а специализированные курсы дают врачебную квалификацию. Я не сильно разбираюсь во врачебных квалификациях, но она должна получить категорию младшего врача. Упорство, моя помощь и поддержка помогли.

Вручение Марфе Никаноровне диплома совпали с вручением указа о производстве меня в поручики с причислением к армейской пехоте, о чём настоятельно просил генерал-губернатор Степного края генерал Надаров в прошении о производстве. Это было нечто. Моя должность, награды, ходатайство жандармского управления и вот, представьте себе – поручик!

И снова кабинет генерала Надарова. И снова там генерал-лейтенант Медведев и подполковник Скульдицкий.

- Иди, молодец, сюда, - сказал генерал, - посмотрю я на тебя, какой ты стал. Если так пойдёт, то ещё при нашей жизни в военные министры выйдешь, нас, стариков, песочить будешь. Сперанский, подойдите сюда, - позвал генерал своего адъютанта, - помогите нам погоны новые надеть.

Погоны надеваются очень просто. Пуговица на шнурке. Развязывается узелок, снимается пуговица и погон уже снят. Надевается точно так же. В обратном порядке надевается новый погон, в отверстие продевается шнурок с пуговицей, шнурок продевается в отверстия на кителе, шнурок завязывается и всё готово.

Приятно получать золотые погоны. Когда я в первый раз получил золотые погоны, то я как лошадь постоянно осматривал их, не поворачивая головы.

- А вот это ещё подтверждение вашего офицерского состояния, - сказал генерал-губернатор и вручил мне эполеты с тремя звёздочками.

- Служу Царю и Отечеству! – сказал я.

- Не посрами нас, сынок, - напутствовал меня генерал Надаров.

Вышедший вслед за мной подполковник Скульдицкий сказал, что по частным данным, за моё производство в поручики перед царём ходатайствовал и сам святой старец Григорий Ефимович Распутин.

- Вы-то откуда старца знаете? - недоумевал жандарм.

- Да как-то так, познакомились на съезжей в полицейском участке, - рассказал я, - он был арестован по хлыстовскому делу в прошлом году. Поговорили с ним малость, дал ему внушение, чтобы не охальничал, но я не говорил, кто я такой, вот что удивительно.

- Да уж, - согласился Скульдицкий, - тут без Божьего промысла не обошлось. Только вы не зазнавайтесь и, если что, помогите жандармскому корпусу одолеть революционную заразу.

- Если сами не будете плодить революционеров, то помогу, - пообещал я.

- Хочу предупредить, - сказал подполковник Скульдицкий, - что трое почтенных членов городского общества готовились вызвать вас на дуэль. Всё ожидали, когда вас произведут в офицеры и вас можно будет вызвать на дуэль.

- За что? — изумился я.

- За ваши стихи, - улыбнулся подполковник. — Жены этих господ прямо-таки страдали по вам и вызвали неуёмную ревность в супругах. И эти же жёны уговорили мужей отказаться от этой затеи, сказав, что у них нет никаких шансов остаться в живых.

- Сколько же старорежимной глупости остаётся в обществе, - сказал я. — Вместо дуэли можно просто набить морду, и честь защищена, и кровь из носа пустили.

Прямо из генерал-губернаторства я поехал на извозчике на вокзал, чтобы встретить Марфу Никаноровну, возвращающуюся из Тобольска после сдачи экзаменов.

Сначала Марфа Никаноровна пыталась обойти меня на перроне стороной, выглядывая, вероятно, меня, но не находя взглядом.

- Сударыня, - остановил я её, - это же я вас встречаю.

Если бы не условности, то Марфа Никаноровна бросилась бы ко мне на шею и повисла на ней, сообщая об успешной сдаче экзаменов.

Взяв чинно меня под руку, она степенно пошла по перрону, неся в правой руке коричневый медицинский саквояж.

Многие люди мечтают стать богатыми. Иметь много денег и жить в своё удовольствие, ни о чём не думая. Но эти люди никак не могут понять, что вместе с деньгами приходят и многочисленные обязанности, связанные с сохранением и умножением капиталов, а также с большими расходами на содержание того, что успели приобрести. А потом капиталы нужно защищать от

тех людей, которые точно так же, как и вы продолжают мечтать о богатстве, не останавливаясь ни перед чем, для получения его.

С получением офицерского чина я переходил в другой социальный слой и должен соответствовать существующим там правилам. И Марфа Никаноровна, как гражданская жена, уже не имеет места рядом со мной и жениться мне можно только при накоплении реверса и сколько на это уйдёт времени? Её отец оставил переходящий горшок с накопленными богатствами. Я боюсь этого горшка, потому что деньги портят все человеческие отношения, но как мне поступить по-другому, если я постоянно хочу быть рядом с ней? Зато как было смешно, когда она вокзале всё пыталась обойти стороной поручика, мешающего ей найти своего встречающего мужа в скромных погонах зауряд-прапорщика. А потом оказалось, что этот поручик и есть я муж.

Когда я начал объяснять ей, что такое армейская пехота, то она совсем запуталась. Зато уже потом выучила, что первый полк пехотной дивизии носил красные погоны, красные петлицы и красный околыш на фуражках. Второй полк тоже носил красные погоны и синие околыши и петлицы. Зато третий полк уже носил синие погоны и белые петлицы и околыши. И четвёртый полк носил синие погоны, но зато петлицы и околыши были мундирного сукна. И для всех общими были красные канты. В других войсках ещё больше напутано. У казаков десять войск и у всех цветные фуражки и околыши, лампасы и петлицы. Прямо карнавал какой-то.

Глава 42

На извозчике мы приехали домой и тут дали себе волю нашим чувствам.

- Поздравляю нового младшего врача, - сказал я и поцеловал Марфу Никаноровну.

- Поздравляю господина поручика, - сказала Марфа Никаноровна и поцеловала меня.

Я читал её диплом, а она гладила мои эполеты. Очень хорошо, когда хорошие события совершаются сравнительно часто. Если они не совершаются сами, то их нужно совершать самим. Допустим, принести любимой женщине кофе или чай в постель. Устроить праздник и повести свою даму в ресторан или в театр.

Моя рота и офицеры корпуса были в изумлении. Был зауряд-прапорщик с одинокой звёздочкой на продольном офицерском галуне вдоль погона офицерского образца, и вдруг стал поручиком с тремя серебряными звёздочками на золотом с красным кантом погоне с одним красным просветом.

Рота меня поздравила и вообще задрала нос, типа, смотрите, какой у нас командир.

Представился заместителю директора корпуса по строевой и учебной части. Зашёл к капитану Демину, подполковнику Шмидту в кадровое отделение.

У Карла Ивановича я поинтересовался, как быстрее собрать реверс молодому офицеру.

- Скажу вам по секрету, - сказал подполковник Шмидт, - наверху прорабатывается вопрос об отмене реверса вообще и о представлении офицерскому собранию права определять пристойность женитьбы офицера. Так что, мой вам совет – подождите немного, если нет никаких форс-мажорных обстоятельств, то ваша женитьба не будет такой уж обременительной, кроме того ваше жалование на должности командира роты увеличится до тысячи рублей в год. Кстати, вы когда собираетесь посетить Офицерское собрание?

- Не знаю, господин подполковник, я всё-таки из нижних чинов и не хочу попасть в неловкое положение, когда аристократы откажутся подавать мне руку для приветствия, - сказал я. - Если будет приглашение, то я обязательно приду. Но для получения приглашения кто-то должен рекомендовать меня, стать поручителем

- Вообще-то вы правы, - сказал Карл Иванович. – До полного демократизма в офицерском обществе пока далеко. Я при случае намекну Александру Ардалионовичу, он обязательный член Окружного офицерского собрания и к вам явно благоволит.

Диплом Марфы Никаноровны и мои погоны «обмывали» в ресторации «Иртыш» в прежнем составе.

Иннокентий Петрович сетовал на то, что Марфу Никаноровну могут перевести в другую больницу как дипломированного врача, а он так привык, что она постоянно ассистирует ему.

- Буду просить, чтобы её оставили в нашей больнице младшим врачом, - сказал Иннокентий Петрович, - хотя не всю же жизнь она будет в этой должности. Да и вы, господин поручик, тоже долго не задержитесь на одном месте. Вы так стремительно растёте, что через год-два уедете в Николаевскую военную академию и будете потом генералом, забыв наши весёлые посиделки в этой ресторации.

- Нет, друзья, - сказал я, - пока я никуда не собираюсь. Но на будущий год мы обвенчаемся с Марфой Никаноровной и будем жить здесь. Сами понимаете,

что я сейчас стал человеком подневольным и мне нужно копить реверс для женитьбы.

- А мы женились без всякого реверса, - сказала жена Иванова-третьего.

- Э, матушка, - сказал её супруг, - армейский офицер это не полицейский или медицинский чиновник. У них всё по-особому.

Дома Марфа Никаноровна сказала, что мы сейчас будем заниматься земляными работами и принесла мне какие-то старые вещи, чтобы я их надел.

Я спустился в погреб и по команде Марфы Никаноровны стал осторожно копать землю при помощи полового ножа (это такой массивный тупой кованый нож, которым хозяйки выскребали дощатый пол во время мытья, делая половицы белоснежно чистым) в северной части погреба. На глубине примерно в тридцать сантиметров нож натолкнулся на что-то твёрдое. Осторожно обкопав это что-то твёрдое, я достал небольшой, но тяжёлый глиняный горшок, крыночку, завязанную просмолённой бумагой.

Передав горшок Марфе Никаноровне, я вылез из погреба.

- Давай, открывай, - сказала Марфа Никаноровна.

Я снял просмолённую тряпку и увидел в горшке золотые монеты. Мы их пересчитали. Ровно сто штук империалов (монета в десять рублей) различных годов чеканки, вероятно, собиралось не одним поколением ремесленников – предков Марфа Никаноровна.

Если посчитать, то это получается ровно тысяча золотых рублей. Огромная сумма, если учесть, что один золотой рубль обменивался на два рубля двадцать копеек ассигнациями, то получалось две тысячи двести простых рублей. Сколько лет эти деньги, как таланты были зарыты в землю, не принося дохода своим владельцам? Можно сказать, что это прямой убыток, хотя это и способ сохранения заработанных капиталов. Каким образом они заработаны, об этом знает только один Господь Бог.

Как только 29 июля 1914 года была объявлена мобилизация, появилось распоряжение министерства финансов № 2096, которым прекращался свободный размен бумажных денег на золото. И мгновенно по всей России исчезли из обращения 629 миллионов золотых рублей, а валютные спекулянты стали обменивать сто золотых рублей по курсу восемьдесят пять или девяносто простых рублей. Так что владельцы золотых рублей потеряли и здесь, зато заработали спекулянты.

Я рассказал Марфе Никаноровне, что, если начнётся война, а она начнётся обязательно, правительство запретит хождение золотых монет и пользование ими будет сопряжено с убытками.

Второе. Через несколько лет мы всё равно уедем отсюда, так как для продолжения карьеры нужно будет поступать в академию Генерального штаба (ГШ). Это три года жизни в Петербурге. Затем будет перевод в один из военных округов. Затем ещё. То есть, если она выйдет за меня замуж, то ей придётся ездить вслед за мной по местам службы. Поэтому обзаводиться здесь недвижимостью не имеет смысла. Деньги лучше всего положить в Сберегательный банк, дом придётся продать, а после венчания она переедет на нашу съёмную квартиру в городе. Моё жалование увеличится примерно до одной тысячи ста рублей в год, и мы сможем нормально жить, подкапливая деньги на чёрный день.

- Делай как знаешь, - сказала Марфа Никаноровна, - ты у меня хозяин и я тебе доверяю во всём.

На следующий день Марфа Никаноровна открыла счёт в Сберегательном банке и положила туда две тысячи рублей. Я снял двухкомнатную квартиру в доходном доме на Атаманской улице и в газете «Губернские ведомости» появилось объявление о продаже деревянного дома по месту проживания Марфы Никаноровны.

Рубикон перейдён.

Я официально объявил нашим друзьям, что мы собираемся сочетаться официальным браком и создавать семью. Дома Марфа показала, где спрятан семейный клад, и мы его выкопали. Деньги совершенно не изменили меня и мои чувства к ней. По слухам, реверс для женитьбы скоро будет отменён.

Глава 43

Получил официальное приглашение посетить Офицерское собрание штабов и управлений Сибирского военного по адресу такому-то.

Подполковник Шмидт сообщил о времени прибытия и что меня будет представлять директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Александр Ардалионович Медведев. Форма одежды парадная, при орденах.

На следующий день в газете «Губернские ведомости» появилось моё стихотворение, рассчитанное на заслуженных офицеров предотставочного возраста.

*Мой старый конь стоит устало,
Жуёт овёс в своём станке,
Служил в войсках мой конь немало
При неизменном седоке.*

*Он помнит дрожь перед атакой
И свист клинка над головой,
Затем в загон походкой шаткой,
А ночью слышен волков вой.*

*Он помнит шумные парады,
Когда гремит оркестров медь,
Овёс отборный как в награду
И настроенье - песни петь!*

*Затем опять идёт рутина,
Манеж, направо, рыссыю - марш!
Сюда приходят как картины
Весь дамский свет и шляп плюмаж*

*Нам будто силы добавляет
И конь с поднятой головой
Орлом пред дамами летает
Или танцует перед той,*

*Что сводит всадника с ума
Лицом красивым, томными глазами,
А на балах - дерзка, умна,
Но пленена гусарскими усами.*

*Всё это было так давно,
Течёт неумолимо наше время,
И конь уйдёт мой с табуном,
Последний раз ступаю в стремя.*

*Прощай, мой старый конь,
Не плачу я, соринка в глаз попала,
К твоим губам я приложил ладонь,
Иди, где наша не пропала?*

В назначенный час я был в Офицерском собрании неподалёку от гарнизонной гауптвахты и крепости, где содержался заключённый Фёдор Михайлович Достоевский.

Я в парадной форме с эполетами и начищенной медалью «За храбрость» третьей степени (по статуту офицер носил только высшие степени Георгиевского знака отличия), Анненский знак и так сверкал позолотой, с шашкой на парадной портупее стоял в сторонке и дожидался приезда генерала Медведева, козыряя старшим офицерам и отвечая на приветствия младших офицеров. В той армии отдача чести являлась делом чести и неотдание чести расценивалось как посягательство на честь. А вы знаете или помните, что делалось в Советской Армии моего времени? Неотдание чести расценивалось как знак доблести нарушителя воинской дисциплины. Танкисты не приветствуют артиллеристов, пехота не приветствует кавалеристов, кавалеристы не приветствуют тыловиков, тыловики не приветствуют вообще всех, и это показатель не только деградации армии, но и деградации всего государства, которое не в состоянии иметь дисциплинированную и боеготовую армию, способную во взаимодействии всех родов войск разгромить любого врага.

Уважения между офицерами достигнуть нельзя, это живые люди. Неисполнение правил отдания чести можно искоренить за пару месяцев. Офицера, не отдавшего честь старшему по званию офицеру, арестовывать на двадцать суток; нижнего чина, не отдавшего честь офицеру, арестовывать на два месяца с содержанием в штрафных (дисциплинарных) батальонах. И о каждом таком случае сообщать в приказе Главного штаба с доведением под роспись до каждого офицера и каждого нижнего чина (в части касающейся).

Я вошёл в собрание вслед за директором корпуса. Швейцар в чине младшего унтер-офицера принял от нас шашки и выдал номерки.

Собрание проходило в библиотеке.

Чтобы незнающим было яснее, поясню, что при офицерских Собраниях по мере возможностей учреждались: библиотека, столовая, фехтовальный зал, гимнастический зал, бильярд, стрельбище и тому подобное, в которых проводились (устраивались) танцевальные и музыкальные вечера, домашние спектакли, лекции, сообщения, разборы и решения тактических задач и прочие мероприятия.

В офицерских собраниях были запрещены маскарады и азартные игры.

За столом президиума сидели старшие действительные члены офицерского Собрания в генеральских чинах.

Действительными и обязательными членами офицерского собрания были все штаб- и обер-офицеры, служащие в части (частях), образовавших это Собрание.

Там же были временные члены офицерского собрания (военные врачи и военные чиновники, занимающие в частях штатные должности, офицеры, состоящие в запасе, и другие) и гости офицерского собрания (это могли быть как военнослужащие, так и гражданские лица, но они вводились в офицерское собрание только по рекомендации действительных членов офицерского собрания).

Семейства членов офицерского собрания и гостей допускали только в особо назначенные для того дни и часы.

На повестке дня стоял один вопрос: принятие в члены Офицерского собрания штабов и управлений Сибирского военного округа поручика Туманова Олега Васильевича.

С сообщением выступил генерал-лейтенант Медведев Александр Ардалионович.

- Уважаемые члены офицерского Собрания, уважаемые гости, - сказал он, - имею честь представить офицерскому Собранию подчинённого мне офицера, командира роты обеспечения учебного процесса кадетского корпуса поручика Туманова. К нам он попал после бандитского нападения на него, потерявшим память и без всяких документов, но с офицерской выправкой, знанием военной теории и практики и наличием военных навыков. Большинство из вас знает, что на последних офицерских соревнованиях он занял первое место в стрельбе из винтовки, второе место в стрельбе из револьвера и третье место в конных соревнованиях. Перед поступлением на военную службу он подтвердил свои знания по полному курсу классической гимназии и по полному курсу классического университета, о чём получил соответствующие аттестаты и дипломы. В штатский период он спас от нападения террористов офицера полиции и сам подвергся нападению террористов, дав им соответствующий отпор, за что от имени ЕИВ генерал-губернатором Степного края награждён медалями за храбрость четвертой и третьей степеней. Поступив на военную службу в качестве рядового вольноопределяющегося, разоблачил уголовного бандита в составе роты учебного обеспечения и на следующий день принял командование ротой с беспрекословным подчинением и уважением всех нижних чинов. В этот же день генерал-губернатор Степного края, пользуясь своими правами, присвоил ему чин зауряд-прапорщика. Во время командования ротой проявил себя деятельным и инициативным командиром. В течение года подготовился и сдал экзамены за полный курс военного училища по первому разряду. Указом ЕИВ зауряд-прапорщику Туманову за особые заслуги в командовании ротой и наличие высшего образования был присвоен

чин поручика. Высокая эрудиция и энциклопедические знания позволили ему дать рекомендацию жандармскому управлению по разгрому руководящего звена революционных сил в России, за что он был награждён Анненским знаком отличия за заслуги. Поручик Туманов ещё и поэт, чьи стихи вызывают несомненный интерес у большинства читателей наших губернских газет.

Господин поручик, подойдите сюда и ответьте на вопросы офицерского Собрания. Прошу господа офицеры задавать вопросы и высказать своё мнение по воду принятия поручика Туманова в действительные члены Собрания.

Я вышел перед Собранием и автоматически щёлкнул каблуками. Вероятно, что все шпионы, работающие во вражеском стане в качестве гражданских лиц, тоже автоматически щёлкают каблуками.

Многих офицеров я уже знал по офицерским соревнованиям, встречам в корпусе и в штабе генерал-губернатора.

Встал знакомый казачий полковник.

- Господин поручик, вы вот тут опубликовали проникновенное стихотворение о старых лошадях. Вы по-прежнему будете утверждать, что кавалерия как род войск скоро отойдёт в небытие, а коней пустят на колбасу?

- Не скоро, господин полковник, но лет через двадцать кавалерия останется только у Отдельного корпуса пограничной стражи и корпуса Военных топографов. Артиллерия ещё долго будет на конной тяге и службы снабжения будут повсеместно использовать лошадей. У каждой походной кухни будет своя лошадь. Но в целом вся армия будет пользоваться моторами для перевозки войск, дивизий самоходных орудий и армий самолётов.

Молодёжь зааплодировала.

Встал один из подполковников, бывших у меня экзаменаторами.

- Господин поручик, вы рассказывали о будущем автоматического оружия и о том, что у каждого солдата будет свой автомат. Не получится ли так, что чрез несколько дней войны наша армия окажется вообще без патронов?

Смех в зале.

- Господин подполковник, автоматизация производства патронов позволит нам выпускать не менее одного миллиона патронов в день. Вторичное использование гильз удвоит эту цифру. Но и солдаты не будут стрелять целыми днями. При отражении атаки достаточно создать плотность огня не менее десяти пуль на погонный метр фронта и тогда ни один враг не сможет захватить наши позиции.

В прошлом 1907 году капитан Владимир Григорьевич Фёдоров на Ружейном полигоне Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме испытал автоматическую винтовку на базе системы капитана Мосина. И это только начало.

Аплодисменты молодёжи.

Молодой подпоручик.

- Господин поручик, как вы пишете стихи?

- Не знаю, господин подпоручик, писать стихи по заказу – это даже трудно выразить цивилизованными словами. Должно быть вдохновение. Иногда стихи могут присниться, нужно обязательно встать и записать их, потому что утром вы их никогда не вспомните. И я ещё дам вам совет: если вы можете не писать стихи, лучше не пишите их.

Общий смех в зале.

Вопрос ещё одного подпоручика.

- Господин поручик, как вы относитесь к несправедливостям, которых вполне достаточно в военной службе?

- Господин подпоручик, - сказал я, несколько мгновений подумав над ответом, - скажу вам по-солдатски и прямо. Когда я был в первый раз поручиком, старые офицеры на этот же вопрос отвечали нам вот этим стихом. Женщин в зале нет? Ваше превосходительство, заранее приношу свои извинения. Нервы свои зажди в узду, на трудности службы не ахай, есть двадцать пять – посылай всех в пи*ду, нет – сам иди на х*й.

Зал замер. Затем послышался общий вдох воздуха и который сменился хохотом и топаньем сапог и штиблетов о паркетный пол. На хохот стали заглядывать нижние чины и буфетчики.

- Я же говорил, что он нашей породы, - вытирал слезы казачий есаул, хлопая руками по шароварам с лампасами.

Смех кое-как утихомирил генерал-лейтенант Медведев, сам смеявшийся наравне со всеми.

Встал капитан.

- Господин поручик, когда вы собираетесь жениться?

- Видите ли, господин капитан, по существующему порядку мне потребуется не менее десяти лет для создания реверса. Вопрос будет состоять в

том, дожждётся ли моя невеста того времени, когда у меня накопится сумма в пять тысяч рублей. Если реверс будет отменён, то в двадцать шесть лет офицер уже должен быть женатым.

Снова аплодисменты и снова из среды молодых офицеров.

Встал молодой подпоручик.

- Господин поручик, у вас есть университетское образование. Будете ли вы поступать в Николаевскую академию Генерального Штаба (ГШ)?

- Университетский диплом не является последней точкой в образовании. Каждый офицер стремится делать карьеру и двигаться дальше по службе. Я тоже буду пытаться поступить в академию и научиться управлять большими массами войск для защиты Отечества.

Аплодисменты молодых офицеров и офицеров с сединой.

Встал военный чиновник в чине титулярного советника по финансовой части.

- Господин поручик, прочитайте какое-нибудь ваше стихотворение.

И аплодисменты. Чего такое прочитать. Серьёзное? Нет. Лучше шутовское. Я встал как Пушкин перед комиссией во главе с пиитом Гаврилой Державиным, поднял руку и стал декламировать.

*На рынке купил я лавровый венок
И сборник стихов там, на книжном развале,
А рядом домашнее лилось вино
Из бочек в огромном подвале.*

*Я в старом венке всем стихи стал читать,
Поэты там все с орденами,
Собрались по сотне и вириши в печать,
И слава полилась в карманы.*

*И вдруг я увидел свои там стихи,
Как всем, захотелось мне славы,
А где-то вдали уж кричат петухи,
И критик зовёт на расправу.*

Смех в зале и аплодисменты.

Старшим в тот день в офицерском Собрании был генерал Медведев.

- Какие будут предложения, господа офицеры? – спросил он.

- Наш человек, принять, - раздались голоса.

- Прошу голосовать, - предложил генерал.

Лес рук.

- Кто против?

Голосовавших против и воздержавшихся не оказалось.

Глава 44

В сентябре пятнадцатого числа 1908 года министр иностранных дел Российской империи А. П. Извольский и министр иностранных дел Австро-Венгрии А. фон Эренталь заключили соглашение по Балканскому вопросу. Австро-Венгрия соглашалась на открытие черноморских проливов Босфор и Дарданеллы. для российского флота в обмен на аннексию Боснии и Герцеговины.

Считалось, что это как бы предварительное соглашение, но уже 5 октября Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины, считая себя собирательницей и защитницей славянских земель.

Россия заявила протест, но этот протест как бы и не был услышан

6 октября Сербия и Черногория объявили мобилизацию и готовность помочь Боснии и Герцеговине отстоять свою независимость.

В ответ войска Австро-Венгрии стали сосредотачиваться на сербской границе. Германия официально поддержала Австро-Венгрию. Россия официально поддержала Сербию. Налицо было противостояние великих держав, которое легко могло превратиться в мировую войну. Это понимали и другие государства.

Кайзер Германии Вильгельм Второй телеграфировал царю Николаю Второму с требованием принять все германские требования по боснийскому вопросу, иначе Австро-Венгрия начнёт войну с Сербией.

Премьер-министр Столыпин категорически высказался против вооружённого противостояния на Балканах, и ЕИВ Николай Второй принял все германские предложения.

2 марта 1909 года представители России, Великобритании, Франции, Италии и Германии согласовано оказали давление на Сербию с тем, чтобы она признала аннексию как свершившийся факт, а Россия предлагала созвать международную конференцию по предотвращению войны, но эта идея не нашла поддержки. Факел войны зажгли, и он постоянно тлел до 1914 года.

Мы все внимательно наблюдали за развитием Боснийского кризиса и понимали, что возможно мировое столкновение, но Россия ещё не была готова к войне. Всё, что выявила русско-японская война, не было устранено. Россия потихоньку моторизовалась и развивала те вооружения, которые уже были у западных стран. Как-то так получалось, что мы всегда были в арьергарде мирового технического прогресса.

В 1909 году указом ЕИВ был отменен реверс для офицеров императорской армии. Офицеры трижды крикнули «ура», а я подал рапорт на имя директора кадетского корпуса генерал-лейтенанта Медведева с просьбой разрешить мне женитьбу на младшем враче губернской клинической больницы Веселовой Марфе Никаноровне, одна тысяча восемьсот семьдесят второго года рождения, девица, православная, из казачьего сословия.

По рапорту меня вызвали к генералу Медведеву.

- Здравствуйте, голубчик, - поприветствовал меня генерал, приглашая присесть на стул. – Рад за вас, рад. Только один вопрос у меня. Невеста ваша на десять лет старше вас, не сильно ли большая разница в возрасте. Или, может быть, у вас есть какие-то обязательства, вынуждающие вас к женитьбе против вашей воли? Вы уж не скрывайте, это голубчик, потому что рапорт ваш будет рассматриваться в офицерском Собрании

- Ваше превосходительство, Марфа Никаноровна спасительница моя в больнице, и комнату мне сдала для проживания, помогала в учёбе и подготовке к экзаменам, врач прекрасный, и хозяйка отменная, а возраст не так уж и велик, и отношения у нас такие, какие дай Бог другим семьям. Без колебаний бросит всё и поедет за мной в любой гарнизон.

- Прекрасно, голубчик, на днях будет собрание офицеров, там мы и рассмотрим ваш рапорт. За вас я ходатайствую.

На ближайшем заседании действительных членов офицерского Собрания мне пожелали семейного счастья и обустройства в новой квартире.

В мае мы венчались в Никольской церкви, и младший врач Веселова стала Тумановой Марфой Никаноровной, женой поручика Туманова.

Свадьбы пышной мы не устраивали. Она сирота и у меня нет никого родственников. Были старые друзья Иннокентий Петрович и Иванов-третий. Пышная свадьба никогда не являлась залогом счастливой жизни.

Других друзей у меня не было. Офицерская дружба – это понятие растяжимое. Дружат подпоручиками, поручиками, штабс-капитанами, а потом пути начинают резко расходиться. Кто-то окончил академию и скачками понёсся по служебной лестнице, а кто-то так и остался командиром роты и к пенсии его перевели в штаб, чтобы он получил чин капитана. И та дружба, которая была у лейтенантов уже не является такой же дружбой между капитаном и генерал-лейтенантом или генерал-майором. Поэтому лучше держать со всеми ровные отношения, помогать по мере необходимости, как и положено военному служащему, заботиться о товарищах, так легче переходить на титулование из вашего благородия на ваше высокоблагородие или превосходительство, титулуешь бывшего сослуживца и нет никакой обиды или зависти на разницу в служебном положении. Дружба не ведётся снизу-вверх. Даже при встрече младший не суёт для приветствия руку старшему, ждёт, когда это сделает старший по положению, а тот может и не сделать этого. И лучше никогда не напоминать генералу или полковнику, увешанным орденами по должности, что вы в одном военном училище учились, некоторых это сильно унижает и тогда бывшему корешку может и не поздоровиться. Лучше, когда дружат офицеры разных родов войск, которые не подчинённые и никогда не будут подчинёнными друг другу. Такая дружба всегда крепче.

Нобелевский комитет наградил премией Гульельмо Маркони и Карла Фердинанда Брауна «За выдающийся вклад в создание беспроволочной телеграфии». За заслуги перед Италией государством Маркони был назначен пожизненным сенатором и награждён титулом маркиза.

По просьбе офицерского Собрания я прочёл цикл лекций по возможным направлениям развития вооружения и научно-технического прогресса в России.

Хотя штаб-офицеры и посмеивались над моими фантазиями, но и они все приходили на мои лекции. Опустевала бильярдная. В курилке не было никого. В буфете оставались самые стойкие, но и они прислушивались к тому, что творилось в библиотеке. А там каждый раз возникала дискуссия и самыми оптимистичными оказывались молодые офицеры, а старшие товарищи пытались доказать, что такого не может быть потому, что этого быть не может.

Мне приходилось рисовать схемы, доказывая, что это возможно. Например, штык для винтовки может крепиться не сбоку слева, а снизу на проушине и фиксироваться защёлкой. Перед штыковой атакой защёлка открывается, штык поднимается и крепится на стволе кольцевой пружинной защёлкой. Просто и удобно.

Точно так же я рисовал и кольцевой намушник с круглой мушкой, которая может передвигаться в четырёх направлениях: вверх-вниз, вправо-влево.

Или, например, схему открытия барабана револьвера. Нажатием кнопки барабан откидывается на планку, сопряжённой с осью. Нажатием на экстрактор одновременно выбрасываются все стреляные гильзы и барабан снаряжается вновь. Легким движением барабан становится на место и удерживается защёлкой.

Потом молодые офицеры стали предлагать такие проекты, что приходилось останавливать их творческую мысль под одобрительные усмешки старичков.

На одной из лекций я подарил всем идею вечной спички, которая была незаслуженно забыта в моё время в СССР.

По моему заказу слесарь-лудильщик сделал герметичную медную коробочку с завинчивающейся пробкой. В пробку вставлена стальная трубка с пластинкой-кресалом и фитилём. На одной из боковых граней коробочки припаян держатель для кремня. Практически получилось кресало с фитилём и кремень. В коробочку я положил немного ваты и налил туда бензин, бутылочку которого мне налил шофёр генерал-губернатора. Всё очень просто. Откручиваем пробку с кресалом и фитилём. Чиркаем по кремню, высекается сноп искр и зажигается фитиль. Прикуривайте, разжигайте костёр. Затем дуньте на фитиль и закрывайте коробочку. Бензин не испаряется и одной зарядки хватит на год. Правда, бензин низкого качества, не выше семьдесят шестого октанового числа, коптит, но в целом агрегат работает исправно.

Собрание единогласно одобрило мою «спичку». Я показал, как можно сделать зажигалку из патронной гильзы, и могу сказать, что многие зажигалки, которые пришли к вам, придуманы мной и я знаю о них с того времени, когда жил вместе с вами.

В офицерском Собрании я ввёл в обиход английскую бильярдную игру под названием «снукер» (snooker). До этого офицеры резались в американку и в пирамиду.

Говорят, что снукер был придуман полковником британских колониальных войск в Индии в конце девятнадцатого века. В игре двадцать два шара: белый биток, пятнадцать красных шаров (каждый забитый шар приносит одно очко) и шесть цветных: жёлтый (2 очка), зелёный (3 очка), коричневый (4 очка), синий (5 очков), розовый (6 очков) и чёрный (7 очков). По снукеру проводятся чемпионаты мира, и игра считается джентльменской. Играют белым битком. Сначала нужно забить красный шар, а потом цветной, который снова выставляется на своё место, затем красный и снова цветной, и так далее. Выигрывает тот, кто наберёт больше всех очков. Максимально можно набрать

сто пятьдесят пять очков. Иногда создаётся ситуация, когда забивать нечего, тогда производится отыгрыш путём лёгкого касания прицельного шара и отвода битка в неудобное для соперника место на столе или прятанья битка за другой шар. Этот приём и называется снукер. Неудачный выход из снукера наказывается штрафом.

Новую игру встретили прохладно. Мы играли с капитаном Дёминым и около нас стояли офицеры, критически оценивающие нашу игру и постановку снукеров. Лезть с подсказками нельзя, это очень строго, как говаривал молодой солдат Йозеф Швейк: не лезь советчик к игрокам, не то получишь по зубам.

Снукер потихоньку захватил всех и мы с капитаном Дёминым выступали в роли арбитров встреч на чемпионате Собрания.

Переход в другую социальную группу накладывает другие права и обязанности на члена этой группы. Пока я был зауряд-прапорщиком, я был ограждён от этих особенностей. И первая из них – понятия чести. Понятия чести всеми воспринимаются по-разному. Говорят, что у дворян это в крови. У разночинцев, ставших чиновниками или офицерами, это воспитывается носителями чести и так далее. Ерунда всё это. Честь есть понятие асоциальное. Честь либо есть, либо её нет и никакое происхождение на это не влияет.

Подлец не может быть человеком чести. Офицерские погоны или высокие должности не делают из подлеца человека чести. И человеку чести приходится подстраиваться под высокопоставленного подлеца, чтобы честь не потерять, и чтобы остаться на том месте, которое он заслужил. Тому, кто говорит, что он не сделал ни одной подлости за свою долгую жизнь, верить нельзя, особенно в нашей стране, которая до сих пор не может вырваться из рабства своих князей, монголо-татар и царей. Даже тех царей, которые освобождают от рабства, рабы убивают, чтобы не было свободных людей. Умом нашу страну не понять. Каждый человек хочет испытать правило: тварь я дрожащая или право имею. Или: «Встретил нашу Таечку в доме терпимости».

Глава 45

Жизнь шла своим чередом. Мне в роту добавили младшего офицера Токарева Александра Петровича в чине подпоручика после окончания военного училища. Фельдфебеля Сухотина Дмитрия Ивановича за беспорочную сверхсрочную службу произвели в подпрапорщики и оставили на должности фельдфебеля в роте учебного обеспечения. На погон подпрапорщика он нашёл фельдфебельскую лычку и стал на ступень выше, надев шестиугольные погоны офицерского образца с портупейным галуном. Подпоручику я деликатно намекнул, чтобы он присматривался к тому, как подпрапорщик работает с личным составом и ведёт документацию по хозяйству роты.

Все выпускаемые в России офицеры практически не имели опыта работы с солдатами. Молоденький мальчик оканчивал кадетский корпус, а затем поступал в военное училище и выпускался офицером в армию, практически не соприкасаясь с солдатом и не зная его нужд и интересов. Естественно, между солдатом и офицером возникала пропасть, которую было трудно преодолеть. Солдат мог слушаться своего командира и не уважать его, что и было во время революции, когда солдаты с удовольствием выходили из подчинения офицеров или держались вокруг требовательных офицеров, заботившихся о солдате и сберегавших его жизнь.

По-другому готовились офицеры в германской армии.

В королевский кадетский корпус в Берлине (Koniglichen Kadettenkorps) принимались юноши в возрасте 10-15 лет. Они именовались кадетами (Kadetten), но не являлись военнослужащими. В корпусе кадеты получали полное среднее образование (13 классов). Лучшие кадеты - оставались учиться в корпусе ещё один год. По окончании года они сдавали офицерский экзамен и направлялись в войска в чине фенриха (Fähnrich) уровня вице-фельдфебеля. Чин лейтенанта им присваивался в случае открытия вакансии и по решению офицерского Собрания полка.

Остальные кадеты сдавали экзамен на фенриха (Fähnrich) и направлялись в воинские части в чине фенриха уровня сержанта. Одновременно со службой они проходили годичный курс обучения в военной школе. Через 5 месяцев уровень фенрихов повышается до вице-фельдфебеля. Через 6 месяцев фенрихи получали право на сдачу офицерского экзамена. После успешной сдачи экзамена офицерское собрание полка выносило решение - достоин ли фенрих присвоения офицерского чина. Достойные получали чин лейтенанта при открытии вакансии. Недостойные фенрихи увольнялись в резерв.

Молодые люди с полным средним образованием в возрасте от 17 до 23 лет могли сдать экзамен на фенриха. После этого их зачисляли на службу в звании фаненюнкера (Fahnenjunker), что приравнивается к званию рядового солдата. После 6 месяцев службы фаненюнкеру присваивается звание фенриха уровня сержанта. Одновременно со службой фенрихи обязаны пройти годичный курс обучения в военной школе. И далее по вышеизложенному.

Все наши войны с Германией показывали, что германские офицеры на голову выше всех остальных офицеров и всё это достигалось особой системой подготовки их. Кстати, в Германии к унтер-офицерам и фельдфебелям относятся так же, как у нас в России относятся к обер-офицерам.

1910 год ознаменовался стремительным развитием техники в России. Российские инженеры-конструкторы Сикорский и Гаккель поставили на крыло свои первые самолёты. В Москве открыли регулярное трамвайное движение.

В апреле 1910 года меня вызвали к директору корпуса. Зачем, никто не знал. Начальник кадрового отделения подполковник Шмидт шепнул, что, возможно, моя жизнь может поменяться от результатов этой встречи. Чего-то он знал, но о конкретном ничего не сказал.

Директор корпуса генерал-лейтенант Медведев сказал, что доволен моей работой и рад, что в его учебном заведении оказался офицер, сделавший стремительную военную карьеру и что на пути карьеры не нужно становиться, то есть не нужно пресекать потоки воды, которая несёт река. Какие бы препоны не ставились, вода всё равно пойдёт в том направлении, какое для неё выбрала природа.

- Вы меня хорошо поняли, господин поручик? – спросил генерал.

- Так точно, Ваше превосходительство! – отрапортовал я, хотя абсолютно ничего не понял.

- Вам необходимо прибыть к начальнику штаба Сибирского военного округа, поговорить с вашим покупателем, - сказал генерал. – И не забывайте, что я вам сказал.

Я повернулся и вышел. Похоже, что мне предстоит какое-то перемещение по службе.

В штабе округа я зашёл в приёмную начальника штаба и доложил о прибытии.

- Две минуты, господин поручик, - сказал мне дежурный офицер и ровно с первым ударом напольных часов в кабинете генерала открыл дверь.

Неплохо. Как это говорят? Точность - это вежливость королей.

Я чётко вошёл и доложил:

- Ваше превосходительство, поручик Туманов по вашему приказанию прибыл!

В кабинете кроме начальника штаба генерал-лейтенанта Тихменёва находились приезжий полковник в серебряных погонах с белыми выпушками и начальник жандармского управления подполковник Скульдицкий.

- Похвально, господин поручик, - сказал начальник штаба, - такой головокружительной карьеры, как у вас, я ещё не видел. Мне кажется, что мы ещё будем сожалеть о том, если вы вдруг окажетесь представителем Главного штаба, как и приехавший к вам полковник Иноземцев Николай Петрович из канцелярии Военно-учёного комитета (ВУК) Главного штаба, - представил мне

приезжего полковника генерал Тихменёв. Для меня тоже было удивительно такое внимание к моей персоне. — Я вас оставляю, господа офицеры, я на совещании у генерал-губернатора, - и он ушёл.

- Присаживайтесь, господин поручик, - предложил мне полковник Иноземцев и указал на стул за столом для совещаний. - Мы вас пригласили, чтобы узнать мнение по поводу вот этого чертежа, - и он развернул на столе рулон бумаги.

Вся ситуация была для меня очень странной. Кто я такой, чтобы ко мне приезжал советоваться высокий чин из Главного штаба и ещё из ВУК, который под учёной вывеской занимался военной разведкой? Получается так же, когда Маршалов Советского Союза заставляли писать в мемуарах, что все стратегические операции они согласовывали с Генеральным Секретарём Коммунистической партии, который во время войны был полковником. Я же не Генеральный Секретарь, а всего-навсего поручик, командир роты учебного обеспечения в кадетском корпусе и в этой роте у меня пекари, повара, дворники, парикмахеры, уборщики помещений, складские работники, показчики мишеней и прочий люд, которого в строевых ротах нет.

ВУК являлся учреждением Главного штаба и ведал вопросами научной деятельности офицеров Генерального штаба и военных топографов, вопросами премий за сочинения и пособий на их издание, вопросами подготовки войск. Находился под председательством начальника Главного штаба. Состоял из всех начальников управлений, начальника Академии Генерального штаба и 10 членов по Высочайшему назначению.

Я посмотрел на подполковника Скульдицкого, вопросительно изогнув брови, как бы спрашивая: а не твоих ли это рук дело, жандармская ты морда?

Начальник жандармского управления в ответ кивнул головой, как бы приглашая к действию, типа, это наш человек, покажи ему класс. Но его также можно было и понять, как, да это я тебе сосватал протекцию в обмен на услуги в будущем.

Делать нечего, портвейн от отспорил, чуду-юду победил и убёг, и так принцессу с королём опозорил бывший лучший, но опальный стрелок. Чего-то стихами заговорил и причём не своими. Песня старая, ещё на катушечных магнитофонах ей крутили.

Делать нечего. Я встал и стал смотреть на чертёж. Какая-то винтовка, но винтовка странная. Посмотрел на калибр. Шесть целых и пять десятых миллиметра. Если в линиях, то это будет две целых и пятьдесят шесть сотых линии, меньше нашей трёхлинейки. Обычно уменьшением калибров баловались японцы. Ага, внизу рисунок патрона и надписи: «Арисака», 6,5 мм.

Но винтовка не японская. Похоже на какой-то автомат. И автомат знакомый, особенно деревянная рукоятка впереди секторного магазина.

Посмотрел на автора: Фёдоров В.Г., 1909 год. Всё понятно, чертёж винтовки полковника Фёдорова Владимира Григорьевича. Он вначале экспериментировал с винтовкой капитана Мосина, но потом забросил это дело как неперспективное. Создал свою систему. И она на чертеже. Помню я её. Прицельная дальность всего четыреста метров. Автоматика основана на отдаче ствола и рычажном запирании затвора.

Принцип отдачи ствола использован в пулемёте Максим, но там сильный патрон и пулемёт стреляет чуть не ли не на три километра. А тут всего четыреста метров. Автомат Калашникова и тот на восемьсот метров лупит.

В моём мире Фёдоров мучился с этой системой чуть не до 1930 года, а потом её забраковали подчистую. Кроме своего автомата, Фёдоров в составе коллектива конструкторов работал над усовершенствованием пулемётов и на этом его творческая деятельность обрывается. Были ещё какие-то эксперименты по совершенствованию сабель и пашек. Когда искали, кто и в чём отличился и был первым в мире, то порох изобрели китайцы, ну а советские специалисты в лице генерал-майора Фёдорова создали первый в мире автомат, так же как инженер Попов первым в мире изобрёл радио и телефон.

Фёдорова можно было понять. Он работал над проблемой, куда приткнуть японские винтовки Арисака и патроны для них, которые царское правительство закупило в довольно большом количестве, и они без дела валялись на складах.

Я доложил, что представленная на чертеже система неперспективная по причине несоответствия избранной автоматики типу патрона, а избранный патрон пригоден только для стрельбы из винтовки или для стрельбы из пулемёта Максим со стволом калибра 6,5 мм.

Автоматическое оружие скоро станет самым востребованным видом оружия и все опасения, что на них не хватит патронов, абсолютно беспочвенны.

Для автомата нужно разрабатывать специальный патрон ходового калибра для нашей страны, то есть три линии или 7,62 мм.

Патроны для автоматического оружия давно разработаны и не нужно открывать Америку. Это пистолетные патроны 38-го калибра (девять миллиметров) типа Парабеллум и патроны 30-го калибра (семь целых шестьдесят две сотых миллиметра) типа Маузер. Есть американские патроны 45-го калибра (одиннадцать целых и сорок три сотых миллиметра) типа Кольт, но они для нашего автоматического оружия не нужны.

Автоматы с пистолетными патронами так и будут называться пистолет-пулемётами. Автоматика в них основана на отдаче свободного затвора.

Пистолет-пулемёты являются оружием ближнего боя и для них достаточно двухсот-трёхсот метров прицельной дальности стрельбы.

Я взял карандаш и набросал схемы пистолета-пулемёта системы Судаева образца 1943 года и пистолета пулемёта МР-40, который все ошибочно называют «шмайсером».

В уголке я нарисовал схему советского пистолета Макарова, использующего систему отдачи свободного затвора. Отличный пистолет. Ему бы использовать патроны парабеллума или маузера, цены бы ему не было.

Иноземцев и Скульдицкий смотрели на меня с удивлением.

- Ни хрена себе поручик, - вероятно думали они, - откуда он всё это знает?

- А откуда вы всё это знаете? – спросил меня полковник Иноземцев.

- Как вам сказать, - затруднился я с ответом, - читать чертежи должен любой человек с высшим или средним техническим образованием, ну, и у человека должна работать фантазия и способность совершенствовать те системы, которые очень сложны и в силу своей сложности не применяются, хотя заложенная в них первоначальная идея весьма перспективна.

Глава 46

- Господин поручик, - спросил меня полковник Иноземцев, - что вы бы сделали, если вам поставили задачу в короткий срок перевооружить армию?

- Извините, господин полковник, - сказал я, - ребёнок рождается через девять месяцев после зачатия, и только к семнадцати годам он вступает в большую жизнь, не зная, куда приложить свою силушку. Если бы было десять лет в запасе, то можно было собрать всех Кулибиных и научить их делать то, что надо. А я чувствую, что времени у империи и ЕИВ в обрез. Поэтому нужно смотреть на то, что уже сделано в мире и копировать эти образцы для своей армии. Третьего не дано. Затем, изменение тактики действий войск в связи с применением новой техники и вооружения. Реформу армии придётся проводить в особых условиях.

- Господа, вынужден вас оставить, - сказал полковник Иноземцев, - через пять минут должен быть на докладе у главноначальствующего. Прошу подождать меня в приёмной.

Мы встали и вышли из кабинета, устроившись в приёмной.

- Господин подполковник, - обратился я к Скульдицкому, - не можете ли объяснить, что здесь вообще происходит.

- Что тут объяснять, - сказал начальник жандармского управления, - идут ваши смотрины. Из канцелярии ЕИВ пошла команда проверить ваши способности на предмет предвидения будущего. По старинке поручили это Отдельному корпусу жандармов. Мы хотя сейчас и подчиняемся департаменту полиции, но раньше нашим начальством было Третье отделение ЕИВ канцелярии. Вот мы и обеспечили выполнение указания. Но нужно ещё и военное сопровождение, так как опасность войны в Европе не уменьшается, поэтому была задействована канцелярия ВУК Главного штаба. И, самое главное, всё это делается с подачи святого старца, вхожего к наследнику цесаревичу и матушке-государыне.

- Заумно всё сделано, Владимир Иванович, - сказал я. - Чуть-что, Кассандру под нож и всё шито-крыто. Трудно сказать, на каком участке цепочка порвалась.

- Ну, что вы, Олег Васильевич, - сказал примирительно подполковник Скульдицкий, - приближение к трону и выход в верха — это ли не есть продолжение блестящей карьеры.

- Про эти верха все русские поэты говорили по-разному. Возьмите двух Александров Сергеевичей, - сказал я. - Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь. Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец молчит, потупя очи долу.

- Откуда вы всё это знаете? — удивился Скульдицкий.

- *Historia est magistra vitae*, - сказал я.

- Чего??? — возмутился жандарм.

- История - учительница жизни, - сказал я. - Кто-то из древних сказал, кто-то записал, авторство неизвестно, но истина в истории так и осталась.

Что же вам история такого насоветовала, да ещё на латыни? — саркастически спросил подполковник Скульдицкий.

- *Nullus est, qui stare non possit*, - сказал я.

А это ещё чего? - начал сердиться Скульдицкий.

- Нет такого гуся, который не умел бы стоять на одной ноге, - также бесстрастно сказал я. Видно было, что с латынью в гимназии у него дружбы особой не было. А кто эту латынь знает? Врачи, да и то только в пределах названия болезней и названия трав и лекарств.

- А это как прикажете понимать? – у подполковника, похоже, начался заворот мыслей. И, если сказать начистоту, то любой человек моего времени тоже по-разному бы понимал эту пословицу. – То ли вы кого-то хотите назвать гусём, то ли вспоминаете Рим, который спасли гуси, намекая на нас, как на спасителей Отечества?

- Что вы, господин подполковник, - сказал я примирительно, - разве мог бы я проявить такую бестактность по отношению к человеку, старшему меня по возрасту, по чину и по положению. Я выучен стоять на одной ноге и поэтому действую в рамках присяги и воинских уставов.

- Ах и хитрец же вы, - засмеялся подполковник, - вам пальца в рот не клади.

- Adeo in teneris consuescere multum est, - подумал я про себя, - Вот как много значат приобретённые смолоду знания. Вергилий. И откуда мне всё это набилось в голову. Похоже, всё от того, что мне где-то в этих краях стукнули по черепушке и что-то там включили.

- Да, кстати, Олег Васильевич, - сказал подполковник, - вашего крестника выписали из больницы с диагнозом здоров. Шизофрения излечилась полностью, хотя я в этом очень сомневаюсь. Амнезия у него не прошла, но зато он научился всему, что нужно для нормальной жизни и сейчас занимается с репетитором по программе гимназии. Ему как больному, не имеющему родственников, помогает Российское общество Красного креста.

- А как дела с вашим крестником по фамилии Кочергин? – запустил я стрелу в отношении уголовного «дедушки» в роте учебного обеспечения.

- Нашёлся крестник, слава Богу, - перекрестился подполковник, - опознан в числе трупов налётчиков на команду по перевозке финансов в Пермской губернии. Прямо в лоб пулю влили. Был человек – была с ним проблема. Не стало человека - и не стало с ним проблемы.

В это время в приёмную вошли начальник штаба округа и полковник из Главного штаба.

- Прошу заходить, господа офицеры, - пригласил нас в кабинет генерал-лейтенант Тихменёв.

Когда мы все сели, генерал сказал мне:

- Вот, господин поручик, полковник Иноземцев предлагает вам продолжить службу в канцелярии ВУК Главного штаба. Его Высокопревосходительство, я и ваши прямые начальники не возражают. Что вы об этом думаете?

- Ваше превосходительство, - сказал я, – благодарю за высокое доверие, но кем я буду служить в Главном штабе? Копиистом, подканцеляристом? Прошу меня понять, здесь я командир роты, у меня в запасе есть не менее трёх лет, чтобы при благоприятном стечении обстоятельств поступить в Николаевскую академию ГШ и продолжить военную карьеру на командных должностях.

Генерал перевёл взгляд на полковника Иноземцева и кивнул ему, типа, давай, продолжай, объясняй поручику, куда ты его зовёшь с собой.

- Приношу свои извинения, Ваше превосходительство, - сказал полковник, - но я не мог ничего сказать поручику без одобрения главноначальствующего генерал-губернатора Степного края. Мы предлагаем поручику Туманову должность консультанта канцелярии ВУК Главного штаба. Сначала без указания специализации, приставка будет позднее, после того, как определится, в какой области знаний он окажется более сильным. На этой должности он дослужится до подполковника. Потом видно будет. Возможно, что придётся преподавать в академии ГШ.

- Ваше мнение, господин поручик? – спросил генерал Тихменёв.

- Я согласен, - твёрдо сказал я.

- Хорошо, - сказал генерал, - вы свободны господин поручик, генерал Медведев в курсе всего, доложите ему о вашем согласии, о всех дальнейших действиях вас известят по команде.

Я встал, чётко повернулся и вышел из кабинета.

По дороге в корпус я размышлял. Похоже, что Григорий Ефимов действует и ему нужны помощники в столице. Ангелы небесные нужны. Или дьяволы в ангельских образах, чтобы не допустить гибели страны. Бабник, пьяница, охальник, а заботу о себе и о семье своей имеет. Больно красочно я тогда всё ему описал.

В корпусе я доложил генерал-лейтенанту Медведеву о состоявшемся разговоре в кабинете начальника штаба округа и что я ответил согласием на сделанное предложение.

- Вот и славно, голубчик, - сказал генерал Медведев. – Вы у нас как образец быстрой карьеры, любимец офицерского Собранин, жалко вас отпускать, да только нужно вам ехать на труды во славу Отечества. Подполковнику Шмидту я отдам распоряжение о подготовке документов, а пока в роту. Дело затянется на пару месяцев. Хорошенько подготовьте подпоручика Токарева, а замену вам мы найдём, начинают прибывать молодые офицеры.

Дома я по секрету сказал Марфе Никаноровне, что мы скоро переедем в Санкт-Петербург к моему новому месту службы. Через пару месяцев начнётся новый этап нашей жизни. Что-то нас там ждёт. Марфа Никаноровна, жившая постоянно на одном месте и выезжавшая только в соседнюю губернию для обучения, была сильно взволнована. Как же, из провинции в столицу. Этот же вопрос тревожил и меня, чтобы не сказать потом:

- А как всё хорошо начиналось. Вызывают в Москву...

Глава 47

Вызов пришёл через полтора месяца. Для всех, кроме нас с Марфой Никаноровной и моих начальников с начальником жандармского управления, это было как гром среди ясного неба.

Для роты я устроил чаепитие и попрощался с солдатами, с которыми прослужил больше одного года, начиная с первой ночи в казарме в солдатских погонах и уезжая поручиком в золотых погонах. Бывает. Мне на память преподнесли сигаретницу-папиросницу из капа-корня. Это полированная коробка, если приподнять коробку, то открывается прорезь и при опускании коробки в прорези появляется папироса. На коробке была прикреплена пластинка с гравировкой: «Господину поручику Туманову О.В. от роты учебного обеспечения кадетского корпуса. Июнь 1910 года».

Зорьку я передал с рук на руки подпоручику Токареву. Разве можно о ней сказать, что она животное бессловесная? Мне кажется, что она поняла в чём дело, тяжело вздохнула, положила свою голову мне на плечо и стояла так, пока я рассказывал о ней подпоручику. Как всякая военная лошадь, она понимала, что всадник выделен ей не навечно, а на какое-то время и нужно будет привыкать к новому седоку. Когда я был на выходе из манежа, она легонько заржала, призывая меня, и я обернулся и помахал ей рукой. Прощай, мой верный конь...

Затем мы посидели в ресторане с Иннокентием Петровичем и Ивановым-третьим с жёнами.

В офицерском Собрании мне устроили чествование по случаю перевода. Был добрый товарищеский вечер, во время которого офицеры преподнесли мне серебряный портсигар с монограммой в виде латинской буквы «Т», на которую наложена буква «О», а в этой букве буква «V» с намёком на победу «Victoria». Tumanov Oleg Vasilievitch.

22 июня 1910 года поездом мы выехали в Петербург по Транссибирской железнодорожной магистрали (ТСЖМ).

Дорогу описывать не буду. Ничего особо интересного не было. С нами в купе ехал коллежский ассессор (майор) по министерству просвещения с супругой. Люди попались интеллигентные, скромные и мы быстро нашли общий язык по темам, совершенно не касающимся политики и военной службы.

Ассессор был некурящий, а я периодически выходил в коридор купейного вагона покурить. И вот, что мне бросилось в глаза. Вдоль дороги стояли домики железнодорожников, аккуратненькие, с огородами, обязательной черёмухой возле дома. Полустанки, станции, складские помещения, штабеля шпал и рельсов. Так и казалось, что я еду в своё время по этой же дороге и все эти здания я уже неоднократно видел, только в моё время вдоль дороги валялись остовы строительной техники, как будто здесь шли ожесточённые бои, а аккуратные домики превратились в трущобы и вдоль дороги лежали поваленные деревья и зияли вырытые ямы.

До Москвы мы ехали четверо суток с небольшим. Пили чай на завтрак, ходили в вагон-ресторан обедать, пили чай на ужин. На больших станциях ходили гулять по перрону. Мы с Марфой Никаноровной не стремились покупать еду у торговков, и наши соседи тоже последовали этому примеру. Не хватало ещё в дороге заполучить расстройство желудка и часами сидеть в туалете. Правда, у меня есть действенный рецепт по этому поводу. Берёте сто граммов водки, чайную ложку соли. Размешиваете соль в водке и выпиваете. Расстройство желудка как рукой снимает. Конечно, дозу водки можно сократить. Раствор этот не пьянит. Кто знает химию, тот поймёт, что в результате реакции цэ два аш пять оаш с натрий хлор получается соляная кислота, которая является эффективным средством против диспепсии.

В Москве мы расстались с попутчиками и во второй половине дня сели в поезд до Петербурга по Николаевской железной дороге.

Утром часов в девять пополудни мы приехали в Санкт-Петербург. Вещей у нас было немного. Всё громоздкое мы отправили малой скоростью.

Носильщик подвёз наши вещи до извозчика, а извозчик довёз нас до меблированных номеров в районе Дворцовой площади, где находилось здание Главного штаба.

Меблированные номера - это та же гостиница. Даже в то время их называли просто – меблирашки, как будто чувствовали, что будет с Россией в двадцать первом веке. Наша комната находилась в доходном доме на Невском проспекте, дом 92 и называлась «Сан-Ремо».

Приведя себя в порядок, мы вышли погулять по улице и осмотреться в новом для нас городе.

На следующий день я уже был в Главном штабе и нашёл полковника Иноземцева.

Вместе с ним мы ходили представляться начальнику ВУК. Оттуда в кадровый отдел, где я сдал предписание. Там уже без меня оформили на должность и сделали выписки из приказа для тыловых и других служб.

Первый день прошёл как в тумане. Я с кем-то здоровался, кому-то представлялся, улыбки, звон каблуков, аккуратные мундиры, причёски с пробором в ниточку, нафабранные усы.

Мне было дано трое суток на обустройство и рекомендован дом для снятия квартиры. Мы сняли небольшую квартиру из двух комнат на третьем этаже и получили наш нехитрый багаж. Марфа Никаноровна занялась обустройством нашего быта, а я отправился на службу.

Мне отвели место в небольшом кабинете, где уже размещались трое офицеров в званиях штабс-капитан. Чем они занимались, я не знал, да и они не интересовались, какое задание мне дали. Меньше знаешь, крепче спишь.

Мои сослуживцы устроили для меня экскурсию по главному штабу. Пара слов о нём.

Управление первого генерал-квартирмейстера. Ведает устройством и образованием войск в мирное время и службой офицеров Генерального штаба.

Управление второго генерал-квартирмейстера. Занимается подготовкой к войне, военной статистикой и мобилизацией. Оперативное отделение разрабатывает планы обороны государства и боевой деятельности войск.

Управление дежурного генерала. Инспекция, прохождение службы, награды, пенсии и второстепенные задачи Генерального штаба.

Управление военных сообщений. Передвижение войск и воинских грузов.

Управление военно-топографическое. Астрономические наблюдения, геодезические, топографические и картографические работы военного ведомства. Работа с личным составом корпуса военных топографов.

Азиатская часть. Военное и военно-народное управление Кавказа, Туркестана, Сибирского и Приамурского округов.

Мобилизационный комитет.

Особое совещание по передвижению войск и грузов. Разработка вопросов совершенствования стратегической сети железных, шоссейных дорог, водных сообщений.

Структура огромная. Работников много, а все войны для России почему-то начинаются неблагоприятно.

Моим прямым начальником был полковник Иноземцев и моим первым заданием было рассмотрение проекта царь-танка самодеятельного конструктора инженера Николая Лебедева, который создал себе конструкторскую лабораторию в Москве.

Царь-танк представлял собой лафет старинного орудия образца 1812 года, только колеса лафета были десять метров в диаметре, а заднее колесо было маленьким, около полутора метров. Между большими колёсами на высоте восьми метров была нарисована бронированная башня с установленными там пулемётами.

Длина танка составляла семнадцать метров, ширина - двенадцать метров. Вес танка от сорока до шестидесяти тонн. Экипаж – пятнадцать человек.

Возникновению идеи положила конструкция азиатской арбы с огромными деревянными колёсами, которая спокойно переезжала через арыки и другие препятствия в виде небольших ям и бугорков.

В пояснении указывалось, что проект одобрен Николаем Егоровичем Жуковским, учёным-механиком, основоположником гидро- и аэродинамики, заслуженным профессором Императорского Московского технического училища с участием инженеров Бориса Сергеевича Стечкина и Александра Александровича Микулина (которые являются родными племянниками профессора Жуковского).

Профессор Жуковский – это величина. Ему пальца в рот не клади. Но он специалист в аэродинамике, а танки в аэродинамической трубе никто не обдувает и подъёмную силу броневых листов тоже никто не вычисляет. Плохо, когда сапоги начнёт тащить пирожник, а пироги печь сапожник. Жуковскому лучше изобретать самолёты, а не танки.

Инженер Микулин – в наше время известный конструктор авиационных двигателей. В частности, он автор двигателя для самолёта ТУ-104. Инженер Стечкин – тоже специалист авиационного двигателя строения. А вот его

племянник Игорь Яковлевич Стечкин – оружейник и создатель автоматического двадцатизарядного пистолета Стечкина, который может стрелять как одиночными выстрелами, так и очередями.

И эти двое тоже не специалисты в танкостроении. И древняя азиатская арба не может стать прототипом танка.

Отрицательные элементы танка. Маленькое заднее колесо, которое будет застревать в любом углублении на земле, как в окопе, так и в любой выгребной яме. На любом спуске танк превратится в неуправляемую гору железа, которую не в состоянии остановить никакие тормоза. Нужно только представить тормозные колодки у десятиметрового колеса. Любой подъём будет непреодолимым препятствием для танка. Для приведения царь-танка в движение необходима двигательная установка мощностью не менее пятисот лошадиных сил, а это ещё больше увеличит вес танка. Колёса со спицами ненадёжны, в случае нарушения центровки они просто сомнутся под весом танка.

Всё это я изложил в докладной записке, особо отметив, что инженером Лебеде́нко уже изготовлен деревянный макет царь-танка с механизмом от патефона. Игрушка может быть интересна, как для детей, так и для высокопоставленных сановников, к которым может обратиться известный профессор и получить разрешение на реализацию проекта, впустую истратив большую сумму денег и пустив танкостроение по ошибочному для России пути.

Идея создания танка перспективна для военной мощи России, но параметры танка не должны превышать пяти метров в длину, четырёх метров в ширину и трёх метров в высоту. Для передвижения по пересечённой местности использовать широкие гусеницы, иметь противоснарядное бронирование, а на вооружении иметь не менее как трёхдюймовую пушку.

Я знал, что пишу. В моей жизни Николаю Лебеде́нко не без протекции профессора Жуковского удалось пробиться к самому царю с деревянной игрушкой на патефонном приводе. И ЕИВ вместе с инженером целый день игрались с этой игрушкой, создавая ей препятствия из книг, диванных подушек, а в конце дня царь пожаловал инженеру двести тысяч рублей личных денег на постройку металлического монстра, закрыв дорогу всем имеющимся проектам и отбросив Россию назад в сравнении с другими странами-участниками Первой мировой войны.

Моя докладная записка быстро прошла все инстанции и была вынесена на обсуждение ВУК. И докладчиком назначен я! Это уже нечто.

Вероятно, Иноземцев Николай Петрович расписал меня в стихах и красках, если только что переведённого поручика из провинции назначили докладчиком по очень серьёзному вопросу на комитете, который находится под председательством начальника Главного штаба и состоит из всех начальников управлений, начальника Академии Генерального штаба и десяти членов по Высочайшему назначению.

Это означает, что мой доклад разойдётся по инстанциям и будет известен в высших кругах. Если доклад будет удачным, то карьера для полковника Иноземцева и его помощника обеспечена, если случится неудача, то поручика из провинции могут задвинуть обратно в провинцию и забыть о нём навсегда.

Мой доклад был небольшим, всего лишь пятнадцать минут и чертёжниками из канцелярии комитета были подготовлены схемы царь-танка, мою схему танка как прототипа танка Т-34 и схему танка «Вездеход» конструктора Александра Пороховщикова, который бился со своим проектом во все двери. Этот танк в моём докладе не упоминался, но был припасён на случай возможных вопросов по нему. Кстати, в моём времени этот конструктор занимался конструированием самолётов, был дважды репрессирован и в 1941 году всё-таки расстрелян как враг народа. Дед знаменитого советского киноактёра Александра Пороховщикова.

Доклад был назначен на 30 августа. В назначенное время я вошёл в конференц-зал. Слово мне предоставлял заместитель начальника Главного штаба, так как с марта 1909 года и по март 1911 года Главный штаб обходился без начальника в связи с бюрократической чехардой при назначении высших должностных лиц. Только в марте 1911 года начальником Главного штаба был назначен бывший командир 5-го армейского корпуса генерал от инфантерии Михневич Николай Петрович. В моё время после Октябрьской революции Михневич поступил на службу в РККА. Преподавал на Первых Петроградских артиллерийских курсах, в Артиллерийской академии (1919-1925). Умер в 1927 году.

Свой доклад я построил так, что отдал должное проекту царь-танка, как азиатской арбе, выполненной в металле, но без учёта того, сколько нужно ослов или верблюдов, чтобы тянуть эту арбу.

Оглушительный смех прервал моё выступление.

Я рассказал, что изобретатель уже сделал маленькую деревянную модель своего танка с пружинным двигателем от граммофона. И эта игрушка шустро бежит и преодолевает препятствия, приводя в восторг детей. А если эту игрушку сделать из броневой стали, то она не сдвинется с места, потому что не

известно, сколько потребуется патефонов для приведения её в движение. Я не думаю, что после такого заключения Лебедеенко со своей игрушкой прорвётся в покои ЕИВ.

Я также доложил, что танк является прекрасной мишенью, возвышающейся на десять метров на любой местности, и будет уничтожен вторым выстрелом из любой полевой пушки, а потерявшие центровку колеса из-за поломки или повреждения спиц, сомнутся как японский зонтик.

Я уважаю труды профессора Жуковского и его племянников, но им лучше сосредоточиться на вопросах авиации, так как в этом вопросе наша страна отстаёт. Ещё я предлагаю найти хорошего конструктора, который построит действительно перспективный тип бронированной машины, и я развернул рисунок танка Т-34, указав его примерные тактико-технические данные.

- Господин поручик, а вам знаком проект гениального конструктора Александра Пороховщикова? – задал вопрос один из генералов, членов комитета.

- Так точно, Ваше превосходительство, - ответил я, - эта модель полезна тем, что она выявила многие недостатки, которых нет в представленном мною прототипе танка. Индивидуальный «вездеход» Пороховщикова, который застревает в неглубоком снегу и буксует в грязи, не сможет сыграть в современной войне существенной роли, разве что только для развлечения находящихся на позиции нижних чинов. Я бы предложил сделать стальные кирасы для штурмовых подразделений, которые будут прорывать оборону противника и снабдить всех солдат стальными шлемами с забралами, то есть второй защитной пластинкой, которая наверняка защитит от попадания пули в голову солдата. И времени на это мало. Япония аннексировала Корею, ущемив наши интересы на Дальнем Востоке. На Балканах Черногория объявила себя независимым королевством, выйдя из сферы влияния Австро-Венгрии. В Копенгагене прошёл Конгресс Второго Интернационала, который объединяет социал-демократов, пытающихся превратить любую войну в социалистическую революцию. А России нужна победоносная война, чтобы поразить врагов внешних и внутренних.

Я сделал наклон головы в сторону председательствующего, показывая, что доклад окончен.

Сначала была тишина, потом моему выступлению поаплодировали. Чего-то я часто стал получать аплодисменты. А это всё потому, что в школе хорошо учился, в училище тоже и старался читать как можно больше книг, утоляя всё возрастающий интерес к новым знаниям.

Мой доклад не остался без внимания. Полковник Иноземцев стал генерал-майором и руководителем научно-технического отдела, а мне был пожалован чин штабс-капитана с назначением на должность старшего консультанта в этом отделе и выделен отдельный кабинет.

С Марфой Никаноровной мы отпраздновали моё повышение.

- За будущего генерала, - засмеялась жена и сказала, - никогда не думала, что смогу стать генеральшей.

Марфа Никаноровна устроилась младшим врачом-интерном в Мариинскую больницу и стала готовиться к экзамену на врача. В свободное время мы гуляли по городу, ходили в театры и вообще старались быть в курсе светской жизни столицы.

Мой кабинет стал быстро заполняться технической документацией с прожектами всего и вся, а изобретатели осаждали мой кабинет. Пришлось взять технического помощника старшего писаря Терентьева Христофора Ивановича, который делал опись прожектов, и я по этой описи разбирался, что первостепенно, а что маловажно.

Проект царь-танка забраковали окончательно и в нынешней истории уже не будет встречи конструктора с ЕИВ и их игрушек с деревянной моделью танка. Зато я познакомился с профессором Жуковским лично.

Его превосходительство действительный статский советник Жуковский Николай Егорович по приезду в Петербург пожаловали ко мне в кабинет лично при полном параде в вицмундире со звездой ордена Станислава первой степени и орденом Святого Владимира третьей степени на шее.

- Милостивый государь, - грозно начал он, - прошу объясниться по поводу того оскорбления, которое вы нанесли мне на заседании ВУК с разбором проекта царь-танка.

Вот они круги по воде. Прав был Козьма Прутков, когда сказал своё незабвенное: бросая в воду кирпичи, считайте круги ими производимые, иначе ваше занятие будет пустым времяпровождением. У меня ещё на следующую неделю назначена встреча с полковником Фёдоровым, изобретателем автомата.

Я быстро встал, предложил профессору Жуковскому стул и отправил помощника в буфет за двумя стаканами хорошего чая с бутербродами. В буфете меня знали и никогда и ни в чём не отказывали, зная мою щепетильность в уплате всех долгов.

- Ваше превосходительство, - сказал я, - искренне рад личной встрече Вами и поверьте мне, я никогда не допускал оскорбительных высказываний в

адрес светила российской науки и родоначальника аэродинамики, которая ещё принесёт такую славу, о которой не догадываются наши современники. Авиация – это освоение безбрежного воздушного океана, и я верю, что скоро аэропланы всех систем будут бороздить небо, перевозя пассажиров и грузы и во всём этом будет чувствоваться рука профессора Жуковского и его учеников.

А тут и помощник мой поспел с подносыком с чаем и записочкой со стоимостью всего на нём.

- Ваше превосходительство, - начал я, но был остановлен профессором, - господин штабс-капитан, называйте меня просто по имени-отчеству. - Хорошо, Николай Егорович, грядёт большая война, в которой будут участвовать почти все страны мира. Если нам удастся избежать её, то это будет благом, а если избежать не удастся, то нам нужно воевать, чтобы победить решительным ударом и натиском наших войск. А для этого потребуется помощь авиации. Военной авиации. Что вы скажете по поводу аэродинамики вот такой формы самолёта-истребителя и бомбардировщика, - и я нарисовал самолёт, который можно было бы назвать и «Лавочкиным», «Яковлевым», «Фоккером», «Мессершмиттом», «Харрикейном» и «Аэрокоброй».

- Так-так, позвольте взглянуть, - и Жуковский взял мой листок бумаги. – Интересная компоновка летательного аппарата. А какое у него покрытие?

- Покрытие может быть любым, - сказал я, - от пропитанного лаком перкаля до тонкого листового алюминия. А вот это вид самолёта с фронта, а это сверху, - и я быстро нарисовал схему. Для специалиста это сразу понятно, в чём тут дело. – Инженеры Микулин и Стечкин специалисты по двигателям и могли бы создать двигатели для этих самолётов, которые будут развивать скорость до шестисот километров в час.

- Э, батенька, - погрозил мне пальцем профессор, - таких скоростей человечество достигнет не раньше, чем через сто лет, но попробовать нужно.

- Николай Егорович, - спросил я, - а вы не рассматривали вопрос подъёмной силы несущего винта для создания летательного аппарата вертикального взлёта и посадки.

- Как это подъёмной силы несущего винта? - спросил профессор. – У винта есть тянущая и толкающая способность.

- Правильно, - согласился я, - при горизонтальном полете так и происходит. Но когда летательный аппарат летит вертикально вверх, то включается подъёмная сила винта, создающая разрежение воздуха сверху и уплотнение воздуха снизу. Лопасть винта - это то же самое крыло. Представьте, что у летательного аппарата нет крыльев, но сверху на валу мотора

установлены четыре крыла-лопасти, создающие подъёмную силу и поднимающие аппарат в воздух, - и я нарисовал схему вертолѐта.

- Так, всё, хватит, - сказал профессор, - мне на сегодня достаточно информации. Мне нужно всё обдумать. Эти бумаги я забираю с собой, - и он сгрѐб все мои рисунки. – В воскресенье прошу в семь часов послеполудни с супругой пожаловать на обед, вот моя визитка.

Он повернулся и пошёл к двери, не прощаясь, но у двери остановился и сказал:

- Хотите работать со мной главным специалистом по идеям?

- Спасибо, профессор, вы работаете в Москве, а я уж лучше у себя в Петербурге, здесь столько много идей и я иногда чувствую себя таким неграмотным, что приходится обращаться за консультациями к светилам науки.

Из рассказа Терентьева.

Я хорошо помню те времена, когда начал работать у Его благородия.

- Смотри, - говорил мне начальник канцелярии, надворный советник, у которого в подчинении были все нестроевые писаря. – Твой будущий начальник человек таинственный и с большими связями. За один день стал из рядового зауряд-прапорщиком и получил в командование роту, а после окончания военного училища сразу стал поручиком. У него такие связи, что и ты можешь человеком стать рядом с ним, а можешь и вообще в арестантские роты попасть. Лови каждое его движение и впитывай всё, что он знает. В будущем пригодится.

Работа была несложной. Нужно упорядочить все документы, занести их в учётную книгу и знать, где и что лежит.

Почерк у меня был приличный, поэтому я сразу писал письма под диктовку и получалось красиво и без помарок.

Когда в наш кабинет ворвался статский генерал Жуковский с блестящими погонами и золотыми орденами, я, признаться, оробел и был рад, что меня отослали за чаем с бутербродами. Помощником у буфетчика был мой старый знакомый и он делал для Его благородия бутерброды из нежирного мяса, так как варѐное сало мой начальник на дух не переносил, а вот сало солѐное и копчѐное ел с большим удовольствием.

Когда я вернулся в кабинет, то Его благородие с профессором оживлѐнно беседовали и было видно, что профессор находится в хорошем расположении

духа. Чай вообще сделал обстановку встречи непринуждённой и расстались они как старые друзья.

Полковник Фёдоров поначалу тоже был очень грозным, но когда они углубились в чертежи, то обо мне совсем забыли и расстались как два добрых знакомых. Надо же, вроде бы речь шла о закрытии проекта, а все кончилось добром.

Глава 49

«Обед» – наиболее почётный вид приёма. Проводится в промежутке между 19.00 и 21.00. Форма одежды – парадная (фрак, смокинг, вечерние платья). Меню: холодные закуски – только по одному рыбному или мясному блюду и овощные салаты. Затем подают бульон с гренками, за ним какое-либо мясное блюдо. Могут быть два горячих кушанья, одно из них рыбное. Обед заканчивается десертом. До этого убирают всю посуду, которая была предназначена для предыдущей еды. В заключение подаётся чай, кофе.

Вопрос за вечерним платьем для Марфы Никаноровны. Оказалось, что в багаже было и вечернее платье. Конечно, оно не было вечерним, но длинным и моя мастерица украсила его кружевами, на шею надела тонкую золотую цепочку и получилось вечернее платье. Мне легче. Парадная форма она для всех случаев жизни, но надеть эполеты приятно. Я был не в форме Главного штаба, а в форме присвоенной мне указом ЕИВ армейской пехоты. Помните у Пушкина: «Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне». Правда, я уже не прапорщик, прапорщиком мне так и не пришлось побыть, зауряд-прапорщик – это всё равно не прапорщик, но уже штабс-капитан и женатый.

День, назначенный для торжественного ужина, приходился на Рождество. Все ходили друг к другу в гости, поздравляли с праздником и веселились, как могли.

С приглашениями нужно быть поосторожнее. Здесь принцип дипломатический. Ты прибыл с визитом к начальнику. Ответного визита к тебе не будет. Тоже и со званым ужином к начальнику. А вот с приглашениями тебе равных, то на приглашение через какое-то время нужно отвечать взаимным приглашением. А для того, чтобы раздавать приглашения, нужно иметь условия для приёма гостей. Нам пока рано принимать приглашения и звать к себе гостей. Это не провинциальный город, где нравы попроще.

Приём у профессора Жуковского был блестящим. В его просторной квартире в Петербурге собралось четырнадцать человек, то есть семь пар гостей. Чисто по-библейски. Вполне достаточно. Среди гостей блестел я

своими золотыми эполетами и сверкал серебром эполет полковник Отдельного корпуса жандармов Петровас Сергей Васильевич. Мне его представили, как человека, охраняющего тайны воздухоплавания.

Меня представили, как блестящего инженера-теоретика, а, возможно, и практика, почему-то избравшего себе поприщем канцелярскую работу в ВУК Главного штаба.

Мою жену ввели в женское общество, а мужчины удалились в библиотеку для поглощения аперитива (слабоалкогольный напиток, подаваемый перед едой и вызывающий аппетит, слюноотделение и улучшающее пищеварение) и табачного дыма, извлекаемого из горящих папирос и сигар.

Я аперитивами не увлекаюсь, выпьешь какую-нибудь гадость, отбивающую вкус, а потом все напитки пьются как одно и тоже, зато утром такое похмелье, что не приведи Господь. Лучше сразу выпить рюмочку водки и всё пойдёт само собой.

Хозяин, действительный статский советник Жуковский, спросил меня, как я представляю себе авиацию будущего. В моё время соотечественники шли напролом неведомыми путями, которые уже были открыты на Западе, и, возможно, там у них был такой же странный человек, который появился неизвестно откуда и везде лез со своими советами.

Я сказал, что авиация будущего будет разделена на военную и гражданскую, то есть гражданскую. В военной авиации будут самолёты-истребители, уничтожающие самолёты противника, самолёты-бомбардировщики, уничтожающие объекты на вражеской территории, самолёты-разведчики, транспортная авиация и учебные самолёты. В гражданской авиации будут пассажирские и грузовые самолёты. Для авиации нужно строить аэропорты, аэродромы с бетонными взлётно-посадочными полосами, ангары для самолётов, мастерские. Также нужны авиастроительные заводы, конструкторские бюро и учебные заведения для подготовки лётчиков и инженеров по обслуживанию и ремонту самолётов. Должна быть международная кооперация, чтобы обеспечить полёты авиации в разные страны.

- М-да, - сказал профессор, - на фоне того, что вы перечислили, мои исследования по аэродинамике являются просто сущей безделицей.

- Что вы, Николай Егорович, - успокоил я его, - именно без ваших исследований не будет ничего из того, о чём я вам тут нафантазировал.

И тут нас позвали к столу. Стол был сервирован по-домашнему. Был изысканный салат оливье в маленьких салатниках. Маленькие пельмени,

сказали, что уральские. На второе горячее блюдо котлета купеческая с грибами. На десерт чай с малиновым вареньем, причём ягоды в варенье были практически целыми.

Десерт был накрыт для женщин в стороне от основного стола, а мужчинам в библиотеке. Там же стояла и бутылка водки с закуской из канале с мясом.

- После сытного обеда, то есть ужина, по закону Архимеда, - сказал хозяин, - перед чаем полагается пропустить по рюмочке за наш сплочённый творческий коллектив. Как нам рассказал господин штабс-капитан, задачи перед нами стоят грандиозные. Мы должны вытянуть авиацию на первое место в мире! И вас, господин Туманов, мы просим быть консультантом в решении авиационных проблем.

- Господа, - взмолился я, - какой же из меня консультант? Я профан во всех вопросах, так, кое-что где-то читал, что-то видел, а всё остальное это обыкновенная фантастическая экстраполяция изобретений с моим представлением будущего.

- Нам и нужен такой консультант с фантазиями будущего, - запротестовали коллеги Жуковского. — Вы посмотрите на господина Жюля Верна из Французской Республики. Всё, о чём он писал, считалось фантазиями, а сейчас всё это вокруг нас. С 1905 года после его ухода у нас нет таких писателей-фантастов, которые могли бы предвидеть будущее, предложить учёному миру направления научных и технических исследований и организовать мировое соревнование, кто получит приоритет в производстве.

- Господа, естественно, я буду поддерживать нашу науку и технику и подсказывать по мере своего опыта и фантазий, - сказал я. — Но я ещё скажу вам, что нужно внимательно следить за результатами работы ваших коллег за рубежом и использовать эти наработки. Они внимательнейшим образом следят за нами, используют наши наработки, и никто и не собирается говорить о нашем приоритете. Когда начнётся война, будет не до приоритетов, господа. Речь пойдёт о жизни и смерти. Разве математики не используют методики решения задач, открытые другими математиками? Насколько я знаю, для решения теоремы Пуанкаре придётся использовать много математических наработок и победителем будет тот, кто решит эту проблему первым. Плотник учится у плотника делать венец в виде ласточкиного хвоста. Стоматологи обмениваются приёмами лечения зубов. Очень интересны опыты с радиоактивными элементами, которые проводят супруги Кюри. А работы господ Резерфорда и Рентгена могут вызвать революцию в тех областях, о которых мы сегодня и не догадываемся. Британский микробиолог Александр Флеминг проводит очень интересные исследования с культурами грибов.

Чего-то меня понесло. Хорошая водка, хороший ужин, ароматная папироса, внимающая компания интеллигентных людей, но всё равно нужно соблюдать осторожность.

- Да, господа, - засмеялся я, - мне только дай волю для фантазий, я такого могу нафантазировать...

Мою иронию поддержали и стали обсуждать какие-то свои проблемы, хотя я слышал обрывках разговоров фамилию Пуанкаре и Флеминга.

Мы остались вдвоём с полковником Петровасом.

- Знаете, господин штабс-капитан, - сказал он, - подполковник Скульдицкий очень верно охарактеризовал вас как человека с энциклопедическими знаниями, в том числе и в вопросах политики. Не подскажите, чьих политических рук это дело, - и он протянул мне сложенный на четыре части листок бумаги формата А5.

На листе было напечатано стихотворение. Шрифт немного неровный, крупный и качество печати такое, как будто это печатали на коленке или печатник был неопытным.

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, надишие рабы!*

- А что говорят ваши специалисты, господин полковник? – спросил я.

- Все склоняются к тому, что это проделки социал-демократов, - сказал полковник, - и кто-то из молодых поэтов стал работать с ними. Стихи крамольные, можно сказать народовольческие, и призывают к террористическим актам против ЕИВ и всего августейшего семейства.

- Сдаётся мне, господин полковник, - сказал я, - что стих этот написал гордость всея России, известный поэт Пушкин Александр Сергеевич. Ода его называется «Вольность». Пусть специалисты проверят, может, я в чём-то и ошибаюсь, но она была написана про казнённого короля Франции Людовика.

Глава 50

Новый 1911 год мы встречали в кругу семьи, то есть вдвоём.

Я всегда недопонимал сущность этого праздника. Это, примерно, как день рождения. Ура, смотрите все - это я родился! Мне стало на год больше, и я стал на один год ближе к своей смерти.

В славянские времена всё было по-другому. Славянский Новый год или Новолетие приходится на 14 сентября. Этот день является первым днём нового церковного года - индикта.

Осенью завершались работы в поле и начинались засидки (работа в избах при огне) по обработке урожая. В этот день вечером гасили старый огонь в доме, а ранним утром зажигали «новый».

14 сентября славяне обходили все поля с особыми песнями и закличками, чтобы в будущем году урожай был хорошим. В этот же день перебирались в новые построенные дома и справляли новоселье.

К этому дню заканчивали все торговые и хозяйственные договоры и сделки, уплачивали дани, оброки и пошлины.

В Новолетие проводились обряды «пострига» в воинство и крестьянство детей, достигших возраста 3-4 лет. Это тоже сопровождалось празднествами и гуляниями. Если говорить попросту, то это всё равно как человек получает новый чин или орден, и он это дело празднует. Точно также и при назначении на новую должность. Это действительно праздник. А что новый год нам приносит? Ничего. Новый год можно назначать на любой день и ничего от этого не изменится.

Славяне люди хитрые и они, несмотря на все притеснения церковников, оставили себе праздник, который назвали Проводы зимы и наступления весны.

И что-то мне вдруг вспомнилось, что в моё время 14 сентября было совершено покушение на председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина. Надо спасти мужика, он может изменить историю и направить Россию по особому пути.

Китайцы празднуют новый год по лунному календарю в один из дней между 21 января и 21 февраля и называют это праздник Праздником весны (чхунь цзие). Празднуют его пышно и целую неделю, заканчивая празднества в Праздник фонарей, отмечая пробуждение природы и подготовку к новому сельскохозяйственному году, обеспечивающему китайцев едой и приносящему богатство.

Примерно также празднуют в буддистских странах Монголии и Кореи.

Мы с Марфой Никаноровной сидели за столом, пили вино (она) и желали друг другу здоровья и исполнения всех желаний. В полночь мы встали и чокнулись рюмками, возвещая приход Нового года в наш дом.

- Я представляю, что бы сказали мои родители, увидев нас с тобой вдвоём здесь, - сказала она. - Я, до сих пор не верю, что мы вместе и будем вместе до конца.

Мы выпили ещё, я закурил и сказал:

- Знаешь, на новый год и в крещение люди гадают, и я хочу погадать о нашем будущем. Смотри сама. Максимум года через три начнётся большая война. Подготовка к ней идёт полным ходом и остановить её нельзя. Война продлится не менее трёх лет и приведёт к революции и гражданской войне, погубив десятки миллионов людей.

- Откуда ты всё это знаешь? - шёпотом спросила меня Марфа Никаноровна.

- Я не знаю, - сказал я, - я гадаю и думаю, как это можно предотвратить или перенести всё с наименьшими последствиями для нас с тобой.

- И как всё это будет? – спросила меня жена.

- Не знаю, - сказал я, - но твоя профессия врача будет особо востребована в этот период. Полевая хирургия будет заглавной, а ты у меня специалист по разным травмам. Мужчин призовут в армию и самые большие потери будут у рядовых и необученных. Мне, как офицеру, более или менее ясно, как нужно выживать на войне. Я хочу сказать, что нам с тобой сейчас пока рано заводить детей, чтобы не обречь их на страдания войны. Лет через десять мы всё ещё будем молоды и способны завести дом полный детей.

Марфа Никаноровна прислонилась к моему плечу и заплакала. Я гладил её голову и утешал, что всё ещё может повернуться по-иному.

- Мне через десять лет будет сорок пять, - плакала моя жена.

- Перестань плакать, - говорил я, - ты что, забыла: сорок пять баба ягодка опять.

Поплакать иногда полезно. Стресс снимается и слёзные протоки прочищаются.

Главный штаб после новогодних и рождественских каникул в работу втягивался медленно. Начальникам тоже нужно отдохнуть, а подчинённым не резон тревожить начальнические размышления о грядущем.

Меня вызвал к себе генерал-майор Иноземцев и спросил, известно ли мне о таинственном событии в районе реки Подкаменная Тунгуска. И что я об этом думаю.

Я ответил, что событие произошло в июне 1908 года и, по моему мнению, в этом районе произошёл взрыв огромного метеорита.

- Свидетели говорят, что вокруг повалены деревья и никаких пожаров тайге не было. Какой же это взрыв? – спросил меня начальник.

- Когда летит пуля, то она сжимает перед собой воздух, иначе бы она летела не на километр, а на десять километров, - начал объяснять я. – А метеорит над Тунгуской был очень огромным. Он так же сжимал перед собой воздух, а сзади у него не было воздуха, так как он не успевает лететь за метеором. Разница давлений привела к огромному взрыву, когда огонь полетел назад, а впереди образовалась сильнейшая звуковая волна, которая и повалила деревья без всяких пожаров.

- Заумно, господин штабс-капитан, - сказал генерал-майор. – Очень заумно. Общение с профессором Жуковским явно идёт вам на пользу. К нам по линии министерства иностранных дел поступают заявки на разрешение провести изыскательские и исследовательские работы в этом районе для определения причин взрыва и поиска материальных следов. Как вы думаете, может нам стоит организовать войсковую экспедицию туда?

- Вряд ли нам стоит посылать туда экспедицию, - сказал я. – Там непроходимая тайга. Для того, чтобы доставить личный состав и необходимое оборудование придётся потратить много денег. Очень много денег. Комарья в этом районе столько, что слоны оттуда разбегаются, клещи размером с ладонь, а солдат без привычки вряд ли долго там выдержит. Потом, в том районе очень много суеверий и каждая трудность будет подгоняться под это суеверие. Было бы целесообразным разрешить иностранцам отправить туда экспедиции, чтобы узнать, что они там нашли. А потом мы эти находки цап-царап себе.

- Хитро, а откуда слоны в Тунгусской тайге? – спросил генерал Иноземцев.

- Слонов там нет, Ваше превосходительство, это я так, для образности сказал.

- Сегодня ожидайте полковника Фёдорова с чертежом своего автомата, постарайтесь переговорить с ним по-деловому, - сказал генерал, - если не будет получаться, вызывайте меня.

Полковник Фёдоров появился после обеда и снова с такими же претензиями, как и профессор Жуковский. У всех авторов и конструкторов излишне высокое самомнение. Они считают, что они гении, что вот это, предлагаемое к рассмотрению – самое гениальное и любой критик – это ретроград, который совершенно ничего не понимает и заслуживает если не затрещины, то вызова на дуэль, на худой конец. Литератор начинает кричать, что применённое им слово является квинтэссенцией написанного им романа. Конструкторы не менее агрессивны в отстаивании своего детища. Допустим он сделал лестницу с высотой ступеней в семьдесят сантиметров. По этим ступеням могут ходить только высокие люди с постоянной опасностью разрыва брюк в области промежности. И хоть кол ему на голове теши, всё стоит на своём. Таких нужно гнать и забыть об их существовании, даже если в его изобретении было что-то и полезное. Чуть попозже придёт другой изобретатель с тем же самым, но пригодным для всех.

Вошедшего полковника я приветствовал так, как и положено младшему по чину приветствовать старшего офицера.

Бросив чертёж на мой стол, он развернул его и грозно спросил:

- Так что же вам не нравится в разработанной мною схеме автомата?

- Господин полковник, - начал я свой ответ, - я знаю, что вам приходится быть привязанным к японскому патрону Арисака, взяв за основу автоматику пулемёта Максим с коротким ходом ствола при отдаче выстрела. Такая система пригодна для мощного патрона и стационарного оружия. Использование этой системы в автоматической винтовке приведёт к сильной отдаче в стрелка и снизит точность стрельбы. Для автоматической и самозарядной винтовки лучше использовать систему отвода пороховых газов из канала ствола в газовую камеру, которые будут толкать газовый поршень с затворной рамой и затвором. Таким образом, можно одновременно создать автоматическую и самозарядную винтовки. Можно сделать отдельную затворную раму с затвором и отдельно толкатель с газовым поршнем.

Я нарисовал ему схему автоматики, которая применяется в автомате Калашникова.

- А вам разве не передали мои предложения по совершенствованию автомата? – спросил я.

- Нет, -хмуро ответил полковник Фёдоров, - мне устно передали, что вы полностью забраковали мою систему.

Я взял карандаш и снова набросал схемы советского пистолета-пулемёта системы Судаева образца 1943 года, немецкого пистолета-пулемёта МР-40 и советского пистолета Макарова, использующих систему отдачи свободного затвора.

- Господин полковник, - сказал я, - если вы сделаете хотя бы один из трёх видов этого оружия, вы прославите себя на века своим именем на этом оружии. У меня есть некоторые мысли по конструктивным особенностям этих схем, и я с удовольствием поделюсь ими без какого-либо упоминания моего имени в этом деле.

Фёдоров ушёл от меня в некотором успокоении, но я предполагал, что этой Арисакой ему ещё проедят плешь.

Глава 51

Год начался с катастроф регионального масштаба.

В январе в городе-крепости Верный произошло землетрясение магнитудой десять баллов. Город был почти полностью разрушен. Среди населения многочисленные жертвы. Город Верный это раннее название города Алма-Ата, в котором я учился в пограничном училище. Город постоянно заливался селевыми потоками из урочища Медео и только после строительства дамб в середине шестидесятых годов опасность селевых потоков исчезла.

В середине февраля в Таджикистане произошёл крупнейший горный обвал объёмом в два с лишним миллиарда кубических метров горной породы на реке Мургаб, в результате которого образовались естественная плотина и Сарезское озеро. В моё время озеро наполнилось к 1926 году, создавая опасность прорыва в реки Пяндж, Аму-Дарья и далее мощным селевым потоком до Аральского моря, сметая всё на своём пути.

Катастрофы и стихийные бедствия всегда были предвестниками крупных войн и многочисленных жертв. Как-будто Создатель, один раз напустивший на Землю очистительный Всемирный потоп, решил периодически напускать катастрофы и войны, чтобы обновлять население, но каждый раз убирая самых лучших представителей населения, производя массовую депопуляцию на земле.

В марте, когда началось раскручиваться знаменитое дело Бейлиса, меня пригласил к себе профессор Жуковский, приехавший по делам в северную столицу.

В квартире профессора я застал и жандармского полковника Петроваса.

- Не обижайтесь, господин штабс-капитан, - сказал он, - но это я напросился к профессору, чтобы встретиться с вами в неофициальной обстановке. Вы же знаете отношение армейских офицеров к представителям Отдельного корпуса жандармов. И второе, я не хотел, чтобы на вас пала тень каких-либо отношений со мной.

- Замечательно, господин полковник, - с улыбкой сказал я, - на языке определённого сословия это называется прелюдией к вербовочной беседе и дальше пойдёт предложение секретного сотрудничества в интересах Веры, Царя и Отечества.

- Мне уже говорили о ваших энциклопедических познаниях, поэтому я не удивлён вашей оценкой нашего разговора, - сказал полковник Петровас. – Речь действительно пойдёт о секретной работе в интересах государства, но без всяких подписок и псевдонимов.

- Я слушаю вас, - сказал я и приготовился к вопросу о социал-демократах и не ошибся.

- Почему-то вас опасается Санкт-Петербургское охранное отделение, - сказал полковник, - и моё руководство поручило мне установить с вами контакт на предмет выяснения причин этого, а также того, можете ли вы нам помочь выявить социал-демократов, работающих в государственных учреждениях.

- В отношении контакта можете считать поручение выполненным, - сказал я. – У меня остались прекрасные отношения с начальником жандармского управления губернии подполковником Скульдицким и, вероятно, останутся такими же. А вот с социал-демократами дело обстоит намного хуже. Вы вместе с полицией загнали социал-демократов в глубокое подполье и вытолкнули за границу, не понимая того, что у нас всё население является в той или иной мере социал-демократами.

Социал-демократы считают, что наиболее эффективной экономической системой является рыночная конкуренция на базе частной собственности и что необходимо держать её под контролем общества, не допуская монополизации со стороны частных предприятий или государства.

Разве вы с этим не согласны? Согласны, я это знаю. И многие люди согласны. Но для этого у людей должны быть экономические и политические свободы. А людей вместо свободы начинают дубасить палками или казацкими нагайками по спине. То есть, власть сама радикализировала социал-демократов, выпестовала из них стойких революционеров, боевиков-террористов, агитаторов и сейчас пытается бороться теми же методами с этой социал-демократией.

Обыватели и интеллигенция будут молчать, а выявление соцдеков в госструктурах будет обыкновенной охотой за ведьмами и ещё более всколыхнёт общество, увеличив число социал-демократов. Это как гидра. Отрубишь одну голову, на её месте вырастает две-три головы. Вот в этом я вам помогать не буду.

Другое дело в нейтрализации их деятельности здесь и за границей. Но для этого государство должно предпринять какие-то шаги по демократизации общества. Именно демократизации. Не соцдеки должны демократизировать общество, а власть.

- Получается, что вы считаете бесполезной борьбу с социал-демократией? – перепросил меня полковник Петровас.

- Выходит, что так, - сказал я. – Охранка знает мои взгляды, поэтому и считает меня неблагонадёжным элементом. Но нужно учитывать, что методы борьбы есть разные и прежде всего экономические. Та же Госдума является небольшим шажком вперёд, но эти шажки настолько маленькие, что непонятно, в какую сторону эта Дума движется, а постоянные их роспуски только подтверждают тезисы соцдеков, что за лучшую жизнь нужно бороться. А мне от вас нужна помощь.

- Что за помощь, - встрепнулся заскучавший от моих политических лекций полковник.

- Мне нужно встретиться со святым старцем Григорием Ефимовичем, - сказал я, - но встреча должна быть конспиративной. Надо мне старцу как старому знакомому пару слов шепнуть на ухо.

- А почему вы думаете, что он вас примет? – спросил полковник. – Он человек привередливый и без подношения или без большой протекции никого не принимает.

- А вы ему передайте, что с ним ангел хочет встретиться, тогда и посмотрите на его реакцию, - сказал я.

- Хорошо, посмотрим, - сказал полковник и откланялся по своим делам.

Да, однако, я его не обрадовал.

Время как раз было обеденное и профессор Жуковский пригласил меня отобедать с ним, чем Бог послал. А Бог, судя по всему, благоволил к профессору.

- Вы знаете, - сказал профессор, - хлебая ложкой вкусный борщ, мы проверили в аэродинамической трубе нарисованные вами модели и получилось,

что такие летательные аппараты имеют почти идеальную форму и способны развить совершенно потрясающую скорость. Я уже рекомендовал некоторым конструкторам взять это на вооружение. Я посчитал подъёмную силу винта обыкновенного и составленного из четырёх тонких крыльев. Результаты потрясающие. Но как поднять мотор вверх? Ведь в вертикальном положении он работать не будет.

- Поднимать вверх и не нужно. Достаточно установить его по центру геликоптера, - сказал я и профессор сразу же перебил меня:

- Какое чудесное имя вы ему придумали. Винтокрыл. Геликоптер. Это обязательно нужно закрепить за нами. Российский приоритет должен быть во всём.

- От двигателя вверх пойдёт вал к несущим лопастям, - сказал я. - За счёт изменения шага винта будет регулироваться скорость, а за счёт его наклона – направление его движения по горизонтали, либо по вертикали.

- Поразительно, - сказал Жуковский. – Вы обязательно должны быть у нас консультантом по вопросам воздухоплавания в воздушном океане.

- Николай Егорович, - предложил я, - обратите внимание на конструктора Сикорского. Мне кажется, что идея геликоптеров обязательно заинтересует его.

На этом мы обед закончили, и я пошёл к себе в присутствие, то есть в Главный штаб.

Глава 52

По дороге в присутствие я обнаружил за собой слежку. Наблюдение за собой выявлять очень просто. Для этого нужно немного сосредоточиться и перестать думать о всякой ерунде, а просто заняться игрой в лица, вспоминая, видел ли ты когда-нибудь человека, сегодня встретившегося тебе. Кроме лиц нужно отмечать самые интересные элементы гардероба женщин или мужчин. Я, например, знал, что для филёров департамента полиции и Охранного отделения было закуплено сукно горохового цвета на верхнюю одежду. Какой дурак это придумал, до сих пор не известно, но кто-то хорошо нагрел руки, или как говорили в моё время, попилил бюджет. Так вот гороховое пальто мне встретилось только сегодня и после встречи с полковником Отдельного корпуса жандармов Петровасом. Вербовка с одновременным установлением слежки. Это что-то новое в практике агентурно-оперативной работы жандармского сыска.

Кстати, в отношении гороховых пальто. Гороховый цвет все представляют по гороховому супу, который варится из лущёного или колотого гороха жёлтого цвета. Жёлтый цвет по-простому называется канареечным. А вот гороховый цвет имеет множество оттенков, например, малахит, зелёный луг, весенний, морской зелёный, нефрит, зелёный, яркий лайм, трилистник, шартрез, лесной зелёный, яблоко Грени, мята, ультразелёный, хаки, аспаргус, оливковый, горчичный.

Предрасположенность к этим цветам генетическая. Так что, если увидите кого-то в машине канареечного или горохового цвета, то знайте, что это филёр или генетический потомок филёра российской империи.

По другой версии, служащие учреждения на Гороховой улице имели один и тот же покрой пальто, который делал их похожими друг на друга как однояйцевых близнецов.

Петербург я знал очень плохо, но каждый день при возвращении домой уделял с полчаса на изучение улиц и проходных дворов, прилегающих к присутствию и месту жительства. Просто так. На всякий случай. Мало ли чего. Кроме этого, в моём кабинете висела карта Петербурга. Специально повесил, чтобы лучше представлять, что и где находится. И в присутствии я тоже уделял не менее получаса, чтобы запомнить, что и где находится и по каким улицам лучше до него дойти. Примерно, как лётчик, который по карте изучает район боевых действий.

Свернув в один из проходных дворов, я быстро прошагал его и встал с левой стороны, приготовив револьвер. Вначале послышались осторожные шаги, которые стали убыстряться и потом перешли на бег, чтобы не потерять меня. Вскочившего мужичка в котелке с утеплением я ухватил за лацкан горохового пальто и сунул к его носу револьвер:

- Ты кто такой, сука? - зарычал я.

- Ваше благородие, - закричал мужичок, - не убивайте, Сивковы мы.

- Какие ещё нахрен Сивковы? - сказал я. — Я только тебя здесь вижу.

- Это мы с папашей, - заговорил мужичок, - папаша у меня филёр и я филёр. Сивковы мы. Работаем в Охранном отделении у господина Сизокрылова, титулярного советника.

- Ну и что? — спросил я. — Я-то здесь при чём? Чего ты за мной таскаешься?

- Не знаю, Ваше благородие, - запричитал филёр, - следи, говорят, за их благородием, выявляй, с кем он общается, чем интересуется. И смотри, говорят,

на глаза ему не попадайся, иначе мы тебя вместе с папашей из филёров-то и выкинем. Чего я теперь папаше-то скажу? - чуть не плакал филёр. – Из-за меня и его работы лишат. Работа-то собачья. А другого ремесла мы и не знаем.

- А если бы тебе приказали убить меня? – спросил я филёра.

- А чё нам делать-то? – заскулил филёр. – Мы люди подневольные, чего нам прикажут, то и делаем. Начальству оно виднее, в кого стрелять, а кого удавить в переулке.

- А ты не думаешь, что когда к власти придут социалисты, то они вас с папашей удавят где-нибудь в тюремной камере? – спросил я.

- Папаша говорит, что революции нам бояться не резон, - уже спокойнее сказал мой пленник, - филёры и тюремщики при любой власти нужны, как проститутки и артисты.

- Умён, сукин кот, - сказал я. – И что мне прикажешь с тобой делать?

- А отпустите меня, - сказал Сивков. – Вы сами по себе, и я сам по себе.

- Хорошо, - сказал я. – А кто у вас за старцем святым следит? За тем, что к чете царской вхож.

- А мой папаша и следит, - сказал филёр.

- Так вот, если хочешь остаться на службе, - сказал я, - то пусть папаша твой устроит мне встречу со святым. Понял?

- Понял, чего же не понять, - сказал Сивков, - только папаша мне устроит взбучку за то, что я попался.

- А ты ему об этом не говори, - предложил я, - скажи, что должен одному хорошему человеку услугу сделать. Он тебя спас, а ты ему отплатить должен, а то расплата будет нехорошей.

- Вы, господин хороший, в Питере не так давно, - сказал Сивков, - у нас не принято угрожать филёрам.

- Грозишь? - усмехнулся я. – Я тебя сейчас пристрелю и пойду домой пить чай. А твой папаша пусть тебя хоронит и в деревню отпишет, что откинулся ты в деревянном макинтоше надолго, если не навсегда.

- Ваше благородие, - взмолился филёр, - век жизни благодарен буду, семью в город хочу перетянуть, не убивайте, всё сделаю, как вы просили.

- Как тебя зовут-то, Сивков? - спросил я, убирая револьвер.

- Константином кличут, Ваше благородие, - отозвался бывший пленник.

- Константин — значит постоянный, стойкий, по имени твоему и Константинополь назвали, - сказал я. — Я тебе верю. Встречаться будем здесь. Каждую неделю во вторник проверяй тумбу афишную на углу Литейного. Увидишь красный крест с левого края — приходи в полдень на следующий день. Нарисуешь чёрный крест с правого края — жди меня в полдень на следующий день. Поверь, что со мной лучше дружить, чем враждовать. И смени пальто. В этом пальто любой признает в тебе филёра.

Я поправил на себе портупею и спокойно пошёл к выходу на проспект. В принципе, за слежку можно не беспокоиться. Она есть и это уже успокаивает.

В газете прочитал, что Марии Склодовской-Кюри присуждена Нобелевская премия «За выдающиеся заслуги в развитии химии: открытие элементов радия и полония, выделение радия и изучение природы и соединений этого замечательного элемента». Это, пожалуй, самое значительное открытие двадцатого века, устанавливающее вооружённый паритет между странами, способными устроить мировую бойню.

Дни шли за днями, а я, честно говоря, ничего не сделал особенно такого, что могло бы изменить нашу жизнь. Целыми днями я рассматривал проекты, ценные продвигал вперёд по военной линии, потому что гражданские чиновники меня бы и слушать не стали. Надо же, какой Ньютон выискался, сказали бы они и пошли курить в курилку, обсуждая ножки танцовщиц в балете.

Сомнительно, что за три года при том уровне технологий могут ввести в действие те виды оружия, которые я рекомендовал конструкторам в виде рисунков и простейших схем. Я всё-таки не инженер, но устное пояснение давал после того, как за подписью начальника Военно-учёного комитета отправлялась заявка на разработку опытного образца. Всё упиралось в деньги, а деньги выделялись на дредноуты после славной «победы» при Цусиме.

Время идёт неумолимо. Оно не подчиняется тем, кто работает круглые сутки или круглые сутки сидит себе на диване и предаётся мечтаниям. Все эти сетования на то, что время летит быстро, или время идёт медленно, ничего под собой не имеют. Длительность секунд не изменилась ни на миг. Хотя миг - это русская мера времени, равная секунде.

Все словари дают определение, что миг — это очень короткий промежуток времени; мгновение, момент. Однако, момент это - средневековая английская мера времени, равная полутора минутам. Один час - это сорок моментов.

Если вам говорят: подождите момент, то вам нужно ждать не менее полутора минут.

Есть и старославянские единицы времени. Начнём с календаря. В календаре век или, как его называли, круг жизни содержит сто сорок четыре Лета. В каждом Лете было девять месяцев и три сезона - Оусень, Весна, Лето. Отсюда и слова пошли – летопись, летоисчисление, сколько вам лет. Ведь никто не спрашивает, сколько вам годов? Все говорят, а сколько вам лет? Итак, Лето – девять месяцев. Месяц – сорок один или сорок дней (в зависимости от того нечётный или чётный месяц). День – шестнадцать часов. Час – сто сорок четыре части. Часть – одна тысяча двести девяносто шесть долей. Доля – семьдесят два мгновения. Мгновение – семьсот шестьдесят мигов. Миг – сто шестьдесят сивов. Слово «сигануть» как раз и пошло отсюда. Сиг – четырнадцать тысяч сантигов. Новые сутки начинались с заходом Солнца. Только у российских пограничников новые пограничные сутки начинаются с заходом солнца, то есть в двадцать часов, как и у прародителей наших. Да и слово сутки есть только в русском языке и в славянских языках. Сутки – это соединение, стык дня и ночи.

Неделя состояла из девяти дней: понедельник, вторник, тритейник, четверг, пятница, шестица, седмица, осьмица и неделя. Все месяцы начинались в строго определённые дни недели. Например, если первый месяц года начинается во вторник, то и все остальные нечётные месяцы будут начинаться во вторник, а чётные – в седмицу.

Чего-то вспомнилось, когда мы в училище выясняли, почему пограничные сутки начинаются в двадцать часов. Кое-что осталось от календаря и сегодня. Поминовение умершего родственника совершается через неделю (9 дней) и через месяц (40 дней), то есть на девятый и сороковой день.

Я тут подсчитал, что славянский век намного длиннее европейского. В европейском веке 1200 месяцев и 36000 дней, а в славянском веке 1298 месяцев и 51920 дней.

Но чёрт подери, время идёт, а Петровас и Сивковы как сквозь землю провалились. Слежку за собой не наблюдаю. Это не значит, что её нет. Возможно, что за мной ведут наблюдение издалека, отпуская на почтительное расстояние.

Глава 53

В первый вторник апреля месяца на афишной тумбе справа я увидел чёрный крест. Небольшой крестик на уровне пояса. То есть, рисовавший крест человек не махал руками, выискивая удобное место, а подошёл к тумбе и спокойно рисовал на уровне опущенной руки.

На следующий день я отпра­сился в Пуб­личную библио­теку и около по­ловины двенадцатого по­полудни был в райо­не обус­лов­лен­ной встре­чи. Всё было спо­койно.

Я зашёл в под­во­ротню и за­курил. Мало ли за­чем офи­цер зашёл в под­во­ротню. Про­хо­жих было мало, а в под­во­ротню никто не за­хо­дил и не вы­хо­дил.

По Сив­ко­ву можно было про­ве­рять время и одет он был в при­лич­ное пальто тёмного цвета.

- Вы распо­ла­га­е­те вре­ме­нем для встре­чи? – спро­сил он. И по­лу­чив ут­вер­ди­тель­ный от­вет пред­ло­жил по­е­хать на из­во­з­чике.

Вый­дя на про­спект, мы взя­ли ли­ха­ча.

- На Го­ро­хо­вую, - ска­зал Сив­ков, - дом ше­сть­де­сят че­ты­ре.

На Го­ро­хо­вой Сив­ков-мла­д­ший пе­ре­дал меня Сив­ко­ву-ста­р­ше­му, солид­но­му го­спо­ди­ну, по­хо­же­му на куп­ца или при­каз­чи­ка, ко­то­рый кивком го­ло­вы при­г­ла­сил сле­до­вать за ним. Меня при­ве­ли в ко­м­на­ту, где сто­ял стол с че­ты­рь­мя стуль­я­ми, а бли­же к окну сто­яло бю­ро с пи­сь­мен­ны­ми при­на­д­ле­ж­но­стя­ми.

- Неужели по ве­че­рам Рас­пу­тин пи­шет сти­хи или ме­му­а­ры? – по­ду­ма­лось мне.

Ми­нут че­рез пять в ко­м­на­ту во­шёл Рас­пу­тин.

- А ты че­го си­дишь-то, Ва­ше бла­го­ро­дие? – ко­ман­д­ным го­ло­сом спро­сил ста­рец, ко­то­рый был лет на пят­на­д­цать ста­р­ше меня. – Все про­си­те­ли сто­я из­ла­га­ют про­с­ь­бы.

- Са­ди­сь! - при­ка­зал я. – Гор­ды­нюш­ку-то свою не от­б­ро­сил, как я тебе го­во­рил? Так ведь я мо­гу вы­пол­нить своё обе­ща­ние, - ска­зал я и на­по­ло­ви­ну вы­та­щил ша­ш­ку. – Остальное всё сде­ла­ет Гос­подь наш.

Рас­пу­тин плюх­нул­ся на стул и си­лил­ся вспо­м­нить, по­че­му я с ним так раз­го­ва­ри­ва­ю.

- У тебя что, па­мять от­шиб­ло? – спро­сил я. – Мо­жет тебе на­по­м­нить энскую съез­жую? Я о чём тебя пред­уп­ре­ждал и что я тебе го­во­рил?

- Ан­гел? – толь­ко и ска­зал Рас­пу­тин.

- Мозги-то свои не все мадерой повымыл? – спросил я. – Почто ничего не делаешь? Царя с семейством погубить хочешь. Кого-то ты на его место приготовил?

- Ваше благородие, - заговорил Распутин, сидя на краешке стула и в готовности бухнуться на колени, - никак не знаю, как подступиться к этому делу. Ведь скажи я им это, меня же на плаху сразу отправят, а так я по мере своей возможности всё время помогал вам...

- Слушай меня внимательно, - сказал я. – Самым главным охранителем царя в России является премьер-министр и министр внутренних дел Столыпин. Он и тебя бережёт.

- Как бы не так, - запротестовал Распутин. - Да он мой самый первейший враг.

- Слушай дальше, - сказал я. – Охранка царская готовит покушение на Столыпина. В сентябре месяце агент охраны совершит покушение на него в Киеве, куда он поедет с царём на открытие памятника Александру Второму. Так вот, ты и должен убедить царицу, что Столыпин - это есть главный их охранитель от революций и войн, и что царь должен даровать народу конституцию и сделать своё правление как у своего кузена в Великобритании, который не боится никаких революций, помня о своём предшественнике короле Карле Первом, которому Кромвель отрубил голову. Ты хоть запомнил то, что я тебе сказал?

Немного подумав и пожевав губами, Распутин сказал:

- Ничего не помню. Ты уж, Ваше благородие, ещё раз Расскажи, да так, чтобы никто не подумал, что это слова не мои.

- Давай, запоминай, - сказал я. – Тебе приснился Ангел. Он сказал, чтобы царь съездил в Англию к брату своему королю Георгу. Запомнил? Георг должен научить царя, как избежать революции. Ангел сказал, что вся надежда царя на Столыпина. Столыпина хотят убить в Киеве в сентябре. Запомнил?

Распутин довольно толково пересказал всё, что я ему рассказал.

- И учти, - сказал я, - через три года начнётся большая война, которая разрушит Россию. И ты вместе со Столыпиным должен выступать против войны. Россия не должна воевать за дядю. Ей достаточно святой земли и черноморских проливов. Когда встретишься со Столыпиным, скажи ему, что с ним хочет встретиться Ангел. Если он согласится, то Сивков найдёт меня. Только как бы поздно не было. И не подведи меня. Всевышний возложил на тебя тяжкую миссию.

Я встал и вышел из комнаты.

- Как, Ваше благородие? – спросил меня Сивков-старший.

- Нормально, - сказал я. – Если старец будет меня искать, сын твой знает, как меня найти. Ты правильно сказал, что революции вам не страшны, но нам нужно избежать революции.

Я вышел на улицу и заметил, что из окна за мной наблюдал Распутин.

В мае газеты сообщили, что третьего числа германский статс-секретарь Альфред фон Кидерлен-Вехтер изложил план военного вмешательства в Марокко с целью потребовать от Франции территориальных уступок в колониях. План одобрен кайзером Германии.

Пятнадцатого числа прошло сообщение, что ЕИВ с августейшим семейством на яхте «Штандарт» отбывает в Великобританию для встречи и переговоров со своим кузеном королём Георгом Пятым. Также августейшая чета примет участие в церемонии коронации Его Величества Георга Пятого, которая состоится 22 июня сего года. На время отсутствия ЕИВ Верховным Правителем России назначен премьер-министр Столыпин Пётр Аркадьевич.

Глава 54

Мой ежедневный маршрут в присутствие проходил мимо афишной тумбы на Литейном. И семнадцатого мая я увидел чёрный крест с правой стороны. Надо же, у Сивковых появилась потребность в срочной встрече. Что-то случилось.

На следующий день я покурил в знакомом проходном дворе и увидел быстро идущего ко мне Сивкова-старшего. Действительно у папаши и сыночка очень доверительные отношения, раз он открыл ему способы связи.

- Ваше благородие! – воскликнул он. Именно воскликнул, а не сказал. – Ваше благородие! Вас разыскивает Верховный правитель Его Высочайшее Величество Столыпин!

- С чего бы это? - спросил я, прекрасно понимая, что до таких исполнителей никогда не доводят целей отданного приказа.

- Не знаю, Ваше благородие, - сказал филёр, - однако Григорий Ефимович приказали срочно разыскать и предоставить вас к Его Высочайшему Величеству.

- Ладно, поехали, - сказал я.

Извозчик с Сивковым-младшим уже стоял ниже по улице. Все-таки младшой не рассказал отцу, как он подаёт сигналы, иначе бы папаша был один. А когда они вдвоём выполняют серьёзное задание, то и награду могут получить оба, не выпуская ничего за пределы семьи.

Мы довольно быстро доехали до дома номер 57 на Набережной реки Фонтанки, где размещалась штаб-квартира Министерства внутренних дел империи. Там же и располагался Председатель Совета министров, он же министр внутренних дел и в настоящее время Верховный Правитель, как особа близко приближенная и особо доверенная ЕИВ.

Так как министерство внутренних дел ведало делами всех губерний, то и заседания Совета министров проходили там же.

В Совет министров входили Министр внутренних дел, Министр финансов, Министр путей сообщения, Министр иностранных дел, Министр юстиции, Военный министр, Министр народного просвещения, Министр императорского двора, Морской министр, Министр торговли и промышленности, Министр земледелия, Государственный контролёр и Обер-прокурор Святейшего Синода.

Совет министров рассматривал направления законодательных работ и предложений комитетов и комиссий по законодательным вопросам, вносившимся в Государственную думу и Государственный совет; предложения министров по общему министерскому устройству и о замещении главных должностей высшего и местного управления; рассматривал по повелениям императора дела государственной обороны и внешней политики, а также дел по Министерству Императорского Двора и уделов; руководил расходованием государственного бюджета и вопросами кредитов.

На входе в министерство меня принял чиновник с погонами коллежского асессора и повёл по тёмным коридорам министерства, которые ведали настолько тёмные дела, что на их фоне коридоры выглядели светлыми дорожками в счастливое будущее. В одном из коридоров я увидел полковника Петроваса, выразившего неподдельное удивление моим появлением чуть ли не в святая святых Российской империи.

Ладно, это лирика. В приёмной меня сдали с рук на руки кавалерийскому ротмистру с петлицами полиции. Был кавалеристом, а стал полицейским. Бывает. Не пошла служба в армии, зато в полиции сделал головокружительную карьеру.

Я снял португепю с шашкой и поставил её в угол в специальное деревянное приспособление, куда в гражданских учреждениях ставят зонтики.

В приёмной Верховного Правителя, хотя бы и временного, было много высокопоставленных чиновников и был свежий воздух. Никто не курил, так как Столыпин был сам некурящим и ещё заканчивая обучение в Санкт-Петербургском университете, написал диссертацию на экономико-статистическую тему «Табак (табачные культуры в Южной России)».

Я тихонько присел в уголок и стал размышлять над тем, что мне готовит день сегодняшний: заключение в Тауэр или столыпинский галстук. Шутка. Куда попало галстуки не возили. Но зато я нахожусь в приёмной автора «столыпинского вагона».

Ровно в два часа после полудня говор в приёмной стих. Хозяин приехал в свой кабинет после обеда. Все стали шелестеть бумагами, оглядывая в последний раз то, с чем они пришли, понимая, что времени на разглагольствования им не дадут.

Вошедший в кабинет ротмистр-адъютант вышел через пять минут и жестом пригласил меня. Я встал и под удивлённые взгляды посетителей пошёл к дубовой двери.

- Говори чётко и не разливайся по древу, - дал мне напутственный совет адъютант.

Я вошёл в кабинет и оказался маленьким человечком на фоне массивного письменного стола, красной дорожки к нему и огромного ростового портрета ЕИВ в гвардейском мундире с огромной саблей и горностаевой мантией, ниспадающей с августейших плеч.

На фоне этого портрета даже высокий Верховный Правитель выглядел коротышкой, чуть повыше меня.

- Ваше высокопревосходительство, штабс-капитан Туманов, - доложил я.

Столыпин, заложив руки за спину, подошёл ко мне, стоящему у двери и начал ходить поперёк красной дорожки, поглядывая на меня так, как будто собирался вышвырнуть из кабинета этого офицеришку, который неизвестно как проник в высочайший кабинет.

Я стоял и, как положено по Уставу, провожал взглядом высокопоставленное лицо. Интересно, у кого первого закружится голова.

Наконец, премьер Столыпин остановился напротив меня и спросил:

- Так это вас называют Ангел?

- Пока называют так, - сказал я.

- Пока?! – чуть не взвился Столыпин. – Кем же вас будут потом называть?

- Архангелом, - спокойно сказал я. Терять-то мне было нечего. Обрету же я весь мир. Шутка. Последствия состояния в коммунистической партии.

- Что вы наговорили проходимцу Распутину, который так разрисовал меня перед ЕИВ, что он меня оставил Верховным Правителем? – спросил премьер.

- Правду сказал, - спокойно ответил я.

- Какую правду? – кипятился Столыпин.

- Что вы человек честный, но невыдержанный и плохо воспитанный, - сказал я. Тут я, конечно, перехлестнул, но как говорят китайцы, если не перегнуть, то палку не сломать.

- Проходите, - сказал Столыпин и показал на стул у приставного столика, а сам прошёл и сел в кресло.

- Я слушаю вас, - сказал он.

- Извините, Ваше высокопревосходительство, но это вы вызвали меня, а не я врался к вам на приём, поэтому я хочу знать, по какой причине я вызван.

- Да вы что, издеваетесь надо мной? – рассвирепел Столыпин. Правильно говорили, что в запале он опасен.

- Совершенно не издеваюсь. Когда к Понтию Пилату привели Иисуса Христа, который называл себя Сыном Божьим, то прокуратор тоже не знал, что ему делать и как относиться к тем истинам, что говорил этот низкий человек. А он проповедал простые Истины. Не убивай. Не укради. Не возжелай жены ближнего своего. Не мечи бисер перед свиньями. И пусть правая рука не знает, что делает левая рука. И я пришёл сказать, что если всё останется так, как оно есть и если мне никто не поверит, то четырнадцатого сентября нынешнего года, в Киеве при посещении театра премьер Столыпин будет смертельно ранен агентом охраны, а восемнадцатого числа умрёт в киевской больнице.

- Что за ерунда? – возмутился Столыпин.

- Через три года начнётся Великая война, в которой примут участие с одной стороны Сербия, Российская империя, Третья французская республика, Британская империя, Австралия, Британская Индия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз, которые выставят сорок три миллиона человек, а с другой стороны Австро-Венгрия, Германская империя, Османская империя,

Болгария, Королевство Польское, которые выставят двадцать пять миллионов человек. Всего погибнет десять миллионов человек, а раненных будет двадцать миллионов человек.

Столыпин молчал и, чувствовалось, что он не верил.

- И это ещё не всё, - продолжил я. - В феврале 1917 года в России произойдёт революция. Все командующие фронтами выступят за отставку ЕИВ. Отречение будет подписано на станции Дно. В марте 1917 года ЕИВ вместе с семьёй попытается выехать в Англию как английский генерал-адмирал и родственник короля Георга Пятого, но король официально откажется принять при королевском дворе опального российского императора Николая II с царской семьёй и фактически запретит ему въезд и дальнейшее проживание на территории Великобритании. В 1917 году демократическая революция в России сменится пролетарской революцией и к власти придут большевики во главе с Лениным, которые перевезут ЕИВ с семьёй в Екатеринбург и в 1918 году расстреляют всех, включая врача Боткина и всю прислугу. Дальше я не буду говорить, вам всё равно это будет безразлично, начиная с восемнадцатого сентября сего года. Да, забыл. В 1916 году святого старца Григория Ефимовича застрелят и утопят в Неве подо льдом. Так что, пусть ЕИВ в последний раз увидится со своим кузеном.

Глава 55

Столыпин молчал. Затем позвонил в колокольчик и вошёл адъютант. Столыпин отдал ему какое-то приказание. Адъютант кивнул и вышел в комнату для отдыха премьера.

- Как можно вам верить? – спросил Верховный Правитель.

- Не знаю, - честно сказал я. – Я появился здесь в 1907 году. В течение года сдал экзамены за полный курс гимназии и классического университета. Поступил в военную службу, в течение одного дня стал зауряд-прапорщиком и командиром роты в кадетском корпусе. Сдал экзамены за полный курс военного училища и получил чин поручика. Награждён двумя медалями за храбрость на георгиевской ленте и Анненской медалью за заслуги. Сейчас работаю в Главном штабе и имею чин штабс-капитана.

- Я что-то слышал про вас, - стал припоминать премьер. – Что-то мне такое говорил генерал-губернатор Степного края, когда приезжал с докладом. Пойдёмте, попьем чай, - и премьер предложил пройти в его комнату отдыха, откуда уже выглядывал адъютант.

В комнате был диванчик, кресло и между ними стоял столик на колёсиках и на столике было накрыто для того, чтобы выпить пару рюмок и хорошенько закусить.

- Сенцов, вы что-нибудь слышали? – спросил Столыпин адъютанта.

- Никак нет, Ваше высокопревосходительство, - сказал вышколенный адъютант и вышел.

- Водка, коньяк? – спросил хозяин. - Водка, я тоже предпочитаю водку, - сказал он и налил по стопке. – Так за упокой или за здоровье?

- Это решать вам, - сказал я и протянул к нему рюмку.

Немного подумав, Столыпин чокнулся рюмкой и выпил.

- Рубикон перейдён, - сказал он и начал закусывать ветчиной. – Что предлагаете делать?

- Сначала нужно спасти вашу жизнь, - сказал я. – Для этого в Киеве нужно сменить всю охрану и арестовать агента охраны Богрова. Он исполнитель. Если сделать это за пару дней до посещения оперы, то никто и ничего не успеет организовать по новой. Докажите, что вы предотвратили покушение на ЕИВ и что покушение готовил начальник охраны.

- Так, дельно, - сказал Столыпин. – Дальше что?

- Дальше нужно убедить ЕИВ о даровании свобод и ограничении самодержавия. Расскажите о явлении к вам Ангела, который рассказал историю вашей и их жизни, и скором их конце. Ссылайтесь на Распутина. Явление Ангела к одному человеку – это одно, а явление к двоим – это уже что-то. Политическая власть в стране должна осуществляться Госдумой от имени ЕИВ и Советом Министров во главе с премьер-министром от имени ЕИВ. Победившая партия выдвигает премьера и формирует правительство, которое утверждает ЕИВ.

- Но это же британская система, - сказал Столыпин.

- Да. Но это единственный способ сохранить монархию. Дальше нужно всеми силами сопротивляться втягиванию России в большую войну. Она нам абсолютно не нужна. И России не нужны никакие проливы. Любой наш военный корабль мирно пройдёт через любой пролив в любой точке мирового океана. Пусть кто-нибудь попытается воспрепятствовать этому. И нужно нейтрализовать социал-демократов путём проведения демократических преобразований в стране и решения социальных задач. У зажиточного народа

времени на революции нет, а зажиточный народ - это главный показатель мощности государства в целом.

- Я вот слушаю вас, господин штабс-капитан, - сказал Столыпин, - и всё равно червь сомнения вертится у меня в голове, не являетесь ли вы фармазоном с перьями или немецким шпионом, заброшенным к нам под видом потерявшего память.

- Вряд ли немецкий шпион догадается, что фармазон с перьями - это мошенник в погонах, а мошенник в погонах вряд ли нафантазирует то, что является государственной тайной, особенно в плане визита ЕИВ с вами на открытие памятника деду императора, - сказал я.

- Резонно, - сказал премьер. — Мне нужно, чтобы вы постоянно были у меня под рукой для консультаций и даже не возражайте, это приказ. Будете личным чиновником для особых поручений и числиться по армии. Связь держите через Сенцова по телефону. Он вас обустроит здесь.

- А что я скажу своему руководству? – спросил я.

- Ничего не говорите, оно само вас известит об изменении вашего служебного положения, - сказал Столыпин и протянул мне руку.

В присутствии меня ждал изобретатель пистолета Макарова по фамилии Коровин. Конечно, это уже будет не пистолет Макарова, а пистолет Коровина. В моей жизни тоже был пистолетный конструктор по фамилии Коровин, но его пистолет был какой-то горбатый, который давали только партийным руководителям, не шибко понимающим толк в оружии для защиты от народа, «поддерживающего» коммунистов.

У меня на столе был чертёж и опытный образец пистолета под патрон парабеллум. А вот внешний вид не совсем устраивал меня, привыкшего к почти совершенству пистолета Макарова. Пришлось прорисовать некоторые детали, чтобы в пистолете не было ни одного винта, за исключением того, который держит щёчки рукоятки.

Коровин сидел рядом и говорил:

- Господин штабс-капитан, почему вы сами не конструируете пистолеты?

- Некогда, уважаемый, чем больше в России будет конструкторов, тем сильнее будет наша Русь, - сказал я. — И запомните, первым из пистолета я стрелять не буду, но, если вы не сделаете шедевр, лучше на глаза не показывайтесь.

Фёдоров писал, что в пистолете-пулемёте Шпагина, который уже будет автоматом Фёдорова затвор разбивает затыльник. Отписал ему, чтобы усилил возвратно-боевую пружину и сделал фибровый затыльник. В группе Фёдорова разрабатывали и автомат Калашникова под патрон Арисака. Американцы во второй половине двадцатого века уменьшили калибр своих автоматов, а мы, пользуясь знаниями того времени уменьшили калибр по японскому образцу в начале двадцатого века. И патроны израсходуем, и сделаем новый автомат, потому что сделать то, что уже было сделано, невозможно, всё равно получится что-то новое.

Через неделю ко мне в кабинет зашёл генерал майор Иноземцев и положил передо мной лист бумаги. Письмо из канцелярии премьер-министра о присвоении мне чина капитана и откомандировании на должность чиновника по особым поручениям при премьер-министре Российской империи.

Быстро. И опасно. Что если предложение ЕИВ поделиться властью с народом будет расценено как измена? Расстреляют вместе с премьер-министром и моё пребывание здесь будет простым времяпровождением, разве что останутся следы в военной технике.

- Господин штабс-капитан, - спросил меня генерал, - а это как прикажете понимать?

- Ума не приложу, Ваше превосходительство, - сказал я, - всё так похоже на мой перевод от генерала Медведева в Петербург. Нашёлся другой покупатель, но консультации по вопросам вооружения я продолжу в любом случае.

Марфа Никаноровна тоже была в недоумении, как быстро я продвигаюсь по служебной лестнице. Естественно, она отписала Иннокентию Петровичу и жене Иванова-третьего. Ну, информация об этом разнесётся быстро.

Моей карьере можно только позавидовать, но когда ветер дует в спину, то глупо было сопротивляться. И ещё говорят, чем выше заберёшься вверх, тем большее падать вниз. Ну, я не из графёв и князей, как-нибудь прокормлю себя и свою семью.

Интересный этот чин капитана. На погоне один просвет и ни одной звёздочки. Чин обер-офицерский, а титулуют Ваше высокоблагородие.

Проводов в ВУК не устраивали. Я там работал без году неделя, меня мало кто знал и моё появление почти никем не было отмечено. Или, наоборот, отмечено и доложено в соответствующие инстанции.

- Ваше высокоблагородие, - попросил меня старший писарь Терентьев, - возьмите меня с собой, лишним там не буду.

- Подожди, Терентьев, - ответил я ему, - дай мне до нового места службы добраться, а там придумаем что-нибудь.

Расторопный ротмистр Сенцов уже нашёл помещение в две комнатки, которые он хотел объединить в одну, чтобы сделать просторный и внушительный кабинет, но я его остановил, сказав, что в просторном кабинете все мысли разбегаются по дальним углам, а я люблю работать в маленьком кабинете. Дальняя комнатка будет моим кабинетом, а в ближней к коридору комнате будет сидеть мой помощник, старший писарь Терентьев Христофор Иванович, работавший со мной в ВУК.

- Ты писульку туда направь о прикомандировании его ко мне, - попросил я Сенцова.

Пока в кабинетах делали ремонт, я заканчивал все дела в ВУК. Затем представился по случаю убытия всем моим начальникам вплоть до начальника ВУК. С генерал-майором Иноземцевым мы условились, что я всегда приду на помощь в составлении заключения по прожекам и буду консультировать по новинкам вооружения и техники, так как считаю, что это не менее важное дело, чем работа чиновника по особым поручениям при премьер-министре Российской империи. С ним же я решил вопрос об откомандировании со мной Терентьева. Этот вопрос тоже решился очень быстро, так как из канцелярии премьера пришла соответствующая бумага.

Новоселье пришлось как раз на день коронации короля Георга Пятого и день нападения на мою родину Гитлера. Нам всю жизнь забивали голову, что именно в этот день началась Вторая мировая война, а до этого всё, что было, это так, игрушки. Однако, именно Сталин открыл Гитлеру путь в Польшу и сам захватил половину страны под предлогом того, чтобы оттянуть время нападения Гитлера на нас. Мол, если бы не Сталин, то Отечественная война началась бы на два года раньше. Да война бы вообще не началась, если бы Сталин топнул ногой, как он топал на своих военачальников, которых группами и поодиночке расстреливали в подвалах ЧэКа и на расстрельных полигонах, понатыканных вокруг столицы и областных центров страны, где так вольно дышит человек.

Пётр Аркадьевич Столыпин тоже посетил мою келью и остался доволен тем, как я обустроился.

- Очень уютно у вас, Олег Васильевич, - сказал он. – Скоро приезжает из Англии ЕИВ с семьёй, и я размышляю, как я ему всё расскажу. Поймёт ли он меня?

- Ваше высокопревосходительство, - начал я, но премьер отмахнулся, - у меня есть имя и отчество и для вас я Пётр Аркадьевич, а вот на людях я для вас Ваше высокопревосходительство.

- Пётр Аркадьевич, - продолжил я, - одна мудрая женщина говорила мне в своё время: если не знаешь, что говорить, то говори правду. Лучше всего, если при разговоре с царской четой будете присутствовать вы, Распутин и я. Представьте меня как Ангела. Я подробно расскажу, как начнётся война, как застрелят и утопят в Неве Распутина, как низложат царя и как в доме купца Ипатьева будет расстреляна вся их семья, не пожалеют никого, а драгоценности, спрятанные в платьях великих княжон большевики заберут себе. Думаю, что это их образумит.

- А если это подтолкнёт к кровавому террору, хуже, чем в 1905 году? – спросил Столыпин.

- Тогда, Пётр Аркадьевич, в дело придётся вступать Ангелу, - сказал я.

- Как это и что это будет? - забеспокоился Верховный Правитель.

- Всё будет зависеть от обстоятельств, - сказал я.

Мы помолчали.

- Вы бы хоть закурили, - сказал премьер. – Табачный дым действует отвлекающе.

- У меня есть средство почище дыма, - сказал я и звякнул в колокольчик. Появившемуся в дверях Терентьеву я сказал, - сделай-ка нам, братец Терентьев, по стакану чая с сибирскими травами.

- Слушаюсь, Ваше благородие, - сказал Терентьев и исчез.

- Чего-то это он вас благородием титулует, - сказал Столыпин, - непорядок это.

- Простите, Пётр Аркадьевич, - сказал я. – Мне больше так нравится. Если у человека благородия нет, то никакими титулованиями это не изменишь. При людях он меня правильно титулует, а при виде вас растерялся.

- А вы действительно Ангел? - спросил Столыпин.

- Все мы ангелы по рождению. – сказал я. – Ангелы Божьи знают больше, потому что Книгу судеб читали и судьбу людей знают. И им дано право наставить людей на путь истинный. Только вот никто не знает, какой же путь истинный. И Ангелы этого не знают. Является ли добром проявление милосердия к Каину, убившему своего брата Авеля? Является ли справедливостью отрубание руки человеку, укравшему кусок хлеба, чтобы не умереть с голода? Преступно ли стремление раба к свободе? И однозначного ответа на эти вопросы найти нельзя. Не тот враг, кто тебя толкнул яму, и не тот друг, кто тебя вытащил из ямы. Всё взаимосвязано и цепочка событий может выстроиться так, что никто не сможет предугадать, что получится в итоге.

- А вы знаете, как в России трактуется притча о человеке, упавшем в яму? – спросил Столыпин.

- Знаю, Пётр Аркадьевич, - сказал я, - только большинство поминает не яму, а кучу дерьма, и, к большому сожалению, это является самой полной характеристикой русских.

- А если ЕИВ прикажет схватить вас и казнить? – допытывался премьер-министр.

- Я не удивлюсь этому, - сказал я. – Я не удивлюсь, если ЕИВ даст народу выбор – казнить меня или Ваньку-Каина. И народ выберет для казни меня. Значит народ от Рождества Христова не изменился ни на йоту и сколько сынов Божьих не будет ниспослано к ним, чтобы искупить грехи человеческие, народ будет так же грешен, как и был. И стоит ли жалеть такой народ? Не стоит. Изобретение Марии-Скловской Кюри окажется тем Армагеддоном, по сравнению с которым Всемирный потоп был прогулкой на лодках по искусственному пруду в парке. И власть царская не от Бога, а от народа, который его терпит. Если бы власть императоров была от Бога, то большинство их заканчивало бы свой жизненный путь в геенне огненной, а не в своей постели. И если царь хочет испытать свою судьбу, то пусть испытывает. Я палец о палец не стукну, чтобы ему помочь. И народ вместе с ним окунётся в пучину массовых репрессий, и будет подличать, чтобы хоть как-то выжить. Кстати, вы первым можете ощутить на себе, прав я был или не прав. У оружейников я заказал пластинчатую кирасу из броневой стали для вас, и прошу вас ежедневно носить её и снимать только во время сна. Бережёного и Бог бережёт. Тогда не будем тревожить улей и дождёмся вашей поездки в Киев.

Вошедший Терентьев принёс нам чай с мелиссой, корнем валерьяны, чабрецом и листом лимонника.

После чая Столыпин выглядел бодрым, но чувство тревоги не спадало с него ни на один день.

Глава 57

Я начал игру и думал, что буду от неё в стороне, но, похоже, мне придётся играть первую скрипку в оркестре.

Дома я старался быть таким же, как и всегда, но не всегда мне это удавалось, что было замечено и Марфой Никаноровной.

- Что случилось? – спрашивала она.

- Никак не могу решить одну проблему, - говорил я, - но она секретная и с кем-то поделиться с ней нельзя. Даже с тобой. Но скоро всё решится.

- Это опасно? – спрашивала Марфа Никаноровна.

- Как тебе сказать, - отшучивался я, - вся наша жизнь состоит из опасностей. Чуть зазеваешься и на тебя извозчик наедет. А уж у военного человека так опасность на опасности. Слишком сильно вытянулся перед начальством – растяжение всего организма и всё тело начинает болеть. Если всё перечислять, то придётся писать целую книгу, а у меня на это времени нет.

Марфа Никаноровна была человеком любознательным и натурой творческой, что вообще-то не так характерно для медицинских работников. А, с другой стороны, как не медикам быть творческими натурами. Ведь они ваяют нового человека, потерявшего своё здоровье в суровых условиях жизни в нашей стране.

Мы с ней ходили на выставки современных художников, на концерты модных поэтов. Я старался ничего не говорить, чтобы не обижать художественные вкусы Марфы Никаноровны и её знакомых, не без интереса поглядывающих на её мужа. Я думаю, что и Марфа Никаноровна это понимала, поэтому всегда была начеку и быстренько отшивала знакомиц, попробовавших заглянуть за красную линию.

На одном из камерных поэтических концертов декадентского жанра кто-то из этих знакомиц сказала, что среди нас присутствует известный поэт и предложила попросить его прочитать свои стихи. Все начали удивлённо оглядываться и наконец все взгляды вперились в меня, так как все другие мужчины поэтами не были по определению, а я с золотыми погонами как последователь Михаила Юрьевича. Все начали аплодировать мне и говорить: просим, просим.

Делать нечего, декадентствовать, так декадентствовать.

- Весеннее, - сказал я.

*Катился май и цвёл шиповник,
В цветах каштана жизнь моя
Была как ландыш и любовник
Уехал в дальние края.*

*Любовь казалась такой вечной,
Нет ни начала, ни конца,
Я оказалась первой встречной
С рукой простою, без кольца.*

*И он с размаху предложил мне
Любовь и сердце – два в одном,
И будет общим портмоне,
И дым над свадебным костром.*

*Он растворился на рассвете,
Открыв все двери и замки,
Ну, где же есть любовь на свете
И мужики так мужики.*

- Bravo, bravo господин офицер, - аплодировали участники.

Вот ведь какая закавыка. Офицеру запрещалось снимать военную форму. Он должен всегда быть в форме и ему не рекомендовалось выступать на концертах и прочих мероприятиях, хотя это правило часто нарушалось, так как среди офицеров было много талантливых людей и их выступления наоборот способствовали росту авторитета офицеров. Поэтому на эти мелкие нарушения начальство смотрело сквозь пальцы.

Первого числа июля я сопровождал Верховного Правителя на встречу с ЕИВ в Царском селе. Пётр Аркадьевич был уже не Верховным правителем, а премьер-министром.

Мне для размещения был выделен небольшой флигель в полосе гостевых домиков, рядом с флигелем премьер-министра.

Из окна я видел, как по алее прогуливались Пётр Столыпин и Григорий Распутин. Как два закадычных друга. В коридорах министерства уже носились слухи, что премьер и святой старец закорешились, это уже традиция, что все, кто работает в министерстве внутренних дел, традиционно ботают по фене, и что это укрепляет авторитет шефа наверху.

Завтра будет аудиенция и мне нужно подготовиться. Я прилёг на диванчик и стал вспоминать всё, что я знал о начале Первой мировой войны, о революции, о том, как во время мирной революции в феврале люди практически и физически уничтожили полицию, которая терроризировала местных жителей. Повезло казакам, которых не было в столице, иначе бабы и мужики забили бы их дрекольем и свинцовыми цепями на базе ухватов. Пострадали и члены семей служащих полиции. Говорили бескровная революция, а вот он русский бунт бессмысленный и беспощадный.

Не так давно вызывал меня к себе директор департамента полиции, хотел посоветоваться по одному вопросу.

Речь шла о пропаганде социал-демократов. Они использовали рисунки талантливых художников и сделали книжечки-комиксы, где были нарисованы рыцари с погонами городских и полицейскими медалями за усердие на шее. Лица у них закрыты забралами, чтобы никто их не узнал, и они кулаками и палками бьют крестьян, студентов, интеллигентов, идущих с лозунгами «свобода, равенство, братство и счастье». За спиной лежат избитые люди, а впереди несчастные граждане, пришедшие к царю.

Книжечки разбрасывали везде, и они получили очень широкое хождение среди всех слоёв общества. Полицейских офицеров стали чураться и общение с ними стало признаком дурного тона.

- Что делать в такой ситуации? - спрашивал меня директор как чиновника для особых поручений, надеясь, что я доведу до премьера и министра внутренних дел его озабоченность.

Я полистал этот комикс. Сработано умно. Тут ничего не нужно доказывать и объяснять. Городовой он и есть городской. Из гоголевского «Ревизора» по всей России известно, что в городские назначают одних держиморд, да и офицеры у них в большинстве своём тоже держиморды.

- Что в рисунках изображено неправильно? – спросил я директора департамента.

- Какие же, скажите на милость, рыцари с погонами городских? – кипятился директор. – Городовой он и есть городской.

- Так и на рисунках тоже показано, что городские совершенно не рыцари, а в газетах пишут, что они рыцари правопорядка, - сказал я. – В чем же неправда? В тех же газетах пишут, что полицейским может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. А это на рисунках можно разглядеть?

Смотрю, директор начал багроветь. Думал, что я сейчас буду его успокаивать, говорить, что правильно бьёте палками всяких там скубентов и профессоров с лекаришками. Типа, бейте и ничего вам за это не будет.

- Так, что же нам делать? – спрашивал он.

- Тут вам надо решать, - сказал я. – Чем больше вы будете бить людей, тем больше будет таких книжек, тем больше людей будет ненавидеть вас, а потом радикальные элементы снова будут создавать боевые дружины, которые уже были в 1905 году. А суды кого судят? Тех, кого избивали палками и приговаривают их к каторжным работам. И чем сильнее будут репрессии, тем эффективнее будет работа социалистических агитаторов, тем больше будет демонстрантов.

- Вы полагаете, что мы должны идти на поводу у этих смутьянов? – и директор департамента встал из-за стола.

- Не мне вам указывать, господин тайный советник. – сказал я. – Но вашу озабоченность я доведу до Его Высокопревосходительства. Честь имею.

Я щёлкнул каблуками и вышел. Дойдёт ли до этого человека то, о чём я ему намекал. Вряд ли. Они боятся уголовников, а вот людей, идущих с политическими и экономическими требованиями они не боятся, и поэтому бросят все силы на них, потому что уголовники для них социально близкие. А потом начинается революция и в результате случается то, о чём говорил великий поэт.

Глава 58

Со сроками аудиенции у ЕИВ я ошибся. Меня вызвали в шесть часов, когда ЕИВ и премьер пообедали. В приёмной сидел и Распутин, тепло поприветствовавший меня.

- Чё-то меня подмораживает, - признался он. – Как вот папенька с маменькой нас встретят, а?

- Нормально встретят, - сказал я. – Они люди разумные и детей своих любят.

Затем пришёл курьер и пригласил Распутина в покои.

Мне хотелось закурить, но я не делал этого, потому что только закуришь, так последует срочное приглашение. Я сидел и ждал, а приглашения все не

было. Прошёл, наверное, час, мне просто лень было доставать часы, и я закурил. И сразу же пришёл курьер и пригласил меня в высочайшие покои.

Покои – это большая комната. Обстановку я описывать не буду. Это не так важно, какие были стулья или кресла, что было на столе, какая обувь была на ногах и прочая дребедень, которая пишется только для того, чтобы текст получился более объёмным и можно было отвлечь внимание читателя от главных элементов.

Так вот, государыня сидела за столом и что-то рассматривала. Государь и его премьер сидели в креслах возле маленько столика. Царь курил, а Григорий Ефимович стоял на коленях у иконостаса в углу и истово молился.

- Вот он, Ангел, спрашивай его маменька, он всё наперёд знает, - чуть ли не завыл Распутин, становясь на колени перед царицей.

- Правильно ли он говорит? – спросила меня Александра Фёдоровна.

- Правильно, - сказал я.

- А вы откуда знаете, что он говорил? Вас здесь не было, - пыталась меня подловить Александра Фёдоровна.

- Если он говорил правду, то я знаю, о чём он говорил, - сказал я.

- И о чём же он говорил? – спросила Александра Фёдоровна.

- С чего начинать, Ваше Величество? – спросил я.

- С чего хотите, любезный, - бросила императрица, как половому в третьеразрядном трактире.

- Как прикажете, Ваше величество, - сказал я. - В ночь на 17 декабря 1916 года будет застрелен и утоплен в полынье реки Невы Григорий Ефимович Распутин, стоящий сейчас на коленях в этой комнате. В марте 1917 года король Великобритании Георг Пятый официально откажет бывшему императору Российской империи гражданину Романову Николаю Александровичу с семейством выход на берега Англии и проживание в его государстве.

- Да как вы смее! – закричала Александра Фёдоровна.

- Это ещё не всё, - сказал я. – В 1918 году всю августейшую семью перевезут в город Екатеринбург, поселят в особняке купца Ипатьева и в ночь на 17 июля 1918 года застрелят и зарежут всю августейшую семью вместе с доктором Боткиным и прислугой. Всех. Вы понимаете это. А в это время в России уже во всю будет полыхать кровопролитнейшая гражданская война,

которая закончится полной победой социалистов-большевиков. А если хотите, то я могу вам рассказать, как происходило отречение хозяина земли русской Николая Романова в пользу брата своего Михаила и как Михаил отказался от этого, и его отправили в Пермь, где он был убит местными большевиками...

- Перестаньте, - закричала Александра Фёдоровна, - я не хочу ничего этого слушать! - Она села на стул, опустила руки на голову и зарыдала.

- Что же нам делать? – как-то вяло спросил Николай Второй.

- Вам нужно пойти по пути вашего кузена – короля Георга Пятого, - сказал я. – Вы глава государства, вы назначаете премьер-министра, которого предлагает парламент, вы подписываете законы, вы раздаёте дворянские титулы, награждаете орденами, принимаете глав государств, ведёте переговоры, являетесь генералом-адмиралом императорской армии, возглавляете Тайный совет, выступаете с программной речью перед новым составом парламента, окружены всеобщим почётом и почитанием, занимаетесь любимыми делами и отдыхаете на яхте «Штандарт». Трон вы передаёте по наследству, как это традиционно делается во всех монархиях. Все дела по управлению государством ведёт премьер-министр, отчитывающийся перед парламентом и согласовывающий с вами все самые важные государственные дела.

- Позвольте, - сказал император, - но это практически тоже самое, что существует и сегодня.

- Так точно, Ваше Величество, - сказал я, - только вы не будете иметь права смещать премьер-министра и министров его кабинета. Это прерогатива парламента, в котором большинство депутатов предлагает кандидатуру премьер-министра, и вы не можете её не принять, если не будет существенных претензий, с которыми согласится парламент, заменив не подходящую кандидатуру на другую.

- Но это же получается парламентская монархия! – чуть не закричал Николай Второй.

- Да, Ваше Величество, - сказал я. – Точно такая же, как и у Вашего двоюродного брата короля Георга Пятого. В марте 1917 года он не предоставил вам разрешения укрыться в Англии только по причине разногласий между партиями парламента по поводу спасения российской монархии.

- Нам надо подумать, - сказал Николай Второй.

- Времени на раздумья нет, Ваше Величество, - сказал я. – Те преобразования, которые проводит премьер Столыпин, скоро выведут страну в число передовых стран мира. И император российский будет самым

влиятельным человеком в мире. Но в стране, вернее в её верхушке, существует партия, которая хочет расправиться с Григорием Распутиным и премьером Столыпиным, чтобы заставить самодержца российского свернуть все реформы и отбросить страну назад в средневековье. И эти люди не остановятся ни перед чем, ни перед убийством святого старца, ни перед убийством премьера, ни перед убийством царя. Я вам хочу сказать, что первое убийство, убийство премьера, назначено на 14 сентября во время посещения оперного театра в Киеве. Мы приняли меры предосторожности для царской семьи и покажем всему миру лицо этих подлых убийц. Но если премьер Столыпин будет убит, то всё то, о чём я вам говорил, сбудется, возможно даже, ещё в более жуткой форме. В ваших руках судьба наследника престола и судьба ваших прекрасных дочерей.

- Мне нужно посоветоваться с Государственным советом, - сказал Николай Второй.

- Ваше Величество, - сказал я. – Перед Государственным Советом выступать будете вы. Кто из членов Совета поверит, что Вам явился Ангел и рассказал, что прописано в Книге судьбы всей Российской империи? Кто из священнослужителей поверит, что стоящий перед ними офицер есть посланец господа Бога нашего? Разве поверили Иисусу Христу и разве не распяли его на кресте? И разве не отцу дано право избавить своего сына от большевицкого распятия? Разве не имеет отец этот все права, чтобы изменить историю страны? Разве не в 1913 году исполнится триста лет царствования дома Романовых и разве не в ваших силах продлить его на нескончаемое время, а не закончить в феврале 1917 года.

- У вас приготовлены необходимые бумаги? – спросил Николай Второй.

И тут премьер понял, что совершил грубейшую ошибку, забыв большевицкий лозунг: «Вздувайте горн и куйте смело, пока железо горячо». Он глубоко вздохнул, и я уже думал, что его хватит кондратий (так в наше время называли insult), и вся наша художественная самодеятельность закончится.

Но я достал из кармана мундира вчетверо сложенный лист и подал его царю.

Тот развернул его и стал читать:

- Так, так, Астраханский и Казанский, так, повелеваю, Конституцию, так, конституцию, монархию. Вы ничего не упустили, Пётр Аркадьевич?

Столыпин взял бумагу и стал читать:

- Божиею поспешествующею милостию, Мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский,

Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския землі, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския землі и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая Повелеваем утвердить в парламенте Конституцию российской монархии парламентского типа. Второе. Столыпину П.А. сформировать правительство на основе избранного партийного большинства в Государственной Думе. Подпись. Всё правильно Ваше Величество.

- Давайте ручку, - сказал Николай Второй.

А откуда её взять? Пока дашь команду, пока принесут, подписанты могут всё и передумать. По старой специальной привычке, у человека всё должно быть с собой. Кто это сказал? *Omnia mecum porto*. Цицерон. Кстати, если фамилию Цицерон перевести на русский язык, то получится Горохов. Мог ли в России человек с фамилией Горохов стать великим оратором? Вряд ли, потому что, что бы он ни делал, ко всему будут добавлено прилагательное гороховый.

Я достал из кармана недавно купленную американскую ручку Паркер с позолоченным пером из числа недавно появившихся в России и протянул её императору. Паркер за три года сделал свою ручку мировым брендом, который сразу пишет, как только отвернёшь колпачок.

Николай Второй с интересом оглядел ручку и размашисто написал на листе: НИКОЛАЙ и поставил дату, Июля 1 числа 1911 года.

- Ручка на память об этом важном событии, - сказал я. В таких случаях и маленький чиновник может сделать небольшой подарок высокопоставленному лицу.

Я взял бумагу и послал Григория к иконостасу за свечкой. У меня уже был приготовлен кусочек красного сургуча, так, на всякий случай.

Я начал плавить сургуч на церковной свечке, и он стал падать на бумагу крупными бордовыми каплями, напоминающими кровь виноватых и невинных. Не зря у всех внутренних войск такие же цвета петлиц, погон и

головных уборов, как напоминание о крови, которую они пролили у людей, выступающих за свои права.

Я видел, как с каждой рубиновой каплей вздрагивали сидящие вокруг люди.

Николай второй уже понял, что нужно делать и снял с безымянного пальца левой руки кольцо-печатку с личной монограммой. Подышав на кольцо, он приложил его к сургучу.

Итак, демократическая революция в России, о которой так мечтали все прогрессивные люди, бескровно свершилась.

Я подождал, пока сургуч остынет, и бережно передал бумагу премьер-министру.

- Поздравляю вас, Пётр Аркадьевич, - сказал Николай Второй и пожал ему руку. – Вверяю жизнь свою и жизнь моих близких в ваши руки и Ангелу Господа нашего.

Николай Второй выглядел успокоенно и даже живо. Также выглядела и императрица, подошедшая к нему и присевшая на подлокотник кресла. В углу у иконостаса молился Григорий Распутин.

- Святое семейство, - подумал я. – Прямо-таки Тайная вечеря.

- А вы действительно Ангел? – спросила меня Александра Фёдоровна.

Я не стал отвечать, так как засмеялись все, в том числе и императрица.

- Говорят, что вы поэт, - сказала она. – Может, прочитаете что-нибудь?

Я не привык ломаться на публике, как жеманная девица, поэтому сразу прочёл из давнего:

*осень пришла, журавли улетели, листья дорогу мою устилают,
в каждом листочке четверостишие, дворник метлою по кучам сгребает.
скоро поблекнут упавшие буквы, станут обычным от листьев скелетом,
будто летали небесные рыбки, с моря сюда прилетевшие летом.
ветер сентябрьский опять каруселит, лето пригонит, зиму и весну,
так по секундам года пролетели, черные кудри спрямив в седину.*

- Прекрасно, - сказала Александра Фёдоровна, - но как-то грустно. Николя, давай попросим Петра Аркадьевича брать с собой на обеды к нам этого поэтического капитана.

- Хорошо, радость моя, - сказал Николай Второй и, обратившись ко мне, - а вас жалую орденом Святой Анны третьей степени. У капитана должен быть такой орден.

По статуту, награждение должно начинаться с четвёртой степени, красного знака за храбрость на эфес сабли. В армии этот орден запросто называли клюквой, а у меня на груди уже была Анненская медаль для нижних чинов, потому я и перескочил через ступень.

Марфа Никаноровна дома сказала, что орден нужно обязательно обмыть. Я с ней согласился, сказав, что этот орден по значимости стоит намного выше других, украшенных бриллиантами, орденов.

Марфа Никаноровна не вникала в подробности, но с удовольствием подняла рюмку за моё продвижение.

О моих успехах было отписано на периферию и вскоре Марфа Никаноровна передала поздравления от Иннокентия Петровича и Иванова-третьего.

Иванову-третьему я предлагал помощь в переводе в столицу, но он отказался, сказал, что дома ему и стены помогают служить, а в столице можно заделаться этаким Акакием Акакиевичем, у которого из-под носа уведут новую шубу.

Рассказ Терентьева.

Я помню, как Его благородие в конце присутственного времени запер на ключ дверь в наш кабинет, посадил меня за стол, дал лист настоящей гербовой бумаги, список титулований ЕИВ и показал, где и что должно быть написано.

- Смотри, Терентьев, - сказал он, - одно слово на стороне и ты уже будешь не полковым писарем Терентьевым, а покойником Терентьевым. Важные дела решаем, и от тебя судьба нашей страны зависит. Пиши!

Когда дело правое, то всё идёт как по-накатанному. Писал важный документ и руки не тряслись. Во всём Указе ни единой помарки, ни одной ошибки. Его благородие прочитал, посмотрел на просвет, свернул лист на четыре части и положил в карман.

- Где-то у тебя был кусочек сургуча, Терентьев? – спросил он.

У меня в выдвижном ящике стола всякой мелочи достаточно. Я достал две палочки сургуча. Один коричневый, другой – кроваво-красный для любовных или особо важных писем. Капитан выбрал красный.

Если что-то случится, то сразу пойду в несознанку. Знать ничего не знаю и ведать ничего не ведаю. Ничего не писал и ничего не видел. Я человек маленький. Зато, когда в газетах было опубликовано то, что я писал, а важного там было всего две строчки, то тут и я грудь колесом. На японской подвигов совершить не удалось, зато в мирное время отличился.

А потом его благородие принёс мне погоны полкового писаря, это как бы фельдфебеля у строевых, то тут и корешки мои из других отделов на меня уважительно стали смотреть.

Глава 59

Утро следующего дня началось с сенсации. Около здания министерства внутренних дел и резиденции премьера толпились многочисленные журналисты как местных газет, так и иностранных телеграфных агентств. Все уже дали первую информацию об указе императора, так как текст указа ещё с вечера телеграфом был передан в Петербург для передачи во все губернии.

Премьер-министр вышел к журналистам и показал оригинал императорского указа. Но сейчас указ был скреплён большой государственной печатью. А на этой печати указаны все титулования государя-императора.

В России есть малая, средняя и большая государственная печать. Большая государственная печать прикладывается к государственным законам, учреждениям и уставам; к статуту орденов; к манифестам; к брачным договорам членов императорского дома; к духовным завещаниям членов императорского дома при их утверждении императором; к грамотам на титул Императорского Высочества и князя императорской крови; к дипломам на княжеское и графское достоинство; к грамотам на возведение в патриарший сан католикоса всех армян; к полномочиям, аккредитованиям и отозваниям дипломатических лиц при восточных дворах; к патентам на звание консула.

Средняя государственная печать прикладывается к грамотам, выдаваемым городам и обществам, о подтверждении прав и преимуществ; к дипломам на баронское и дворянское достоинство; к ратификациям договоров с иностранными державами и к грамотам восточным правителям; к грамотам, адресованным хивинским ханам и бухарским эмирам.

Малая государственная печать прикладывается к грамотам на пожалованные земли; к патентам на чин; к благовоительным грамотам за

оказанные какими-либо сословиями заслуги и приношения; к грамотам монастырям на милостивую дачу; к грамотам на потомственное почётное гражданство; к грамотам на тарханское достоинство, то есть на документ о привилегиях сословия тюркской знати; к листам в Китайский трибунал; к ответным грамотам, к утверждениям договоров и прочего с иностранными правительствами; к паспортам, выдаваемым министерством иностранных дел.

С развитием техники связи новость об изменениях в монархической системе России почти за сутки облетела весь мир. Пришли поздравления от британского монарха Георга Пятого, и, как рассказал премьер, ЕИВ с кислой миной подписал ответ на поздравление. Хотя ещё ничего не было, но осадочек уже остался.

В стране было объявлено о свободе деятельности политических партий, не призывающих к революции и смене государственного строя. Были сняты ограничения на партийную печать и объявлено о подготовке и обсуждении Конституции Российской империи.

Одновременно было урезано государственное содержание Великим князьям, которые должны были заниматься каким-то делом или исправлять должности, чтобы получать содержание, а не сидеть на шее у трудового народа.

Все отделения собственной ЕИВ канцелярии были переподчинены соответствующим министерствам без ломки структуры, чтобы создавалась видимость имперской структуры старого стиля.

Первое отделение по исполнению личных поручений ЕИВ и подготовке законопроектов ополовинили и оставили в нём комитеты призрения заслуженных гражданских чиновников и по службе членов гражданского ведомства и наградам. Функцию подготовки законопроектов отдали в ведение канцелярии премьера.

Второе отделение кодификационной работы и обобщения юридической практики передали в ведение министерства юстиции.

Третье отделение по руководству тайной полицией и жандармерией не функционировало с 1880 года и числилось только на бумаге.

Четвёртое отделение по руководству благотворительными учреждениями, женскими учебными заведениями оставили в ведении вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны.

Пятое отделение, занимавшееся подготовкой проекта реформы управления государственными крестьянами, передали в министерство земледелия, где оно занималось вопросами переселенцев.

Шестое отделение по подготовке материалов по управлению территориями Кавказа передали в министерство внутренних дел, которое управляло всеми губерниями и территориями.

Конституционная комиссия, составленная из самых знаменитых юристов России, интенсивно работала над разработкой Конституции.

В стране царила самая настоящая революционная обстановка без насилия со стороны полиции, потому что судебные чиновники стали назначаться ЕИВ по представлению министерства юстиции и держиморды отсеивались уже на первом этапе. Много судебных чиновников было отправлено в отставку. Не обошла вниманием власть и органы прокуратуры.

В высших учебных заведениях появилось много разночинцев. Было объявлено об обязательном восьмилетнем образовании всех слоёв населения и повышении минимальной заработной платы промышленных рабочих. В Конституцию записан пункт о восьмичасовом рабочем дне.

Вместе с премьер-министром мы выехали на пригородный полигон одного из полков и там я произвёл обстрел броневой кирасы, типа бронежилета, изготовленного для Столыпина. Стрелял из нагана и иностранных пистолетов систем браунинга, рота-штайера, борхардта люгера, маузера. Дистанция двадцать метров. Все пистолеты оставляли небольшие вмятины. Зато вмятины от маузера были внушительными. Всё правильно, патроны маузера в советском пистолете ТТ обладали самой высокой пробиваемой способностью по сравнению с другими пистолетами.

15 июля германский статс-секретарь Альфред фон Кидерлен-Вехтер потребовал от Франции передать Германии всё Французское Конго (за признание французского протектората над Марокко).

Когда занят работой с головы до ног, то время начинает бежать быстрее. Вернее, перестаёшь замечать течение времени. Это как у художников. Когда он начинает рисовать, то время для него останавливается. Он его не чувствует, так и человек, занятый творческой работой, становится художником на своём рабочем месте.

По моей рекомендации Сивковы были повышены в должности. Сивков-старший стал коллежским регистратором по департаменту полиции, то есть вашим благородием, а Сивков-младший произведён во внетабельные канцеляристы, это что-то типа подпрапорщика на гражданской службе. Они работали под моим руководством и собирали информацию о настроениях в полиции, отношении к реформам и создании тайных кружков среди полицейских служащих. Они были своими в низшей среде, а оттуда идёт более точная информация, чем из дворянских и интеллигентских салонов.

Терентьев Христофор Иванович был повышен до полкового писаря, следующий чин для него подпрапорщик, это высшее звание для сверхсрочнослужащего.

Сказать, что все реформы в России идут на ура, это не сказать ничего. Там, где полстраны охранники, а полстраны доносчики, реформы можно проводить только силовым путём. Третьего не дано. Тайную группу Третьего отделения мы пока не трогали.

19 августа в Санкт-Петербурге подписано русско-германское соглашение о Персии и Багдадской дороге. Россия согласилась на строительство Германией Багдадской железной дороги и на постройку линии от Ханекина до Тегерана с правом Германии добиваться концессии на неё в случае отказа России. Германия признала «специальные интересы» России в Персии.

В трудах незаметно подошло время визита ЕИВ в город Киев на открытие памятника деду императора Александру Второму-Освободителю. Мероприятия шли своим чередом, эксцессов не было, но и охрана мероприятий была какая-то жиденькая, как мне показалась.

Сивков-старший доложил, что осведомитель Богров (добровольно предложил свои услуги Киевскому охранному отделению. Был платным агентом, агентурный псевдоним Аленский, получал в месяц до 150 рублей, выдал ряд анархистов и эсеров) от начальника киевского охранного отделения полковника Кулябко получил пропуск в театр на представление, на котором должен присутствовать ЕИВ.

14 сентября года император и Столыпин прибыли киевский городской театр на спектакль «Сказка о царе Салтане».

Во время второго антракта Богров подошёл к премьерской ложе и дважды выстрелил в Столыпина. Пули с визгом полетели в стороны, а Сивковы удачно схватили Богрова и уволокли в подсобное помещение, организовав охрану и не подпуская к нему никаких чиновников, какие бы у них не были эполеты и какие бы ругательства они не произносили, записывая всех, кто подходил.

Самое удивительное, что что одна из пуль на излёте рикошетом попала в щеку ЕИВ и хорошенько царапнула по коже развернувшейся оболочкой. И сразу по театру пронеслось:

- Императора убили!

Эта новость вылетела из театра и пронеслась по всему миру. А царю смазали царапину йодом, и вся опасность для жизни исчезла. Тем не менее, возникает вопрос? Почему не была устранена возможность совершения

покушения на П.А. Столыпина, если главным участникам события было известно об этом?

Ответ очень простой. Об этом им рассказал Ангел, который читал Книгу судеб, но кто же из живущих сейчас людей верит в Ангелов и в существование какой-то Книги судеб? Никто не верит. Даже самые отъявленные ортодоксы, то есть православные (православный - Orthodox), начнут креститься, плевать и призывать Бога на защиту, если перед ними объявится сам Бог. Все верят в Бога, но все отрицают его существование в материальном виде и возможность появления среди людей. Вот вам и Orthodox.

Зато сейчас мне поверили все, во-первых, царская чета, во-вторых, сам объект покушения Столыпин, и, в-третьих, служитель Бога Распутин.

Он мне сам сказал, что после выстрелов в театре он окончательно уверовал в то, что Бог есть.

Пётр Аркадьевич сказал, что он до самого последнего момента не верил в то, что вот так запросто в театре тайный агент-осведомитель подойдет и почти в упор выстрелит в премьер-министра и министра внутренних дел империи.

Александра Фёдоровна тоже сказала, что уверовала в меня и заставит супруга постоянно носить такой же корсет, как у премьер-министра.

- Что будет со здоровьем цесаревича Алексея? – спросила она.

- Не могу вам сказать точно, мадам, - сказал я, - так как книгу Судеб сегодня переписали заново, но будем надеяться, что человеческий гений создаст какое-то лекарство для лечения английского подарка вашей семье.

- Как английского подарка? – изумилась Александра Фёдоровна.

- Гемофилия передалась вашему сыну по викторианской линии, - сказал я. – Ваша родословная оказалась здоровой.

- Сейчас я нисколько не сомневаюсь, что вы говорили сущую правду о том, что нас могли не пустить в Англию в случае революции, - сказала она.

Глава 60

Сразу по возвращению из Киева началось расследование покушения. Богрова допрашивали особенно тщательно.

Были арестованы начальник киевского охранного отделения полковник Кулябко, товарищ (заместитель) министра внутренних дел, заведующий

полицией, командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант Курлов, бывший начальник киевского охранного отделения, начальник дворцовой Охранной агентуры полковник Спиридович.

Все трое категорически отрицали своё участие в заговоре, да и Богров держался стойко, не сдал никого из своих кураторов. Богрова приговорили к бессрочной каторге, а всех арестованных офицеров отправили в отставку. Правда, ЕИВ держал поблизости своего любимчика Спиридовича.

Тем не менее, верхушку полиции и жандармерии мы пошерстили изрядно, показав, кто в доме хозяин.

Есть такая старинная поговорка: кто предупреждён, тот вооружён. Вся российская верхушка, знавшая о том, что может произойти, почувствовавшая на себе это и уверенная в завтрашнем дне сказала себе, что они сами с усами, знают, что им делать дальше и в услугах всяких советчиков больше не нуждаются.

Меня наградили орденом Святого Станислава третьей степени и оставили в покое. Орден Станислава вообще считался самым младшим в имперской иерархии, да ещё польским по происхождению. У чиновников и военных он ценился, начиная со второй степени для ношения на шейной ленте, а третью степень даже цивильные чиновники старались не надевать, чтобы о них не подумали, как о никчёмных работниках, не способных получить нормальный орден за службу. По ордену я и почувствовал, что отношение ко мне резко изменилось.

Если раньше мне приносили тонны бумаги для просмотра, то сейчас поток бумаг прекратился вообще. Телефон замолчал. Ну, всё как в моё время. Если чиновник в фаворе, то его телефон не переставая трезвонит круглые сутки, приглашения, презенты, презентации, форумы, кворумы, коллоквиумы, симпозиумы, пьянки, гулянки. Только чуть сменилась ситуация, всё – человека забыли и от него шарахаются как от зачумлённого, чтобы не заподозрили в связях. И только поменяется ветер, как тут же начинает звонить телефон, просители и посетители и все в один голос: а мы всё думали, куда же ты запропастился, а ведь только вчера переходили на другую сторону улицы, чтобы не встречаться с тобой.

Мой верный Терентьев Христофор Иванович, по моему представлению произведённый в полковые писари, то есть в нестроевые фельдфебели, доложил по секрету, что среди писарей ходят слухи о моей скорой отставке и ему посоветовали пристроиться к какому-нибудь другому перспективному начальнику или перейти в канцелярию.

- Выбирай сам, Христофор Иванович, - сказал я ему. – Можешь уйти сам и сейчас, можешь продолжать как бы работать здесь, жалование-то все равно

идёт по должности, много у тебя работы или мало. Просто у нас случился перерыв. Меня тут несколько дней не будет, так что всем интересующимся отвечай, что мол, я судебную книгу читаю. Какую? А хрен его знает. Его высокоблагородию виднее, какую ему книгу читать. Он и телефон свой отключил, чтобы ему не мешали.

Да, забыл сказать, что мне как важной персоне был поставлен персональный телефон на квартиру.

Зато мы с Марфой Никаноровной стали иметь много времени друг для друга. Работа и учёба в Мариинской больнице отнимали у неё немало времени и сил, но время для общения в рабочее время не включается.

Эрмитажа в северной столице пока не было, да и при нынешнем развитии событий и не предвидится создания Эрмитажа, так как Зимний дворец останется монаршей резиденцией, но мы не пропускали ни одной художественной выставки и старались быть в курсе культурной жизни.

Эйфория первых дней бескровной демократической революции прошла. Все ждали чего-то волшебного, но ничего такого не происходило. Всё как было, так и осталось. Городовые перестали улыбаться, а начали бить по морде гражданам. Выступления активистов за социальные перемены стали подавляться силой полицией и казаками. Международная обстановка продолжала накаляться.

29 сентября Италия начала военные действия против Османской империи. Началась Итало-турецкая война.

Продолжились студенческие волнения по делу Кассо. В январе 1911 года вышли циркуляры министра просвещения Л. А. Кассо «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений» и другие, фактически уничтожавшие университетскую автономию: они запрещали проведение студенческих собраний и возлагали полицейские функции на университетскую администрацию. В знак протеста в отставку подали ректор Московского государственного университета и его заместители. Свыше ста профессоров по всем университетам подали в отставку, и эта отставка была принята.

4 ноября в Берлине посол Франции Жюль Камбон и германский статс-секретарь Альфред фон Кидерлен-Вехтер подписали франко-германский договор. Франция уступала Германии 250 тысяч квадратных километров во Французском Конго, получив 15 тысяч квадратных километров в Германском Камеруне и признание Германией её протектората над Марокко.

В США впервые были необычайные морозы, в результате чего замёрз Ниагарский водопад.

Марфа Никаноровна взяла отпуск на Рождество, и мы поехали с ней в Энск, благо наши друзья давно приглашали нас на новый год.

О своём отъезде я никого не предупреждал и никому и ничего не докладывал. Буду нужен – найдут. Раньше не нужно было предъявлять документы, чтобы купить железнодорожный билет, как это делается в моё время и как делалось на почтовых станциях – ямах – оставшихся нам от Золотой орды, улусом которой было московское княжество. Тогда нужно было предъявлять подорожную, то есть командировочное удостоверение, где прописывалось, что такой-то, титул, должность, чин, кавалер орденов едет с казённой или неказённой надобностью туда-то и туда-то. Однако, на всякий случай у меня было удостоверение о том, что я являюсь чиновником для особых поручений при премьер-министре Российской империи. Но я ехал инкогнито. Хорошая завязка для истории в стиле «Ревизор» Николая Васильевича Гоголя.

Рождество оно и в Африке Рождество. Мы остановились в гостинице и наносили визиты своим друзьям, хорошо постоловавшись у них, а потом на Новый год встретились в ресторане, чтобы отпраздновать наступление нового года.

В одной из компаний в ресторане я увидел уже полковника Скульдицкого Владимира Ивановича, начальника губернского жандармского управления. Увидев меня, он был очень удивлён, либо меня уже разыскивали, либо он следующим утром без отдыха отобьёт телеграмму в столицу о том, что видел меня здесь, или предупредит генерал-губернатора о том, что чиновник для особых поручений инкогнито находится в ресторане города Энска.

Новый год по китайскому календарю был годом белой свиньи. Похоже, что он подложит хорошую свинью Российской империи.

1 января Китай провозглашён республикой, а город Нанкин (nan jing - дословный перевод – южная столица) - её временной столицей. Собрание представителей восставших провинций Китая избрало Сунь Ятсена временным президентом страны.

Первого января где-то в полдень я пил заказанный в номер чай и сидел за столом в домашнем наряде, то есть в брюках-галифе, сапогах, белой рубашке и поверх неё подтяжки, всё как в фильмах про белых офицеров. Марфа Никаноровна уже попила чай, оделась и приводила себя в порядок у зеркала, как в дверь постучались.

Я подумал, что это пришёл половой за столиком с посудой для чая, поэтому спокойно подошёл к двери и открыл её.

В дверях стояли в парадных мундирах полковник Скульдицкий и генерал от кавалерии Шмит Евгений Оттович, генерал-губернатор Степного края, произведённый в полные генералы за подавление революционных выступлений. Я его видел мельком, когда решался вопрос о моём переводе в Петербург.

- Прошу вас, господа, - сказал я и быстро надел китель, висевший на спинке стула.

- Капитан Туманов, чиновник для особых поручений при премьер-министре России, - представился я, как и положено младшему по чину офицеру.

- Почёл своим долгом представиться особому представителю высокоуважаемого премьер-министра и министра внутренних дел, - сказал генерал, - начальник жандармского управления своевременно доложил мне о вашем прибытии. Хотел поинтересоваться вашими планами о работе в Энске.

- Ваше Высокопревосходительство, - сказал я, - возможно, что произошла какая-то ошибка, я здесь по частным делам, приехал навестить друзей и вместе с ними отпраздновать новый год. Намереваюсь завтра-послезавтра возвращаться к месту службы. Вот, представляю мою супругу, Марфа Никаноровна, врач Мариинской больницы, тоже вместе со мной в гостях.

Генерал посмотрел на Скульдицкого так, как смотрел городничий на Добчинского и Бобчинского, и вдруг расхохотался. Засмеялся и я, и только потом засмеялся Скульдицкий, поняв смехотворность ситуации.

- Поверьте мне, старику (а ему в то время было шестьдесят восемь лет), - сказал он, - ну никак не думал, что мне придётся оказаться в роли городничего. Думаю, что мы оставим это в секрете. А сейчас, приглашаю всех ко мне, супруга приготовила обед и ждёт нас в гости. И вас, господин полковник, тоже. Развеселили старика.

В гости ехали на губернаторском выезде. Шмит принципиально не пользовался автомобилем, хотя он ему был положен по должности.

Дома у генерал-губернатора уже ожидал его ближайший соратник, директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Медведев Александр Ардалионович с супругой и супруга полковника Скульдицкого, из чего можно было предположить, что они уже ехали с планом приглашения меня к столу.

Увидев меня, Александр Ардалионович, тепло пожал мне руки и сказал генерал-губернатору:

- Вы не поверите, Евгений Оттович, вот это мой офицер, который за сутки стал из рядовых зауряд-прапорщиком, командовал ротой, сдал экзамены за гимназию, за университет и военное училище и именным указом ему был присвоен чин поручика. Здесь он заслужил три медали и был переведён в Петербург. И вот смотрите, капитан и ещё два ордена на груди. Я просто в удивлении и рад, что наш питомец вознёсся так высоко.

- Пройдёмте, господа в библиотеку, - сказал хозяин, - пока женщины будут колдовать над столом.

Закурив, мужчины сразу занялись политикой.

- Что вы думаете по поводу введения конституционной монархии в России? - спросил генерал Шмит.

- Думаю, что это правильный и своевременный шаг по сохранению монархии в России, - сказал я. - Главный девиз – Вера, Царь и Отечество, будет сохранён и к реальному руководству страной могут прийти люди, доказавшие свои деловые способности в политической борьбе.

- Поверьте мне, старику, - сказал генерал Шмит, - революций бояться не надо. Наша армия подавит любое выступление. Офицеры всегда были и будут вне политики.

- Всё правильно, Ваше высокопревосходительство, - сказал я. – Армия может подавить любой бунт. Пугачёвщина. Польское восстание. Восстание в Венгрии. Везде наша армия стяжала славу и оставила долгую память о себе. Но подавление революционных выступлений армией разлагает саму армию с самого низа и до самого верха. Чем кровавее подавление выступлений, тем яростнее будет сопротивление и тогда возникнет гражданская война, которая так перевернёт нашу страну, что проигравшие будут сидеть бывшими в иностранных кафе и размышлять о том, как нужно было сделать, чтобы избежать всего этого. Мы сделали первый шаг и остановились. А это значит, что изменений никаких нет, всё как было, так и останется, и сбудется всё, что записано для нас в Книге судеб.

- Где же эта книга находится? – спросил генерал Медведев.

- Там, у Всевышнего, - сказал я и для понятности поднял указательный вверх.

Я специально упомянул Книгу судеб и то, что все изменения перечёркнуты и всё остаётся, как есть. Доклад полковника Скульдицкого об

этом будет передан телеграфом в корпус жандармов, а от командира корпуса телеграмма попадёт на стол Столыпину. Нет пророков в своём отечестве, так пусть пророчество услышат от другой стороны. В России всегда так было. Чтобы наше изобретение приняли, нужно его переправить за границу, там на него поставят заграничное клеймо и тогда оно пойдёт в России.

И тут нас пригласили к столу.

За столом старики рассказывали весёлые истории об их службе молодыми офицерами. Генерал Шмит рассказывал о службе в гвардии, когда он в чине генерал-майора командовал Кирасирским Его Величества лейб-гвардии полком. Я успел поздравить полковника Скульдицкого с получением чина полковника и поинтересовался, не собирается ли он перебираться в столицу. И от него я услышал, что ему вполне нравятся губернские масштабы, типа лучше быть первым парнем на деревне, чем в городе одним из многих тысяч.

Третьего числа мы выехали из Энска и седьмого января утром прибыли на Казанский вокзал в Москве. Оглядев привокзальную Москву, я нашёл её не очень-то и хорошей. В моё время Москва всё равно лучше.

Восьмого числа утром мы прибыли в Петербург. На вокзале меня встретил полковой писарь Терентьев.

- Ваше высокоблагородие, - доложил он, - третий день встречаю поезда из Москвы, чтобы предупредить, что вас все разыскивают. Господин премьер-министр мечет громы и молнии, бумаг для рассмотрения принесли пять папок.

- Спасибо, Христофор Иванович, - сказал я. – Возвращайтесь в министерство, доложите ротмистру Сенцову, что я завтра буду в присутствии. А сейчас мне нужно отдохнуть и привести себя в порядок.

Около дома, где мы проживали, нас встретили Сивковы, отец и сын. Как изменились люди с изменением их служебного положения. Ни дать, ни взять, а солидные господа, то ли сотрудники банка, то ли служители солидной конторы.

- Ваше высокоблагородие, - доложил Сивков-старший, - все силы брошены на ваши розыски. Сам господин Столыпин приказал срочно вас доставить к нему, как только вы появитесь.

- Доложите, братцы, что видели меня в добром здравии и прямо с дороги, - сказал я. – Завтра утром я буду в присутствии. С новым годом вас.

- Неужели сейчас не поедешь в министерство? – спросила Марфа Никаноровна.

- Несколько месяцев никому до меня не было никакого дела, - сказал я, - а тут всполошились. Ждали четыре месяца, подождут и один день. Давай сготовим что-нибудь на обед.

Телефон я отключил перед отъездом, и он молчаливо стоял на моём столе.

Во время ужина я думал о том, что произошло и как сделать так, чтобы власть не свернула с выбранного пути, раз судьба предоставила мне такую возможность подправлять движение такой огромной машины, как Российская империя. Единственный путь - напоминать августейшей чете о пределах их жизненного пути и в их лице пресечении романовской монархии раз и навсегда без всякого парламентаризма диктатурой пролетариата и крестьянства. Другого пути нет. Если они будут упорствовать, то мне нужно уйти в армию и заниматься воспитанием молодых солдат так, чтобы они не легли в первом же бою, а постарались дожить до конца войны. До начала войны осталось всего ничего. Два года. Для истории это как миг, который никто и не заметит.

Ночью я спал хорошо на кровати, стоящей на твёрдом основании и меня не потряхивало на стыках, не скидывало с дивана на стрелках, в стакане не звякала чайная ложка, а стакан упрямо не сползал к краю вагонного столика. Не пахло горелым углём, угольная пыль не залезала во всевозможные щели и не поскрипывала на зубах.

Утром я хотел проснуться пораньше, но Марфа Никаноровна меня опередила и уже готовила завтрак на кухне.

- Что снилось, засоня? – спросила она.

- Мне всё снилось, что я еду в поезде и сплю в вагоне, - сказал я.

- Ты знаешь, - удивилась жена, - мне снилось тоже самое.

По утрам мне особенно не нравилось утреннее бритьё. Лезвия «Жиллет» были не таким острыми, как в моё время, и поэтому довольно чувствительно драли щетину. Я брился холодной водой с мылом и это спасало меня от раздражения кожи. Американцы, такая развитая нация, а не могут заточить лезвия так, чтобы ими можно бриться не менее недели.

Я уже заканчивал завтрак, когда в дверь позвонили. Я открыл дверь и увидел водителя премьера подпоручика Сотникова.

- Господин капитан, - доложил он. – Премьер послал за вами авто и просил очень срочно прибыть к нему.

- Чай будете, подпоручик? – спросил я. – Если не будете, то подождите в машине, я сейчас спущусь вниз.

Похоже, что я накалил обстановку, но не до предела. Если бы было до предела, то у дверей моей комнаты стоял бы не подпоручик Сотников, а действительный тайный советник, председатель Совета Министров Российской империи Пётр Аркадьевич Столыпин.

Поцеловав Марфу Никаноровну, я спустился вниз и на авто поехал в министерство внутренних дел.

Сначала я зашёл в свой кабинет. Разделся, оставил шашку. Полковой писарь Терентьев доложил, что уже раза три справлялись, прибыл я или нет.

- Если позвонят ещё раз, то доложи, что я уже прибыл и направился в кабинет премьер-министра, - дал я наставление своему порученцу.

В приёмной я тепло приветствовал ротмистра Сенцова, который сообщил, что хозяин пришёл рано утром и буйствует в кабинете, потому как меня не могут найти, а нужно ехать на высочайший приём.

Как ни в чём не бывало, я зашёл в кабинет и доложил, что по вашему приказанию прибыл.

- Где вы бродите, господин капитан? – напустился на меня Столыпин. – Или у вас работы нет?

- Да уже четыре месяца работы нет, - доложил я, - но я нахожу для себя занятия и все эти занятия проходят с пользой для общего дела.

- Какого дела? – не понял премьер.

- Анализировал происходящие события и определял, когда в Россию придёт могильщик царской власти, - спокойно сказал я.

- Какой могильщик царской власти? – оторопело спросил меня Столыпин.

- Обыкновенный, кличка Ленин, - сказал я, - именно он отдал приказ о расстреле царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году.

- Как так? – чуть ли не закричал премьер. - Вы же говорили, что мы изменили Книгу судеб.

- Мы её хотели изменить, - сказал я, - но вы сразу бросили и затоптали все изменения. Всё вернулось на круги своя, и я сейчас пытаюсь определить, когда произойдёт удачное покушение на вас, чтобы царь поверил, что с выбранного пути сворачивать нельзя.

- Как покушение на меня? – сел на стул Столыпин.

- Очень просто, - сказал я. – В Книге было написано, что четырнадцатого сентября в киевском театре на вас будет совершено покушение, вы будете смертельно ранены, а восемнадцатого сентября картинно умрёте в присутствии ЕИВ и его августейшей супруги. Как говорят, что написано пером, то не вырубишь топором. Покушение было? Было. Судя по вмятинам на бронежилете, ранения должны быть смертельные. Но ранений не было, и вы остались живы. Вы и ЕИВ свернули все изменения и думали, что всё дальше пойдёт как по маслу. И книга вернулась к исходному тексту. Только даты немного поменялись, начиная с первого покушения, а именно с покушения на вас. Будете в Киеве, зайдите в Киево-Печерскую лавру, посмотрите на то место, где вас должны были похоронить. Вы же сами сказали, чтобы вас хоронили на месте убийства.

Столыпин сморщился как от пилюли хинина (алкалоид коры хинного дерева с сильным горьким вкусом, обладающий жаропонижающим и обезболивающим свойствами, а также выраженным действием против малярии).

Я бил наверняка. Знание истории - это главное для современного человека. Тем зомби, которых воспитывала коммунистическая партия, история давалась в таких пределах и объёмах, чтобы они по любому поводу кричали «так точно», «уурааа» и «от Курил до Британских морей Красная Армия всех сильнее». И современные зомби иступлённо кричат, как хорошо было в СССР, хотя и понятия не имеют, как там было.

- И что мне прикажете делать? – спросил Столыпин. – Что мне докладывать ЕИВ.

- Воля ваша, Ваше Высокопревосходительство, - сказал я. – Можно держать их в счастливом неведении до марта 1918 года, но кто будет рядом с ними, когда вас не станет? В четырнадцатом году начнётся война и ЕИВ полезет командовать войсками, а военный он, извините, не ахти какой. Ему нужно парады принимать, крестами награждать, а не стратегические операции планировать, для этого опытные генералы нужны. А генералы выступили против царя потому, что он бросил страну, скрылся в Ставке и дождался революции. Стране нужен решительный премьер, а кто может быть решительнее вас? Кстати, когда Ленин появится, я вас сразу проинформирую. Какие будут указания? - и я щёлкнул каблуками, показывая готовность идти и исполнять поручение.

Столыпин Пётр Аркадьевич смотрел на меня, размышляя, как бы он разорвал меня, вдоль или поперёк. Или применил бы свой «столыпинский галстук».

Премьер нажал на кнопку звонка. Неслышно появился ротмистр Сенцов.

- Сенцов, нас не тревожить до особого указания, - сказал он.

Сенцов ловко щёлкнул каблуками с серебряными шпорами и вышел. Кавалеристы они мастера на это дело.

- Пойдёмте, - сказал Столыпин и пальцем указал на дверь, ведущую в комнату отдыха. - Расстроили вы меня, - сказал премьер, открывая дверцу зеркального шкафчика, где стояли бутылки и рюмки. – Что будете пить?

Мне он налил водки, себе – тоже и, не чокаясь, выпил, закусив кусочком колбасы.

Кстати и к слову, тогда не было колбасных изделий категории А, Б, или мясных продуктов, которые даже голодная собака есть не станет. Если сказано колбаса, то это только продукт из мяса.

Я выпил водки и заглушил послевкусие кусочком копчёной колбасы.

- Что нужно делать? – спросил Столыпин.

- Начинать всё сначала, - сказал я. – Я сейчас поеду к Григорию Ефимовичу, а вам нужно ехать к ЕИВ с большим приветом от Ангела. К вечеру и мы приедем туда. А там посмотрим, что нужно делать.

На том и договорились.

В резиденции Распутина я сразу пошёл в атаку.

- Ты что, хочешь убить ЕИВ и его августейшую супругу? – зловеще спросил я. – Кто должен был наблюдать за тем, чтобы всё намеченное было выполнено полностью? Ты! Потому что ты там постоянно ошиваешься и мух не ловишь. Ты и сам себе приговор подписал. Я смотрел в Книгу и там всё так, как было раньше, только неизвестна дата смерти Столыпина, а вот ваши даты ни на день не изменились. И каждый день промедленья смерти подобен. А вы целых четыре месяца ждали. И я ждал, думал, что вы образумитесь. Да только вы себя бессмертными почуяли. А в Книге написано, что апреля семнадцатого дня появится Ленин, который отдаст приказ на расстрел царской семьи и он пойдёт по всей России, срывая наземь царские орлы. Бросай всё, едем к царю и смотри, если будешь идти на поводу у самодержцев Всероссийских. Тянуть на себя самодержавие, это всё равно, что тянуть за пасть волка, который вас и сожрёт.

Григорий слушал меня и частенько крестился. Кому охота знать день и час своей смерти? Каждый надеется прожить дольше, но сколько определено в Книге, то уже никак не обойдёшь, если не перепишешь эту Книгу в силу своих возможностей.

Олигарх может раздать на благотворительность свои миллиарды и полностью переменить свою жизнь, и, возможно, он проживёт дольше и в более лучшем настроении, чем до этого.

Может это сделать и кровавый диктатор, став нищим где-нибудь на пороге заброшенной церквушки. Но никто не гарантирует, что его всё равно найдут и повесят за ноги на воротах этой церквушки, но он может прожить подольше в радости, что его не настигло возмездие раньше.

Много имеющие никогда не пойдут на переписывание Книги, потому что думают, что уволокут за собой в могилу всё, что они накопили, наворовали или нагнали. Хуже, когда так же думает диктатор, мечтающий о том, что он устроит кровавый пожар на всей планете и недостойный его народ уйдёт в могилу вместе с ним.

- Едем, немедленно едем, - чуть ли не кричал Распутин, надевая на себя тёплые вещи. Судьба судьбой, а январь январём, босиком по морозу далеко не ускачешь.

В Царское Село мы приехали, когда на улице уже смеркалось. Зимой и часы не нужны. Смеркается — семнадцать часов, светает — девять часов. Машина остановилась у крыльца Александровского дворца, и Распутин бегом бросился к парадной двери.

Я, не торопясь, вышел из машины и пошёл туда же, снимая на ходу перчатки. Мне торопиться некуда. Швейцару в ливрее сдал свою шинель, фуражку (утеплённую и с наушниками, зима же) и шашку с портупеей.

Дежурный офицер меня уже видел и повёл в комнату перед царскими покоями.

- Успеете перекурить, господин капитан, - сказал поручик, - там у них много посетителей.

Покурить я действительно успел и только я затушил папиросу, как мимо меня промчался дежурный офицер и заскочил в царские покои. Через минуту он выскочил обратно, двумя пальчиками картинно вытер воображаемый пот со лба, неторопливо подошёл ко мне и сказал:

- Очень даже срочно требуют вас. Сильно не торопитесь, там все почему-то в большом расстройстве, если попасть под горячую руку, то можно и погон лишиться.

- Живы будем — не помрём, господин поручик, - сказал я и пошёл в царские покои.

Я вошёл в гостиную и остановился у дверей, громко щёлкнув каблуками. Я строго соблюдал все правила. Нечего без приглашения переться к начальническому столу или первым тянуть руку для рукопожатия.

- Да идите же сюда, - плачуще махнула рукой Александра Фёдоровна. — Как же так? Неужели всё вернулось на свои места?

- Увы, мадам, - сказал я, - всё осталось на своих местах, только неизвестна дата удачного покушения на господина премьер-министра, а ещё написана дата появления Ленина, который отдаст приказ о расстреле вашей семьи.

- Когда же он появится? — рыдая спросила она.

- В апреле семнадцатого числа после расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, - сказал я. — Тогда симбирский дворянин Ульянов возьмёт себе псевдоним Ленин.

- Это не брат казнённого цареубийцы Александра Ульянова? — спросил ЕИВ.

- Родной брат, Ваше Величество, - сказал я, - и он поклялся отомстить за смерть своего брата.

- Что же нам делать? — спросила императрица.

- Мне по чину не положено давать советы августейшим особам, - сказал я. — Но по моему уразумению нужно не расстреливать рабочих на Ленских золотых приисках, а арестовать владельцев приисков, если они не улучшат условия работы и жизни людей. И всё по царскому указу. Завтра же должен быть опубликован указ о том, что ЕИВ одобрил проект Конституции, которую передали на рассмотрение Государственной Думы. И третье. Указ об отмене титулования в военном и гражданском ведомствах. Титулованию подлежат только князья, графы, бароны. У остальных есть чины, по которым и следует обращаться. А далее господин премьер-министр разработает план перехода России к конституционной монархии. И об этом должно быть сказано во втором указе. Пока ещё возможно это сделать путём публикации указов, то есть обнародования правительственного курса и подрыва революционной базы в

России. Если преобразования будут свёрнуты, то Книгу судеб переделать уже не удастся.

- У вас уже и проекты указов готовы? – как-то с ехидцей спросил меня ЕИВ.

- Так точно, Ваше Величество, - сказал я и положил на стол три указа, оформленные настоящим писарским почерком полкового писаря Терентьева Христофора Ивановича, которому обещано оторвать башку и вырвать язык, если он что-то и где-то ляпнет.

Над указами я поработал основательно, и они должны сыграть роль Рубикона, после которого отступать уже некуда.

ЕИВ и премьер Столыпин прочитали указы и молчаливо одобрили их. Подарочным «Паркером» ЕИВ начертил НИКОЛАЙ и поставил дату января месяца десятого числа.

Вызванный министр императорского двора генерал от кавалерии, барон Фредерикс Владимир Борисович (Адольф Андреас Волдемар) поставил на указы большую государственную печать, смахнул слезу на огромные седые усы и сказал:

- Как же, Ваше Величество, дарованную Богом власть делить с выскочками из этой Думы?

- Ваше Благородие, - влез я в старческую тираду, - а давайте опубликуем в газете грамоту Бога, которой он наделил ЕИВ божеской властью? С подписью и печатью.

Моё заявление было подобно гранате, взорвавшейся среди старушек, которые занимались вязанием.

- Да как вы смее, - затопал ногами Фредерикс, - вы обязаны называть меня Ваше высокопревосходительство, а не благородие.

- Согласно только что подписанному ЕИВ указу, титулованию подлежат только члены императорской фамилии, князя, графы и бароны, – сказал я. - А Бароны титулуются как Ваше Благородие. Апостол Павел в «Послании к римлянам» перепутал всё и вся, передав полномочия Бога людям, которые сами устанавливают у себя власть и выбирают себе царей, а не получают её из рук Бога. Кто получил власть от Бога? История не знает таких царей. Почитайте сами внимательнее. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Речь идёт о Божьей власти, а не о земной.

Фредерикса с выпученными глазами посадили на диван и стали поить чаем, чтобы кондратий не навестил старца ранее времени. По книге судеб, в 1913 году ЕИВ пожалует ему графский титул, и он будет именоваться Ваше Сиятельство.

Это я и рассказал, успокоив старика, который со слезами стал благодарить ЕИВ за будущую милость.

- А мне чем вас наградить, господин капитан? – спросил ЕИВ.

- Спасибо, я уже награждён, - сказал я и показал на орден Святого Станислава третьей степени.

- А у меня такого ордена не было, - как-то с грустью сказал Николай Второй, - мне сразу повесили ленту ордена Станислава первой степени.

- Могу подарить свой, - хотелось сказать мне, но я остановился, потому что и так допустил много резкостей, но мне кажется, что они не были лишними. Никто на земле не получил власть от Бога, даже Папы и Патриархи не могут предоставить грамоты о вручении им Божьей власти на земле. Богу богово, а Кесарям кесарево. Так, кажется, говорил Сын Божий?

- А что вы скажете великим князьям, Ваше Величество? – раздался молодой голос пожилой женщины, сидевшей в стороне, в уголке у окна за ломберным столиком и раскладывающей пасьянс.

Это была вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, Мария София Фредерика Дагмар, родная мать ЕИВ, попечительница Женского патриотического общества, Общества спасения на водах, глава Ведомства учреждений императрицы Марии (учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных и незащищенных детей, богадельни), Российского общества Красного Креста (РОКК). В моё время в августе 1915 г. Она безрезультатно умоляла Николая II не принимать на себя верховное главнокомандование, а затем в 1919 году из Крыма эвакуировалась в Великобританию, а оттуда переехала в родную Данию.

- Как они отнесутся ко всему, что вы тут наподписывали? – язвительно спросила императрица.

Все молчали. ЕИВ по причине своей природной застенчивости, и даже жена его Аликс, Александра Фёдоровна, у которой были натянутые отношения со свекровью, не была так остра на язык, как обычно. Распутин и Столыпин благоразумно помалкивали, когда речь шла об императорской родне, и все смотрели на меня.

- Ваше Императорское Величество, - обратился я к Марии Фёдоровне, - по Книге судеб вы единственная, кто останется в живых из императорской фамилии. Вам удастся в конце гражданской войны уехать в Англию, а оттуда на вашу родину – в Данию. Никого из здесь присутствующих, а также и отсутствующих, не будет в живых. Речь идёт о жизни и о смерти, а не том, что скажет дядя ЕИВ Николай Николаевич. Вся императорская фамилия будет находиться на содержании парламента, который будет утверждать сметы расходов семьи, а великим князьям придётся самим зарабатывать себе на пропитание. И если они выступят против Конституции Российской империи, то их будет ждать суд, о котором говорил поэт поручик Лермонтов.

Глава 63

Когда я одевался внизу, ливрейный швейцар доложил, что их высокопревосходительство господин Столыпин и его благочиние господин Распутин уже уехали.

Обычное дело, как раньше, так и в моё время, и в будущее время, начальнику по хрену мороз, на чём подчинённый доберётся и на чём подчинённый уберётся. Машина под жопой, сел и был таков. На них не надо обижаться, начальники меняются только со сменой общественного строя и когда они из номенклатуры превращаются в обыкновенных смертных, которым приходится самим рулить в машинах и вести жизнь нормального гражданина страны. Точно так же жандармы и полицейские превращаются в людей, когда отменяется их неприкосновенность.

Подошедший дежурный поручик сообщил, что буквально на днях пустили автобусный маршрут от Царского Села до Петербурга. Сам он его не пробовал, но последний маршрут отправляется через полчаса и до остановки максимум пятнадцать минут ходу.

Автобус. Со временем и Россия из феодальной страны превратится в демократическое государство, если народ из быдла превратится в граждан и будет чувствовать ответственность за судьбу страны и за каждого своего согражданина он будет драться где-угодно и с кем-угодно. А вот это уже настоящая фантастика.

Царское Село сейчас находится в городской черте Ленинграда и ехать было недолго, минут двадцать. Но впечатление от езды на автомобиле всегда приятное, особенно на ретро-автобусе, которые вряд ли увидишь даже на старинных фотографиях.

Домой я добрался с небольшим опозданием. Марфа Никаноровна сидела у окна и что-то шила, поглядывая на дверь. Обыкновенная офицерская жена.

Я умылся с дороги. Нет, я сначала разделся, снял сапоги, надел тапочки и умылся. Когда я вышел в гостиную, на столе уже стоял дымящийся ужин.

- Как день прошёл? – спросила меня Марфа Никаноровна.

- Активно, - сказал я. – Никто не звонил?

- Никто, - сказала Марфа Никаноровна. – Аппарат выключен и вряд ли по нему кто-то будет звонить.

Я подключил аппарат и в тот же момент раздался звонок. Звонил Столыпин.

Я доложил, что добрался до дома на автобусе и сейчас ужинаю.

- А я думал, что вы уехали с Распутиным. Впредь прошу не отлучаться от меня далеко, а быть всегда рядом, как и полагается чиновнику для особых поручений, - сказал он.

- Слушаюсь, Ваше высокопревосходительство, - сказал я.

- А вы что, не в курсе, что ЕИВ своим указом отменил титулования? – с явно чувствующейся ухмылкой сказал премьер.

- В курсе, господин действительный тайный советник, - отрапортовал я.

- И вот что ещё, - сказал Столыпин, - ЕИВ распорядился присвоить вам чин подполковника и наградить орденом Святого Станислава второй степени. Поздравляю вас. Завтра в полдень жду вас с планом мероприятий, о котором указано во втором указе. Спокойной ночи, господин подполковник!

Охренеть. Вот этого я не ожидал. Вероятно, я сильно смазал по августейшим рожам с их божественной властью. Чего-то я заговорил как вольтерьянский якобинец.

- Марфа, где у нас водка? – сказал я, а сам побежал к шкатулке со всякими военными мелочами.

Когда я заказывал у портного свои первые погоны с одним просветом для трёх звёздочек поручика, портной посоветовал мне взять ещё одни погоны с одним просветом для капитанского чина, чтобы на погоне не было никаких дырочек. И ещё старый Кац уговорил меня взять пехотные погоны с двумя просветами на вырост.

- Император Наполеон говорил, что в ранце каждого солдата должен лежать маршальский жезл, а старый Кац ещё скажет, что у каждого капитана

должны быть полковничьи погоны, - сказал портной. – Представьте себе, что вам присвоят чин полковника, а у вас не будет погонов? Катастрофа.

И сейчас я держал полковничьи погоны и пригоршню звёздочек, а именно двенадцать штук серебряных звёздочек на золотые погоны с двумя просветами.

Я подошёл к жене и сказал:

- Марфа, поздравляй своего подполковника и кавалера ордена Станислава второй степени. Давай выпьем и будем пришивать погоны на шинель.

Старый Кац не был бы Кацем, если бы не всучил мне погоны и на шинель, которые носят вшивными.

Как бы то ни было, но каждый чин, это по-старому, а по-новому – воинское звание, важная веха в карьере любого офицера. Офицер должен быть карьеристом, иначе зачем он шёл в службу. Не хочешь карьеры, пиши заявление, что ты поступаешь на службу и не хочешь расти выше лейтенанта. И служи лейтенантом.

Мне кажется, что многие офицеры, которые пришивают погоны к шинели, к полевой куртке, к кителю, а ещё прикрепляющие тучу звёздочек на погоны, это я о капитанах, наверное, думают, что как было хорошо, когда в армии были петлицы. Петлицы на воротник пришить много легче, чем погоны на плечи. А ещё возьмите бутерброд из погонов зимой, когда у офицера на погоны на рубашке накладываются погоны на кителе, а сверху ещё погоны на шинели. Это вообще нонсенс.

Большевики много не думали. Они взяли приготовленную императором военную форму с «разговорами» и выдали за свою, пришили петлицы и вот вам новая армия. Затем они взяли петлицы гражданских чиновников и заменили просветы и звёздочки на геометрические фигуры: треугольники, кубики, прямоугольники, ромбики и назвали их воинскими званиями.

Глава 64

Утром около министерства на меня налетел мальчишка с газетами, кричавший, что царь отменил титулования и потребовал быстрее принять Конституцию.

Я купил газету и увидел тексты всех трёх указов, подписанных вчера. Премьер работает быстро. Весь мир знает о переменах в России, а то все бы подумали, что всё вернулось вспять. Рубикон перейдён. Как вы понимаете,

Книги судеб нет, и всё зависит от того, насколько хороша будет его охрана (ох, рано, встаёт охрана).

Полковой писарь Терентьев прямо охнул:

- Поздравляю Ваше высокоблагородие!

- Терентьев, - с притворным недовольством сказал я, - Вы что, не знаете, что ЕИВ отменил титулование. Вот газета, ознакомьтесь.

Терентьев, который корпел над выписыванием титулований ЕИВ в проектах указов улыбнулся как чеширский кот. Выхлопочу ему Анненский знак отличия. Хорошо служит, старается на совесть. А там подойдёт время к награждению в 1913 году медалью в ознаменование трёхсотлетия дома Романовых. Надо будет предложить ему остаться на сверхсрочную и присвоить звание подпрапорщика. Потом поговорю.

Сейчас о плане действий.

Основное! Не допустить расстрела рабочих на Ленских золотых приисках.

Первое. Продолжить активное переселение крестьян из центральных районов страны в сибирские регионы. Оказать им действенную государственную поддержку.

Второе. Ввести в практику поощрение солдат наделами земли за храбрость и героизм. Провести военную реформу.

Третье. Уравнять в правах всех населяющих Россию племён и народностей. Искоренить слово инородец и отменить черту оседлости для евреев.

Четвёртое. Ввести земство во всех губерниях.

Пятое. Восстановить университетское самоуправление. Ввести обязательное семилетнее образование для всех слоёв населения. Провести реформу русского языка, особенно в письменности, чтобы язык стал более распространённым и увеличилось число грамотного населения. Пересмотреть учебники истории российской.

Шестое. Обеспечить свободу создания и деятельности политических партий.

Седьмое. Развитие транспортной системы – шоссейных и железных дорог, водных путей, авиалиний.

Седьмое. Государственная поддержка опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ. Научно-технический обмен с зарубежными центрами науки и техники. Поддержка крупного предпринимательства в промышленности. Развитие автомобиле- и авиастроения. Поддержка банковского сектора.

По-моему, этого вполне достаточно на первое десятилетие.

В полдень я был в приёмной премьер-министра.

- За вами никак не успеешь, господин подполковник, - приветствовал меня ротмистр Сенцов.

- До финиша ещё далеко, господин ротмистр, - отшутился я, - успеете догнать и обогнать.

Председатель Совета Министров Российской империи только что встречался с руководством полиции. Какие указания они получили, мне неизвестно, но мы это выясним и, если это будет необходимо, то внесём коррективы, чтобы не усиливать революционные тенденции.

- В погонах подполковника вы смотрите очень внушительно, - поприветствовал меня Столыпин.

- Вы меня ещё не видели в генеральских эполетах, - сказал я, пытаюсь выдержать серьёзный вид.

- Я думаю, что успею ещё увидеть вас и генералом, - сказал Столыпин, - а сейчас позвольте возложить на вас знаки ордена Святого Станислава второй степени. Шейный орден говорит о многом.

Он закрепил застёжку станиславовской ленты у меня на шее и поправил орден над верхней пуговицей кителя.

- Вот так будет лучше, - сказал он и жестом пригласил сесть на стул у приставного столика.

Я достал из папки и протянул премьеру лист бумаги с планом основных мероприятий.

Почему вы так упираете на Ленские золотые прииски? – спросил меня Столыпин.

- Если допустить расстрел, то появится Ленин, - сказал я, - он возьмёт себе псевдоним по имени реки Лены, где находятся прииски. Ленин. А это будет означать, что Книга судеб вернулась в исходное состояние и все наши

усилия пошли прахом. Всё, что можно было сделать мирным путём, придётся делать после революции и кровопролитной гражданской войны. Создание нового российского государства рабочих и крестьян вызовет консолидацию Запада против России и подготовку новой мировой войны, ещё более кровопролитной и разрушительной, чем та, которая нас ждёт в ближайшем будущем. Я ещё хочу добавить, что приказ на открытие огня поступил от вашей креатуры – директора департамента полиции действительного статского советника Белецкого Степана Петровича.

- Позвольте, - возразил Столыпин, - Белецкий всё ещё на должности вице-директора Департамента полиции по вопросам законодательства, и я пока не подписал приказ о его назначении.

- Подпишите, Пётр Аркадьевич, - сказал я, - и очень скоро подпишете.

- Хорошо, - сказал Столыпин, - этим я займусь лично, вместе с вами. Что у нас дальше? Переселение крестьян. Поддерживаю. Далее. Награждение солдат землёй за героизм и храбрость. А не будем ли мы плодить новых помещиков, которые встанут стеной против аграрной реформы?

- Помещиков мы не наплодим, господин премьер-министр, - сказал я, - а вот крепких фермеров прочно поставим на земле. Страна наша аграрная и сельским хозяйством прирастать будет.

- Далее, - продолжил Столыпин. – отменить инородцев и снять черту оседлости для евреев. Уравнять всех в правах. Чтобы инородец был равен со мной в правах? А еврей с пейсами сидел рядом с графом Российской империи на банкете? Да вы, батенька, совсем рехнулись.

- Единоновременно это делать нельзя, но в течение десяти лет можно сдвинуть старую карету с дороги, чтобы по ней могли ездить автомобили. Евреи открывают путь к международным капиталам и они же, пожалуй, самое драгоценное приобретение для нашего государства. Банкиры, промышленники, учёные, изобретатели, писатели, артисты – в основном крещёные евреи. Ни русские, ни финны, ни поляки, ни мусульмане, ни буддисты с ними сравниться не могут, поэтому они все и выступают с антисемитских позиций. И чем больше их бьют, тем сильнее они становятся. И умно ли забивать плетью на переправе тягловую лошадь? Как бы вы назвали этого человека? Я не уверен, что смогу убедить вас, а вы сможете убедить в этом ЕИВ. Но делать это нужно.

- Хорошо, подумаем, - сказал премьер, - но таких как я по еврейскому вопросу в России миллионы и что вы будете с нами делать?

- Перевоспитывать в соответствии с советами и опытом господина Ушинского, - улыбнулся я.

- Ладно. С пунктами с четвёртого по седьмой я согласен. Работы много, но делать нужно. С Думой возни много будет.

- Правильно, - согласился я, - парламент он и есть парламент. Нужно создавать свою политическую партию и вести работу с массами, чтобы они поддержали на выборах. И чем больше ваших сторонников будет в Думе, тем легче будут приниматься нужные законы.

- Я думаю, что если мы жандармерию назовём Росгвардией, - сказал Столыпин, - то это приведёт к более положительному отношению к ним всех слоёв населения.

- Окститесь, Пётр Аркадьевич, - сказал я, - вам тогда нужно покупать ракетку для лаун-тенниса, чтобы отбивать вызовы на дуэль от настоящих гвардейцев. Упаси Бог назвать тюремщиков кавалергардами. В сочинениях Козьмы Пруткова есть такая запись: если на клетке с верблюдом вы увидите надпись «Тигр», то не верьте глазам своим.

- Я всё удивляюсь, - сказал премьер, - откуда вы так много знаете? Где дают такое образование? Неужели там есть свои университеты? – и он поднял указательный палец вверх.

Я улыбнулся. Хорошие знания могут убедить в чём угодно любого человека, особенно из тех, кто сильно заражён предрассудками и суевериями.

Глава 65

В Сибирь мы поехали через неделю. Практически предстояла инспекторская поездка по губерниям, центры которых находятся на ТСЖМ. Если кто-то уже забыл, то это Транссибирская железнодорожная магистраль.

В России вся цивилизация находится на этой линии. Отъезжаешь от чугунки на пятьдесят вёрст и как будто в прошлый век попадаешь. Точно так же и при советской власти было, то есть в моё время.

Вдоль ТСЖМ шла и гражданская война. В стороне от линии люди и не знали, что война идёт. Какой-нибудь солдатик залётный или агитатор большевицкий расскажут чего-нибудь, а так тишина и покой.

Я знаю, что перед отъездом у Столыпина состоялся серьёзный разговор с ЕИВ по поводу предложений о реформировании России. Решений принято не

было, но нужно как можно скорее принимать Конституцию в Думе и действовать в соответствии с её канонами.

В этот же день ЕИВ утвердил закон «Об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных», предоставляющий всем гражданам Российской империи на территории Финляндии равные с местными гражданами права, а также возможность подачи бумаг и прошений во все официальные учреждения и всем должностным лицам на русском языке. Закон допускает исключения в отношении евреев.

Похоже, что пока есть время, премьеру нужно прочитать лекцию о вреде антисемитизма. Использовать для этого «Книгу судеб». Рассказать, что не в таком далёком будущем к власти в Германии пришёл диктатор-антисемит по фамилии Гитлер. Он разогнал евреев, обескровив финансы, научные кадры, культуру. Все евреи собрались в Америке и создали атомную бомбу, о которой мечтал Гитлер, но которую ему не смогли создать. Правда к моменту создания бомбы Гитлер пустил себе пулю в лоб, зато японский микадо огрёл от этой бомбы по полной.

Российский антисемитизм привёл в революцию выдающихся людей, которые поставили на колени весь правящий класс, оставив от него рожки да ножки, да ещё эмиграцию во всех странах.

Если постоянно вырывать на своей голове волосы, то останешься лысым, а лысина от постоянного травмирования может получить какое-нибудь нехорошее заболевание. Если же за волосами ухаживать, чаще мыть, расчёсывать, подстригаться, то человек всегда будет выглядеть, красивым, здоровым и добрым.

Ехали мы в отдельном премьерском вагоне, где был его кабинет, спальня, туалет, ванная комната и конференц-зал для совещания, он же обеденный зал.

Я размещался в купе вместе с адъютантом премьера ротмистром Сенцовым. Небольшое уточнение – ротмистром Отдельного корпуса жандармов Сенцовым. Не мог же просто ротмистр гусарского или уланского полка быть адъютантом министра внутренних дел. Я – простое исключение, пехотный подполковник, на которого оглядываются многие сотрудники МВД.

Как-то вечером Сенцов спросил меня:

- Господин подполковник, а правда, что вы за пять лет прошли путь от рядового до подполковника?

- Правда, Сенцов, правда, - сказал я.

- Но как же так возможно? - спросил Сенцов, который по годам был постарше меня. - Существуют сроки присвоения очередных чинов, старшинство в звании, наличие вакансий, то есть всё то, что замедляет продвижение вверх для офицеров недворянского происхождения, да и дворянам тоже нелегко приходится.

- Понимаете, Сенцов, - ответил я, - я себя помню с двадцати пяти лет. Что было до этого я не знаю, но по всем навыкам и умениям представляется, что я окончил либо военное училище, либо университет, но я служил в армии и был офицером. Поэтому я в первый же вечер в качестве вольноопределяющегося навёл порядок в казарме, заражённой неуставными отношениями и взял на себя командование ротой, которая стала беспрекословно подчиняться мне. Командование пошло на эксперимент и оставило меня командиром роты, присвоив чин зауряд-прапорщика. До службы мне пришлось сдать экзамены за полный курс гимназии и университета. Поэтому я стал заурядом. Потом в течение года я сдал экзамены за курс военного училища и получил чин поручика, так я обогнал своих сверстников. Потом меня перевели в Военно-учёный комитет Главного штаба, а оттуда в аппарат премьер-министра. Вот и всё.

- У нас всё говорят, что вы дьявол, который шагает по головам своих соперников, - засмеялся Сенцов.

- Потом офицерам расскажете, что спали со мной в одном купе и не видели у меня ни копыт, ни рогов, - сказал я, - а вот насчёт чьих-то голов, это уже напраслина. Никто не может посетовать, что я кого-то подставил, сподличал или написал донос. Если кто-то так скажет, то Дуэльный кодекс в Российской армии никто не отменял, а за стрельбу из нагана у меня есть приз. Зато мы с вами находимся у истоков рождения новой России, которая помчится по рельсам технического прогресса и все развитые страны Запада будут нас догонять. Кто-то из классиков говорил, что раньше во Франции за российский рубль давали пять франков, а сейчас бьют в морду. Так вот, скоро российский рубль будет цениться выше всяких марок, гульденов, долларов, песо и к нам будут приезжать учиться, а не мы к ним. Давай-ка, друг Сенцов, вздремнём, а то шеф просыпается ни свет, ни заря и нам надо рядышком быть, мало ли чего.

Поезда в то время ходили не так быстро, как сейчас. На паровозной тяге сильно не разгонишься, зато у пассажиров всегда находилось время, чтобы обсудить все вопросы, на которые у них не находилось времени в повседневной столичной жизни, особенно в условиях министерства внутренних дел, бывшего как бы государством в государстве.

- Расскажите мне, как вы видите военную реформу, - предложил мне Столыпин, держа в руках мои семь пунктов.

- Российская армия в кратчайшие сроки должна стать современной и боеспособной армией. Первое – перевооружение современным оружием, причём российского производства, а не импортным, типа японских винтовок «Арисака», пылящихся на складах. Будущее за ручным автоматическим оружием. Увеличить производство патронов и снарядов. – Второе. Офицерский состав учить военному делу настоящим образом. Нужны боевые офицеры, а не паркетные шаркуны. В армии повсеместно отменить «пруссский шаг». Мы – русские и шагать должны как русские. Отменить разноцветные мундиры и эполеты всякого рода, а также уменьшить количество золота, вензелей и всяких шифровок на погонах всех военнослужащих, как ненужное расходование средств, выделяемых на оборону. Стрелковую подготовку сделать основной дисциплиной, по которой оценивается боеготовность части. Офицерский корпус нужно пополнять грамотными специалистами и выпускниками университетов. Третье. Организовать централизованное снабжение армии продовольствием и не обременять полки ведением своего войскового хозяйства, создавая предпосылки для финансовых махинаций и злоупотреблений.

- Так, а вот вы пишете про изучение истории, это ещё к чему? – спросил меня премьер.

- История – это очень опасное оружие, которое не только острое, но ещё и обоюдоострое, - начал объяснять я.

- Какое ещё острое оружие? - усмехнулся Столыпин. – Наши доблестные воины под предводительство князя Олега прибили его щит над воротами Царьграда. Разгромили всех половцев и печенегов, терзавших русскую землю. На Куликовом поле освободились от монголо-татарского ига. Штурмовали турецкие крепости. Изгнали войско Наполеона из России. Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов. Михаил Кутузов. Павел Нахимов. Одни эти имена что стоят! – патетически сказал Столыпин.

- Пётр Аркадьевич, - сказал я, - прошу выслушать меня спокойно и уже потом дать оценку моим словам. Князь Олег был в Царьграде в 907 году, когда московского княжества не было и в помине, а было Киевское княжество и была Киевская Русь. А это не Россия. Москва появилась только одна тысяча сто сорок седьмом году, когда печенегов и хазар уже не было в помине и они не терзали Россию. И Московское княжество появилось только в 1263 году и не без помощи Золотой Орды. Куликовская битва была в 1380 году, а монголо-татарское иго пало в 1480 году. В этот промежуток хан Тохтамыш сжёг Москву и побил множество русичей. И Киевская Русь была присоединена к Московскому княжеству только в 1643 году во время Переяславской Рады. Поэтому, когда народ будет изучать историю так, как это положено, то это может сказаться и на единстве Российской империи, созданной из ранее

бывших самостоятельными царств и княжеств, наименования которых перечислены в гербовой записи Его императорского Величества.

- Да вы говорите, как махровый революционер, - возмущённо сказал Столыпин, - откуда вы такой ереси набрались?

- В основном за счёт самообразования и периодического чтения Книги судеб, - сказал я. — Там про всё прописано, даже о том, что после великой войны распадутся Австро-Венгрия, Оттоманская и Британская империи.

- А что Россия? — спросил Столыпин.

- Это всё будет зависеть от нас и от того, какую национальную политику будет проводить правительство. Все части империи исподволь стремятся к независимости и любая ситуация будет использована ими, чтобы получить свободу.

- Я в это не верю, - твёрдо сказал премьер, - Народы наши обожают своего императора, и империя наша будет стоять ещё тысячу лет и ничего с ней не сделается. Русский народ — самый лучший народ в мире. Народ-богоносец, всё самое лучшее будет происходить от него и весь мир придет учиться у него.

- Вынужден огорчить вас, Пётр Аркадьевич, - сказал я. — Всё подчиняется закону дерьма.

- Снова что-то неприятное? - предположил Столыпин.

- Объективное всегда нелицеприятно, - сказал я. — Так вот. Господь создал человека из праха и в прах он превращается в конце своей жизни. С этим вы не будете спорить? — спросил я премьера.

- Разве с этим можно спорить? - подтвердил мой собеседник и начальник.

- Так вот, прах — это дерьмо, а разве может быть хорошим то, что создано из дерьма? Не может, - повествовал я. — Слышал я, что в Якутской губернии проживает один крестьянин, который по зиме, когда больших работ нет, из коровьего дерьма лепит всякие фигуры, как-то: людей, лошадей, дворцы, церкви. Люди смеются, а многим нравится, потому что получается очень похоже. Если сказать в глобальном смысле, то все люди в каждой стране полное дерьмо. И количество дерьма у них уменьшается по мере воспитания, обучения, достатка и образа жизни. Сами понимаете, что каждый из этих постулатов можно расчленить на подпункты. Но и наличие всего этого перечня частенько не превращает дерьмо-человека в homo positivus, то есть в человека положительного. Природа или Господь Бог создали наш мир в полной гармонии. То есть количество дерьма должно быть равно количеству чего-то чистого, чтобы вся система не свалилась в полное дерьмо или наоборот — не

стала чем-то стерильным, что и плюнуть доброму человеку некуда. Во время войн и бедствий в первую очередь погибают более чистые и патриотичные. Остаются те, на ком клейма ставить негде, но и им приходится проявлять какой-то героизм, чтобы выжить самим. Потом происходит очищение части дерьма и из дерьма, то есть от дерьма станут рождаться дети, которые будут замещать тех чистых, которые погибли в борьбе. Точно такая же формула используется и во время революций. Если вы помните, то самое точное определение принадлежит Наполеону Бонапарту. Революцию задумывают гении, делают ей дураки, а результатами пользуются сволочи.

Глава 66

Губернаторы придорожных губерний подсаживались к нам в поезд и ехали до тех пор, пока все вопросы не были решены. После этого они выходили на одной из станций, пересаживались в свой поезд и возвращались обратно.

В ходе совещаний Столыпин вербовал своих сторонников — государственников, которые должны обеспечить экономический рост России.

Самые большие возражения были по инородцам и евреям. Не губернаторы, а чистые национал-социалисты с имперским мышлением.

- Не трогайте курицу, которая несёт золотые яйца, - требовал от них Столыпин. — Пусть они крестятся, женятся на дворянках, сами получают дворянство, ордена, чины, титулы, но эти люди несут славу и богатство России, и вы должны их беречь.

Основное совещание проводилось в Иркутске. Если ехать дальше по ТСЖМ, то можно чуть ли не целый день любоваться красотами Байкала и ехать по горным серпантинам, удивляясь инженерному мастерству строителей железной дороги.

На совещание в резиденции генерал-губернатора Восточной Сибири были приглашены все высшие чиновники, а также владельцы компании «Лензолото» и персонально ротмистр Отдельного корпуса жандармов Трещенков. В моё время Трещенков дал команду на открытие огня по рабочим, в результате чего было убито сто семьдесят человек и почти двести человек ранено.

Совещание началось именно с ротмистра Трещенкова и руководителей «Лензолото». Столыпин сразу обвинил их в том, что они вздувают пламя новой революции и действуют на разрушение Российской империи.

Ротмистру Трещенкову было прямо сказано, что если он хоть раз выстрелит в сторону забастовщиков, то с него с позором будут сорваны офицерские погоны и сам будет осуждён уголовным судом за подстрекательство к революции.

Руководству «Лензолото» была поставлена задача в течение двух недель повысить жалование рабочих на приисках, улучшить или хотя бы начать улучшать их жилищные условия и приступить к строительству остро необходимой для приисков узкоколейной дороги Иркутск-Жигалово-Бодайбо. В случае неисполнения, компания будет деприватизирована и для неё найдут более эффективных собственников.

Такого сурового премьера не видели с 1905 года. Приезд в Иркутск по такому «маловажному» делу озадачил всех чиновников, а программа переустройства России, озвученная для всего генерал-губернаторства Восточной Сибири, была встречена настороженным молчанием от неизвестности того, что будет завтра. Закричи «ура», а завтра скажут, что это была шутка и деревянной лопатой тебе по одному месту. Так уж лучше отнестись ко всему нейтрально.

Есть такие величины «минус ноль» и «плюс ноль». Всё дело в величине угла подъёма кончиков губ. Если они немного опущены, как перед плачем, то это «минус ноль». Если чуть приподняты, как перед улыбкой, то это «плюс ноль». Если каменное и неподвижное лицо, то это «универсальный ноль» в готовности к минусу или плюсу.

В развитие этого можно предположить, что когда дела в России пойдут хуже некуда, то чиновники будут использовать термин, как «отрицательный рост» лишь бы потрафить диктатору.

Приём в честь премьер-министра отличался сибирским хлебосольством. Земля сибирская богата всем и Сибирь может спокойно прожить без всяких там центров власти с запада, развив свою экономику так, что все экономические нити сойдутся именно в центре Сибири у озера Байкал.

И, как это водится на Байкале, известный иркутский оперный певец исполнил «народную» песню «Славное море, священный Байкал», которую написал Дмитрий Давыдов.

*Славное море - священный Байкал,
Славный корабль - омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко.*

Долго я тяжкие цепи влачил,

*Долго скитался в горах Акагуя;
Старый товарищ бежать научил -
Ожил я, волю почуя.*

*Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка - миновала.*

*Шёл я и в ночь, и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко,
Хлебом кормили чалдонки меня,
Парни снабжали махоркой.*

*Славное море - священный Байкал,
Славный мой парус - кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.*

И весь банкет подпевал за певцом. Это как в моё время элита тащилась от тюремного шансона, типа «Владимирский централ – ветер северный», так и в это время элита тащится от тюремного и революционного шансона. Практически вся элита сочувствует беглому революционеру и с мазохистской готовностью ожидает результатов громовых раскатов. А мы приехали сюда, чтобы этих громовых раскатов не было.

Я, кстати, сам грешен в отношении Байкала. Коротенькое стихотворении на тему посещения его из моего времени.

*Вода на Байкале совсем студена,
Прозрачней алмаза - там видно до дна,
И Космос в глубинах всю силу хранит,
То знает на скалах угрюмый гранит.*

*Всех манит богатство и солнечный штиль,
И водная гладь на четыреста миль,
А если за водкой пойти в магазин,
То встретит вас пьяный мужик Баргузин.*

На обратном пути в столицу мы имели долгий разговор с премьером.

- Вы, похоже, уже бывали в Иркутске? – спросил меня Столыпин.

- Похоже, что был, - сказал я, - потому что ориентируюсь в городе и в примечательных зданиях. Но память мою это не восстановило.

- Как вы оцениваете результативность нашей поездки? – спросил он.

- Результат поездки будет виден семнадцатого апреля, - сказал я, - но как предвыборную поездку лидера новой политической партии её можно оценить высоко.

- Я тоже думаю о создании новой политической партии, - сказал премьер, - а вот с названием у меня не получается. Как, например, такое название – Русь Святая.

- Название громкое, но что оно несёт в себе? – спросил я и сам же и ответил. – Ничего не несёт. Просто констатация факта, что Русь Святая. Кто её так назвал? А сами и назвали, после того как под ударами турок пала Византия и Православие переместилось в Киевскую Русь. Потом сами назвали Русь Третьим Римом и провозгласили, что Четвёртому Риму не бывать. Любой прочитавший название партии, подумает, что это партия попов и пройдёт мимо неё, обеспечив абсолютный проигрыш. Точно также будет и с названиями Русь Великая, Русь Могучая и Единая Русь.

- А если «За Веру, Царя и Отечество»? – спросил Столыпин.

- Тоже самое. Название должно отражать сущность партии и даже определять круг народа, который её поддержит, - начал я философствовать. – Кто будет в составе вашей партии? Высшие сановники и директора департаментов. Сколько их? Не наберётся и половины процента по всей России. Допустим, что они прикажут своим подчинённым вступить в эту партию? Наберётся один процент и всё. А на выборах нужно иметь большинство голосов, чтобы обеспечить большинство голосов в парламенте. Квотируемое представительство – это заранее запланированный раскол парламента. Допустим, что в одной компании собрались министр, директор департамента, профессор, священник, купец, конторщик, рабочий и крестьянин. Сядут они вместе за стол на принципах равенства? Не сядут. Министр с директором за один стол с крестьянином и рабочим не сядут. И с конторщиком и купцом тоже не сядут. Вот и получается, что квотирование создаёт в парламенте фракции элиты, интеллигенции, духовенства, среднего класса, пролетариата. У крестьянина двойственная функция. Загребёт хороший урожай и станет наравне с купцами, неурожай – опустится ниже рабочего, которому нечего терять кроме своих цепей.

- Так как же назвать партию? – горячился Столыпин.

- Зарубежный опыт показывает, что чем проще название, тем она более понятна, - сказал я. – Например, в Великобритании партии лейбористов и консерваторов. Консерваторы тянут под знамёна монархии за ликвидацию всех свобод, а лейбористы за свободу предпринимательства и обеспечение свобод и прав человека. Такая же система в американских соединённых штатах. Демократы и республиканцы. Суть та же, что у консерваторов и лейбористов.

- А может назвать её вот так, просто и со вкусом: «Наш дом – Россия»? – предложил премьер.

- Очень много производных от этого названия, - сказал я. – Например, «Наш дом тайга, медведь хозяин», а вот это «Наш дом – дурдом» прилипнет намертво и ничем не отлепишь. Назовите просто «Партия прогресса», а ведь так оно и есть, и никто не перековеркает это название и кадеты (конституционные демократы) к ней примкнут с удовольствием.

- Название хорошее, надо обдумать, - согласился Столыпин.

Глава 67

Я постоянно проглядывал все газеты, благо в приёмную премьера их закупалось немалое количество, чтобы быть в курсе всего, что происходит в России и во всем мире.

Дома я проводил политинформацию для Марфы Никаноровны. Когда я забывал это сделать, то Марфа Никаноровна сама напоминала мне. Информация – это как наркотик, нет информации и у человека начинается информационная ломка.

15 апреля британский лайнер «Титаник» потерпел крушение в результате столкновения с айсбергом. Погибли 1496 человек.

16 апреля. Новостей из Сибири нет.

17 апреля. Новостей из Сибири нет.

18 апреля. Новостей из Сибири нет.

19 апреля. Новостей из Сибири нет.

Ленского расстрела нет. По докладу генерал-губернатора Восточной Сибири забастовка прекращена, так как владельцы начали улучшать условия жизни рабочих, и министерство финансов совместно с министерством

транспорта оказали помощь в строительстве узкоколейной линии. Всё-таки, историю мы повернули.

Действительного статского советника Белецкого не назначили директором департамента полиции. Из канцелярии ЕИВ донёсся слух, что главной причиной его обхода по должности является слишком борзой характер, который может послужить детонатором революционных выступлений в стране в ответ на жестокость полиции в отношении народа и что мысль сия была высказана мною.

Потом прошла агентурная информация, что обиженный Белецкий начал организацию покушения на меня руками радикального крыла социал-демократов, занимавшегося террором. После беседы с министром внутренних дел Белецкий подал в отставку и жил в своём имении, занимаясь рыбалкой и написанием детективных романов из старорусской жизни.

Отец и сын Сивковы несколько месяцев были моими негласными телохранителями, но потом переключились на более существенные дела.

5 мая в Петербурге вышел первый номер социал-демократической газеты «Правда».

Свобода слова – это показатель настроений в обществе и барометр политической ситуации в стране. Когда начинают отправлять на каторгу за неосторожное сказанное слово, то государство само подкладывает себе свинью, не понимая, что происходит в стране и принимая абсолютно неправильные решения.

Сейчас на очереди главное событие века. Первая мировая война. В год, когда я появился здесь, проходили франко-русские и русско-английские переговоры.

В принципе, никаких военных соглашений на этих переговорах не было. С Англией договорились о признании её сюзеренитета над Афганистаном и разделили сферы влияния в Иране. С Францией договорились о действиях на случай нападения Англии на Францию. И никаких договорённостей о совместном выступлении против Германии и Австро-Венгрии. Раз не воюют друг с другом, то значит они союзники. Антанта. Согласие. И каждый в этом согласии готов сунуть пук тлеющей пакли в штаны союзнику.

С Тройственным союзом все определённое. Рейхсканцлер Германской империи Теобальд фон Бетман-Гольвег выступил в Рейхстаге и заявил, что Германия вступит в войну на стороне Австро-Венгрии, если та подвергнется нападению, которое будет угрожать её существованию. Он также подтвердил интересы Германии на Балканах. В этом союзе болтающийся хвостик – Италия,

которая в конце концов, в моём мире, выступила против Германии и Австро-Венгрии.

В такой ситуации России ни в коем случае не надо ввязываться в драку в неподготовленном в военном отношении состоянии.

Взрыв произойдёт на Балканах. Это уже понятно. Братья славяне.

*Гей, славяне, наше слово
Песней звонкой льётся,
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьётся.*

*Дух Славянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.*

*Наше слово дал нам Бог,
На то Его воля!
Кто заставит нашу песню
Смолкнуть в чистом поле?*

*Против нас хоть весь мир, что нам!
Восставай задорно.
С нами Бог наш, кто не с нами -.
Тот падёт позорно.*

Гимн этот был написан словаками в 1834 году, но был принят как гимн славян во всём славянском мире. В него нужно вчитываться и выделять главные лозунги:

- Против нас весь мир и нам плевать — мы будем биться с ним.
- Кто не с нами, тот падёт позорно.
- Слово славянина — слово Бога.

И главный вывод. Славяне постараются втянуть всех в мировую заварушку.

Причём, нужно отметить, что славянин славянину не друг, товарищ и брат, а обыкновенное ЧЧВ, то есть - человек человеку волк.

Славяне ищут отличия друг от друга, чтобы отсоединиться от других славян и крикнуть, это я самый славянистый славянин, а вы все волки позорные. На этой основе Балканы представляли собой лоскутное одеяло Европы. Причём, в этом одеяле каждый лоскуток был отдельно друг от друга.

Идея панславизма пугала всех во всём мире. Если бы славяне всего мира объединились, то в мире не было такой силы, кто мог бы противостоять им. Но славяне не объединятся никогда.

Возьмите крупнейшую славянскую державу Россию и Польшу, которая является частью Российской империи и частью Австро-Венгрии. Это злейшие враги, причём поляки, входящие в состав Российской империи, являются не менее ожесточёнными врагами России, чем те, кто проживает в Австро-Венгрии. И к Австро-Венгрии ненависть их намного меньше, чем к России.

Славянами являются и болгары, которым мы помогли избавиться от османского ига. И что в результате? Болгария флиртует с Тройственным союзом.

Остальные славяне ненамного лучше или хуже. Завистливые. Чванливые. С полным отсутствием самокритики и имперским суждением. И чем меньше, страна, тем сильнее имперские замашки.

В моё время в 1913 году была Вторая Балканская война за раздел Македонии между Болгарией с одной стороны, и Черногорией, Сербией и Грецией с другой, а также подключившимися к военным действиям против Болгарии Турцией и Румынией.

И в это время, как мне кажется, эта война не минует Балканы, и чем больше будет таких войн, тем будут прочнее позиции Германии и Австро-Венгрии на Балканах.

Все эти мысли я изложил в докладе на имя премьер-министра и министра внутренних дел Российской империи Столыпина Петра Аркадьевича.

Основной вывод по докладу. России ни в коем случае не нужно ввязываться в войну на Балканах. Главная задача - заниматься укреплением обороноспособности и готовности страны к военным действиям как на своей территории, так и за границей.

Столыпин как славист и националист морщился, когда читал первую часть доклада, но на второй части доклада в его лице виделось чувство глубокого удовлетворения. Это я так, по-старорежимному, то есть по-советски, оцениваю его отношение к докладу.

- Жёстко вы, Олег Васильевич, - сказал он мне, - но справедливо. У нас каждый славянин готов в любое время перегрызть горло другому славянину, и даже не поморщится. А что вы думаете о шагах России в начальный период войны?

- Начальный период не должен касаться нас, - сказал я. – Мы должны прямо сейчас усилить наши западные военные округа и сосредоточить ударную группировку на Кавказском направлении. И делать это нужно очень осторожно, чтобы не вызвать панику у соседей, под видом усиления охраны своих границ и путём укрупнения пограничных бригад и отрядов. Пусть Отдельный корпус пограничной стражи немного распухнет. Там служат ребята brave, а нашей пехоте и кавалерии не повредит познакомиться с пограничной службой и поносить зелёные фуражки. И я уверен в том, что, один раз надев зелёную фуражку, офицер или солдат не согласится променять её ни на какую другую. А на место подразделений, ушедших в погранстражу, мы поставим новые части.

Когда начнётся активная фаза войны, Россия должна быть в нейтральных отношениях со всем миром, а вот к концу войны мы будем самой сильной военной державой, которая будет диктовать всем условия мира или войны.

- Какие ваши предложения по поводу Польши? – спросил премьер.

- Здесь всё просто и очень сложно. Моё предложение, - сказал я, - освободить австро-венгерскую часть Польши и соединить её с российской, дав независимость единому царству польскому. Таким образом мы будем иметь постоянный дружеский буфер между Россией и Западом. Можно оставить всю Польшу в составе России, но тогда мы будем иметь постоянную бомбу с фитилём в виде Тадеуша Костюшко, причём такого Костюшко, которого ещё не видали. Поляки вооружённым путём добьются своей независимости, и все западные страны будут на её стороне. Пока как-то вот так, - закончил я. – Когда будет принята Конституция, то эти вопросы будете решать вы, а не ЕИВ. На его долю останется утверждение вашего решения, а если он его не утвердит, то его утвердит парламент.

Конституция была принята в начале 1913 года и утверждена Указом ЕИВ.

Наступала эпоха конституционной монархии. Выборы в парламент были назначены на конец 1913 года. Почему именно в 1913 году? Потому что это был год наибольшего расцвета империи, остановленный Первой мировой войной. Большевики, в моё время победившие в гражданской войне, чуть ли не весь век стремились выйти на уровень 1913 года, но этот год всё отдалялся и отдалялся от них.

Министерство юстиции не успевало регистрировать политические партии. Там, где собирались трое русских, создавалось десять партий. Так всегда бывает, когда в стране вводятся гражданские свободы и права человека.

Потом большинство партий чахнет, умирает и попадает в небытие, оставляя на полях политических сражений лишь несколько жизнеспособных партий.

Глава 68

Взыскательный читатель скажет о канцелярском перечислении событий, происходивших в то время в мире, и что ничего не рассказывается о семейной жизни главного героя. Попробуем возместить этот пробел.

Марфа Никаноровна после учёбы в интернатуре Мариинской больницы успешно сдала экзамен и получила квалификацию врача-хирурга (полевого хирурга). В табели о рангах это примерно, как титулярный советник или штабс-капитан по-военному.

Как в нормальной интеллигентной семье, мы встречались по утрам, по вечерам и вместе проводили выходные дни.

Несколько раз мы были на балах, в том числе один раз на императорском, я получил приглашение как чиновник по особым поручениям при премьер-министре. На этом балу я представил Марфу Никаноровну императрице Александре Фёдоровне, которая была удивлена тем, что под руку со мной шествует красивая женщина в вечернем платье. Она меня знала, как Ангела, а сейчас увидела в парадном мундире и эполетах с бахромой. С ЕИВ мы любезно раскланялись.

- Ты что, с ними знаком? – удивилась Марфа Никаноровна.

- Как тебе сказать,- сказал я, - по роду службы мне вместе с Петром Аркадьевичем приходится встречаться с многими видными сановниками.

Я знал, что этот факт будет подробно описан и отправлен нашим друзьям в Энск. Хорошо, когда друзья независтливые.

Всё время меня подмывало желание съездить на родину моих родителей в деревню Векшино Просницкого уезда Вятской Губернии. Но кого я там мог увидеть? Разве что моего деда, который родился в 1904 году? Отец мой родился в 1922 году, а мама в 1924 году. Поэтому я даже не предпринимал попыток поехать в Вятскую губернию.

В 1912 году Черногория объявила войну Турции. Началась первая Балканская война - война Балканского союза (Болгарское царство, Королевство Греция, Королевство Сербия, Королевство Черногория) против Османской империи с сентября 1912 года до мая 1913 года. Причиной войны послужило

стремление Сербии, Болгарии, Черногории и Греции расширить свои территории. Война завершилась Лондонским мирным договором.

Вторая Балканская война продолжалась месяц с июня по июль 1913 года и завершилась разделом Македонии.

А мы с Марфой Никаноровной в 1913 году посмотрели «Чёрный квадрат на белом фоне» Казимира Малевича. Марфа Никаноровна была в восторге, но я своё мнение оставил при себе, не став говорить во всеуслышание, что это бред изрисовавшего себя художника.

Нобелевская премия по литературе была присуждена Рабиндранату Тагору, «За глубоко прочувствованные, оригинальные и прекрасные стихи, в которых с исключительным мастерством выразилось его поэтическое мышление». А мне его стихи не особенно понравились. Вероятно, переводчик был плохой.

Ханс Гейгер изобрёл счётчик Гейгера, способный измерять радиоактивность.

Отличились наши авиаторы. Совершил первый полёт первый в мире четырёхмоторный самолёт «Русский витязь». Капитан Пётр Николаевич Нестеров впервые в мире выполнил мёртвую петлю. Первый полёт самолёта-бомбардировщика «Илья Муромец».

В Северной Америке на Великих Озёрах разразился «Великий шторм», продлившийся три дня. Потерпели крушение 12 кораблей, погибло более 250 человек.

В Киеве оправдан Бейлис.

Херсонесский колокол возвращён в Севастополь из Парижа. Последний штрих войны 1854 года.

В 1912 и 1913 годах я плотно работал с конструкторами современного оружия. По мере сил и знаний помогал в конструировании современного оружия. Процесс конструирования – это длительный метод проб и ошибок, переделок, доводок, подбора металлов. Были готовы опытные образцы лёгких пулемётно-пушечных танков, цельнометаллических истребителей, автоматического оружия. Но это всё в мастерских, потому что для изготовления новой техники нужны поточные линии и вспомогательное производство комплектующих деталей. Это будет возможно не ранее конца 1916 или начала 1917 года.

Мой секретарь полковой писарь Терентьев Христофор Иванович высказал желание остаться на сверхсрочную службу, чему я был доволен и подписал представление на присвоение ему чина подпрапорщика.

- Христофор Иванович, - спросил я его, - а не приходилось ли вам встречаться с социал-демократическими агитаторами, которые обещали всех неимущих сделать хозяевами жизни?

- А как же, господин подполковник, - ответил Терентьев, - их везде полным-полно. И, уж извините меня, все из благородного сословия. К благородным доверия больше. Раз он грамотный, то он знает то, о чём он говорит. Разве будет кто-то слушать мастерового, кто кроме своих железок ничего не знает и двух слов связать не может?

- А вы не можете меня познакомить с кем-нибудь из этих агитаторов? - спросил я. - Очень любопытно посмотреть на них. Приведите кого-нибудь из них прямо сюда.

- Будет сделано, Ваше благородие, - щёлкнул каблуками Терентьев.

Выборы в Думу четвёртого созыва проходили в 1913 году. Избрано четыреста сорок два депутата. Партия прогресса получила незначительное большинство, но в союзе с октябристами и кадетами большинство было значительное, которое не мог перебить никакой другой блок. Поэтому блок прогрессистов, октябристов и кадетов выдвинул кандидатуру Столыпина Петра Аркадьевича на пост премьер-министра Российской империи. ЕИВ утвердил кандидатуру премьера и состав правительства.

Политические силы всех направлений собрались в Государственной Думе и вели там ожесточённую борьбу друг с другом, отстаивая свои программные задачи. Зачем идти на улицу с лозунгами, когда избранные представители поднимают проблемы на самом высоком уровне.

Дума не горела воинственными мотивами и требовала от правительства принятия мер по укреплению обороны России.

Прогрессисты привлекли к себе Польское коло (польск. Koło Polskie - «польский кружок») обещанием поставить вопрос о суверенитете Польши в случае её объединения в единое Польское царство.

Сразу после выборов Терентьев привёл ко мне молодого человека, о котором он сообщил мне за неделю до этого. Я уже навёл кое-какие справки и сейчас хотел убедиться в том, насколько описание соответствует реальной личности.

Адам Яковлевич Семашко. Родился 7 сентября 1889 года в Риге в многодетной семье чиновника. Отец - Яков Яковлевич Семашко, дворянин Виленской губернии, поляк. Мать - Анна Александровна, урождённая Лисинская, полька. Гимназистом в Либаве в 1907 году вступил в РСДРП, вёл пропагандистскую работу среди гимназистов и студентов. Арестовывался по подозрению в связи с социалистами.

В 1909 году поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Я прибыл сюда в 1907 году и в 1909 году занимался своим высшим образованием. Он родился 7 сентября, а я родился 6 сентября, но старше его на семь лет. И Семашко знаменитая фамилия во времена Советского Союза. Я припомнил основные моменты его биографии, которые вряд ли буду использовать в разговоре с молодым революционером.

Адам Семашко был амбициозным молодым человеком двадцати четырёх лет от роду. Он шёл в министерство внутренних дел к жандармам и сатрапам, но встретил пехотного подполковника с орденом Станислава на шее. Никакого конвоя, никаких привинченных к полу табуреток, протоколов и понятых из числа секретных осведомителей. Чай с бутербродами, принесённый свежее испечённым подпрапорщиком Терентьевым.

- Мягко стелет, - думал Семашко, оглядывая мой кабинет, - а потом будет кричать и угрожать каторгой.

- Адам Яковлевич, - предложил я, – давайте представим, что вы президент свободной России, образовавшейся после пролетарской революции, которая уничтожила всех эксплуататоров как класс и все страждущие люди переселились из подвалов в просторные дворцы и меблированные квартиры. И вдруг оказалось, что кто-то недоволен вашей властью и ведёт агитацию и пропаганду, призывая людей с оружием в руках сбросить эту власть и установить новый режим. Что бы вы стали делать в такой ситуации?

- Господин подполковник, - снисходительно сказал студент Семашко, - какой же находящийся в здравом уме человек будет выступать против народной власти. Это либо сумасшедший, либо враг. А как поступают с врагами? Правильно их уничтожают. Но он может и сдаться на милость победителя. *Vae victis*, как говорили древние греки, горе побеждённым.

- Сколько же человек вы собираетесь уничтожить, господин Семашко?

- Сколько нужно, столько и уничтожим, - сказал недоучившийся студент. – Как в нашем гимне? Отречёмся от строго мира, отряхнём его прах с наших ног. Вы же не пойдёте в грязных сапогах в чистую квартиру. Сначала стряхнёте грязь, а потом уже входите в дом. Всё естественно.

- А вы не думаете, что ваше дворянское происхождение может перевести вас в разряд врагов и эксплуататоров, который нужно отряхнуть с ваших ног?

- Дворянин дворянину рознь, - сказал Семашко. – Вот возьмите нашего лидера Ульянова Владимира Ильича. Его брат убил императора российского, а сам Ульянов организовал всех сторонников на месть за своего брата, и он не остановится ни перед чем. И мы вместе с ним.

- Скоро начнётся война, которая станет мировой, - спросил я, - будут ли социал-демократы защищать свою родину – Россию?

- Война – это самое удобное событие для революции. Все социал-демократы пойдут на войну, чтобы научиться военному делу настоящим образом, затем повернуть штыки против своих угнетателей и превратить войну мировую в войну революционную, войну гражданскую. И социал-демократы не имеют какой-то определённой родины – они интернационалисты и мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем.

- Сколько же крови вы прольёте? – спросил я.

- Сколько надо, столько и прольём, - ответил молодой революционер.

- А хотите я предскажу вашу судьбу, и вы сами определите, понравится она вам или нет? – предложил я.

- Раскинете карты госпожи Ленорман? – засмеялся студент.

- Обойдёмся и без карт, - сказал я. – И хочу вас предупредить, что мои предсказания сбываются всегда, если человек сам не приложит усилия для изменения своей судьбы. Готовы рискнуть?

- Мне терять нечего, кроме своих цепей, - веселился революционер. – Я даже почти наверняка знаю, о чём вы будете говорить. Жандармы уже повсюду пытались меня вербовать. У них ничего не вышло и у вас ничего не выйдет. Я как колобок, который от бабушки ушёл и от дедушки ушёл.

- Но от лисы-то он не ушёл, - сказал я. – Так рассказать вам вашу судьбу?

- Естественно, господин подполковник, - сказал Семашко, - было бы глупо побывать в цирке и не посмотреть главное выступление.

- Одна просьба, - сказал я, - никому не рассказывайте о том, что вы здесь услышите, потому что вам никто не поверит, но сомнения в вашем здравом уме будут поколеблены.

В конце этого 1913 года вы будете отчислены с юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и призваны в армию. В 1914 году начнётся Великая война и вы в 1916 году поступите в Третью Петергофскую школу прапорщиков, а затем в качестве прапорщика будете переведены в 1-й пулемётный запасный полк при Офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме.

Во время Февральской революции 1917 года полк прибудет в Петербург и встанет на сторону восставших. В мае 1917 года на общеполковом собрании вы будете выбраны командиром полка, но это решение не утвердит полковая ячейка социал-демократической партии, которая будет блокировать все ваши действия, после чего вам придётся уйти из полка.

После Октябрьского переворота вы вернётесь в Петроград и вас назначат комиссаром отдела военных сообщений при Генеральном штабе. В декабре 1917 года вы комиссар Всероссийского главного штаба. Других кадров нет. С мая 1918 года по январь 1919 года вы командуете Уральским военным округом. В январе 1919 года - член реввоенсовета Северного фронта, в феврале - член реввоенсовета Западного фронта, а затем - 12-й армии при обороне Киева.

В июне 1919 года вы арестованы Особым отделом ВЧК. Это Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Карающий меч революции, о котором вы так мечтали. Но вас спасёт Лев Давидович Троцкий (Бронштейн). Ещё не знаете такого? Узнаете.

В сентябре 1919 вы снова командующий Уральским военным округом. В августе 1920 года вас переведут на Кавказский фронт командиром Уральской особой бригады. Там тяжело ранят и отправят на лечение в Москву.

Весной 1921 года вы будете в Чите в качестве политического эmissара всех вооружённых сил Дальневосточной республики (ДВР), позже управляющим делами Министерства иностранных дел ДВР. Советская республика всегда создавала другие республики, когда намеревалась захватить какую-то территорию и приходила «на помощь» по просьбе этой республики.

В этом же году вас переведут на работу в Народный Комиссариат по иностранным делам. С весны 1922 года вы будете работать в полпредстве (посольстве) СССР в Латвии, а весной 1923 года будете поверенным в делах СССР в Латвии. Вас вызовут в Москву, но вы туда не поедете, а уедете в Латинскую Америку.

Вы не знаете, что такое СССР? Это новое название Российской империи – Союз Советских Социалистических Республик. После революции большевики обещали реализацию права на самоопределение каждой нации, рабочим – заводы, крестьянам – землю. Заводы и землю не дали, а право на

самоопределение было реализовано при помощи пролетарских штыков при создании Союза ССР.

Вы напишете письмо своему руководству с объяснениями своего поступка. Вы скажете, что с осени 1918 года стали отрицательно относиться к продовольственной политике и деятельности ЧК. Вы устали от постоянных интриг, склок, лжи и лицемерия в партийных и государственных органах, ханжества, кумовства и пьянства. Вы были свидетелем и участником борьбы партийных группировок за свои личные интересы.

В сентябре 1923 года в большевистской газете «Правда» будет опубликовано сообщение о том, Семашко Адам Яковлевич, бывший прапорщик старой армии, работавший при советской власти в министерстве ДВР, а в последнее время за границей, партбилет № 207333, исключён из рядов ВКП(б). Он уехал в Бразилию, где в штате Сан-Паулу купил себе земельный участок, построил дом, жил вместе с женой и тремя детьми.

Вы будете проситься домой и вам разрешат приехать. При возвращении в СССР весной 1927 года вы будете арестованы прямо на границе и водворены во Внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке. ОГПУ – это новое название ВЧК – Объединённое государственное политическое управление.

Летом 1927 года Особым совещанием ОГПУ вы будете приговорены к 10 годам лагерей по статье за контрреволюционную деятельность. Ваше ходатайство о пересмотре дела будет отклонено Судебной коллегией ОГПУ.

За год до окончания срока в 1936 году Оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР вы будете привлечены по «делу» группы из 38 лагерников за «контрреволюционно-фашистскую деятельность». ГУГБ это тоже новое название ВЧК – Главное управление государственной безопасности народного комиссариата внутренних дел.

Постановлением Особой тройки (партийный руководитель, прокурор и представитель органов госбезопасности) Управления НКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 года вы будете приговорены к высшей мере наказания. Вас расстреляют 27 октября 1937 года в лесном урочище Сандармох. Никто не будет знать, где ваша могила.

Вот так. Если вам нравится ваша судьба, то Бог вам в помощь. Вы, наверное, атеист и не нуждаетесь в Божьем напутствии?

Адам Семашко молчал. Молчал и я. Нужно дать человеку время, чтобы обдумать всё услышанное.

- Всё это неправда, - сказал Адам. – Такого быть не может. Революция – это самое светлое, к чему стремятся выдающиеся умы современности. Мы не пойдём по пути французских революционеров.

- Революции все одинаковы, молодой человек, - сказал я. – Кто-то из великих говорил, что они все замышляются гениями, совершают их дураки, а результатами пользуются сволочи. И что революции пожирают своих детей. За последнюю тысячу лет этот постулат не был нарушен ни разу. И Россия здесь не исключение. Во время Великой войны, революции и гражданской войны России потеряет около десяти миллионов человек. Причём самые большие потери будут во время гражданской войны.

- Кто вы, откуда вы всё это можете знать? – спросил меня Адам Семашко.

- Я – Ангел, - засмеялся я, - и иногда почитываю Книгу судеб.

- Но ведь Бога нет и нет никакой Книги судеб, - пытался сопротивляться студент.

- Вы марксист и должны понимать, что правильность отражения внешнего мира в мозгу человека проверяется практикой. Практика подтверждает данные органов чувств и мышления, передаваемые людьми друг другу с помощью языка, - сказал я. – То, что вы лично не общались с Богом, не является доказательством того, что его нет. Тоже можно сказать и о Книге судеб. У вас остаётся двадцать четыре года, чтобы проверить правильность того, что я вам наговорил. А я вам ничего не говорил.

Адам встал и спросил:

- Можно мне обратиться к вам, если будет нужно принимать стратегическое решение?

- Вряд ли такая необходимость может возникнуть, - сказал я. – Вы знаете всё, что нужно и от вас зависит, всё ли будет так, что вы узнали. До свидания, молодой человек.

От меня уходил не самоуверенный мальчик, умеющий читать и писать и наслушавшийся модных революционных идей. За тот час, что мы с ним беседовали, он возмужал и стал мыслить категориями взрослого человека. Хотя, не все взрослые люди взрослые по-настоящему.

28 июня 1914 года девятнадцатилетний студент, боснийский серб Гаврило Принцип, убил в городе Сараеве – административном центре Боснии и Герцеговины, эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда, приехавшего для ознакомления со вновь приобретёнными территориями (то есть с аннексированными Боснией и Герцеговиной).

23 июля Австро-Венгрия обвинила Сербию в том, что она организовала убийство Франца Фердинанда. Сербии был предъявлен ультиматум, в котором требовалось произвести чистки госаппарата и армии от офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде; арестовать подозреваемых в содействии терроризму; разрешить полиции Австро-Венгрии создать постоянно действующие структуры с неограниченным личным составом для проведения на сербской территории следствия и наказания виновных в любых антиавстрийских действиях. На исполнение ультиматума было дано всего 48 часов.

В тот же день Сербия согласилась с почти со всеми этими требованиями, но не согласилась с допуском австрийских следователей к расследованию самого убийства в Сараево, и объявила о мобилизацию.

26 июля Австро-Венгрия объявила мобилизацию и начала сосредотачивать войска на границе с Сербией и Россией.

28 июля Австро-Венгрия заявила, что требования ультиматума не выполнены и объявила Сербии войну.

Россия не реагирует на объявление войны Сербии.

По данным разведки, в Германии срочно ищут казус белли (Causa belli - формальный повод для объявления войны) для начала войны с Россией. Тоже происходило в Австро-Венгрии. Нужна была реакция России, но её не было.

Немецкий писатель и политик Маттиас Эрцбергер, руководитель пропаганды Германской империи за рубежом представил рейхсканцлеру Германии Теобальду фон Бетман-Гольвегу памятную записку, в которой содержались предложения оттеснить Россию от Балтийского и Чёрного морей и создать на её западных территориях автономные государства под «военным покровительством» Германии.

9 сентября в Германии утверждена Сентябрьская программа, разработанная рейхсканцлером. Она предусматривала создание «Срединной Европы», германской колониальной империи в центральной Африке, оттеснение России на восток с отделением от неё Финляндии, Польши, Украины и Кавказа.

А на Западном фронте всюду шли бои.

В мае ко мне пожаловали два господина по протекции моего верного секретаря подпрапорщика Терентьева Христофора Ивановича.

- Господин подполковник, - заговорщически доложил он, - есть у меня два знакомца, которые поднимут дух нашей армии в предстоящей войне. И кроме вас их и послушать некому.

У меня в этот день было лирическое настроение, поэтому я вальяжно махнул рукой и сказал:

- Давай их сюда.

В кабинет вошли два молодых человека, я бы сказал очень молодых человека лет так двадцати, за права которых мы боролись и настаивали на уничтожении черты их оседлости. Да и по паспорту они именовались как музыкант Самуил Яковлевич Покрасс и поэт Павел Григорьевич Горинштейн.

- Ваше благородие, - чуть ли не хором сказали они, - мы песню сочинили на победу русской армии. Послушайте, может, и пригодится нашей армии.

- Ребята, - сказал я, - для такого прослушивания нужен концертный зал, оркестр, авторитетные ценители, критики там, музыканты.

- Да вы не беспокойтесь, ваше благородие, - заговорили ребята, - у нас всё с собой.

Музыкант Покрасс достал из-под полы светлого плаща скрипочку, а поэт Горинштейн с листочком бумаги встал перед ним как пюпитр.

С первых же звуков скрипки я понял, что столкнулся с настоящим шедевром, который уже слышал неоднократно, ещё в коммунистические времена, но сейчас эта песня звучала совершенно не по-коммунистически. Голоса у ребят были не сильные, но звонкие и в ноты они попадали как настоящие музыканты. Скажу прямо, за что бы ни взялись эти ребята и их соотечественники, всё у них получается так, как надо.

*Снова австрийцы и чёрный тевтон
Свергнуть хотят у нас царский трон,
Но от тайги до британских морей
Русская Армия всех сильнее.*

Припев:

*Так пусть же Русская
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!*

*Русская Армия, марш, марш вперёд!
Царь православный на бой нас зовёт.
Ведь от тайги до британских морей
Русская Армия всех сильнее!*

Припев.

*Гасим мы вместе пожар мировой,
Тюрьмы народов сравняем с землёй!
Ведь от тайги до британских морей
Русская Армия всех сильнее!*

Припев.

Я созвонился с приёмной премьер-министра, он оказался не так сильно занят и пригласил моих музыкантов к себе в кабинет. Там как раз находились представители Главного штаба. И вот перед ними выступили два наших музыканта, вернее, музыкант и поэт.

Я видел скептические выражения генералов, но по мере прослушивания эти ухмылки исчезали с их лиц. Песня была встречена аплодисментами.

- Очень хорошо, - сказал Столыпин, - скоро нам потребуется эта песня.

К лету 1915 года боевая мощь Российской армии находилась на пределе. Премьер-министр совместно с военным министром пересмотрели состав командующих армиями. Основное требование – отсутствие антипатий между командующими соседних армий. При малейших признаках антагонизма командующие снимались с должности и отправлялись в резерв.

31 мая Россия объявила войну Германии и Австро-Венгрии. Первого июня началось массированное русское наступление на всём протяжении германского и австрийского фронтов. Немцы и австрийцы побежали густой волной, деморализуя выдвигаемые к границе части и увлекая в бегство огромные массы населения.

Две сотни танков, объединённых в танковые батальоны, наводили ужас на тевтонских союзников.

Представьте себе уменьшенную копию танка Т-34. До большого среднего танка Т-34 Россия пока не дотянулась, но вот лёгкие танки получились на славу. Хорошая проходимость, приличная скорость, мощное трёхдюймовое

орудие в большой башне делали танк похожим на головастика, изрыгающего огонь из своей большой клёпаной башки.

Российские истребители имели абсолютное преимущество перед тевтонскими и быстро завоевали господство в воздухе.

К осени 1915 года были захвачены полностью Восточная Пруссия, Польша в австрийской её части, славянские страны, входившие в состав Австро-Венгрии.

На балканском направлении активно действовали английские войска. На западном фронте французы и английский экспедиционный корпус теснили немцев.

На кавказском направлении российские войска заняли территории, ранее входившие в состав Великой Армении и гора Арарат стала находиться на закавказской территории России.

Россия стала поставлять военную технику в страны Запада, что позволило к ноябрю 1915 года вынудить страны Тройственного, ставшего уже Двойственным, союза начать переговоры о мирном завершении войны.

Мирная конференция 1915 года завершила мировую войну, распределив зоны влияния стран Антанты, как гарантов мира в Европе. Конференция признала независимость входивших в Австро-Венгрию государств, объявивших о своей независимости. Австрия осталась сама по себе, и Венгрия стала сама по себе. Режим черноморских проливов приведён в соответствие с интересами победивших в войне стран, а, следовательно, и в интересах всех стран, которые имеют экономические интересы в зоне Чёрного и Средиземного морей.

Была пересмотрена и колониальная политика ведущих стран мира. Было определено, что бремя белого человека состоит в том, чтобы привести все страны, находящиеся на доисторическом уровне развития, на средний уровень, достаточный для самостоятельного развития в соответствии с мировыми тенденциями. Страны, которые желают жить по своим правилам и на своём уровне развития, должны быть ограждены от воздействия внешнего мира, чтобы не оказывать влияния на естественный ход эволюции и изолировать распространение каннибализма и изуверских видов религиозных верований.

Германии и Австрии предписано провести демократические преобразования и ограничить Конституциями власть монархов, приведших мир к большой войне.

Хотя на Германию и Австрию были наложены немалые контрибуции, им тоже были определены зоны ответственности в африканских и азиатских странах.

Вроде бы всем сёстрам дали по серьгам, но так не бывает, чтобы все были удовлетворены, особенно страны, проигравшие войну.

Для предотвращения новых войн был создан Наблюдательный совет по контролю за военными приготовлениями и состоянием международных отношений семёрки развитых стран мира.

В целом всё было хорошо. Во всех странах чествовали героев войны и шли баталии в парламентах, газеты разных политических направлений пестрели сенсациями и разоблачениями, готовясь к новым парламентским выборам.

Российский народ не успел навоеваться и рвался в бой, желая постирать свои портянки в водах Индийского океана. Особо рьяных ястребов пришлось утихомиривать как с помощью прессы, так и с помощью медицинских и судебных учреждений.

Литераторы обсасывали каждое сражение Великой войны и рисовали картины массового героизма российской нации и инородцев.

С трудом, но удалось изъять из лексикона слово инородец, введя общее наименование граждан для всех жителей страны.

Так же сверху, как всегда это делалось в России, была произведена натуральная федерализация Российской империи.

Каждая губерния получила статус княжества со своим уставом, конституцией, парламентом и имущественными правами. Генерал-губернаторы остались только в центрах военных округов.

Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская губернии, царства Казанское, Астраханское, Польское, Сибирское, Херсонеса Таврического, Грузинского, Псковская, Смоленская, Волынская, Подольская губернии, княжества Литовское, Финляндское, Эстляндское, Лифляндское, Курляндское и Семигальское, земли Иверская, Карталинская, Кабардинская, Армянская, Черкасская и Туркестанская и все другие губернии стали равноправными субъектами имперской федерации и все местные проблемы решали сами, оставив правительству вопросы обороны и внешних сношений.

Естественно, местные ханы и князьки стали пыжиться сверх меры и самостоятельно устанавливать межгосударственные отношения с другими странами мира. Царь и Столыпин со своим министерством внутренних дел снисходительно наблюдали за всеми потугами, так как правительства мировых держав воспринимали эти делегации без государственных полномочий как представителей инородческих племён, приехавших за границу с туристическими целями и посылали к ним на переговоры представителей

общественных и культурных организаций. Зато по возвращению в земли родные члены и руководители делегаций оплачивали в казну расходы на заграничную поездку. Публикации в мировой печати о прибытии инородческих делегаций сильно били по авторитету местных князьков, начинавших понимать, что они сами по себе никто, а как представители великого государства и они являются князьями совершенно другого порядка.

Война вызвала напряжение всего технического и научного потенциала стран-участников и научно-техническую революцию в послевоенный период, что было опасно для того, чтобы перепроизводство не привело к экономическому кризису и последующим политическим потрясениям.

Я предложил Столыпину начать космическую программу, чтобы задействовать экономику и научный и технический потенциал на подготовку к полёту на Луну к 1924 году.

Всё это было оформлено официальными записками, чтобы иметь документ с резолюциями, которые бы указывали на обязательность действий. В такой же записке я предлагал выслать геологические группы на поиск нефтяных месторождений в Сибири и строительство нефтеперерабатывающих заводов по месту обнаружения нефти со ссылкой на учёного Михайло Ломоносова, который утверждал, что богатства России Сибирью прирастать будут.

В 1915 году в действующей армии мне удалось выловить двух замечательных инженеров, купеческих сынов прапорщика Зворыкина Владимира Козьмича, выпускника Санкт-Петербургского Технологического института и подпоручика Понятова Александра Матвеевича, выпускника Московского высшего технического училища. Зворыкин был в войсках связи, а Понятов был пилотом гидросамолета.

По моей протекции их командировали в недавно созданный институт радиоэлектроники для работы над проектом дальновидения, то есть телевидения и к 1920 году в России появилось собственное телевидение, разработанное Зворыкиным, и магнитофон Понятова, который предложил использовать магнитную запись и воспроизведение не только одного звука, но и вместе с видеоизображением.

Подлинную революцию вызвало моё предложение о переносе столицы России в центр страны, например, в город Омск, находящийся в географическом центре страны и на пересечении всех торговых путей, начиная с Шёлкового пути.

Столыпин укоризненно качал головой, ЕИВ сетовал на то, что Москва и Петербург имеют богатую историю и признаны во всём мире.

- Нам плевать, что там во всём мире думают, - сказал я, - все послы поедут как миленькие. Это Пётр Великий доказал на практике. А проезжая по нашей стране, они увидят, насколько она велика и что нашу страну не завоевать никакому супостату. Сил не хватит.

В Думе дело дошло до драки и депутатов еле разняли. Зато приняли постановление о переносе рассмотрения этого вопроса на более позднее время.

В 1917 году указом ЕИВ мне был присвоен чин полковника. В этом же году началась военная реформа, отменившая эполеты и изменившая внешний вид армии-победительницы. Мы не стеснялись заимствовать всё лучшее, что есть в мире и сами в некоторых вопросах были законодателями мировой моды.

Жизнь в России была ключом. Примерно так же, как во времена индустриализации в стране победившего пролетариата, только с тем различием, что в этой России пролетариат и трудовое крестьянство исчезало, растворяясь в фермерских коллективах и квалифицированных работниках промышленности.

Дух созидания был господствующим в стране. Можно было прямо говорить о трудовом энтузиазме во всех отраслях. Стоило только отпустить вожжи, дать свободу людям и помочь им в своих начинаниях, как сейчас стало модно говорить, в стартапах, как тысячелетняя Россия стала подниматься с печки как Илья Муромец, разминая затёкшие члены свои и внимательно посматривающая, куда она может применить силушку свою.

Мы с Марфой Никаноровной были в самой гуще событий. Она специализировалась на трансплантологии, а я был советником в промышленном комитете и заседал в Государственном Совете. Всегда приятно чувствовать, что и ты приложил руку к тому хорошему, что останется нашим потомкам.

Кстати, о потомках. В 1920 году я признался Марфе Никаноровне, что прекрасно помню, кто я такой, откуда и только не знаю, как я переместился на семьдесят восемь лет назад по времени. Всё, что я делал, это исправлял ошибки, допущенные моими предками.

Мне удалось предотвратить Вторую мировую войну, Пролетарскую революцию, гражданскую войну, массовые репрессии граждан нашей великой страны.

Мы с тобой хотели нарожать полон дом детишек, но я в сомнении, нужно ли это нам делать. Мой пример говорит о том, что перемещения во времени это не фантастика, а реальный факт и нам нужно искать механизм этого перемещения. Второе. Не известно, какие генетические изменения происходят в организме человека во время перемещения. Все эти изменения неизбежно

проявятся в нашем потомстве. Я не хочу рисковать и делать наших детей объектами экспериментов. Я думаю, что ты меня поймёшь.

Марфа Никаноровна была умная и грамотная женщина, а открытия в области генетики заставляли задуматься о природе человека вообще. Да и я знал, о чём я говорю. В моё время секретилась вся информация о потомстве космонавтов. Все знали детей космонавтов до полёта в космос, но никто не знает о детях космонавтов, родившихся после их полёта в космос.

В СССР, в котором я жил, в космос летала женщина-космонавт. Я не буду говорить, как она летала, и кем и какой она стала впоследствии, но после полёта, не без идейного влияния коммунистической партии она вышла замуж за другого космонавта. Брак оказался недолгим, так как перед личными отношениями было бессильно идеологическое влияние, но о ребёнке двух космонавтов никто не знает ничего.

Это космос, а что говорить о перемещении во времени. Это явление более высшего порядка, чем полёт в космос.

Поэтому мы с Марфой Никаноровной не стали проводить эксперимент на потомстве нормальной женщины из своего времени и пришельца, ещё не родившегося в этом времени.

В России было два живущих отдельно друг от друга мирка: двор ЕИВ и сама Россия. ЕИВ был символом единой России, исполняющий церемониальные обязанности. Да что я вам буду рассказывать. Все мы знаем про жизнь английской королевы намного больше, чем про жизнь партийных бонз и несменяемых президентов. Правда, у этих президентов больше власти, чем у ЕИВ и о них мы не знаем ничего. Слава Богу, что в России до сих пор нет партийных диктаторов.

Честно говоря, у меня была задумка перед началом Великой войны съездить в Германию и пристрелить начинающего художника Адольфа Шикльгрубера (Гитлера), чтобы во время Второй мировой войны спасти десятки миллионов человек. Но потом я подумал, что гитлеров рождают не матери, а политическая ситуация. Допустим, пристрелил бы я Гитлера, а политическая ситуация призвала бы к себе Эрнста Тельмана или Эриха Хоннекера в качестве лидеров национал-социалистов и всё пошло бы так, как это предписано Всевышним.

В Германию перед Великой войной мы съездили с Марфой Никаноровной, чтобы полечиться на водах в Баден-Бадене. Но разве можно спокойно попить воды и блаженно постоять у бювета, разглядывая дам и отмечая, кто из российского света совершает променады по Европам. Меня постоянно донимали чиновники из Военного министерства, предлагая показать мне казармы того или иного полка или находящиеся поблизости оружейные

предприятия. Даже за границей я оставался чиновником для особых поручений Председателя правительства российского государства и был расчёт на то, что я доведу до высших кругов организацию и техническое оснащение войск царского кузена.

Однажды я попросил представить мне молодого художника Адольфа Алоиза Шикльгрубера, чем донельзя удивил немецких чиновников и Марфу Никаноровну тем, что я знаю имена малоизвестных художников за границей. Шикльгрубера нашли и представили мне. Я посмотрел на его акварели и сказал, что ему уготована судьба быть величайшим художником, но если он станет военным, то его будут проклинать миллиарды людей, живущих на нашей планете. Как бы то ни было, но Шикльгрубер (Гитлер) не появился на страницах послевоенной истории ни как художник, ни как как диктатор человеконенавистнического толка.

Взвешенное решение послевоенного устройства мира выбило почву из-под ног национал-социалистов и убрало потребность политических лидеров типа Гитлера.

Политическая жизнь - это как река, которая пробивает наиболее слабые пласты скальной породы для того, чтобы течь в море. От того, что мы убрали лидеров большевиков, коммунистическое движение не заглохло, а получило новый толчок под руководством товарища Троцкого, возглавлявшего небольшую фракцию в Государственной Думе. Это была реальная оппозиция, которая помогала в принятии важных решений, критикуя их со всех сторон. У них были нелады с социал-демократами, но по сути это были две социал-демократические партии, каждая из которых считала себя наиболее правой во всех вопросах. И в списках этой фракции я обнаружил депутата Крысова Вадима Петровича, присяжного поверенного. Крысов звучит благороднее, чем Крысяков. А заместителем председателя Государственной Думы был мой крестник, представитель левых движений и партий, юрист и бывший пулемётчик Адам Яковлевич Семашко.

Крысова я видел в коридорах Государственной Думы. Вальяжный господин шёл под руку с знакомой мне женщиной с крысиными чертами лица. Это только в физике похожее друг на друга отталкивается, а непохожее притягивается. В жизни всё наоборот.

В нормальной жизни прошёл 1937, 1941, 1945, 1953 год. Приближалось шестое сентября одна тысяча девятьсот шестидесятого года. День моего рождения в моё время.

Россия запустила первый искусственный спутник земли в 1937 году, а в 1945 году первый в мире человек, российский лётчик-космонавт штабс-капитан Васильев поднялся в космос и совершил облёт Земли.

Войны были прекращены и все соревнования между странами производились в гуманитарной сфере и на полях овощных и зерновых культур. На горизонте возникала новая проблема – глобальное потепление и Россия в этом вопросе занимала конструктивную позицию, как одна из самых развитых и технологически передовых держав мира.

Правда, мне пришлось поучаствовать в одной войне, типа гражданской, которая развернулась на полях перестройки всей жизни Российской империи после окончания Великой войны.

Русская православная церковь, почувствовав ослабление самодержавия, решила вскользнуть из-под крыла Святейшего правительствующего синода и выдвинуть для России патриарха, как бы второго царя по делам небесным и вывести церковь из-под влияния государства под лозунгом светского государства и отделения церкви от государственных дел.

Я выступил категорически против и предложил изъять из ведения Синода вопросы духовного просвещения народа.

Кто не помнит, в 1700 году скончался последний российский патриарх Адриан и император Пётр Первый на место патриаршества учредил Духовную коллегию, которая в 1721 году и получила название Святейшего Правительствующего Синода. Синод с одобрения верховной власти России мог открывать новые кафедры, избирать епископов, устанавливать церковные праздники и обряды, канонизировать святых, осуществлять цензуру в отношении произведений богословского, церковно-исторического и канонического содержания. Синоду же принадлежало право суда в отношении епископов за совершение противоканонических деяний, окончательного решения по бракоразводным делам, делам о снятии с духовных лиц сана и о предании мирян анафеме.

Меня поддержал премьер Столыпин и ЕИВ. Церковь попыталась было развернуть пропагандистскую работу среди прихожан и предать меня анафеме со всех церковных кафедр, но Обер-прокурор Синода, как государственный служащий высокого ранга пресёк на корню эту антиправительственную деятельность. На этом дело и затихло.

В Синод было внесено предложение создать целый сонм (множество, куча, сборище) российских церковных орденов, по примеру Папы Римского, и награждать от имени церкви всех сочувствующих и помогающих церкви и государству, но на прошении была наложена подготовленная мною резолюция о том, что у России достаточно орденов, чтобы отмечать ими заслуги своих подданных и государственных деятелей других государств.

ЕИВ и его духовник Григорий Распутин были в престарелом возрасте, но сохраняли здравый ум и было неизвестно, сколько они ещё проживут, и кто будет следующим царём или царицей в Российской империи.

Я же был на пенсии и наслаждался спокойной жизнью, отклоняя предложения съездить на черноморские курорты Турции или на средиземноморье. В верхах я не толкался и после смерти Столыпина обо мне забыли практически полностью. Вполне естественный процесс. Я не ходил по школам и не завывал в телевизионных программах, стуча себя коленкой в грудь и с пеной у рта доказывая, что я - это Ангел. Нет никаких ангелов.

Перед пенсией ЕИВ вручил мне погоны флигель-адъютанта его собственной свиты и посетовал, что не может вручить мне генеральские погоны, так как у меня нет необходимого ценза командования полком. Закон есть закон и законам подчиняются все от крестьянина до императора. И какое совпадение: начинал с погон с императорским вензелем и заканчиваю службу с императорским вензелем.

Где-то в 1958 году я прогуливался в районе Баского переулка в Петрограде и из подворотни вышел маленький мальчик, лет шести.

- Дядь, а дядь, - спросил он, - а что лучше, джиу-джитсу или дзю-до?

Район этот в Петербурге не отличался особым спокойствием или благонравственностью его жителей, поэтому я проверил, как легко мой персональный пистолет а-ля Макаров, сделанный под моим непосредственным руководством, может быть пущен в дело.

Обычно взрослые подсылали малолеток к уважаемым гражданам, ребёнок оскорблял взрослых, за что ему следовало бы надрать уши, но тут появлялись великовозрастные дяди с криками: «Ты почто к ребёнку пристаёшь» избивали и грабили оказавшихся в несчастливом месте добропорядочных граждан.

- Дзю, в переводе с китайского языка, - сказал я, - означает цифру девять. То есть нужно девять раз подумать, чтобы заняться этим видом борьбы, и ещё девять раз подумать после. Так что, пацан, давай, иди, думай.

Мальчик ничего не ответил и ушёл в свою подворотню. Никто из взрослых из подворотни не появился.

- Повезло им, - подумал я, - да и этому пацану тоже повезёт.

Глава 69

Эксгумацию могилы Его благородия мы проводили ночью. Смотрителем кладбища оказался мой бывший сослуживец, который и организовал ночную раскопку могилы.

Прошёл год со дня смерти нашего товарища, а вдова всё не верила в то, что в гробу кто-то есть, вот мы и решили развеять её сомнения. Говорят, что после отпевания гроб открывать нельзя, но Его благородие со скепсисом относился ко всем церковным церемониям, хотя в церковь ходил регулярно.

Мы подсвечивали фонарями, а двое рабочих сноровисто орудовали своими лопатами, выкидывая землю на предварительно подстеленный брезент.

- Глянь-ко, Вань, - сказал один, - земля словно пух какой, совсем не слежалась, как будто вчера усопшего хоронили.

Второй рабочий работал молча и чего-то испуганно оглядывался.

- Ты чего, - спросил я Ивана, - покойников боишься? Так покойников бояться не надо, надо бояться живых.

В это время лопата скребнула по гробу и рабочий выскочил из могилы, спрятавшись за спину смотрителя. Это было как-то странно.

Второй рабочий обкопал гроб и подвёл под него верёвки. Вчетвером мы вытащили гроб и поставили его на земляную насыпь. Был второй час тёплой сентябрьской ночи, и вся нечистая силы давно уже повылезала из земли и внимательно наблюдала за нами из-за памятников и крестов.

Смотритель достал из кармана отвёртку и стал откручивать крышку гроба.

- Смотри-ка, Христофор, - сказал он мне, - гроб-то всего на два шурупа закручен. А я помню, что он был закручен на все шесть шурупов.

Я тоже это помнил и подтвердил, что лично видел, как гроб закручивали на все шурупы, которые были наполовину вкручены в крышку.

Открутив последний шуруп, мы подняли крышку и увидели там только полковничий мундир с оторванными пуговицами. Покойника не было.

- Закручиваем назад, - сказал я, - убираем всё, чтобы было чисто.

Обратная работа пошла быстрее. Марфа Никаноровна стояла молча, беззвучно шевеля губами, как будто проговаривала какую-то тираду, которую не могла здесь произнести.

Когда закопали гроб и восстановили холмик с крестом, все облегчённо закурили.

- А сейчас, дружок, - сказал я рабочему по имени Иван, - давай выкладывай всё, как вы раскапывали эту могилу в прошлом году.

Рабочий попытался вырваться из моей руки, но у него это не получилось с первого раза, не получится и со второго. Сивков-старший научил меня цепким захватам, чтобы объект наблюдения не смог вырваться и убежать. Старая филёрская школа.

- Ты чего молчишь? – грозно спросил смотритель. – Не знаешь, какие порядки у нас на кладбище? Говори, а не то это кладбище твоим родным домом окажется.

- Косой меня подбил могилу раскопать, - начал говорить Иван. – Мол, полковник-то не из простых людей, в самых верхах вращался и у него даже пуговицы из чистого золота, в зубах бриллиантовые пломбы вставлены. Сам видел, век воли не видать. Гроб мы откопали, вытаскивать не стали, только крышку сняли и наверх выкинули. Косой начал пуговицы рвать, а тут покойник встал, да как рыкнет на него, он замертво и упал. А я убежал от греха подальше. Потом, когда рассветало, пришёл, ни покойника, ни косого нет. Я кое-как крышку закрыл и всё закопал. Где и кто из них сейчас, не знаю. Вот те истинный крест.

Мы с Марфой Никаноровной тихонько шли по аллее к автомобильной стоянке.

- Считается, что Олег Васильевич умер от старости в 1960 году в возрасте 78 лет. В сентябре. А настоящий Олег Васильевич в том же году и должен был родиться, - сказала Марфа Никаноровна. – Вы уж, Христофор Иванович, наведите справки, не родился ли 6 сентября ли в Вятской губернии мальчик по имени Олег сын Васильев.

По моему запросу из Вятского жандармского управления пришёл ответ, что действительно в Просницком уезде 6 сентября родился мальчик, которого нарекли именем Олег сын Васильев.

Когда я сообщил это Марфе Никаноровне, то она перекрестилась и сказала:

- Я так и знала, что он не может умереть. Момент его смерти и был моментом его нового рождения.

Я шёл по аллее и думал, зачем Его благородие писал эти записки. Прославиться он не хотел и на первые роли в государстве не претендовал, знал

божескую заповедь, что нет пророков в своём Отечестве и не надо давать святыни псам и рассыпать жемчуга перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами, не накинулись и не растерзали вас. Но он хотел просветить жаждущих знаний. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо будут они насыщены. Не во всём, но во многом они насыщены. Он же сказал: не судите, чтобы вам не быть судимыми, ибо, каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерой мерите, такой будет вам отмерено.

Завтра я отдам записки в типографию и скоро эту книгу будут читать все, а те, кто читает книги, тот называется читателем. Читатели тоже имеют названия. Есть просто читатель – ПЧ. Он прочитает книгу и пойдёт дальше, обдумывая содержание. Есть вдумчивый читатель – ВЧ. Этот прочитает и ему захочется что-то уточнить, докопаться до истины по большому или по мелкому вопросу, и он захочет высказаться, чтобы и его голос был услышан в виде комментария или письма автору. Есть ещё и третья категория читателя. Он даже не читатель. Он разносторонний человек, который ходит повсюду и присматривается к тому, где бы ему можно было поднагадить, да так, чтобы от запаха люди шарахались в стороны. Если есть возможность поставить оценку, то поставить такую оценку, чтобы человек, собственного мнения не имеющий, от этой оценки отшатнулся и от запаха нос закрыл.

Все читатели – люди и всё человеческое им не чуждо. Но к Его благородию никакая грязь не пристанет. И директор типографии нам человек не чуждый по печати указов ЕИВ и постановлений правительства. Да и Марфе Никаноровне гонорар за книгу будет неплохим подспорьем в жизни.